

Пбсслешн
 двха твоо-
 го, и созн
 ждбтса, и
 овновн-
 шн лиц
 землн. Пб
 рг ѿхххх
 хххххххх
 хххххххх

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ

ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

1912.

Іюль – Августъ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
 Душеполезное Чтеніе
 продолжается въ
 1912 году на прежнихъ
 основаніяхъ.

Не ш хлбвб
 едннolz
 жнвб вб-
 дтз чело-
 вбкз, но ш
 всакоlz
 глаголб,
 нсходлщемз
 нзобстз
 вжнхз мссз

ВЪ 1912 ГОДУ

годъ изданія

пятьдесятъ третій.

Съ 1912 года журналъ *Душеполезное Чтеніе* вступаетъ, съ Божіей помощію, въ пятьдесятъ третій годъ своего изданія. Такое долговременное существованіе журнала рѣдко выпадаетъ на долю не только духовныхъ, но и свѣтскихъ журналовъ. Причина этого заключается столько же въ сочувствіи читающей публики, сколько и въ томъ, что журналъ не измѣнялъ однажды принятой Редакціей задачъ. Въ немъ за время его полстолѣтняго существованія, кромѣ простыхъ, напечатано не мало научныхъ серьезныхъ статей, которыя привлекали къ себѣ вниманіе многихъ лицъ, привыкшихъ къ научному и серьезному чтенію въ области богословія.

Въ журналѣ постоянно затрогивались различные богословскіе вопросы и обсуждались разные предметы, которымъ по возможности давалось всестороннее освѣщеніе. При этомъ Редакція журнала никогда не считала своею обязанностію рабски слѣдовать „духу времени“, даже при самыхъ тяжелыхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Худо ли, хорошо ли,—но журналъ постоянно сохранялъ свою собственную фізіономію, по которой его можно было отличить отъ десятковъ другихъ духовныхъ журналовъ, былъ всегда самостоятеленъ и самобытенъ.

При такой постановкѣ дѣла журналъ за 52 года заслужилъ многочисленные одобрительные отзывы какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Журналъ хорошо извѣстенъ и за границей и даже въ отдаленной отъ насъ Америкѣ онъ выписывается во многихъ экземплярахъ; присылаются требованія о высылкѣ его въ Китай и Японію, не говоря о многочисленныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ очень распространенъ нашъ журналъ.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе* въ 1912 году, пятьдесятъ третьемъ году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ **Виссаріонѣ**, епископѣ Костромскомъ и Галичскомъ, и прот. **Д. Е. Касицынѣ**, и главная цѣль его будетъ та же, какая указана покойнымъ митрополитомъ **Филаретомъ** въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду,—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго и понятнаго* духовнаго чтенія“.

Письмо оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія къ А. П. Л-ву ¹⁾).

Многоуважаемый о Господѣ
А—ѣи П—чть!

Письмо Ваше получилъ, въ которомъ объясняете внѣшнее свое положеніе и внутреннее расположеніе, отъ котораго у Васъ рождается новое предположеніе оставить службу и арендовать имѣніе. Вамъ кажется, что Вы на деревенскомъ воздухѣ поправите свое здоровье. Но мнѣніе Ваше ошибочно: тамъ Вы еще болѣе можете разстроить свои нервы, потому что будете имѣть дѣло съ мужиками, которые въ настоящее время не исправляютъ дѣло свое, какъ слѣдуетъ. Нанимаются, берутъ деньги впередъ, а работаютъ плохо, а нѣкоторые, взявши деньги, прежде положеннаго срока уходятъ. И какъ слышно, въ настоящее время горе домохозяевамъ съ рабочими людьми, т. е. отъ рабочихъ людей. И кромѣ того, плата за работу дорога, а хлѣбъ въ настоящее время дешевле и отъ этого многіе арендаторы вошли въ большіе долги.

Касательно поправленія здоровья также приходитъ Вамъ соблазнительная мысль—не полѣчиться-ли Вамъ гипнотизмомъ, который, по словамъ Вашимъ, въ настоящее время творитъ чудеса, и гипнотизмъ Вы называете новымъ открытіемъ тайны природы. Но на самомъ дѣлѣ—это не таинство природы, а попущеніемъ Божиимъ за грѣхи

¹⁾ См. о немъ ж. „Вѣра и Церковь“ за 1904 г. кн.

наши, новое ухищреніе враговъ нашихъ душевныхъ къ обольщенію людей слабыхъ и нетвердыхъ въ вѣрѣ. Извѣстно, что многія болѣзни попущеніемъ Божиимъ наводятся на людей отъ бѣсовъ за грѣхи наши. И вотъ теперь, вмѣсто простыхъ русскихъ колдуновъ, явились модные гипнотисты, имѣющіе общеніе съ бѣсами и должныя наследовать огонь вѣчный съ бѣсами, какъ имъ преданные и обольщающіе маловѣрныхъ тѣмъ, что кажутся творящими мнимыя чудеса.

Когда фокусники гипнотизма усыпляютъ сляченного больного, и бѣсъ, производившій болѣзнь, ради обольщенія другихъ, отходитъ отъ больного сляченного, онъ встаетъ и идетъ, но не получаетъ совершеннаго здоровья, а только ходитъ, или будетъ ходить до нѣкотораго времени и потомъ опять заболитъ, развѣ только захочетъ искренно покаяться въ грѣхахъ, за которые наведена вражескимъ дѣйствіемъ болѣзнь. Впрочемъ, и покаявшіеся грѣшники получаютъ милостію Божіею только облегченіе, но не полное здоровье, чтобы покаявшіеся помнили и не забывали прежнія свои ошибки и, памятуя это, не возвращались на прежнее и ожидали полного оздоровленія въ будущей нескончаемой жизни, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная и вѣчная блаженная для тѣхъ, которые въ настоящей не престанутъ заботиться объ истинномъ покаяніи.

И Вамъ скажу: ежели Вы милостію и помощію Божіею получили облегченіе, не добивайтесь до полного здоровья, а довольствуйтесь съ благодарностью такимъ здоровьемъ, какое имѣете. Человѣкъ дважды молодъ не бываетъ.

Еще скажу Вамъ о гипнотизмѣ, магнетизмѣ и спиритизмѣ, которые не что иное суть, какъ бѣсовскіе фокусы. Сначала явился спиритизмъ: бѣсы стали являться людямъ вмѣсто умершихъ душъ; затѣмъ появился магнетизмъ, и лѣчившіеся магнетизмомъ привязывались страстью къ своимъ лѣкарямъ. Поэтому замѣтно, что въ магнетизмѣ болѣе дѣйствуетъ блудный бѣсъ. А наконецъ явился бѣ-

совскій фокусъ гипнотизма, который, должно быть, по апостольскому слову дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія, и скоро мнимыя чудеса его разоблачатся истинными сынами свѣта. Желалъ бы я видѣть хоть одного сляченного, который сталъ ходить чрезъ гипнотизмъ, и поговорить съ нимъ. Теперь и кромѣ гипнотизма много фокусовъ вражескихъ, которыми люди маловѣрные обольщаются, оставляютъ твердую вѣру въ Бога и въ Его всесильную помощь. Теперь не мало и такихъ людей, которые употребляютъ разные бѣсовскіе фокусы ради забавы, но забавы эти должны кончиться горькимъ плачемъ.

Призывая на Васъ и на все семейство Ваше миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ

Многогр. І. Амвросій.

19 апр.

1887 г.

Р. S. Вчера слышалъ отъ одного петербургскаго господина, что тамъ съ однимъ фокусникомъ гипнотизма стали дѣлаться припадки,—какъ идетъ и внезапно падаетъ. Такия явленія могутъ удерживать отъ гипнотизма.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Милосердіе Божіе—не пустое слово. Нельзя надѣяться на него безъ дѣла и заслуги. Оно надежно, когда подвигаетъ человѣка на путь подвига и спасенія, а сего удостоиваются лишь стремящіеся къ нему и трудящіеся, и борющіеся за него.

Вси текутъ, а единъ только приеѣмлетъ почестъ на мірской аренѣ. Такъ и у насъ—всѣ трудятся, но не всякій и трудъ приведетъ ко спасенію, а лишь трудъ съ особливою ревностію, стараніемъ и усердіемъ.

*

Когда умъ и сердце соберутся единодушно на въисканіе Бога, тогда только можно надѣяться на успѣхъ, какъ сказано: *„гдѣ двое или трое собраны во Имя Мое, ту есмь посредь ихъ“*.

Строгость Божія—для „оскорбѣнія“ нашего, какъ „оскорбѣніе“ Петра (*„оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третіе любилши ли Мя“*...), чтобы душа хорошенько проснулась, размаялась, не очерствѣла, не застыла въ разслабленіи и равнодушіи ко Господу и дѣламъ милосердія Его.

*

Господи! милосердіемъ Твоимъ наставь меня на путь покаянія и подвига. Все—Твое, ничего—нашего. Отъ Тебя всякое даяніе благо. Ты—сила подвижниковъ и ихъ вразумленіе. Не лиши и меня недостойнаго части ихъ.

Господи! Будь единственнымъ, постояннымъ и всецѣлымъ наслажденіемъ души моей. Будь, такъ сказать, ея „болячкою“, о которой бы я только и думалъ, говорилъ и ее только и чувствовалъ.

Высшая заслуга и цѣль нашей жизни—пребываніе насъ во Христѣ и Христа въ насъ. Цѣль эта достигается неодинаково, но лучше и скорѣе всего ея достигаютъ тѣ, кто непрестанно старается памятовать Господа, воздыхаетъ къ Нему воздыханіями неизглаголанными, кто на всякомъ дѣлѣ, времени и мѣстѣ мысленно ставитъ предъ собою Господа и себя предъ Нимъ, молитвенно призывая Его пресладкое Имя.

Побѣждай помыслы и борись съ ними. Это—истинная борьба за Христа, за достояніе Его, и вѣнецъ за эту борьбу столь же славенъ, какъ въ трудахъ подвижниковъ, въ страданіяхъ мучениковъ, въ терпѣніи угодниковъ Божіихъ.

*

Не ходи далеко за средствами угодить Богу, выразить Ему свою любовь, принести Ему угоднѣйшую жертву Средства эти не за горами, не за морями. Побѣди ради Его грѣховное поползновеніе, грѣшную мысль отринь, вотъ и все: ты и доказалъ Ему любовь, и жертву принесть великую и достойнѣйшую твоей любви и благоугодилъ Ему истинно.

Горе намъ: какъ часто мы ставимъ въ заслугу себѣ то, что не составляетъ никакого достоинства, кромѣ достоинства „человѣка“: „*еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ*“. Положительныхъ достоинствъ въ насъ и нѣтъ, удовлетворяемся только отрицательными. Что бы ни сдѣлали мы хорошаго, великаго, достойнаго, все это будетъ только то, что намъ и слѣдовало сдѣлать, безъ всякой претензіи на заслугу.

„*Не вѣста, коего духа еста вы...*“—можно сказать о всѣхъ насъ. Мы живемъ не такъ, какъ Христосъ жилъ, училъ и насъ жить. Онъ жилъ въ бѣдности и скудости, а мы—въ богатствѣ и довольствѣ. Онъ—въ постоянныхъ трудахъ служенія ближнему, а мы—въ исключительныхъ заботахъ о самихъ себѣ.

*

Человѣкъ—это своего рода цѣлая *библіотека*: много въ ней разныхъ книгъ. Но сколько ихъ лежитъ въ ней безъ движенія, безъ употребленія, въ пыли, въ грязи, плѣсени. Это—наша ученость, наши познанія, непригодныя для жизни благодатной, для единого на потребу.

*

Путь дѣвства тяжелъ, пока не пройденъ, пока по нему идутъ. Легокъ же послѣ и сладокъ, когда оглянешься на него и почувствуешь, сколько опасностей, сколько искушеній и сколько грязной тины миновало тебя благополучно, чтобы никогда болѣе не вредить тебѣ и не быть опаснымъ.

*

Я видѣлъ великое разнообразіе морскихъ животныхъ, рыбъ, растений и т. п. (въ морскомъ акваріумѣ въ Неаполѣ). О, какъ дивенъ Творецъ вселенной, создавшій все это—небо и землю, море и вся, яже въ нихъ. Обильна земля видимыми намъ всегда и доступными твореніями Божиими. Но море, съ его кажущейся однообразностію и пустынностію,—оказывается еще премудрѣе, обильнѣе безчисленными существами, въ немъ кишачими, и растеніями, недосыгаемое дно его украшающими.

Милосердъ Господь, но и грозенъ. И намъ грѣшнымъ полезнѣе мыслить Его грознымъ, нежели милосерднымъ. Мысль о милосердіи насъ расслабляетъ; дѣлаетъ равнодушными, заставляетъ откладывать трудъ усовершенія со дня на день, въ обманчивой надеждѣ, что если и не сдѣлаемъ всего, что нужно, то Господь Своимъ милосердіемъ

покроетъ нашу лѣнность. Да, немощь нашу дѣйствительную Онъ покроетъ, а лѣнность взыщетъ Своимъ гнѣвомъ и судомъ, а не милосердіемъ, на которое мы безразсудно надѣемся, забывая, что Онъ не подаетъ его недостойнымъ.

*

Трогательнъ порывъ Петра, восклицающаго Спасителю объ умовеніи: „*Господи! не нозѣ мои токмо, но и руку, и главу*“. Такъ пламенно, полно, глубоко хотѣлъ Петръ общенія (части) со своимъ Учителемъ и Господомъ. Эта пламенность не только не угасла, но лишь еще болѣе разожглась въ немъ послѣ дуновенія вѣтромъ отреченія.

*

Путь Господа—путь смиренія, при необходимомъ условіи сокровенности Божества самоуничиженіемъ. Вотъ почему діаволь такъ старался свести Господа съ этого пути преждевременнымъ разоблаченіемъ тайны Его людямъ: „*знаю Тебя, кто Ты Святой Божій*“ (Марк. I, 24 и д.). А Господь запрещалъ ему властно и гналъ, подтверждая разоблаченія сатаны его уничтоженіемъ.

* *

*

„*Скоро разошлась о Немъ молва по всей окрестности въ Галилею*“ (Мар. I, 28). При маленькихъ размѣрахъ Св. Земли и при оживленныхъ сношеніяхъ ея довольно густого населенія, это такъ понятно. И надо думать, не было тогда человѣка вѣрующаго, который бы не рвался душою видѣть новаго Учителя, Пророка и Чудотворца, послушать Его голосъ, показать Ему свои душевныя и тѣлесныя язвы и недуги, прочитатъ въ Немъ разрѣшеніе своихъ недоумѣнныхъ и завѣтныхъ вопросовъ.

*

*

Благословляй Господа каждымъ днемъ твоей жизни, служа Ему усердно; помня Его съ благоговѣніемъ и любовью, направляя къ Нему всѣ твои думы и чувства, и Онъ благословитъ твою жизнь и приметъ ее, какъ угодную жертву и хвалу Его.

Иудейскіе старѣйшины упросили Іисуса оказать милость сотнику, а себѣ не сумѣли (Лук. VII, 4). Такъ и мы, пастыри, иногда себѣ не получаемъ того, что легко выпрашиваемъ другимъ, за вѣру ихъ.

*

Дивное дѣло: того, кто, кажется, съ такою готовностію говорить Господу: „*пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошелъ*“... Господь отклоняетъ. А двухъ другихъ, изъ коихъ одному надо было еще хоронить отца, а другому проститься съ родными, Онъ зоветъ. Такъ то знаетъ Господь душу каждаго и сердце лучше, чѣмъ намъ кажется по вѣшнимъ ихъ проявленіямъ, столь часто ошибочно нами толкуемымъ и понимаемымъ.

*

Дѣло Божіе столь важно, свято, что должно захватывать всего человѣка, не оставляя въ немъ мѣста для земныхъ заботъ и дѣлъ и ничего отвлекающаго и могущаго разсѣять. Вотъ почему Господь не даетъ даже погребсти отца и проститься съ родными, а требуетъ немедленно и всецѣло принять и исполнить Свой зовъ.

*

Большинство нашихъ страданій мы выдумываемъ сами. Если бы пришло настоящее страданіе, которое бы отрезвило насъ и дало серьезнѣе взглянуть на нашу жизнь, отошли бы прочь другія наши страданія и показались бы даже совсѣмъ не страданіями.

*

Всѣ мы—большіе хвалители Царства Божія, подобно евангельскому: „*блаженъ, кто вкуситъ хлѣба въ Царствіи Божіи*“... (Лук. XIV, 15). Но и только. Дальше наши усилія къ Царству небесному не простираются. И Царство Божіе—пусто отъ такихъ хвалителей, вынужденное звать къ себѣ нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ и слѣпыхъ.

„*Тамо Его узрите, якоже рече вамъ*“... (Марк. XVI, 7). Ангель Господень показываетъ здѣсь знаніе того, что го-

ворилъ Иисусъ ученикамъ, и того, что Онъ исполнитъ Свое обѣщаніе. Изъ сего видно, что и имъ близко это великое дѣло Иисуса, въ которомъ они были тоже призваны къ участию своимъ служеніемъ и исполненіемъ вѣлѣній Божіихъ.

А. I.

Воскресныя утреннія Евангелія на славянскомъ и русскомъ нарѣчіяхъ съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями къ нимъ.

ТРЕТЬЕ ВОСКРЕСНОЕ УТРЕННЕЕ ЕВАНГЕЛІЕ. 1)

(Марк. 16 гл., 9—20 ст.; зач. 71).

Гдѣ же ѹбо, по глаголаніи Сгѣ Итакъ Господь, послѣ бесѣ-
дованія съ ними ²¹⁾,
къ нимъ ²¹⁾,

21. Сказаніе о томъ, что рассказывается далѣе, находится еще у одного только евангелиста Луки (24, 50—53) и въ обоихъ случаяхъ передается безъ всякаго обозначенія времени, такъ, какъ будто это совершилось въ тотъ же первый день воскресенія Господа; по книгѣ же Дѣяній ап., написанной ев. Лукой же (см. Дѣян. 1, 1; 16. 10 и дал.), ясно, что вознесеніе Господне, о которомъ именно и говоритъ ев. Маркъ далѣе, совершилось послѣ явленій Воскресшаго въ продолженіе сорока дней (Дѣян. 1, 1—3). Но ближайшее разсмотрѣніе текста и самаго Евангелія отъ Марка, при всей его краткости и видимой неопредѣленности, даетъ нѣкоторыя указанія, что и по нему рассказанное далѣе должно быть отдѣляемо отъ предшествующаго. Это указаніе заключается въ союзѣ, которымъ слѣдующее сказаніе соединяется съ предше-

1) Окончаніе. См. № 6 „Душ. Чт.“

ВОЗНЕСЕНІА НА НЕБО

ВОЗНЕСЕНІА НА НЕБО

ствующимъ. Союзъ этотъ (русск. *итакъ*, славян. *убо*, греч. *οὕτ*) есть союзъ заключительный; онъ употребляется обыкновенно въ заключеніи рѣчи и указываетъ на то, что мысли, слѣдующія за нимъ, должны быть отдѣляемы отъ непосредственно предшествующихъ имъ, какъ общее отъ частнаго, или даже какъ новый отдѣлъ, или рядъ мыслей отличный отъ предыдущаго, особенно если при этомъ союзъ стоитъ еще *же* (по слав., а по греч. *μεν*) (ср. Lexicon graeco—latinum in libros n. testamenti, Grimm, 1868, *μεν*, II, 4 и *οὕτ*, I, 3). Поэтому и въ данномъ мѣствѣ Евангелія отъ Марка послѣдніе два стиха его, по самому грамматическому строю ихъ рѣчи, должны быть отдѣляемы отъ предшествующихъ, и потому самымъ недодѣрчивымъ читателемъ не могутъ быть выставляемы, какъ противорѣчащія сказанію книги Дѣяній, служа лишь къ подтвержденію этого сказанія. Все, что говорилось выше, составляетъ часть собственно евангельской исторіи; вознесеніемъ же Господнимъ полагается начало исторіи апостольской, которая разсказомъ объ этомъ именно событіи и начинается въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. „Вознесеніемъ Господнимъ, говоритъ арх. Михаилъ (Толк. апостоль, кн. 1, стр. 15), окончилось видимое пребываніе Господа на землѣ,—окончилась евангельская исторія, и отъ сего дня начинается апостольская исторія“. „Собственно говоря, еще сильнѣе выражается Св. Буткевичъ (Жизнь Господа нашего Иисуса Христа, Москв. 1883 г. стр. 906—807), вознесеніе Господа нашего Иисуса Христа не принадлежитъ уже къ евангельской исторіи, къ ея истинному, вѣрно опредѣленному объему... Не вознесеніе, а явленія Воскресшаго и Его бесѣды въ теченіе сорока дней, яже о Царствіи Божіи, составляютъ заключеніе евангельской исторіи (*τὸν πεπληροφορημένον ἐν ἡμῖν προκρίτων*—извѣствованныхъ въ насъ вещьхъ); вознесеніе есть уже начало, или исходный пунктъ новой исторіи, а потому и надлежащее мѣсто его

и съде ѡдесную
Б҃га 22).

и възсѣлъ одесную
Бога 22).

именно въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ.—Впрочемъ эти соображенія весьма важны не въ указанномъ только выше смыслѣ—для опредѣленія времени вознесенія, а и въ качествѣ обстоятельства, объясняющаго собою краткость слѣдующаго повѣствованія и значеніе его въ евангельскомъ чтеніи воскреснаго дня. Разсматриваемыя нами евангельскія чтенія предлагаются церковію на утреннемъ богослуженіи воскреснаго дня, какъ несомнѣнныя свидѣтельства о дѣйствительности воскресенія Господа. Такими доказательствами въ предыдущихъ евангеліяхъ и въ предшествующихъ стихахъ настоящаго служили явленія Воскресшаго ученикамъ Его, Его увѣренія въ Своемъ воскресеніи и невѣріе учениковъ. Но это невѣріе апостоловъ доказываетъ дѣйствительность воскресенія Господа потому только, что оно кончилось вѣрою ихъ, сообщившею имъ Духа Св. и дѣйствіемъ Его подвигшею ихъ на всемірную проповѣдь. А сказаніе объ этомъ-то послѣднемъ и составляетъ главное содержаніе послѣдующихъ стиховъ евангелія отъ Марка... Нелишне наконецъ отмѣтить и то еще, что представленныя выше соображенія даютъ право предполагать, что ев. Маркъ въ словахъ: *послъ бесѣдованія съ ними* (т. е. Господа съ апостолами), имѣетъ въ виду не то только, о чемъ разсказывается въ непосредственно предшествующемъ стихѣ, а и всѣ явленія Господа ученикамъ Своимъ, бывшія въ продолженіе всѣхъ сорока дней отъ воскресенія до вознесенія, и всѣ бесѣды Его съ ними во время этихъ явленій, которыя касались вопроса не только о дѣйствительности воскресенія Господа, а и о другихъ тайнахъ Царствія Божія (ср. Дѣян. 1, 3).

22. Ев. Лука въ своемъ Евангеліи (24, 50—51) и особенно въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ (1, 2—11) говоритъ о вознесеніи Господа гораздо подробнѣе ев. Марка; но при всей обычной своей краткости ев. Маркъ и здѣсь, какъ и

Онѣ

А

въ другихъ мѣстахъ своего Евангелія, сообщаетъ такую подробность, о которой не говоритъ ев. Лука. Подробность эта въ словахъ: *и съде одесную Бога*; на ней-то поэтому и остановимся мы своимъ вниманіемъ, оставляя объясненіе видимой стороны вознесенія до шестаго воскреснаго утренняго Евангелія, которымъ служить 37—53 ст. 24 ой главы Евангелія отъ Луки.—Выраженіе: *съде одесную Бога*, очевидно, есть образное выраженіе; ибо Богъ есть Духъ вездѣсущій и всемогущій. Оно заимствовано изъ нашихъ людскихъ отношеній—изъ отношеній къ царю наслѣдника царскаго престола. Съденіе этого наслѣдника одесную царя означаетъ участіе его въ царской славѣ, достоинствѣ и власти, означаетъ равенство его съ царемъ. Эта же мысль очевидно выражается указаннымъ образомъ и объ Иисусѣ Христѣ по отношенію Его къ Богу Отцу; образъ этотъ говоритъ намъ о томъ, что Господь нашъ І. Христосъ, вознесшійся на небо, пріялъ власть, имя, славу и достоинство, равныя съ Богомъ Отцемъ. Какъ бы мы ни объясняли вознесеніе Господа на небо, съ его внѣшней, такъ сказать, фактической стороны, что бы мы ни понимали подъ небомъ, на которое вознесся Господь, одно несомнѣнно, что Онъ вознесся на это небо не божествомъ Своимъ, которое отъ вѣчности вездѣсуще, а челоуѣчествомъ,—тою единосущною намъ плотію Своею, которую Онъ получилъ отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы, съ которой жилъ на землѣ, какъ челоуѣкъ, съ которой страдалъ, умеръ и воскресъ. Эта плоть Его въ Немъ неразлучна съ Его истинно челоуѣческой душой; ибо Онъ не только воплотился, а и вочелоуѣчился. Итакъ съденіе І. Христа одесную Отца, которое есть слѣдствіе Его вознесенія, или лучше, заключительный, неотдѣлимый отъ вознесенія, моментъ его, означаетъ то, что Господь Иисусъ Христосъ, какъ Богъ отъ вѣчности единосущный Отцу и равный Ему, получилъ и по челоуѣчеству Своему божеское достоинство, божескую

же ѿшѣдше 23)

они пошли 23)

власть, божескую силу и славу; сѣденіе І. Христа одесную Отца означаетъ обоженіе Его человѣческаго естества. „Обоженіе, говоритъ митр. Макарій (см. его „Православно-догматическое богословіе, изд. 4-е, т. II, стр. 95) не въ томъ смыслѣ, будто человѣчество во Христѣ превратилось въ божество, потеряло свою ограниченность и получило вмѣсто свойствъ человѣческихъ свойства божескія, а въ томъ, что, бывъ воспріято Сыномъ Божіимъ въ единство Его вѣпостаси, оно приобщилось Божеству Его, стало едино съ Богомъ Словомъ, и чрезъ это приобщеніе Божеству возвысилось въ своихъ совершенствахъ до самой высшей, возможной до человѣчества степени, не переставая, однакожъ, быть человѣчествомъ“. „Одно изъ естествъ, продолжаетъ далѣе нашъ богословъ словами Богослова Григорія, обожилло, другое обожено и, осмѣлюсь сказать, стало едино съ Богомъ... И сіе не по измѣненію естества, но по вѣпостасному соединенію, по которому плоть неразлучно соединилась съ Богомъ Словомъ и по взаимному проникновенію естествъ, чему подобное видимъ и въ раскаленіи желѣза огнемъ“. Раскаленное желѣзо жжетъ не потому, чтобы оно получило отъ природы силу жечь, но потому что оно получаетъ такое свойство отъ соединенія съ огнемъ. Такъ и обоженіе человѣческаго естества въ І. Христѣ должно понимать не такъ, будто оно само въ себѣ, въ своей отдѣльности, получило какія-либо безконечныя божескія совершенства, сдѣлалось всемогущимъ, безконечно премудрымъ, вездѣсущимъ и самобытнымъ (это значило бы, что оно или слилось съ божествомъ, или предложилось въ божество, а не обожилось только), а такъ, что человѣческое естество въ І. Христѣ возвысилось во всѣхъ своихъ совершенствахъ, обогатилось всякою благодатію, святостію, премудростію и силою; это совершенно истинно по тѣснѣйшему вѣпостасному соединенію естествъ. Это обоженіе человѣческаго естества Господа нашего

пропо-

и пропо-

1. Христа, это соцарствованіе Его, какъ Богочеловѣка, Богу-Отцу, кратко предреченное еще въ ветхомъ завѣтѣ (пс. 109, 1), а въ новомъ и Самимъ Господомъ (изъ многихъ мѣстъ указываемъ яснѣйшія: Мѣ. 16, 64 и Іоан. 17, 9. 5), и апостолами (напр. 1 Кор. 15, 15. 47; Еф. 1, 10. 15 и др.) раскрытое со всею ясностію, имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ своимъ то, что І. Христу, какъ Богочеловѣку, подобаеъ единое нераздѣльное Божеское поклоненіе, какъ и говорилъ объ этомъ Самъ Господь и апостолы Его (Іоан. 5, 11—13; Филип. 1, 9. 10; Апок. 5, 11: 13 и др.), и что Онъ въ то же время есть *вѣрнѣйшій первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскія; ибо и святій и освящаеміи отъ единого вси* (Евр. 2, 11. 17). Какая глубокая и непостижимая тайна! Но въ то же время, какое высокое и отрадное вѣрованіе! „Никогда, ни одинъ самый глубокой мыслитель, говоритъ пр. Яхонтговъ (см. его „Сорокъ дней отъ воскресенія до вознесенія“, стр. 114), ни одинъ самый восторженный почитатель природы человѣческой не сказалъ и не могъ сказать ничего болѣе возвышающаго, болѣе облагораживающаго природу человѣческую“. Богъ Отецъ посадилъ Сына Своего не только, какъ Бога, а и какъ человѣка, одесную Себя на небесныхъ, *превыше всякаго начальства и власти, и силы и господства и всякаго имене именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и въ грядущемъ, выше всѣхъ чиновъ ангельскихъ, и вся покори подъ нозѣ Его*. Такъ говоритъ апостоль Павелъ въ посланіи къ Ефесянамъ (1, 20—21) о самомъ Христѣ, вознесенномъ на небо; но далѣе онъ же объ насъ выражается, что *Богъ Отецъ во Христѣ Іисусѣ спосади и насъ на небесныхъ* (2, 6). Въ другомъ своемъ посланіи онъ объ насъ же говоритъ, что *мы наслѣдницы Богу, снаслѣдницы же Христу* (Рим. 8, 17); въ третьемъ *называетъ Господа предтечею нашимъ на небеса* (Евр. 6, 20); а въ четвертомъ даетъ такое наставленіе намъ:

вѣдѣша

вѣдали

аще убо воскреснете со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже Христось, одесную Бога сѣдя (Кол. 3, 1). Итакъ наше мѣсто, нашъ животъ тамъ, гдѣ Христось, въ Богѣ, какъ и Самъ Онъ говорилъ предъ Своими страданіями: иду (т. е. вознесусь на небо и сяду одесную Бога) уготовати мѣсто вамъ. И аще уготоваю мѣсто вамъ, паки прииду и пойму вы къ Себѣ, да идѣже есмь Азъ и вы будете (Іоан. 14, 1. 3). Потечемъ же на подлежащій намъ путь; потечемъ къ Богу, къ престолу благодати Его; потечемъ, взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса (Евр. 12, 2). Потечемъ съ дерзновеніемъ. На престолѣ возсѣдитъ теперь не Богъ только, Творецъ и Судья нашъ неумытнѣйшій, а Испытатель, Ходатай нашъ, Тотъ, Который возшелъ на самое небо нынѣ, да явится лицу Божію о насъ (Евр. 9, 24). Аще убо кто (отъ насъ) согрѣшитъ, будемъ помнить, что мы ходатай имамы предъ Богомъ Іисуса Христа (1 Іоан. 2, 1). Этотъ ходатай Богъ, облеченный плотію единосущною намъ, въ которой Онъ искушенъ былъ по всяческимъ; потому Онъ можетъ спострадать немощемъ нашимъ. Онъ можетъ и искушаемымъ помощіи, говоритъ ап. Павелъ (Евр. 2, 18) и потому въ другомъ мѣстѣ восклицаетъ: еся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ (Филип. 4, 13). Утѣшсья же, скажемъ и мы съ Тертуллианомъ, утѣшсья моя смертная плоть! Слово апостольское живо и дѣйственно до скончанія вѣка. Христось вчера и днесъ той же, и во вѣки (Евр. 13, 8). Подобаетъ Ему царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама Своими (1 Кор. 15, 25). Но съ другой стороны не забудемъ, что тотъ же апостоль, который утѣшаетъ насъ, заповѣдуя мудрствовать не земная, а горняя, гдѣ Христось, говоритъ и такія страшныя слова: како убѣжимъ грядущаго гнѣва о толицѣ нерадѣвшие спасенію? Волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истинны, ктому о грѣствѣхъ не обрѣтается жертва. Страшно есть еже впасти въ рупцѣ живаго Бога (Евр. 10, 26. 31).

всюду²⁴),вездѣ²⁴),

23. Постановленное въ русскомъ переводѣ слово: *пошли*, не совсѣмъ точно передаетъ мысль подлинника; въ подлинникѣ стоитъ: *ἐξελθόντος*, что должно быть переведено по русски: *вышедши*, или *изшедше*, по славянски, какъ и поставлено въ слав. переводѣ. Вышедши, разумѣется, не прямо съ горы Елеонской, на которой было вознесеніе Господне, а и изъ Іерусалима. Итакъ послѣ вознесенія Господня апостолы возвратились въ Іерусалимъ, какъ и замѣчаетъ объ этомъ ев. Лука (24, 52; ср. Дѣян. 1, 12), возвратились же они въ Іерусалимъ очевидно во исполненіе повелѣнія Господня, даннаго Имъ при вознесеніи въ словахъ: *вы же стѣдите во градъ Іерусалимскъ, дондеже облечетеся силою свыше* (Лук. 24, 49; ср. Дѣян. 1, 4). Это облеченіе апостоловъ силою свыше совершилось, по свидѣтельству книги Дѣяній апостольскихъ, въ день Пятидесятницы, слѣдовательно спустя 10 дней послѣ вознесенія, когда на нихъ сошелъ Духъ Св. въ видѣ огненныхъ языковъ и они всѣ стали славить Бога новыми языками (2, 1—4). Итакъ апостолы вышли изъ Іерусалима, на проповѣдь Евангелія въ міръ весь, какъ повелѣлъ имъ Господь, послѣ сошествія на нихъ Духа Св. въ день Пятидесятницы. Но когда, именно, прямыхъ указаній этого въ книгѣ Дѣяній нѣтъ, хотя и можно гадать, что очень скоро (дел. 8, 4. 5. 40; 9, 10. 31. 32. 35. 39; 10, 23. 24 и др.).

24. *Всюду—вездѣ*, т. е. не среди іудеевъ только, а и среди язычниковъ, какъ повелѣлъ Господь (Мѡ. 28, 19),—вездѣ, куда только апостолы могли достигнуть, во *всемъ мірѣ, всей твари поднебесной*, какъ говоритъ ап. Павелъ (Нол. 1, 23). Укоряя въ посланіи къ Римлянамъ іудеевъ за ихъ невѣріе, тотъ же апостоль говоритъ: *тѣмъже убо въра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ. Но глаголю: еда не слышаша? Тѣмъже убо во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (апостоловъ), *и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Рим. 10, 18). Точнѣйшее опредѣленіе мѣстностей, куда проповѣдуе же сами

ГЛАВНѢЙШЕ-
СТВЮЮЩАЯ ²⁵),

при Господ-
немъ содѣйствіи ²⁵)

апостолы съ проповѣдью евангелія, можно находить отчасти въ книгѣ Дѣяній ап., повѣствующей главнымъ образомъ о дѣятельности *верховныхъ* апостоловъ—Петра и Павла, отчасти въ посланіяхъ апостольскихъ, писанныхъ ими христіанамъ основанныхъ ими церквей, преимущественно же въ преданіи. Въ нашихъ церковно-богослужебныхъ апостолахъ предъ книгою Дѣяній апостольскихъ обыкновенно печатаются: „Сказаніе святаго Епифанія, епископа Кипрскаго о двенадцати святыхъ апостолахъ, гдѣ кійждо ихъ проповѣда и како скончася, и святая ихъ тѣлеса гдѣ положена суть“; и потомъ: „избраніе святыхъ седмидесяти апостоль Доротея, епископа Тирска, мужа древня и богоносна, и мученика, бывшаго во время Ликинія и Константина царей“. Въ этихъ двухъ древнихъ сказаніяхъ подробно указываются всѣ страны и города, куда пронесли имя Господне св. апостолы. Нѣтъ конечно нужды перечислять всѣ эти страны и города, что завело-бы насъ слишкомъ далеко; отмѣтимъ лишь, что по этимъ сказаніямъ, вѣра Христова распространена была апостолами и въ Азіи, и въ Европѣ, и въ Африкѣ не въ тѣхъ только странахъ этихъ частей свѣта, которыя подвластны были римской имперіи, а и внѣ предѣловъ ея,—и въ Греціи, и въ Римѣ, и въ Испаніи, и въ Британіи, и въ нашей холодной Скиѣи, и въ малой Азіи, и въ близъ лежащихъ островахъ, и въ Месопотаміи, и даже въ Индіи, и въ Александріи, и въ Египтѣ и пр. и пр. Проповѣдуя преимущественно простымъ и худороднымъ, апостолы приводили къ вѣрѣ во Христа и философовъ, доходили до дома Кесарева (Филип. 4, 22).

25. Объ этомъ Господнемъ содѣйствіи проповѣди апостольской свидѣлствуютъ всѣ апостолы—въ своихъ писаніяхъ, а особенно ясно и много ап. Павелъ, который все свое апостольство, всю свою дѣятельность, всѣ успѣхи

и слово утверждающъ послѣд-

и подкрѣпленія слова

ея относить не къ себѣ, а единственно къ благодати и силѣ Господа І. Христа. *Благодатию Божією*, говоритъ онъ въ 1 Кор. 15, 10, *есмы, еже есмь: и благодать Его, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ* (т. е. другихъ апостоловъ) *потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною. И слово мое, и проповѣдь моя*, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, *не въ препрѣтельныхъ человѣческихъ премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы* (1 Кор. 2, 4). Эта благодать Божія была, очевидно, благодать Св. Духа, котораго во исполненіе обѣтованія Господа (Мф. 10, 20; Іоан. 14, 26; 15, 26; 16, 13) апостолы получили въ день Пятидесятницы (Дѣян. 2, 1—4) и который воспомпналъ имъ все, чему учили ихъ Іисусъ, наставлялъ на всякую истину, открывалъ имъ все (1 Кор. 2, 10; 13 и др.), указывалъ мѣсто дѣятельности (Дѣян. 8, 29. 39), а иногда и останавливалъ ревность ихъ (Дѣян. 16, 6, 20, 22 и др.), утѣшалъ и укрѣплялъ ихъ въ злостраданіяхъ и т. п. Она же, вѣруемъ, дѣйствуетъ въ проповѣдникахъ вѣры Христовой и теперь, и будетъ дѣйствовать до скончанія вѣка.

26. Подъ знаменіями въ данномъ, мѣстѣ, очевидно, разумѣются тѣ чудеса, которыми, по обѣтованію Господа (см. выше), должна была сопровождаться и подкрѣпляться проповѣдь апостоловъ, гдѣ это нужно было для дѣйственности проповѣди, и о которыхъ у насъ была уже рѣчь. Въмѣсто того, чтобы приводить еще новыя свидѣтельства объ этихъ чудесахъ, да позволено будетъ въ заключеніе объяснительныхъ примѣчаній къ настоящему Евангелію и въ частности къ послѣднимъ стихамъ его обратиться къ читателю, который знаетъ и объ этихъ чудесахъ, и объ этой силѣ Божіей, дѣйствовавшихъ въ апостолахъ, и о той всемірной проповѣднической дѣятельности, которую совершили они, съ вопросомъ о томъ: откуда все это? Откуда въ апостолахъ эта ревность въ проповѣданіи Евангелія,

ствующими зна-
менами ²⁶). Аминь.

послѣдующими
знаменіями ²⁶). Аминь.

по которой они не щадили ни силъ, ни здоровья, ни даже самой жизни своей для дѣла проповѣди? Откуда эта неустрашимость, имѣвшая такія громадныя послѣдствія? Отъ Духа Святаго и отъ чудесъ совершаемыхъ силою Его, скажете. Но знаменія Духа обѣщаны вѣрующимъ во Христа. Откуда же самая эта вѣра въ тѣхъ, которые лишь нѣсколько дней тому назадъ разбѣжались, какъ овцы, не имущія пастыря, и не вѣрили даже тѣмъ, кого они никакъ не могли заподозрить ни въ обманѣ, ни въ самообольщеніи? Чѣмъ объяснить эту перемѣну?—Ни чѣмъ инымъ нельзя объяснить этого, какъ только дѣйствительностію воскресенія Христова. Все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что *воистину воскресъ Христосъ*.—Да, именно такъ. Аминь.

Прот. І. Соловьевъ.

Жизнь Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Душеспасительныя бесѣды.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

(Окончаніе).

Радостенъ бываетъ день, когда сынъ, потерявшій всю любовь отца, изгнанный изъ дома его, лишенный всѣхъ правъ рожденія и наслѣдства, услышитъ, что отецъ его, по великодушію своему, простилъ его, готовъ принять его въ свою любовь и отдать ему все, что имѣеть. Съ нами произошло большее: мы, отверженные за грѣхъ и находившіеся подъ гнѣвомъ и проклятіемъ, примиряемся нынѣ съ Отцомъ Небеснымъ, дѣлаемся паки Его сынами, возлюбленными, вступаемъ во всѣ права дѣтей и предназначаемся къ обладанію царствіемъ небеснымъ. Измыслите, какія угодно, радостныя извѣстія,—и всѣ они обрѣтутся въ благой вѣсти, принесенной намъ нынѣ отъ Архангела.

Достоинно и праведно именуется день настоящей днемъ Благовѣщенія; достойно и праведно небо и земля призываются нынѣ къ радости и прославленію Господа: ибо небо и земля будутъ дѣйствительно участвовать въ Его милосердіи и торжествѣ нашемъ“ (Сочин. Иннокентія, т. II. Спб., 1872 г., 27—29 стр.).

Всѣ мы призываемся къ радости. Радуйтесь, и паки реку: радуйтесь, но радуйтесь о Господѣ. Только и есть одна истинная и дѣйствительная радость—это радость о Господѣ.

А вѣдь есть много и другихъ предметовъ, которые поселяютъ въ душѣ радость. Кому же неизвѣстно: что любить человѣкъ, тому и радуется? Міролюбець привязанъ къ міру всею душою. Предметы міра сего и доставляютъ ему утѣхи и веселье. Одинъ радуется богатству, другой болѣе утѣшается славою; иной всю радость видитъ только въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Сохрани Господь отъ такихъ радостей. Намъ дана ясная и обязательная заповѣдь: возлюбиши Господа Бога твоего всеѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всею мыслию твоею (Мн. XXII, 37). Если же всею душою должно возлюбить Господа Бога, то и радоваться истинною радостію нужно только о Господѣ. Размыслите только, что мы такое по отношенію къ Богу? Мы есмы Его твореніе, надѣлены разумомъ и свободною волею,—твореніе, лучшее изъ всѣхъ земныхъ тварей. Уже это одно побуждаетъ насъ любить Господа и радоваться о Немъ. Но Богъ Господь не только есть Творецъ нашъ, но Промыслитель и Спаситель отъ грѣха, проклятія и смерти. Единородный Сынъ Божій нынѣ воспринимаетъ и человѣческое естество. Для чего? Чтобы сподобить его на небесахъ, обожествить его и надѣлить премудростію, святостію, животворною силою и другими Божественными дарами съ сохраненіемъ ограниченности человѣческихъ свойствъ. Посудите-же, какъ осчастливлены всѣ вѣрующіе во Христа, члены Церкви Святой! Ихъ Христосъ Господь очистилъ, освятилъ и благоволилъ назвать друзьями Своими, которымъ Онъ общалъ обители готовить на небѣ (Іоанн. XIV, 2). Мы есмы наслѣдники царства небеснаго. О, какую радость доставляетъ намъ только мысль одна объ этомъ! Какъ счастливы мы, что вѣруемъ и служимъ такому Господу Богу, Который, по любви къ вамъ, даровалъ намъ съ искупленіемъ и право быть чадами Божіими, и Господа Бога именовать своимъ Отцомъ. Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! зываемъ мы ежедневно по нѣскольку разъ. Читайте далѣе молитву Господню и примѣчайте, какихъ благъ мы ожидаемъ отъ милосерд-

наго Отца нашего. Радуйтесь же о Господѣ, Который есть Отецъ нашъ милосердый, челоуѣколюбивый и щедрый. По предмету своему духовная радость, имѣя основаніе въ Господѣ, можетъ пронстекать и отъ явленій обыденной жизни, но только въ связи съ мыслию о Богѣ. Такъ христіанинъ православный радуется успѣхамъ вѣры истинной среди язычниковъ. Его утѣшаютъ благопріятныя вѣсти о томъ, какъ новокрещенные радуются неземною радостію о Господѣ. Утѣшаютъ православнаго христіанина времена мирныя, благоденствіе, проявленіе благочестія въ общественныхъ молитвахъ, благолѣпіи Божіихъ храмовъ, въ усердіи къ ученію вѣры и прочее въ этомъ родѣ. Радостно быть здоровымъ, способнымъ къ труду. Утѣшительно и ближнихъ своихъ видѣть здоровыми по тѣлу и душѣ. Много радости доставляетъ душѣ, когда всѣ благодушествуютъ о Господѣ, не имѣютъ нужды и недостатка, довольны и посему спокойны духомъ. Многое множество и другихъ предметовъ міра сего могутъ доставить православному христіанину радость и утѣшеніе, совершенно свободныя отъ грѣховныхъ примѣсей. Но онъ прекрасно знаетъ, что *всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходящій отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17). Господь Богъ есть Виновникъ и Податель всякаго блага, которое радуется и утѣшаетъ насъ. Слѣдовательно, начинаясь отъ предметовъ земныхъ, радость восходитъ къ Виновнику небесному. Посему то всякая духовная радость бываетъ только о Господѣ. И нѣтъ и быть не можетъ радости болѣе совершенной, чѣмъ радость о Господѣ. Этою радостію радовалась и Пресвятая Богородица и Пречистая Дѣва, когда посѣтила родственницу свою Елисавету и на привѣтствіе послѣдней отвѣчала: *величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасе моемъ* (Лук. 1, 46—47). Посему и св. апостоль Павелъ съ другими благожеланіями внушаетъ христіанамъ радоваться (2 Кор. XIII, 11) и именно о Господѣ. Вотъ, что онъ писалъ филиппійцамъ: *Радуйтесь всегда о Господѣ: и паки реку: ра-*

дуйтеся. Кротость ваша разумна да будетъ въсьмъ челоувѣкомъ. Господь близъ. Ни о чемъ же пецѣтеся, но во всемъ молитвою и моленіемъ, со благодареніемъ прошенія ваша да скажутся къ Богу: и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумнїя ваша о Христѣ Иисусѣ. Прочее же, братіе моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добродѣтельна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте. Имже и научитесь, и прїяте, и слышасте, и видѣте во мнѣ, сія творите: и Богъ мира будетъ съ вами (Фил. IV, 4—9). Сего и да сподобитъ Господь насъ всѣхъ!

БЕСѢДА СЕДЬМАЯ.

Пресвятая Дѣва Марія посѣщаетъ праведную Елисавету.

Послѣ радостнаго благовѣщенія, Пресвятая Дѣва Марія рѣшилась навѣститъ Свою родственницу, супругу священника Захарїи, Елисавету. Небесный вѣстникъ, ангель Гавріиль, повѣдалъ Дѣвѣ Марїи, что родственница Ея Елисавета на старости лѣтъ скоро будетъ матерью. Дѣва хочетъ подѣлиться и Своею радостію и привѣтствовать обрадованную старицу. Священникъ Захарїя проживалъ въ Хевронѣ или близъ него. Изъ Галилеи путь неблизкій былъ. Но Дѣва не боялась трудности. Ежедневно въ Іерусалимъ направлялись толпы богомольцевъ и изъ Галилеи. Итти съ ними было нестрашно. Такъ какъ путешественники въ Іерусалимъ шли на поклоненіе святынь іудейской земли, то и настроивались благоговѣнно и молитвенно. Дорогою они пѣли псалмы. Не дозволялись никому пустыне разговоры и смѣхъ. Можно представить, какъ соотвѣтствовало настроеніе паломниковъ восторженному духу Пресвятой Дѣвы Марїи! Она вся погружена была въ богомысліе. Путь до Іерусалима изъ Назарета проходился дня въ четыре или пять. Конечно, Дѣва Марія побывала и въ храмѣ іерусалимскомъ, и въ тѣхъ палатахъ, которыя Она такъ недавно еще покинула. Но духъ

Ея понуждалъ итти въ Хевронъ. Путь этотъ такъ кратокъ, что его можно было пройти въ два или три часа. Марія же, какъ замѣчаетъ Евангелистъ Лука, „съ поспѣшностію пошла въ нагорную страну, въ городъ Іудинъ“ (Лук. 1, 39), Хевронъ, бывший тогда большимъ священническимъ городомъ. Здѣсь былъ домикъ священника Захаріи. Ко времени посѣщенія его дома Дѣвою Маріей онъ былъ нѣмъ уже около шести мѣсяцевъ. Жена его старица Елисавета столько же времени была непрадною. Она таилась отъ взоровъ людскихъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, говоря въ себѣ: „такъ сотворилъ мнѣ Господь во дни сіи, въ которые призрѣлъ на меня, чтобы снять съ меня поношеніе между людьми“ (Лук. 1, 25). Но въ эти же дни самой таящейся старикѣ Господь привелъ открыто объявить о милости Божіей, да притомъ при особенныхъ обстоятельствахъ. Она и не ожидала, какъ пришла посѣтить ее родственница, Дѣва Марія. Пожеланіемъ мира Гостя привѣтствуетъ старушку. И что-же? „Когда Елисавета услышала привѣтствіе Маріи, взыгралъ младенецъ во чревѣ ея, и Елисавета исполнилась Святаго Духа“. Сбывается уже предреченное святымъ Ангеломъ о сынѣ Захаріи, что онъ „Духа Святаго исполнится еще отъ чрева матери своей“ (Лук. 1, 15). Отъ благодатнаго дѣйствія Святаго Духа утробный младенецъ радуется и приходитъ особеннымъ чудеснымъ образомъ въ движеніе. Мать-старлица не только это ощущаетъ, но и сама исполняется благодати и начинаетъ говорить о томъ, чего она и знать не могла путемъ естественнымъ. Елисавета „воскликнула громкимъ голосомъ и сказала: благословенна Ты между женами, и благословенъ плодъ чрева Твоего!“ (— 42). Дивно то, что Елисавета ублажаетъ Дѣву Марію въ тѣхъ же самыхъ словахъ, какими привѣтствовалъ Ее Ангель Гавріиль: благословенна Ты между женами! Какъ это дорого было для Дѣвы Маріи! Она понимаетъ, что старица Елисавета говоритъ по внушенію Духа Святаго. А Елисавета говоритъ еще болѣе удивительныя привѣтствія.

Она ублажаетъ плодъ чрева Дѣвы Маріи. А вѣдь никто не вѣдалъ тайны Ея. Некому было повѣдать и старицѣ о ней. Однако, Елисавета знаетъ не только то, что Дѣва чревоноситъ, но вѣдаетъ, Кто есть Носимый Ею. Это Господь Богъ, Второе лицо Св. Троицы, благоволившій принять въ единство лица Своего и человѣческое естество. Посему она и именуетъ Дѣву Марію Матерью Господа, или Богородицею. „И откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ?“ Откуда выпала такая благословенная минута, что старица видитъ предъ собою Богоматерь? Какая ей въ этомъ радость! За какія же это заслуги ея? Нѣтъ, незаслуженно, по милости Божіей, сообщено ей Духомъ Святымъ. Это и возвѣщаетъ Елисавета, изъясняя, какимъ образомъ она узнала въ лицѣ своей юной родственницы Богоматерь: „когда голосъ привѣтствія Твоего, заявляетъ старица, дошелъ до слуха моего, взыгралъ младенецъ радостно во чревѣ моемъ“ (—44). Взыграніе младенца въ утробѣ матери замѣтила сама мать. Это было нѣчто необычайное. Елисавета подмѣтила дѣйствіе Святаго Духа прежде на младенца. Онъ возрадовался предъ своимъ Господомъ, Которому будетъ предтечею. Дѣйствіе Духа распространилось и на мать младенца. Въ Духъ она и увидала предъ собою Матерь Мессіи, Господа.

Объяснивъ образъ разумѣнія тайны спасенія, Елисавета ублажаетъ Дѣву Марію за то, что Она повѣрила благовѣстію Ангела. „И блаженна Увѣровавшая, потому что совершится сказанное Ей отъ Господа“ (—45). Увѣровавшая—это Дѣва Марія. Счастлива Она, потому что увѣровала въ благовѣстіе, которое вскорѣ совершится, ибо оно отъ Бога. А „у Бога не останется безсильнымъ никакое слово“, какъ говорилъ и Ангель Господень. Такъ Елисавета, исполнившись Святаго Духа, изрекла великія христіанскія истины, касающіяся спасенія рода человѣческаго. Въ Духъ она исповѣдывала догматъ воплощенія Сына Божія. Въ Духъ она объявила истинною вѣру въ то, что Дѣва Марія есть сущая Богоматерь, Богородица. Ели-

савета въ этомъ не сомнѣвается, ибо изрекаетъ глаголы Божіи. Такъ восприняла это и Дѣва Марія. Возвѣщенное Ей отъ Ангела Господня теперь было повторено старицей Елисаветой. И какъ согласны были ихъ благовѣстія! Отъ Господа Бога получены они,—слѣдовательно, въ нихъ невозможно сомнѣваться. Пребывая непрестанно въ благодати Божіей, Пресвятая Дѣва, Духомъ Святымъ, произнесла дивную пѣснь, которую святая Церковь повторяетъ въ богослуженіи. *Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы Своея: се бо отнынь ублажатъ Мя вси роды: яко сотвори Мя величіе сильный, и свято имя Его: и милость Его въ роды родовъ боящимся Его: сотвори державу мышцею Своею, расточи гордыя мыслию сердца ихъ. Низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя: алчущія исполни благъ и богатящіяся отпусти тщи: воспріятъ израиля отрока Своего: помянути милости, якоже глагола ко отцемъ нашимъ, Аврааму и съмени его до вѣка.* (Лук. 1, 46—55). Святая Дѣва Марія указываетъ на состояніе духа Своего, пребывающаго въ Богѣ, когда говоритъ, что душа Ея величаетъ и прославляетъ Своего Господа, и духъ Ея радуется о Богѣ Спасителѣ. Чему же онъ радуется? Богъ Спаситель призрѣлъ на смиреніе, на незнатность Дѣвы Маріи, и содѣлалъ чрезъ Нее для всего рода человѣческаго такое дѣло, за которое будутъ ублажать Ее всѣ роды людей. За что? За то, что возвеличилъ Ее Сильный, всемогущій Богъ, содѣлавъ Богоматерью, Богородицею. Слава Богу Промыслителю и Спасителю. Онъ Святъ, и свято имя Его. Святая Дѣва ощутила это свойство Господа Бога и воспѣла его. Но Святѣйшій Господь Богъ и милосердъ: милость же Его изливается на всѣхъ боящихся Его, а не на одну только Дѣву Марію. Итакъ, Господь Богъ Всемогущъ, святъ и милосердъ. Эти три свойства проявляются во всемъ міроуправленіи Божіемъ. Всемогущій „явилъ силу мышцы Своей“. Въ чемъ? „Разсѣялъ Онъ надменныхъ помышленіями сердца ихъ“: Онъ разсѣваетъ и разсѣвалъ

всѣхъ гордыхъ, надменныхъ въ своемъ сердцѣ. Гордые то думали и думаютъ привести въ исполненіе свои замыслы и планы своихъ желаній и мыслей. А Господь разсѣваетъ ихъ и низлагаетъ. Но милосердый, милостивый и святой—Онъ возвышаетъ смиренныхъ и алчущихъ исполняетъ благъ. Израиль униженъ, незначущъ среди народовъ. Надъ нимъ надмеваются гордые. Желѣзная рука римлянъ наложила рабство на него. А Господь избралъ именно этотъ ничтожный народъ и чрезъ него даровалъ міру Спасителя. Слава Ему за то, что Онъ „воспринялъ Израиля“, на руки взялъ, какъ любимаго отрока своего, помянувъ тѣ обѣтованія, которыя Онъ давалъ ему. Но милости Свой Онъ будетъ изливать на всѣхъ вѣчно чрезъ воплощающаго Сына Божія, Спасителя міра.

Такъ произошла встрѣча Пресвятой Дѣвы Маріи съ праведною Елисаветою. Старица ублажила Ее, какъ Матеръ Божію, а Дѣва Марія воспѣла хвалу Господу Богу за промышленіе и спасеніе рода человѣческаго. Около трехъ мѣсяцевъ прогостила Дѣва Марія у Своей родственницы Елисаветы. Приближалось время появленія на свѣтъ Предтечи Господня. Конечно, въ домъ священника Захаріи будутъ собираться родные и знакомые его. Дѣвѣ Маріи не хотѣлось стать въ такое положеніе, что на Нее стали бы обращать вниманіе. А повѣдать кому нибудь тайну Свою Она не считала благовременнымъ. Пусть старица Елисавета, если пожелаетъ, скажетъ близкимъ своимъ о Божіемъ благоволеніи къ людямъ но не въ присутствіи Дѣвы. Посему-то Она и рѣшилось покинуть привѣтливый домъ родственника и возвратилась въ Назаретъ въ Свой домъ. Вѣроятно, это былъ домъ родителей. Иосифъ, обрученникъ, не переселилъ еще Ея въ свой домъ, что, впрочемъ, и совершилось въ непродолжительномъ времени.

Величитъ души моя Господа, и возрадовался духъ мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы своя, сказала Дѣва Марія въ отвѣтъ на привѣтствіе Елисаветы.

Мы сказали, что подъ смиреніемъ, на которое призрѣлъ Господь Богъ, разумѣется ближайшимъ образомъ внѣшняя незнатность происхожденія и положенія Дѣвы Маріи въ родѣ человѣческомъ. Но это дополняется у Нея и нравственнымъ смиреніемъ, духовною нищетою. Господь Богъ особенно призираетъ смиренныхъ. Пресвятая Дѣва Марія смиренно думала о Себѣ. Преданіе глубокой старины повѣствуетъ, что Она, читая пророчество Исаи о Дѣвѣ, Которая родитъ Еммануила, ублажала сію избранницу Божію и почитала бы Себя счастливѣйшею изъ смертныхъ, если-бы Господь привелъ быть у нея послѣднею служанкою. За такимъ смиренномудріемъ послѣдовало и возвеличеніе. Спаситель нашъ, родившійся отъ смиреннѣйшей Матери, говорилъ ученикамъ Своимъ и намъ съ вами: *блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѣ. V, 3). Онъ ублажилъ смиренныхъ, нищихъ духомъ. Нищета духовная вѣдь то же самое, что и смиреніе или смиренномудріе. Какъ пожелаете, такъ и величайте сію прекраснѣйшую изъ христіанскихъ добродѣтелей. А она и велика тѣмъ особенно, что лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ добродѣтелей. Такъ что же такое есть нищета духовная, или смиренномудріе? Мы прекрасно различаемъ нищаго отъ богатаго. Первый бѣденъ, ниимущъ, а второй надѣленъ благами міра сего. Первый часто не имѣетъ самаго необходимаго для жизни, а второй въ состояніи даже роскошествовать.

Въ духовной жизни высшими благами человѣка являются вѣра и дѣла добрыя во спасеніе. Нищимъ тутъ можно, значить, назвать того, кто лишенъ этихъ благъ, грѣшника; а богачемъ долженъ назваться человѣкъ святой. Однако, такое пониманіе нищеты и богатства духовнаго будетъ далеко неточнымъ, да и неправильнымъ. Содѣлаться святымъ человѣкъ своими только силами не можетъ, а Богъ, по Своему милосердію, даруетъ спасеніе ищущимъ его. Никто не оправдится предъ Господомъ своими усиліями, если Самъ Господь не оправдаетъ. То

вѣрно, что Онъ желаетъ и готовъ даровать всѣмъ спасеніе, но то, что даруется, какъ благодать, не есть богатство человѣка, а милость Божія. Слѣдовательно, самъ человѣкъ никогда не можетъ своими силами содѣлаться богатымъ духомъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ только отважится помыслить объ этомъ, онъ можетъ лишиться благодати Божіей. Сознаніе Себя богатымъ духомъ есть гордость, тяжкій грѣхъ предъ Богомъ. Гордымъ же Господь противится. Мы должны сказать, что, пока человѣкъ живетъ на землѣ, онъ не можетъ почитать себя богатымъ вѣрою и добрыми дѣлами. Значитъ, всѣ православные христіане должны мыслить себя и чувствовать, какъ нищіе духомъ. Нищета же духовная есть такое „состояніе души, въ коемъ она, познавъ всю слабость и нечистоту свою, бываетъ далека отъ всякаго высокаго мнѣнія о себѣ; постоянно старается раскрывать въ себѣ все доброе, искоренять все злое, но никогда не почитаетъ себя достигшею совершенства и ожидаетъ его отъ благодати Божіей, а не отъ собственныхъ усилій. Человѣкъ смиренномудрый всегда имѣетъ нѣкую святую недовѣрчивость къ себѣ, къ силамъ своего ума и воли, и потому осмотрителенъ, скромненъ и тихъ во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Онъ никогда не позволитъ себѣ дерзкихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, кои выше его, тѣмъ паче о таинствахъ вѣры. Человѣкъ смиренномудрый особенно боится похвалы и высокихъ достоинствъ: ꙗко ему онъ не только не ищетъ ихъ, но и радъ, когда они мимоходятъ его. Онъ охотно уступаетъ другимъ первенство во всемъ, въ самыхъ дѣлахъ благихъ, но когда нужно подать примѣръ, онъ—первый. Смиренномудрый безъ огорченія, даже иногда съ радостію встрѣчаетъ неудачи и огорченія, ибо знаетъ цѣну и пользу ихъ для своего внутренняго исправленія. Потому онъ не памятозлюбивъ, всегда готовъ простить обидѣвшаго и воздать ему за зло добромъ. Таковы очевидные признаки смиренномудрія. Оно любитъ скрывать свои добродѣтели; любитъ, напро-

тивъ, обнаруживать свои недостатки, если то можетъ быть безъ соблазна для ближняго“ (Инокентія архіеп. Херс. „Молитва св. Ефрема Сирина“. С.-Петербург. 1858 г.). Значить, нищета духовная, или смиренномудріе, есть душевное настроеніе, совершенно противоположное духу гордости. Смиренный человѣкъ представляетъ себя грѣшникомъ предъ Господомъ, ничего нестоющимъ, ничего добраго не сдѣлавшимъ, неключимымъ рабомъ. Не сознаетъ онъ за собою никакихъ достоинствъ. Все внутреннее сердечное его настроеніе представляется худороднымъ. Грѣхъ, кажется, царить въ мысляхъ, господствуетъ въ сердцахъ, въ пожеланіяхъ и чувствахъ. Бѣдный человѣкъ я, говоритъ онъ съ апостоломъ Павломъ, нахожу я законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти? (Римл. VIII, 21—22). Да кто же можетъ избавить, какъ не одинъ только Господь Богъ Своею благодатію? Смиренный человѣкъ молится Богу съ воздыханіями и слезами. Какъ утопающій, онъ вопіетъ: Господи, спаси, погибаю! Придетъ ли ему на мысль повеличаться собою, полюбоваться на себя, какъ это дѣлаетъ приточный фарисей, благодарившій Бога за то, что творилъ добрыя дѣла и намѣренно пересчитывалъ ихъ предъ Богомъ и указывалъ, что онъ не таковъ, какъ всѣ прочіе люди? У него отнимется и всякая охота осудить ближняго, ибо судящій всегда подразумѣваетъ свое превосходство надъ судимымъ, хотя быть можетъ, въ дѣйствительности это и не такъ.

Но что же? развѣ смиренный человѣкъ не дѣлаетъ добрыхъ дѣлъ? О, онъ любитъ ихъ и много совершаетъ богогоднаго; однако онъ и не подумаетъ ставить ихъ себѣ въ заслугу. „Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣ-

латъ оное, того не нахожу“, если Господь не поможетъ. Посему и всякое богоугодное дѣло онъ относить къ Богу, какъ истинному виновнику его и совершителю. А въ себѣ смиренный человѣкъ усматриваетъ только одни недостатки. Посему онъ не только самъ не превозносится, но и не любитъ, когда другіе его хвалятъ и величаютъ. Онъ избѣгаетъ почестей, знаковъ отличія и вниманія къ себѣ. Если уже общественная польза понуждаетъ его занять начальственное положеніе, то смиренный человѣкъ является отцомъ для подчиненныхъ. Когда прилучится ему какъ нибудь нечаянно оскорбить подчиненнаго, то онъ не постѣснится попросить прощенія. А къ высшимъ себя смиренномудрый всегда оказывается послушнымъ безъ лести и безъ человѣкоугодничества. Равныхъ себѣ онъ почитаетъ за братьевъ. Къ нимъ онъ любезенъ, ласковъ, услужливъ и внимателенъ, ибо себя признаетъ за младшаго. Ущедренный отъ Господа Бога дарами онъ смиренно благодаритъ Его. Если кто-нибудь изъ людей окажется ему какую-либо услугу, то смиренный человѣкъ не забудетъ этого и постарается отплатить добромъ, или, если не можетъ, то навсегда сохранить благодарное чувство къ благодѣтелю. Будучи обиженъ кѣмъ-либо, онъ отъ сердца прощаетъ обидчику его грѣхъ. Если же вы пожелаете видѣть вершину смиренія, то ее показываетъ намъ преподобный Исаакъ Сиринъ. „Совершенство смиренія, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы съ радостью переносить ложныя обвиненія. Кто истинно смиренномудръ, тотъ, будучи обиженъ, не возмущается и не говоритъ ничего въ свою защиту о томъ, въ чемъ онъ обиженъ, но принимаетъ клеветы, какъ истину, и не старается увѣрять людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прощенія“. Словомъ, смиренномудрый человѣкъ есть во всѣхъ отношеніяхъ добродѣтельный человѣкъ.

Да много ли такихъ людей въ нашемъ обществѣ? спросятъ, быть можетъ, нѣкоторые совопросники. Вы-де изобразили неземнаго человѣка. Таковыхъ мы не встрѣ-

чали. Вотъ это-то и печально, что о смиреніи многіе изъ христіанъ и понятія не имѣютъ. Въ обществѣ какъ бы и забыли объ этой великой добродѣтели. Да и знать то ея, кажется, никто не желаетъ. Конечно, устами многіе нерѣдко произносятъ и эту заповѣдь Спасителя о блаженствахъ. Смиреніе Онъ благоволилъ поставить на первомъ мѣстѣ, какъ азбуку христіанскихъ добродѣтелей, чѣмъ и придавъ ей особенную важность для Своихъ послѣдователей. Да Онъ не только словомъ Своимъ училъ смиренію, но и примѣромъ узаконилъ его. Что внушаютъ и чему поучаютъ насъ вилеямскія ясли? Онъ напоминаютъ намъ о крайнемъ смиреніи Спасителя и поучаютъ сей великой добродѣтели. На что указываетъ бѣгство Его во Египетъ отъ кровожаднаго Ирода? На смиреніе. А крещеніе отъ Іоанна въ рѣкѣ Іорданѣ? Опять на величайшее смиреніе. А что внушаетъ Голгова? здѣсь показана намъ недостижимая и непостижимая высота смиренія. Посему то св. Апостоль Павелъ и говоритъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ, что онъ, „будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самого принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ челоукамъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной“ (Филип. II, 6—8). А Апостоль выводъ дѣлаетъ, что „въ насъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ“, (—5) т. е. великое смиреніе. Сказавъ такъ, Апостоль и исполнилъ это и въ житіи своемъ. Верховный изъ апостоловъ святыхъ во всю свою жизнь послѣ крещенія никакъ не могъ забыть, что онъ былъ хульникомъ, гонителемъ Церкви Божіей и первымъ изъ грѣшниковъ, на которомъ только Господь Іисусъ Христосъ показалъ Свое долготерпѣніе и милосердіе (1 Тимое. I, 13—17). Всѣ святые апостолы высоко цѣнили добродѣтель смиренія, сами были смиренны и кротки и всѣмъ христіанамъ завѣтъ дали украшаться смиренномудріемъ. А святые мужи и жены, прославляемые Церковію, каніе высокіе образцы смиренномудрія представ-

ляютъ намъ! Авраамъ отецъ вѣрующихъ, удостоенный Божественныхъ откровеній и наименованія другомъ Божиимъ, не переставалъ называть себя землею и пепломъ. Святой Давидъ царь и пророкъ говорить о себѣ: *азъ есмь червь*, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ. Преподобный Ефремъ Сиринъ усиленно молить Господа даровать ему духа смиренномудрія. Преп. Венедиктъ внушаетъ инокамъ украшаться болѣе всего смиреніемъ. Если-бы Господь даровалъ намъ узрѣть небожителей изъ рода человѣческаго, то на нихъ всѣхъ мы увидали бы отпечатокъ смиренномудрія. Безъ этой добродѣтели невозможно наследовать царствіе небесное. Оно обѣцано нищимъ духомъ.

Да и во временной земной нашей жизни отъ добродѣтели смиренія получается превеликая польза. Господь Самъ покровительствуетъ смиреннымъ. Онъ *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. IV, 6). *Всякъ возносяйся смирится: смиряяй же себе вознесетъ*, сказалъ намъ Господь Иисусъ Христосъ (Лук. XVIII, 14). Посему и апостолы взываютъ къ намъ: *смиритесь предъ Господомъ, и вознесетъ вы* (Іак. IV, 10); *смиритесь подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время* (1 Петра V, 6). Помощь во благое, скорое заступленіе и спасеніе Господь даруетъ смиреннымъ, а гордыхъ и превозносящихся обѣщаетъ низложить и смирить.

Если же такъ превозносится добродѣтель смиренномудрія, и по существу своему она такъ важна для всѣхъ, то почему же люди, даже православные христіане, и зная то ея какъ будто не хотятъ, не цѣнятъ и не стараются поставить ее правиломъ своей жизни? Кажется, зависитъ это отъ гордости людской. Премерзкій грѣхъ этотъ застилаетъ глаза человѣка и не даетъ ему возможности видѣть себя, уразумѣть свое духовное состояніе и смириться. Такъ онъ и пребываетъ въ самообольщеніи. „Бѣденъ и окаяненъ человѣкъ, разсуждаетъ святитель Тихонъ, но тѣмъ бѣднѣйшій и окаяннѣйшій есть, что не

видитъ своей бѣдности и окаянства. Думаетъ, что онъ бѣлъ, но онъ, какъ воронъ, черный. Думаетъ, что онъ видитъ и знаетъ все, но онъ слѣпъ и ничего не знаетъ. Думаетъ, что онъ богатъ, но онъ подлинно нищъ и убогъ. Думаетъ, что онъ честенъ, но онъ безчестенъ, приложися скотомъ и уподобися имъ. Думаетъ, что онъ добръ, но онъ есть подлинно золь. Думаетъ, что онъ здоровъ, но онъ подлинно разслабленъ. Думаетъ, что онъ счастливъ, но онъ бѣднѣйшій и окаяннѣйшій паче всякаго созданія. Грѣхъ содѣлалъ его таковымъ... Начало благополучія—познать свое неблагополучіе, якоже начало здравія—познать свою немощь. Христіанине! познай свою бѣдность и признай, и будеши благополученъ, яко будеши смиренъ“ (Сокровище дух., отъ міра собираемое. Твор. т. IV, 179 стр.). Въ смиреніи Святитель видитъ начало благополучія.

Преподобный Исидоръ Пелусіотъ, мужъ ученый, подвижникъ благочестія, о добродѣтели этой говоритъ, что она служитъ наилучшимъ основаніемъ здравія души. Всѣ добродѣтели безъ духовной нищеты, какъ зданія безъ фундамента, не могутъ прочно созидаться и долго стоять. Преподобный Макарій о семъ же предметѣ пишетъ такъ: „Если увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тѣмъ, что онъ—причастникъ благодати, то хотя бы и знаменія онъ творилъ, и мертвыхъ воскрешалъ, но если не признаетъ души своей безчестною и уничиженною и себя нищимъ по духу и грѣшнымъ, тотъ окрадается злобою, и самъ того не знаетъ. Если и знаменія онъ творить—не должно ему вѣрить, потому что признаковъ христіанства и тому, кто благоискусенъ предъ Богомъ, стараться таить сіе отъ людей, и если имѣетъ у себя всѣ сокровища царя, скрывать ихъ и говорить всегда: не мое это сокровище, другой положилъ его у меня,—а я нищій; когда положившій захочетъ, возьметъ его у меня. Если же кто говоритъ: богатъ я, довольно съ меня и того, что приобрѣлъ больше не нужно, то таковой не христіанинъ, а сосудъ

прелести и діавола; ибо наслажденіе Богомъ ненасытимо, и въ какой мѣрѣ вкушаетъ и причащается кто, въ той дѣлается болѣе алчущимъ. Такіе люди имѣютъ горячность и неудержимую любовь къ Богу; чѣмъ болѣе они стараются преуспѣвать и приобрѣтать, тѣмъ болѣе признаютъ себя нищими, во всемъ скудными и ничего не приобрѣтшими. Они говорятъ: нѣсть достоинъ, дабы сіе солнце меня освѣщало. Таковъ признакъ христіанства—смиреніе“. Преподобный Варсонофій смиреніе, или духовную нищету, что одно и то же, почиталъ матерью всѣхъ добродѣтелей. И преподобный Исаакъ Сиринъ говоритъ: „пока человѣкъ не смирится, не получаетъ награды за свое дѣланіе. Награда дается не за дѣланіе, а за смиреніе“.

Итакъ, слово Божіе писанное и неписанное равно свидѣтельствуемъ о величій христіанской добродѣтели, именуемой нищетою духовною или смиреніемъ. Господь Самъ обѣщаетъ не отвергнуть сердца смиреннаго и сокрушеннаго и не только это, но и превознести смиренныхъ, даровавъ имъ благодать. Поревнуемъ, братіе, о приобрѣтеніи этой матери всѣхъ добродѣтелей. Не бойтесь: не тяжело и приобрѣтать-то навѣкъ въ ней. Конечно, природа наша послѣ грѣхопаденія прародителей особенно стала тяготить къ гордости. Вотъ съ этою наклонностію и начните вести борьбу. Всякій разъ, какъ только ощутите въ душѣ приступъ желанія превозвестись, такъ немедленно постарайтесь увѣрить себя въ нищету духа. Выдается ли вашъ умъ и прочіе духовные таланты или имѣете навѣкъ къ какой-либо добродѣтели, вы и не смѣйте помыслить когда либо услаждаться внутренно или хвалиться открыто этими талантами. Господь Богъ все это даровалъ вамъ и во всякую минуту можетъ и отнять. Что же тогда будетъ съ вами? Еще неразумнѣе гордиться какими нибудь преимуществами внѣшними: богатствомъ ли, властію ли, или положеніемъ въ обществѣ. Былъ очень богатъ праведный Іовъ, и въ одинъ день сдѣлался бѣднякомъ. А нынѣ развѣ

рѣдки таковыя переходы отъ богатства къ бѣдности? Власть же нынѣ въ вашихъ рукахъ, а завтра у васъ ее могутъ взять и предоставить другому. Если вы были властолюбивымъ и гордымъ, вамъ будетъ тяжело перенести неожиданныя перемѣны. Смиранный же неособенно огорчится ими. Праведный Іовъ легко переносилъ до крайности тяжелые удары, такъ быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ. А почему? Потому что онъ смирился подъ крѣпкую руку Божію и не ропталъ, и не спрашивалъ съ уязвленной гордостію, за что де онъ такъ наказанъ. И нынѣ всякій богатый и знатный пусть смиряется предъ Господомъ Богомъ, непрестанно помня, что Богъ гордымъ противится. Пусть богатый смотритъ на свое богатство, какъ на Божій даръ, данный ему во временное обладаніе. Къ тому же, что дано во временное владѣніе, не слѣдуетъ и привязываться сердечно. Посему неразумно опираться и почитать себя твердо обосновавшимся на томъ, что по существу своему хрупко и ненадежно. Лучше сдѣлаетъ богатый, если позаботится о пріобрѣтеніи нищеты духовной. Счастливейе онъ будетъ, когда смиренно предъ Господомъ Богомъ исповѣдуетъ себя бѣднымъ и требующимъ благодатной помощи во спасеніе. Внѣшнее богатство нисколько не препятствуетъ нищетѣ духовной. Послѣдняя можетъ развиваться и окрѣпнуть въ душѣ самаго знатнаго богача. Точно то же скажемъ мы и надѣленнымъ властію и высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Пусть они не превносятся, а смиряются и говорятъ, что въ очахъ Божіихъ они послѣдніе изъ послѣднихъ. Таковыхъ смиренныхъ рабовъ Своихъ Самъ Господь любить и превозносить. Желаете ли вы видѣть челоуѣка, надѣленнаго отъ природы блестящимъ умомъ, весьма хорошо образованнаго, римскаго гражданина, выдававшася съ молодыхъ лѣтъ талантами у современниковъ и уже снискавшаго благоволеніе у первосвященника и членовъ синагога? Мы разумѣемъ Савла, гонителя церкви Божіей по невѣдѣнію. Сего Савла Самъ Господь Іисусъ Христосъ Своимъ

явленіемъ привлекъ къ апостольскому подвигу. Онъ особенно былъ ущедренъ благодатными дарами и сверхъестественными откровеніями, да и потрудился, какъ самъ заявилъ предъ всѣмъ свѣтомъ, очень много во благовѣстіи Христовомъ. Скажите, было ли чѣмъ погордиться св. ап. Павлу? Да, было. Но въ немъ были инья чувствованія. Вотъ онъ пишетъ своему ученику Тимоею: „вѣрно и всякаго пріятія достойно слово, что Христосъ Іисусъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый“ (1 Тим. 1, 15). Если св. ап. Павелъ себя-то именуетъ первымъ изъ грѣшниковъ, то какой же примѣръ духовной нищеты онъ подаетъ намъ? Если уже онъ первый изъ грѣшниковъ, то какимъ именемъ мы станемъ называть себя по смиренію? Будучи нищъ духомъ, Апостоль и ученикамъ своимъ [внушалъ болѣе всего украшаться смиреніемъ.

А если вы спросите: да какъ же пріобрѣсти сію мать всѣхъ добродѣтелей? Вѣдайте же, что средствомъ къ пріобрѣтенію нищеты духовной служить сознаніе полной зависимости насъ отъ Господа Бога. Безъ Него мы ничего добраго не можемъ совершить (Іоан. XV, 5). Съ другой стороны, уже очень немощны мы душою, когда сами своими только силами стремимся къ совершенству въ добродѣтеляхъ. А когда сознаешь немощи души, то невольно уже обратишь взоры къ щедрому Богу, Подателю благъ. Вотъ, что пишетъ авва Дороей: „Кто постоянно внимаетъ себѣ, вникаетъ въ свое душевное состояніе, тотъ скоро увидитъ, что, какъ только онъ возьмется за дѣло Божіе, врагъ еще крѣпче возьмется за него,—станетъ посѣвать въ немъ разные помыслы, возбуждать страсти, а совнѣ смущать его то обольщеніями, то скорбями; а у человѣка не достанетъ ни благоразумія, ни силъ не только сдѣлать богоугодное дѣло, побѣдить врага, преодолѣть искушенія, подавить въ себѣ страсти, но даже съ помыслами своими не можетъ совладать самъ собою безъ помощи Божіей. Убѣдившись въ своемъ [безсиліи и

грѣховной нечистотѣ, человѣкъ невольно смиряется, съ сокрушеніемъ сердца припадаетъ къ Богу, молясь о помощи“. А къ приобрѣтенію смиренія пригодны и труды тѣлесныя, совершаемыя благоразумно. Но сильнѣе въ этомъ отношеніи молитва, чтобы Господь даровалъ духа нищеты, смиренія. Молящійся получить и прославить Господа Бога, дарующаго рабу Своему столь дорогой даръ. Буди, Господи, милостивъ ко всѣмъ намъ!

Василій Епископъ Можайскій.

Священныя основы самодержавія и наслѣдственности и наше къ нимъ отношеніе ¹⁾).

Клятсѣя Господь Давиду истинною и не отвержется отъ нея: отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ (Псал. 131, 11).

Вотъ ясное, рѣшительное свидѣтельство слова Божія о преемственности царской власти. Вспоминая нынѣ день рожденія Наслѣдника царскаго престола въ нашей Святой Руси, мы къ своему великому утѣшенію усматриваемъ въ этомъ псаломскомъ изреченіи ту радостную истину, что цари вступаютъ на престолъ и царствуютъ по волѣ Вседержавнаго Царя и Господа, что и самое рожденіе ихъ бываетъ плодомъ особаго устроенія Промысла Божія, пекущагося о поддержаніи власти царской. Человѣкъ только является на свѣтъ, еще младенецъ въ колыбели, но ему уже предуказуется свыше будущее величіе и слава царская.

И какъ жаль, что нынѣ часто такія, издревле общепризнанныя и очевидныя, истины подвергаются сомнѣніямъ, перетолкованіямъ, пререканіямъ, и люди, даже изъ именующихся православными, вмѣсто перста Божія, указующаго всякому человѣку подобающее ему въ мірѣ мѣсто, вмѣсто державной десницы Божіей, всѣмъ управляющей, вмѣсто недремлющаго ока, назирающаго всю вселенную, приписываютъ все, въ мірѣ происходящее, простому случаю, случайному сочетанію естественныхъ явленій!

¹⁾ Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Алексія Николаевича.

Послушайте, какъ картинно живописуетъ боговдохновенный псалмопѣвецъ промышленіе Божіе о человѣкѣ съ самаго зачатія его. *Господи! всѣ пути мои извѣстны Тебѣ. Дивно для меня вѣдѣніе Твое,—высоко,—не могу постигнуть его! Ты устроилъ внутренности мои и соткалъ меня во чревъ матери моей. Не сокрыты были отъ Тебя кости мои, когда я создаемъ дылъ въ тайнѣ, образуемъ былъ во глубинѣ утробы. Зародышъ мой видѣли очи Твои, въ Твоей книгѣ записаны всѣ дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было* (Псал. 138, 1. 3. 6. 13. 15. 16).

Вотъ, гдѣ по непреложному ученію слова Божія кроется тайна бытія человѣческаго! Вотъ, откуда истекаетъ струя будущей жизнѣдѣтельности *всякаго* человѣка, *грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9). Благодать Божія—вотъ та могучая сила—которая предусмотрительно указываетъ человѣку положеніе, которое онъ долженъ занять, живя на землѣ, и дарствуетъ потребныя на то силы и способности, какъ и учитъ Апостоль: *вся сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11): одному даетъ одинъ талантъ, другому два, иному пять, *коемуждо противу силы его* (Матѣ. 25, 15). И нѣтъ такого случая въ нашей жизни, гдѣ бы не бдѣлъ надъ нами Премудрый и Всеблагій Промыслъ Божій, *о Немъ бо живемъ и движемся, и есмы* (Дѣян. 17, 28).

Если всякое званіе и состояніе указывается человѣку Богомъ, то къ отдѣльнымъ лицамъ, занимающимъ то или другое положеніе на землѣ, мы должны относиться, какъ къ слугамъ Божиимъ. И чѣмъ выше самое званіе, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ должны почитать этихъ лицъ, какъ Самимъ Богомъ къ тому призванныхъ. Особенно же должно быть воздаваемо почтеніе и оказываемо повиновеніе всѣмъ начальникамъ, всѣмъ властямъ предержащимъ, что такъ настойчиво и рѣшительно внушаетъ Апостоль Павелъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). Подобнымъ же

образомъ и Апостоль Петръ говоритъ: *повинуйтесь всякому человеку созданію Господа ради: аще царю, яко преобладающему: аще ли княземъ, яко отъ него посланнымъ. Яко тако есть воля Божія* (1 Петр. 2, 13. 14. 15). Почтительное отношеніе къ начальству, повиновеніе всѣмъ высшимъ себя, покорность царской власти, составляя существенную обязанность каждаго, служить въ то же время залогомъ счастья земного и преуспѣянія каждаго члена общества. Обозрите міровую исторію, всмотритесь въ судьбы царствъ земныхъ, и вы увидите, что гдѣ крѣпка власть царская, гдѣ законъ подчиненности и повиновенія былъ въ уваженіи, тамъ и общество становилось крѣпче, тамъ и народъ дѣлался сильнѣе. Равнымъ образомъ и обратно: всякое ослабленіе власти, неуваженіе къ ней имѣло естественнымъ послѣдствіемъ распаденіе общества, ослабленіе политической жизни народа. Особенно ярко проявилось это три вѣка тому назадъ въ судьбахъ царства русскаго, когда оно, предъ тѣмъ сильное и все болѣе приобрѣтавшее славу и могущество, съ паденіемъ царской власти такъ низко упало, что едва не лишилось политической самостоятельности; но вслѣдъ за тѣмъ, съ поднятіемъ значенія царской власти, стало быстро крѣпнуть и возвышаться.

И изъ сказаннаго о необходимости для народовъ царской власти, и особенно изъ того, какою она была и въ древности у народа Божія и на святой Руси нашей, понятно, что царская власть, мыслимая при этомъ, есть власть самодержавная, милостію и силою Божіею утвержденная. *Мною царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду* (Притч. 8, 15). Поэтому всякій дерзающей низвести власть царя съ пьедестала самодержавія, не отъ воли народной зависимаго, а покоящагося на воли Божіей, показываетъ нежеланіе должнаго повиновенія и такимъ образомъ дѣлается ослушникомъ воли Божіей или, по слову Апостола, *Божію повелѣнію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ приемятъ* (Рим. 13, 2).

Да и по существу дѣла, что изъ себя представляетъ государство и стоящій во главѣ его царь? Это не что иное, какъ обширное семейство, имѣющее у себя отцемъ царя. А если такъ, то и власть царя должна быть во всемъ подобна власти отцовской. Не самъ каждый избираетъ себѣ отца, не отъ дѣтской воли зависитъ власть отца, и не можетъ она быть дѣтской волей ограничена. То же должно сказать поэтому и о власти царской.

Какъ радостно должно быть для насъ клятвенное увѣреніе, данное Господомъ Давиду: *отъ плода чрева твоего посажду на престолъ твоемъ*. Въ немъ залогъ и ручательство благоденственнаго и мирнаго житія на многія лѣта и для нашего отечества; ибо хотя обѣтованіе это, дано было Давиду, но по внутренней неразрывной связи ветхаго Завѣта съ Новымъ, по единству благодатной силы Божіей, отъ Христа, Божіей міроуправящей Премудрости, исходящей, оно можетъ преизлиха предъ прочими царями относиться и къ нашимъ православнымъ государямъ, и къ нашему православному отечеству, поскольку оно останется вѣрнымъ вѣрѣ и завѣтамъ отеческимъ. Не дадимъ обольстить себя вождельніямъ народовластія, которымъ обольщаютъ насъ проповѣдники „народной свободы“, и останемся твердыми въ той мысли, что безъ наслѣдственности не можетъ быть ни твердости Царской власти, ни прочности царства.

Вотъ почему семейная радость Царя нашего о рожденіи сына есть общая радость всѣхъ насъ, всего народа русскаго; день рожденія наслѣдника русскаго Царя есть знаменіе Божія благоволенія къ русскому народу—Божія благословенія. И всякій добрый христіанинъ, всякій вѣрный сынъ отечества свѣтло ликуетъ и радуется въ день рожденія Наслѣдника Царя. А по мѣрѣ возрастанія виновника торжества эта радость каждый годъ усугубляется; особенно же велика эта радость для насъ, москвичей, въ настоящемъ году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Его пребыванія среди насъ, когда Августѣйшій Наслѣдникъ

предсталъ предъ взоромъ народа не въ младенческомъ возрастѣ, какъ прежде, но въ болѣе сознательномъ возрастѣ отрока. Вспоминается при семъ, какая свѣтлая радость объяла русскія сердца девять лѣтъ тому назадъ при первыхъ извѣстіяхъ о рожденіи Его Императорскаго Высочества, въ теченіе десяти лѣтъ томившіяся напрасными, казалось, ожиданіями. И благодареніе Всевышнему, назпрающему Землю Русскую и блюдущему благословенный Домъ Романовыхъ, въ Рожденіи Наслѣдника Цесаревича являющему великую милость ко всѣмъ намъ, живущимъ подъ скипетромъ Царя русскаго!

Но радость наша, наше народное ликованіе должно имѣть соотвѣтственное ему выраженіе. Въ чемъ же мы можемъ выразить свою радость? Не надо много задумываться надъ мыслию о неразумности и грѣховности свою радость о томъ или иномъ выражать одними лишь праздничными ликованіями и увеселеніями; это недостойно человѣка, какъ существа разумнаго, призваннаго къ богоподобію.

Первымъ и существеннымъ выраженіемъ нашей радости должна быть молитва къ Богу. *Молю прежде всѣхъ*, внушаетъ святой Апостоль Павелъ своему ученику Тимоѳею, *творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки: за царя и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (I. Тим. 2, 1—2). Да это такъ понятно, когда Богъ воздвигаетъ царей на престолы, сообщаетъ имъ мудрость и силу управлять народомъ. Отъ Бога же зависитъ успѣхъ начинаній царскихъ и дѣйствительность средствъ, употребляемыхъ имъ къ созиданію блага общественнаго; Господь же даетъ теперь жизнь и силы и Наслѣднику престола и стройное развитіе его силъ умственныхъ и нравственныхъ. Какъ же въ день рожденія Наслѣдника не помолиться Господу, какъ не вознести Ему гласъ хваленія и благодаренія за милости, явленныя Имъ русскому народу въ дарованіи Наслѣдника Русскому Царю, въ его возвра-

станіи, въ укрѣпленіи его силъ тѣлесныхъ и душевныхъ! Какое высокое зрѣлище, когда люди всякаго званія, чина, состоянія и возраста, мужи и жены въ дни торжествъ о Царѣ своемъ и Его благочестивѣйшемъ родѣ сливаются всѣ во едино въ молитвѣ, когда прежде всякаго начинанія спѣшати предстать предъ лице Господне и тѣмъ свидѣтельствуютъ истинную преданность Царю, Богомъ помазанному! Растворяя въ молитвѣ сердце свое теплотою, мы даемъ и мыслимъ доброе настроеніе, при которомъ кичливость ума и самопревозношеніе уступаютъ мѣсто смиренной благопокорливости царской волѣ и, что особенно важно, незамѣтнымъ образомъ воздѣйствуемъ на подрастающее поколѣніе, внушая тотъ же духъ дѣтямъ. *Благо есть уповати на Господа* (Пс. 117, 9). *Уповайте на Него весь сонмъ людей; изліяйте предъ Нимъ сердца ваша, яко Богъ помощникъ намъ* (Пс. 61, 9).

Но, благодаря Господа за дарованнаго намъ Наслѣдника престола царскаго, призывая благословеніе Всевышняго на развитіе въ Немъ силъ нравственныхъ и умственныхъ, на дарованіе ему здравія тѣлеснаго, приложимъ стараніе и сами быть достойными тѣхъ милостей, какихъ испрашиваемъ у Бога, такъ какъ дарованія, прибрѣтаемыя Его Высочествомъ, близко касаются насъ самихъ, должны простираться на все царство и народъ. Узокъ и односторонень тотъ взглядъ, будто для благоденствія и могущества государства важно одно, чтобы во главѣ его стоялъ добрый и мудрый царь, и нѣтъ нужды заботиться о томъ, чтобы сами мы соотвѣтствовали такому царю, чтобы и наши качества, хотя бы сколько-нибудь, приближались къ его высокимъ качествамъ. Все бремя правленія страной возлагаемъ на царя, *а сами не хотимъ и перстомъ двинуть* (Матѣ. 23, 4). Все, въ чемъ нуждается народъ, привыкли мы ожидать отъ царя и неудачи въ царскихъ начинаніяхъ, какія могутъ случаться и бывають, неблагоустроеніе общественное, многіе склонны приписывать Ему же, какъ будто сами въ томъ неповинны.

Нѣтъ, это не такъ. Дайте художнику дурной матеріаль, и онъ при всемъ своемъ стараніи и искусствѣ не въ состояніи будетъ создать достойное его произведеніе. Представьте стадо, въ которомъ много животныхъ съ поровомъ, беспокойныхъ, бѣшеныхъ. Ну что можетъ сдѣлать съ ними пастухъ, хотя бы и очень опытный и старательный? Какъ онъ можетъ сберечь свое стадо въ цѣлости? Великъ былъ духомъ Моисей, избранникъ Божій, горячо любилъ свой родной народъ, ходатайствовалъ за него предъ Богомъ, но ничего не могъ сдѣлать, чтобы укротить жестоковѣрный нравъ еврейскаго народа, который осужденъ былъ Богомъ на сорокалѣтнее странствованіе по пустынѣ. Такъ и царь при всѣхъ своихъ благихъ пожеланіяхъ, при всѣхъ мудрыхъ начинаніяхъ для блага народа, при всѣхъ личныхъ высокіхъ качествахъ не много успѣетъ, если сами подданные его не высокіхъ душевныхъ качествъ.

Забота о воспитаніи Наслѣдника Цесаревича лежитъ на обязанности Его Августѣйшихъ Родителей, и нѣтъ сомнѣнія, что Онъ будетъ воспитанъ, какъ подобаешь Наслѣднику престола Русскаго царства, въ преданіяхъ благочестиваго Дома Романовыхъ, и унаслѣдуетъ всѣ высокія качества Родителей: преданность православнои вѣрѣ, любовь къ отечеству и къ русскому народу, чтобы со временемъ во всеоружіи доблестей царскихъ вступить на прародительскій престолъ *судити людемъ въ правдѣ* (Пс. 71, 2). Но чтобы благоуспѣшно было Его царствованіе, на насъ всѣхъ лежитъ долгъ воспитать своихъ дѣтей—будущихъ гражданъ царства Русскаго—въ вѣрѣ и благочестіи, внѣдрить въ нихъ глубокое почитаніе и благоговѣніе къ Верховной власти, покорность Царю и властямъ, отъ Него поставленнымъ, любовь къ труду и ревностное служеніе обязанностямъ своего званія, самоотверженное служеніе ближнему, отвращеніе отъ всего порочнаго и безчестнаго. Каждый отецъ семейства, самъ служа образцомъ для дѣтей, долженъ озаботиться, чтобы и въ нихъ, въ глубинѣ ихъ юныхъ сердець, были заложены сѣмена христіанскихъ доб-

родѣтелей. Забота наша въ отношеніи дѣтей не должна ограничиваться одностороннимъ развитіемъ ума, къ чему такъ склонно наше время, но должна простираться и на всѣ прочія силы и способности душевныя, чтобы при гармоничномъ развитіи всѣхъ ихъ дѣти возрасли цѣлостными личностями, съ прямыми, трезвыми взглядами на жизнь, съ твердымъ характеромъ, съ крѣпкими убѣжденіями. Вотъ тогда подрастающее поколѣніе окажется твердымъ фундаментомъ будущаго славнаго царствованія, дастъ полезныхъ дѣятелей и способныхъ сотрудниковъ Царю въ Его великомъ и отвѣтственномъ дѣлѣ народоправленія. Нося въ самихъ себѣ твердые и нравственные устои, они не увлекутся никакими зловредными ученіями, какія нынѣ во множествѣ распространяются сѣятелями нечестія и, смущая легковѣрныхъ, служатъ источникомъ смуть и волненій народныхъ. Ихъ не прельститъ призракъ ложно понимаемой свободы, въ сущности граничащей съ своеволіемъ и разнузданностію воли, неуважительно относящейся къ мнѣніямъ и желанію другихъ, но гордо требующей проведенія въ жизнь своихъ личныхъ стремленій и пожеланій. Лица, воспитанныя на началахъ законности и уваженія власти, свободно, непринужденно будутъ итти навстрѣчу всѣмъ законнымъ требованіямъ, въ чемъ именно и состоитъ истинная свобода.

При такомъ общественномъ настроеніи Царю будетъ легче управлять народомъ и вести его ко благу и преуспѣванію. Блеснетъ свѣтлый лучъ счастья и довольства и въ нашей въ послѣдніе годы изстрадавшейся и измученной отъ нестроеній и смуть дорогой Руси.

Проникнемся же, братіе соотечественники, сознаниемъ своей отвѣтственности предъ Государемъ и предъ всѣмъ царствомъ Русскимъ и не престанемъ молить Бога за Царя, Его Августѣйшаго Наслѣдника и за весь родъ царскій. *Боже, судъ Твой царице даждь и правду Твою сыну царицу* (Пс. 71, 1).

Протоіерей В. Сергіевскій.

КАКЪ НАДОВНО ТРУДИТЬСЯ ВЪ ДѢЛѢ УЧЕНІЯ.

(Къ началу учебнаго года).

Стоимъ вновь предъ началомъ учебнаго года. Благополезно вспомнить общую заповѣдь Христову, имѣющую отношеніе ко всѣмъ видамъ труда, въ частности—труда ученья: „Если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною“. (Мѡ. XVI, 24; Мрк. VIII, 34; Лук. IX, 23).

Но кто можетъ не хотѣть итти за Господомъ Исусомъ Христомъ? Кто знаетъ Его, тотъ не можетъ не хотѣть этого. Даже свободомыслящіе, нецерковные люди, даже враги Христа, какъ Бога, какъ Единороднаго Сына Божія, по существу,—и тѣ убѣжденно признаютъ Его святымъ, безгрѣшнымъ, достойнымъ подражанія,—образомъ, Котораго никто никогда не превосходилъ цѣльностью и высотой жизни. А для насъ, вѣрующихъ, Онъ—безусловно Единный Сынъ человѣческой, прекраснѣе „добротою“ (духовною красотою и величіемъ Своимъ) „всѣхъ сыновъ человѣческихъ“ (Ис. XLIV, 3),—Онъ же и Сынъ Бога Живаго, Источникъ „благодати и истинны“ (Іоан. 1, 17), имѣющій „слова вѣчной жизни“ (Іоан. VI, 68). Кромѣ Него, „Кроткаго и Смиреннаго сердцемъ“ (Матѡ. XI, 29), Увѣнчаннаго и Превознесеннаго славою за претерпѣніе крестной смерти (Евр. II, 7. 9) за весь міръ, нѣтъ иного, и не можетъ быть,—„о Немже подобаетъ спастися намъ“ (Дѣян. IV, 12). Онъ—Свѣтъ, „просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“ (Іоан. 1, 9), Онъ—„Путь, Истина и Жизнь“ (Іоан. XIV, 5). Онъ—все, „начало и конецъ“ всего (Апок. 1. 8).

Но итти за Нимъ значитъ итти путемъ *креста* и самоотверженія. Другого пути нѣтъ! Вотъ и предъ вами крестъ—крестъ труда и для учащихъ, и для учащихся. Ученіе требуетъ самоотверженія. На крестѣ надобно распинать свою волю, свою подвижную, увлекающуюся волю, склонную къ злу, охотно отдающуюся лѣности и праздности и требующую большого напряженія для того, чтобы посвятить себя крестоношенію и самоотверженію въ *трудѣ*, чтобы забыть при этомъ о многомъ—многомъ, можетъ быть очень заманчивомъ, съ житейской точки зрѣнія.

Есть, впрочемъ, разные виды того, что называется трудомъ. Трудятся люди по-разному, съ различными цѣлями, по различнымъ побужденіямъ. Трудятся въ наше время просто даже для того только, чтобы „убить время“: некуда дѣваться отъ праздности, отъ избытка силъ и средствъ, отчего не развлечься? Въ учебномъ заведеніи не всегда можно учиться, работать, а можетъ быть найти и забаву. Товарищество многочисленное,—какъ-то само по себѣ весело: разговоры, шутки, новости, „флиртъ“, „спортъ“ и т. д.—Не таковъ долженъ быть нашъ трудъ!

Трудятся по-своему слуги—рабы, обычно изъ-подъ неволи, чаще всего—со скорбью и озлобленіемъ на сердца, иногда съ проклятіемъ и въ душѣ, и на устахъ, но стараются замаскировать свое настроеніе и быть внѣшне угодливыми и аккуратными. Это—обманъ себя самихъ и, особенно, тѣхъ, на кого приходится работать. Въ такомъ трудѣ, въ самомъ ядрѣ его—гнилость и разложеніе, смертная язва.—Не таковъ долженъ быть нашъ учебный трудъ!

Трудятся, тоже по-своему, такъ называемые казенные люди, или „люди въ футлярѣ“, по часамъ и росписанію, можетъ быть, и исправно, и съ большимъ напряженіемъ силъ, до утомленія, но только по шаблону, только „во исполненіе“, только какъ машина, по механическому закону повторенія. Нѣтъ жизненности въ этомъ трудѣ, нѣтъ подъема души, нѣтъ свѣтлаго взгляда на смыслъ бытія, нѣтъ мѣста звучному гимну въ честь Творца, „отъ

избытка сердца“ (Мтѣ. XII, 34) исходящему.—О, не такой долженъ быть нашъ трудъ въ учебной работѣ!

Трудятся, наконецъ, люди—и, можетъ, въ большинствѣ ради куска насущнаго хлѣба. И это было-бы естественно и не противно христіанской нравственности, если-бы трудящійся относился къ вопросу о насущномъ хлѣбѣ по заповѣди Христа, по смыслу четвертаго прошенія молитвы Господней, прося его себѣ у Отца Небеснаго на „сегодня“ только, не только не желая, но и боясь всякаго излишества для своихъ личныхъ, большею частью—искусственныхъ, придуманныхъ надобностей. Но въ томъ-то и суть, что въ наше время все отдается этимъ мнимымъ надобностямъ, всякимъ избалованнымъ, плотоугодливымъ вкусамъ, „имже нѣсть числа“.—И вотъ до чего доходитъ это поклоненіе современнымъ идоламъ, что и храмы науки превращаются—нерѣдко и очень многими—въ мастерскія аттестатовъ и дипломовъ. Лишь бы перелѣзть изъ класса въ классъ, изъ средняго заведенія въ высшее, лишь бы, въ концѣ концовъ, заручиться дипломомъ, а съ нимъ и доходнымъ мѣстомъ, высокимъ положеніемъ, почетомъ и т. п.—О, это великая, смертоносная язва нашихъ временъ! Сохрани насъ, Господи, отъ зараженія ею! Прочь отъ васъ всякія утилитарныя, корыстныя соображенія! Не можетъ быть бѣльшаго зла для учебнаго и для научнаго труда, какъ то, когда высшую идейную цѣнность переводятъ въ цѣнность коммерческую.

Страшно сказать про наше время: какъ легкомысленно теперь оставляютъ заповѣдь Господню о несеніи креста! какую дешевою цѣною думаютъ нынѣшніе христіане приобрести драгоцѣнный „бисеръ“ Христа! (Мтѣ. XIII, 45).

Отъ насъ, учащихъ и учащихся, требуется трудъ, подлинно христіанскій, крестный трудъ, самоотверженный, проникнутый одушевленіемъ. „Огонь“ принеси Іисусъ Христосъ на землю, и какъ желалось Ему, „чтобы этотъ огонь разгорѣлся!“ (Лук. XII, 49). До пришествія Христова огонь совсѣмъ—совсѣмъ погасалъ на жертвенни-

кахъ душъ человѣческихъ. Холодъ разливался по духовному организму человѣчества. Трудъ былъ въ пренебреженіи,—его считали удѣломъ рабовъ. Жизнь потеряла свой настоящій смыслъ: она вся растянулась въ плоскости эгоизма и эпикурейства. Цѣнность ея свели на плотскія удовольствія. Духъ покорился плоти и едва-едва тлѣлъ подъ пепломъ житейской пошлости.

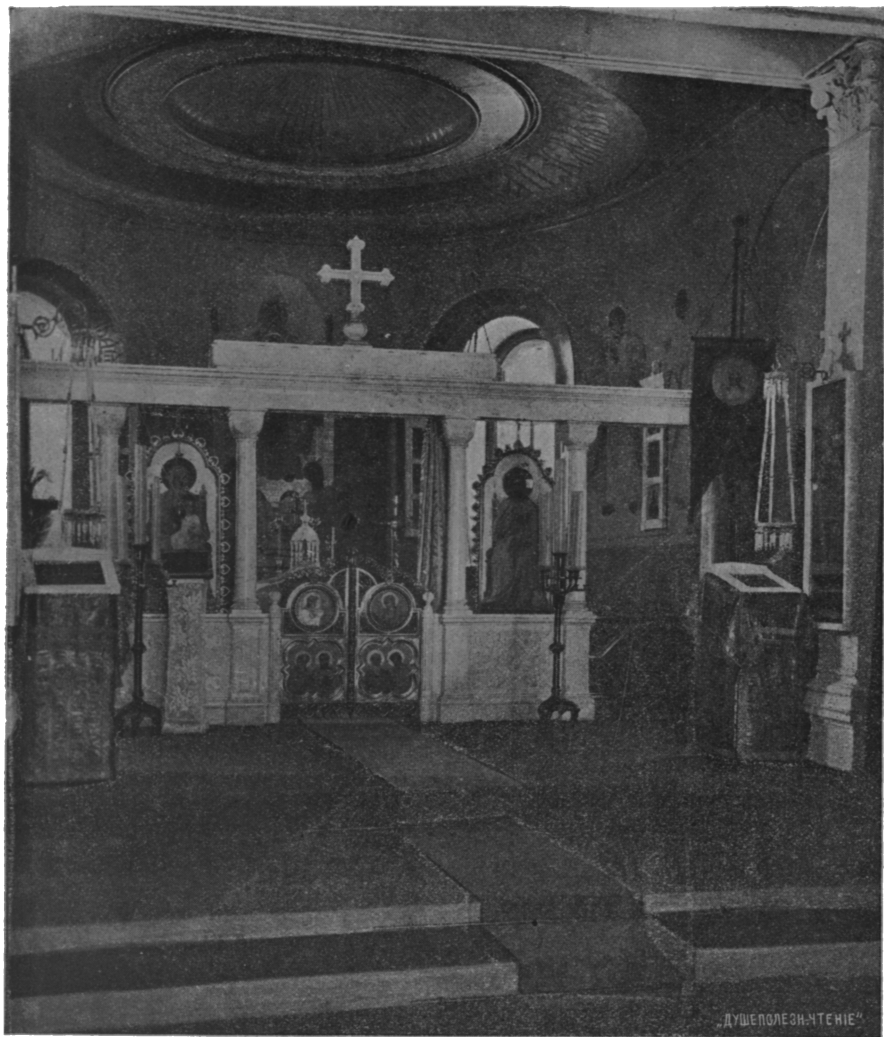
Христіанская Церковь содержитъ въ себѣ огонь, принесенный на землю Иисусомъ Христомъ,—огонь неугасимый. Какъ нѣкогда великій Моисей получилъ свое пророческое призваніе на горѣ Хоривѣ изъ среды горящаго и несгорающаго терноваго куста, такъ и мы—и мы, какъ сыны Новаго Завѣта, по-преимуществу должны искать себѣ на горѣ алтарей церковныхъ невещественнаго огня одушевленія, единосущнаго съ тѣмъ, что получили ученики Христа въ великій день новой первой Пятидесятницы. И какъ эти, духовные и богопросвѣщенные посланники Христовы отъ того дая на-всегда, на вѣкъ утвердились въ ревности своего призванія и одушевлялись все больше и больше, восходя „отъ силы въ силу“ въ своихъ апостольскихъ трудахъ, положивъ въ нихъ все, что имѣли и что могли, а въ концѣ—и самую жизнь свою, такъ и мы, „въ мѣру“ (Еф. IV, 7) благодатнаго своего освященія, должны стать твердо на дѣло свое и ему посвятить всѣ силы свои, не по частямъ, даже не на половину работая, безъ ропота и озлобленія, не оглядываясь назадъ и по сторонамъ, но со всѣмъ усердіемъ и ревностью, безраздѣльно, безповоротно,—и ужь, конечно, не изъ-за „гнуснаго прибытка“, но „по Бозѣ“ (1 Петр. V, 12) въ прямомъ направленіи по пути „къ царству Божію и правдѣ его“ (Лук. XII, 31).

Въ напутствіе напомнимъ себѣ и всѣмъ намъ завѣты св. Апостола: „Духа не угашайте!“ (1 Сол. V, 19). „Въ усердіи не ослабѣвайте, духомъ пламенѣйте, Господу служите“ (Рим. XII, 11)! *Протоіерей Н. Боголюбскій.*

ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО ШКОЛЬНАГО ХРАМА.

(Къ воспоминаніямъ о Михаилѣ Никифоровичѣ Катковѣ по поводу 25-лѣтія со дня кончины его. † 20 іюля 1887 года).

А двадцатаго іюля настоящаго года исполнилось двадцати-пяти-лѣтіе со дня кончины Михаила Никифоровича Каткова, этого вѣщаго, смѣлаго и неустаннаго поборника благоустроенія жизни нашего отечества на началахъ православія, самодержавія и народности противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ этихъ исторически-сложившихся устоевъ русскаго государства. Почти тридцать лѣтъ неумолчно, изо дня въ день, на страницахъ Московскихъ Вѣдомостей, редакторомъ и издателемъ которыхъ былъ М. Н-чъ, возвѣщалъ и напоминалъ, разъяснялъ и раскрывалъ, защищалъ и отстаивалъ онъ эти устои и въ ихъ основныхъ положеніяхъ, и общихъ чертахъ и въ частности и подробностяхъ въ приложеніи къ разнымъ сторонамъ народной и государственной жизни, и не разъ одинъ противъ всѣхъ, мало понимавшихъ сущность и значеніе этихъ устоевъ и еще менѣе можетъ быть любившихъ свое отечество. Въ доказательство этого достаточно вспомнить время польскаго мятежа въ 1863-мъ году, когда онъ перомъ, а Виленскій сподвижникъ его М. Ник. Муравьевъ мечемъ сдѣлали то же, что 300 лѣтъ тому назадъ—въ смуту, отъ тѣхъ же ляховъ исходившую, сдѣлали Мининъ съ Пожарскимъ... Недаромъ въ только что открытомъ памятникѣ увѣковѣченный на память всѣмъ грядущимъ родамъ, какъ истинно русскій православный Царь Само-

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ“

**Внутренний вид храма въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Лицеѣ въ память
ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ.**

держецъ, Императоръ Александръ III, оплакивая со всѣми истинно-русскими людьми кончину М. Н-ча писалъ, что Россія не забудетъ заслугъ того, сильное слово котораго, одушевленное горячей любовью къ отечеству, возбуждало русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ „смутныя времена“.

Вотъ почему заслуги М. Н-ча, всегда незабвенныя, не могутъ и не должны быть пройдены молчаніемъ особенно нынѣ, въ двадцать пятую годовщину его смерти, когда мы только что пережили подобное прежнимъ лихолѣтіе съ неразлучнымъ съ нимъ забвеніемъ, униженіемъ и осмѣяніемъ отстаивавшихся имъ въ свое время дѣдовскихъ устоевъ нашей жизни и едва, едва начинаемъ опознаваться и разбираться въ своемъ православно-русскомъ самосознаніи во всѣхъ сторонахъ и изгибахъ народной жизни, а въ томъ числѣ, и даже прежде и больше всего, въ духовномъ, религіозно-нравственномъ отношеніи.

Обнимая своимъ орлинымъ взоромъ и болѣзненнымъ сердцемъ насущныя нужды и потребности Русскаго государства и въ его цѣломъ и въ отдѣльныхъ его сословіяхъ въ ихъ экономическомъ, социальномъ, международномъ и др. отношеніяхъ, М. Н-чъ никогда не забывалъ, что хозяйинъ русскаго государства—русскій православный народъ; отецъ народа—вънценокосный Царь-Самодержецъ, а мать—православная Церковь Христова; поэтому-то во всѣхъ вопросахъ государственной-общественной жизни, ратуя за русскую народность (Россія для русскихъ) и Царя Самодержавнаго (Богомъ даннаго), душой этой жизни онъ всегда ставилъ Церковь православную съ хранимыми въ ней Христовой истиной и благодатью: церковь Христову ставилъ, такъ сказать, во главѣ этой жизни. „Мы должны защищать ея интересы пуще всего. Тутъ ни о какой уступкѣ, ни о какомъ послабленіи не можетъ быть рѣчи“, такъ писалъ М. Н-чъ въ 1863 году и потомъ въ томъ же году: „Русскій народъ не можетъ измѣнить православной церкви; въ ней душа его; въ ней его святыня и народность. Въ

ней онъ возросъ; въ ней онъ воспитанъ; ею утверждена его самостоятельность, въ ней его будущность“. Еще сильнѣе тѣ же мысли высказаны были имъ въ 1867 г. въ словахъ: „Нашу церковь нужно называть русскою церковію, потому что она присутствовала при началѣ нашего историческаго бытія, при рожденіи нашего государства. Какъ только мы можемъ запомнить себя, она уже свѣтилась въ нашей тѣмѣ и сопутствовала намъ во всѣхъ превратностяхъ исторической жизни. Она поддерживала и спасала насъ; она проникала во всѣ изгибы нашего существованія и на все наложила свое знаменіе“. Освѣщая православно-церковнымъ свѣтомъ разныя стороны народно-общественной жизни, М. Н-чъ неустанно, прямо и рѣшительно откликался въ своемъ изданіи на всѣ возникавшіе въ его время вопросы жизни собственно церковной, каковы напр. вопросы о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ, инославнымъ и раскольникамъ, о духовно-судебной и учебной реформахъ, о церковныхъ братствахъ, о положеніи духовенства, о греко-болгарской распрѣ и др.

Видное мѣсто въ его общественно-публицистической дѣятельности занималъ вопросъ о народномъ образованіи въ широкомъ смыслѣ этого слова и въ немъ-то, можно сказать, съ особенною силою и ясностію сказалась основная идея его дѣятельности о значеніи православной вѣры и церкви въ дѣлѣ этого просвѣщенія. Достоинно вниманія, что еще задолго до возстановленія церковно-приходскихъ школъ при Императорѣ Александрѣ III, М. Н-чъ, по поводу вопроса о сокращеніи церквей и причтовъ, ссылаясь на исторію духовнаго просвѣщенія въ древней Руси, говорилъ, что народная школа, которая должна не грамотъ только научить народъ и не практически-полезныя свѣдѣнія сообщить ему, а воспитать его въ истинно-христіанскомъ духѣ, неотдѣлима отъ церкви, и служители церкви должны быть первыми учителями народа. Народное учительство, по его мысли, и есть первѣйшая обязанность

діаконства, этого апостольскаго учрежденія, которое, въ современномъ его пониманіи, потеряло свое существенное назначеніе въ церковной жизни. Православно-русская школа, говорилъ онъ, должна проводить въ народъ истинное знаніе не только въ согласіи съ ученіемъ православної церкви, а и подъ ея благодатнымъ покровомъ; отсюда храмъ христіанскій съ его богатствомъ благодатныхъ священнодѣйствій долженъ быть душой школьной жизни, учитель Закона Божія—пастыремъ и духовнымъ отцомъ воспитанниковъ. „Школа, говариваль онъ, это зародышъ, зерно церковнаго прихода, который имѣеть глубокое значеніе въ жизни народной“.

Такое единеніе школы съ церковію и одухотвореніе школьнаго образованія церковно-христіанскимъ воспитаніемъ должно быть, по мысли М. Н-ча, не въ начальной только, въ собственномъ смыслѣ, народной школѣ, а и въ средней и въ высшей. Наглядное и живое осуществленіе этой мысли онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ П. М. Леонтьевымъ задумаль представить въ основанномъ имъ въ 1867 году Лицеѣ въ память Цесаревича Николая.

Въ тѣ — шестидесятые годы прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, въ связи съ другими реформами государственной и общественной жизни, поднятъ былъ вопросъ и о реформѣ народнаго образованія не только низшаго, а и средняго, и высшаго; М. Н-чъ съ другомъ своимъ П. М. Леонтьевымъ принимали въ этомъ дѣлѣ горячее участіе. Видя, что дѣло серьезнаго классическаго образованія, убѣжденными сторонниками котораго были оба они и которое въ принципѣ признано было и другими дѣятелями, на дѣлѣ почти отвергнуто, они и рѣшили основать Лицей какъ такое учебное заведеніе, которое, по ихъ мысли, должно было, не сразу конечно стать, а путемъ опыта и жизни выработать изъ себя типъ строго-классическаго учебнаго заведенія, вполне согласованнаго въ своемъ строѣ съ исконными устоями православно-русской жизни. „Будьте дѣтьми своего народа и доблестными слугами сво-

его Государя и отечества“,—вотъ завѣтное слово М. Н-ча, съ которымъ онъ обратился къ воспитанникамъ основаннаго имъ, во исполненіе своей мысли объ истинномъ образованіи русскаго юношества, Лицея Цесаревича Николая, на первомъ торжественномъ актѣ его, по кончинѣ П. М. Леонтьева. Отсюда, единеніе школьной жизни съ церковною не только въ дѣлѣ воспитанія, а и образованія положено было въ главу угла учебно-воспитательной жизни Лицея, и первый камень при закладкѣ собственнаго зданія Лицея былъ положенъ на томъ мѣстѣ, которое предназначено было для устройства храма. „Такое начало, говорилъ бывший на закладкѣ храма тогдашній генералъ-губернаторъ Москвы, кн. Вл. А. Долгорукій, ясно доказываетъ, что учредители Лицея стремятся дать ввѣренному имъ юношеству образованіе на тѣхъ прочныхъ основахъ религіи, безъ которыхъ немислимо благосостояніе народовъ и государствъ“.

Въ виду того, что въ настоящее время начала эти или не въ православно-русскомъ духѣ истолковываются, или даже и совсѣмъ отвергаются и не только въ дѣйствительной жизни, а иногда и въ предлагаемыхъ проектахъ школьныхъ реформъ, можетъ быть особенно благовременно въ воспоминаніяхъ о М. Н-чѣ обратить вниманіе именно на его отношеніе къ этому вопросу—на то, что сдѣлано имъ самимъ и по его предназначеніямъ послѣ него въ основанномъ имъ Лицеѣ въ этомъ отношеніи.

По мысли М. Н-ча, Лицей долженъ быть классическимъ учебнымъ заведеніемъ не въ томъ только смыслѣ, что въ немъ должны быть преподаваемы древне-греческій и латинскій явйки, а и въ томъ, что въ немъ все вообще дѣло образованія и воспитанія должно быть классическимъ, т. е. глубоко-обоснованнымъ, обнимающимъ предметъ со всѣхъ его сторонъ и строго выдержаннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому общепринятое средство религіозно-нравственнаго образованія юношества въ школѣ, такъ называемый Законъ Божій, какъ предметъ класснаго препода-

даванія, долженъ состоять не въ однихъ лишь нравственно-назидательныхъ бесѣдахъ и не въ заучиваніи учебниковъ, какъ упрощенныхъ и приспособленныхъ къ дѣтскому пониманію изложеній христіанскаго ученія, а въ изученіи и усвоеніи самыхъ основъ этого ученія, какъ они даны намъ въ Церкви Христовой—въ свящ. писаніи, и свящ. преданіи въ широкомъ смыслѣ этого слова и въ согласованіи съ духомъ этого ученія и всѣхъ остальныхъ свѣтскихъ наукъ. Вѣра Христова, какъ солнечный свѣтъ въ природѣ, должна обнимать не одно только умственное образованіе воспитанниковъ, но и ихъ духовно-нравственное воспитаніе, освѣщать свѣтомъ своего ученія и оживлять теплотой своей благодати всю жизнь ихъ; вся школьная жизнь Лицея должна быть не только въ согласіи съ ученіемъ православной церкви, а и подъ покровомъ ея. „Христіанская школа, говорилъ Михайль Н-чъ, есть малый приходъ церковный; законоучитель—пастырь этого прихода, воспитанники—паства его, а храмъ—это тотъ домъ Божій, въ которомъ сосредоточивается и беретъ, такъ сказать, свое начало вся духовная жизнь прихода“.

Чтобы не утомлять читателей и не повторяться, я не стану говорить ни о томъ, каковымъ, согласно этимъ основоположительнымъ мыслямъ М. Н-ча, если, по немощамъ нашимъ, не является, то должно быть классное преподаваніе закона Божія по его характеру и содержанію, равно какъ и по отношенію къ другимъ предметамъ,—ни о томъ, въ чемъ можетъ и должно выражаться то единеніе школьной жизни Лицея съ церковію, въ силу котораго самый строй учебно-воспитательной жизни его долженъ не только согласоваться съ ученіемъ церкви, а и стоять подъ ея покровомъ и руководствомъ; желающіе могутъ читать о всемъ этомъ въ статьѣ моей въ ж. „Вѣра и Церковь“ за 1903 годъ: „Завѣтныя думы служителя церкви о религіозно-нравственномъ образованіи и воспитаніи въ средней школѣ“, а также въ моихъ статьяхъ о томъ же самомъ въ ежегодно-издаваемыхъ „календаряхъ Лицея“. Въ

виду только что въ прошедшемъ году состоявшагося возобновленія лицейскаго храма въ его законченномъ видѣ, ограничусь рѣчью объ этомъ именно храмѣ—его устройствѣ и украшеніи. Сложившись, такъ сказать, исторически, оно—это устройство и украшеніе лицейскаго храма въ его настоящемъ видѣ, какъ завершительное выраженіе мыслей М. Н-ча о религіозно-воспитательномъ значеніи храма въ учебномъ заведеніи, и въ художественномъ, и въ идейномъ отношеніяхъ, какъ выраженіе вѣры и жизни христіанской вообще, заслуживаетъ общественнаго вниманія.

Выходя изъ той мысли, что храмъ христіанскій съ совершаемымъ въ немъ богослуженіемъ, какъ въ собственномъ смыслѣ домъ Божій и сокровищница просвѣщающей насъ истины Христовой и животворящей благодати Св. Духа, есть истинный образъ спасающей насъ Церкви Христовой ¹⁾, какъ средоточіе духовной жизни составляющихъ ее вѣрующихъ во Христа Іисуса, незабвенный создатель Лицея не только самую закладку лицейскаго зданія сдѣлалъ закладкою собственно храма Лицейскаго, а и мѣстомъ для него назначилъ самую средину зданія, этимъ самымъ какъ бы наглядно выражая ту мысль, что храмъ въ школѣ есть какъ бы сердце ея, одушевленное Духомъ Святымъ, оживляющая ее Духомъ Святымъ душа школы. Храмъ Лицея устроенъ во внутреннемъ дворѣ зданія, составляя восточную часть корпуса, устроеннаго на этомъ дворѣ, и съ сѣверной и южной сторонъ примыкающаго къ окружающему его главному зданію. Во второмъ этажѣ этого внутренняго корпуса устроенъ актовый залъ, который, отдѣляясь отъ примыкающаго къ нему храма тремя громадными пролетами, является какъ бы притворомъ этого храма. Вслѣдствіе такого своего положенія среди остальныхъ частей зданія Лицея, храмъ

¹⁾ Недаромъ мы и не въ житейскомъ только быту храмъ такъ и называемъ церковію.

нашъ видѣнъ и изъ классныхъ комнатъ, расположенныхъ въ восточной и западной частяхъ главнаго зданія и изъ гимназическихъ пансіоновъ, и изъ студенческаго общегитія, расположенныхъ въ тѣхъ же частяхъ зданія въ третьемъ и четвертомъ этажахъ, и лучи Христовой истины и благодати Св. Духа изъ него, какъ изъ центра, такъ легко и удобно могутъ изливаться на всѣхъ живущихъ окрестъ его, обращающихъ взоры къ нему, всѣхъ ихъ освѣщая и оживляя.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ воззрѣніемъ на значеніе храма исполнено и самое внутреннее устройство его. По формѣ своей храмъ нашъ представляетъ отдѣленный отъ актовaго зала пролетами три полукружія, среднее изъ которыхъ, самое широкое и глубокое, занято алтаремъ. Въ тѣхъ видахъ, чтобы иконостасъ храма не скрывалъ отъ взоровъ молящихся самаго алтаря, чтобы молящіяся дѣти, свободно видя, когда можно, совершающіяся въ алтарѣ священнодѣйствія, тѣмъ живѣе и сознательнѣе могли участвовать въ нихъ своею вѣрующею молитвою, иконостасъ этотъ устроенъ не только низкимъ, а и такъ сказать сквознымъ ²⁾. На основаніи церковно-археологическихъ памятниковъ VII и VIII в.в. ³⁾, по рисункамъ здравствующаго доселѣ архитектора художника, знатока церковныхъ византійскихъ древностей, Н. В. Никитина, онъ выполненъ въ Италіи изъ бѣлаго каррарскаго мрамора и представляетъ изъ себя небольшую (въ 4 арш. в.)

²⁾ Въ одной изъ статей Моск. Вѣдомостей за 1873-й годъ, посвященной вопросу о существующихъ у насъ нестроеніяхъ церковно-богослужебнаго чина, М. Н-чъ между прочимъ говорилъ и объ устройствѣ иконостаса, который въ древности былъ лишь преградой, отдѣляющею алтарь отъ храма, потому и теперь долженъ быть такимъ же низкимъ. „Если иконостасъ, писалъ онъ, долженъ быть роскошнымъ и высокимъ, зачѣмъ церковная завѣса и зачѣмъ священнику полагается обращаться къ народу при затворенныхъ дверяхъ?“

³⁾ Въ окрестностяхъ Херсонеса въ Крыму открыты остатки древняго Христ. храма, полагають, 1-хъ вѣковъ; колонны и соединяющія ихъ нижнія части алтарной преграды этого храма очень напоминають собою соотвѣтствующія имъ части иконостаса нашего храма.

преграду, состоящую изъ шести круглыхъ съ капителями колоннъ, покрытыхъ гладкими перекладинами; пространство между средними колоннами занято царскими вратами высотой въ $1\frac{1}{3}$ арш., металлическими, ажурной работы съ четырьмя обычными изображеніями на обѣихъ ихъ створчатыхъ половинахъ; между крайними къ стѣнамъ колоннами—сѣверныя и южныя двери, литыя, сквозного рисунка, темной бронзы, вышиной всего въ $1\frac{1}{4}$ арш. Между колоннами, направо и налѣво отъ Царскихъ вратъ, на мраморныхъ подставкахъ, соединяющихъ между собою колонны, утверждены св. иконы Спасителя и Божіей Матери, которые представлены сѣдящими на тронахъ; въ лѣвой рукѣ Спасителя хартія съ словами: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга*; а ликъ Богоматери, по силѣ и полнотѣ духовности выраженія, по отзывамъ знатоковъ, представляетъ, прямо таки выдающееся явленіе въ нашей художественной церковной живописи. Иконы эти писаны художникомъ М. П. Боткинымъ, на металлическихъ доскахъ восковыми красками, и отличаются художественностію рисунка; вставленныя въ золоченныя рамки ажурной работы онѣ не вполнѣ примыкаютъ къ колоннамъ, а оставляютъ по сторонамъ и сверху просвѣты въ алтарь. На боковыхъ стѣнахъ сѣвернаго и южнаго полукружій храма, въ мраморныхъ кіотахъ, утвержденныхъ въ стѣнахъ и ничѣмъ съ иконостасомъ не связанныхъ, въ разное время устроены еще четыре иконы: 1, Святителя Николая, во имя котораго храмъ, 2, Преп. Сергія и Германа Валаамскихъ, память которыхъ 11 сентября—день рожденія П. М. Леонтьева, 3, Св. Благовѣрнаго Князя—Александра Невского (въ память чудесныхъ спасеній отъ смерти Государя Императора Александра Николаевича) и 4, Свв. Архистратига Михаила и Преп. Павла Препростого (имена которыхъ носятъ М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ).

Въ интересахъ характеристики М. Н-ча и его отношенія къ основанному имъ Лицею и созданному въ немъ храму стоить поподробнѣе рассказать самую исторію устройства иконо-

етаса храма, а въ связи съ нимъ и всей вообще храмовой росписи.

Первоначально иконостасъ изготовленъ былъ по рисункамъ архитектора Авдѣева; но изготовленный уже иконостасъ не понравился М. Н-чу потому, что очень закрывалъ собой алтарь; М. Н-чъ отказался отъ постановки этого иконостаса въ Лицейскомъ храмѣ и съ большимъ убыткомъ передалъ его въ строившійся тогда же храмъ въ Руквишниковскомъ пріютѣ, гдѣ онъ и доселѣ. вмѣсто Авдѣева приглашенъ былъ М. Н-чемъ Н. В. Никитинъ, по рисунку котораго, какъ я сказала, и устроенъ настоящій иконостасъ. Но и въ этомъ уже изготовленномъ и поставленномъ иконостасѣ М. Н-чу не понравилось то, что мраморная перекладина надъ колоннами сдѣлана была на всемъ протяженіи иконостаса одинаковою и ничѣмъ не выдѣляла срединной части алтаря, гдѣ св. престолъ, отъ боковыхъ его частей, въ древнихъ храмахъ бывшихъ лишь пристройками къ алтарю; поэтому онъ поручилъ Н. В-чу сдѣлать новый рисунокъ, въ соответствіи съ этими мыслями о значеніи срединной части алтаря и, разумѣется, согласный съ древне-историческими памятниками. Н. В-чъ изготовилъ нѣсколько рисунковъ, одинъ изъ которыхъ болѣе другихъ нравился М. Н-чу. Но дѣло не было еще рѣшено окончательно, какъ получается извѣстіе о намѣреніи Государя Императора въ ожидавшійся въ скоромъ времени пріѣздъ Его въ Москву посѣтить Лицей. Не желая показывать Государю изготовленнаго иконостаса Лицейскаго храма въ такомъ видѣ, какимъ онъ не долженъ оставаться вслѣдствіе предположеннаго измѣненія, и въ то же время видя невозможность представить его въ предположенномъ видѣ, М. Н-чъ рѣшилъ немедленно же начать выпилку средней части перекладины съ тѣмъ, чтобы ко времени посѣщенія Государя выпиленное мѣсто можно было замѣстить деревянною моделью вставки. „Почти цѣлую ночь,“ сказываетъ Н. В. Никитинъ, мы съ М. Н-чемъ пробыли въ Лицеѣ, торопя рабочихъ къ слѣ-

дующему дню окончить дѣло“. Но изготовленная и прилаженная было модель оказалась настолько груба, что М. Н-чъ не рѣшился оставить ее. Чтобы скрасить какъ-нибудь общій видъ строящагося храма, поставили на горнемъ мѣстѣ большую только что написанную бывшимъ лицейстомъ, въ послѣдствіи извѣстнымъ художникомъ Кл. П. Степановымъ картину „Моленіе о Чашѣ“ (копія съ картины Бруни). Въ слѣдствіе отсутствія перекладины надъ серединой иконостасной преграды, картина вся была видима предстоящимъ; и алтарь, ставши совсѣмъ открытымъ, какъ бы сливался съ самымъ храмомъ, лишь по сторонамъ отдѣленнымъ отъ него иконостасной баллюстрадой. Все это, поражавшее всѣхъ своею оригинальностью, понравилось Государю и самому М. Н-чу, и онъ, подъ этимъ впечатлѣніемъ, оставилъ мысль о вставкѣ предположенной срединной части перекладины: обпиленные внутренніе концы ея были облицованы, и иконостасъ по освященіи храма остался безъ всякой перекладины надъ царскими вратами и даже безъ креста...

Точно такая же почти исторія произошла потомъ и съ дѣломъ расписанія храма или, точнѣе, алтаря его, чѣмъ М. Н-чъ интересовался не меньше, чѣмъ устройствомъ иконостаса. По крайней мѣрѣ ужъ много времени спустя послѣ освященія храма, когда отвлеченный отъ Лицея редакціонными работами по „Московскимъ Вѣдомостямъ“ онъ буквально не имѣлъ времени внимательно входить во всѣ подробности внутренней жизни Лицея такъ, какъ бывало прежде, онъ все-таки не разъ заговаривалъ о необходимости выполнить роспись въ надлежащемъ видѣ. По его мысли, роспись эта, которая, при открытости алтаря, можетъ быть почти вся видимою предстоящими въ храмѣ, должна не только гармонировать съ иконостасомъ въ художественномъ отношеніи, а и вполнѣ соответствовать значенію алтаря съ его святынею—св. Престоломъ и тѣмъ, что на немъ совершается, должна содержаніемъ своимъ, такъ сказать, дополнять наглядно, объяснять и какъ бы

оживлять значеніе алтаря и престола, на которомъ приносится безкровная жертва.—Недостаточно ли выяснена была М. Н-чемъ эта идея взявшемуся за дѣло художнику Сорокину, или, что вѣроятнѣе, послѣднимъ не была вполне продумана, только сдѣланная имъ (за 1000 р.) роспись М. Н-чу не понравилась и имъ поручено было уже другимъ художникамъ изготовить эскизы этой росписи. Къ сожалѣнію, ни одинъ и изъ этихъ эскизовъ не удовлетворилъ М. Н-ча и, въ виду приближавшагося времени освященія храма отказавшись отъ росписи въ желательномъ для него смыслѣ, онъ приказалъ лишь въ куполѣ, надъ св. престоломъ, написать изображеніе Св. Духа въ сіяніи, окружающіе куполъ края потолка украсить орнаментомъ, стѣны же храма просто окрасить масляной краской блѣдно-оранжеваго цвѣта, приближающагося по тону къ росписи актовaго зала Лицея.

Въ такомъ, по мысли самого М. Н-ча, незаконченномъ и въ художественномъ отношеніи далеко несовершенномъ видѣ роспись храма оставалась до самаго послѣдняго времени. Конечно, люди, отцѣживающіе комаровъ и верблюдовъ пожирающіе, могутъ поставить все это въ укоръ М. Н-чу; но кто слыхалъ его глубокаго, проникновеннаго рѣчи о значеніи храма въ дѣлѣ религиозно-нравственнаго воспитанія не дѣтей только, а и всѣхъ вѣрующихъ вообще и кто зналъ объ его беззавѣтной преданности идеямъ, положеннымъ въ основу образовательно-воспитательнаго дѣла въ Лицеѣ, и объ его готовности на всякія жертвы для ихъ осуществленія, тому и на мысль не придетъ дѣлать отсюда какія-либо укорныя для М.Н-ча заключенія о немъ. Все дѣло, по моему, объясняется характеромъ М. Н-ча—живымъ, порывистымъ, рѣшительнымъ, и вмѣстѣ неспособностію его раздвояться въ своей жизнедѣятельности и дѣлать свое дѣло лишь внѣшне-формально, разсудочно, не отдаваясь ему всецѣло. Разъ онъ, занятый какимъ-либо дѣломъ, не имѣлъ возможности или времени другое почему-либо недоконченное дѣло додѣ-

латъ именно такъ, какъ оно предносилось ему въ его мысляхъ, онъ не измѣнялъ своимъ мыслямъ о немъ и не старался закончить его съ какими-либо уступками и компромиссами съ своей совѣстію, а съ болью сердечной вспоминая о немъ, откладывалъ исполненіе его до болѣе удобнаго времени, но непремѣнно въ самомъ желательномъ его видѣ. Лично я убѣжденъ, что вся эта рассказанная исторія устройства иконостаса и росписи лицейскаго храма, оставшихся какъ бы незаконченными, очень живо и вѣрно изображающая характеръ М. Н-ча, произошла не случайно и не въ судъ и осужденіе М. Н-ча, а наоборотъ,—допущено Божественнымъ провидѣніемъ именно для того, чтобы, идеи положенныя М. Н-чемъ въ основу религіозно-нравственнаго лицейскаго образованія и воспитанія и именно по отношенію къ храму и совершаемому въ немъ богослуженію, могли осуществиться въ той ихъ полнотѣ и законченности, какая предносилась взору М. Н-ча, потому что окончательное осуществленіе ихъ въ широтѣ и глубинѣ, по самому существу дѣла, могло не сразу совершиться, а сложиться, такъ сказать, исторически.

Почему это выполненіе или выраженіе идей М. Н-ча объ устройствѣ храма соответствующимъ религіозно-воспитательному значенію его могло совершиться только по времени и совершилось ли оно въ строго-выдержанномъ и законченномъ видѣ въ настоящемъ возобновленіи лицейскаго храма, это я и думаю выяснитъ на слѣдующихъ страницахъ настоящихъ набросковъ.

Начало исторіи этого дѣла тѣсно связано съ той самой картиной Кл. П. Степанова, которая при посвѣщеніи Лицея Государемъ Императоромъ въ 1874 году установлена была, а затѣмъ и по освященіи храма оставлена была на горнемъ мѣстѣ. Въ вопросѣ объ этой картинѣ М. Н-чу особенно нравилось то, что она—трудъ и даръ воспитанника Лицея. Вотъ это-то обстоятельство и имѣло существенно-важное значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ. Въ 1885-мъ году, имѣя въ виду сказанное о картинѣ Кл. П. Степанова, я

предложилъ воспитанникамъ, окончивавшимъ гимназическій курсъ, въ благодарную память о годахъ ихъ ученія въ Лицеѣ и въ залогъ ихъ духовнаго единенія съ нимъ и въ будущемъ, сдѣлать какое-либо приношеніе въ храмъ Лицея; они съ радостію откликнулись на это предложеніе и пожертвовали небольшое напрестольное Евангеліе. Когда я доложилъ объ этомъ М. Н-чу, онъ былъ очень умиленъ этимъ приношеніемъ и много говорилъ о значеніи его, какъ видимаго свидѣтельства живого участія воспитанниковъ не только въ совершаемомъ въ храмѣ богослуженіи пѣніемъ и чтеніемъ, а и въ самомъ, такъ сказать, созиданіи храма. Слушая его рѣчи, казалось, будто онъ сообщалъ что-то свое, дорогое, старое, но теперь какъ бы забытое и другимъ невѣдомое; по всему было видно, что дѣло это не только вполне согласовалось съ его мыслями о значеніи храма въ Лицеѣ, какъ православно-русскомъ учебно-воспитательномъ заведеніи, а и представляло собою какъ бы дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей. Такъ оно было ему любо, дорого, близко и невольно хотѣлось продолжать его; поэтому подобныя же приношенія сдѣланы были и въ 1886-мъ и въ 1887-мъ годахъ.

20-го іюля 1887-го года М. Н-чъ скончался; но заведенный обычай, съ такою любовію и одобреніемъ принятый имъ, такъ и остался въ Лицеѣ, какъ священная традиція его школьной жизни. Въ силу этой традиціи, вотъ уже 25 лѣтъ существующей, храмъ Лицея обогатился утварью (свещ. сосудами, напрестольными евангеліями, крестами и т. под.) и другими принадлежностями храма не только цѣнными по своей художественности (каковы напр. хрустальная Дарохранительница на св. престолѣ, хрустальный же запрестольный крестъ, представляющій точную копію такъ называемыхъ „корсунскихъ крестовъ“ въ Успенскомъ соборѣ, сдѣланныя изъ бѣлаго мрамора одежды на престолѣ и жертвенникъ и т. под.), а и важными въ другихъ отношеніяхъ. Изъ предметовъ такого рода стоитъ отмѣтить мраморныя доски (пять) на боковыхъ стѣнахъ

пролетовъ, отдѣляющихъ храмъ отъ актовaго зала. На этихъ доскахъ записаны имена всѣхъ усопшихъ „братій св. храма сего“ и вообще близкихъ Лицею лицъ,—создателей Лицея, учителей и учениковъ съ Цесаревичемъ Николаемъ во главѣ; такъ что если присоединить къ этимъ именамъ имена всѣхъ окончившихъ гимназическій курсъ Лицея въ послѣдніе 25 лѣтъ, отмѣченныя на пожертвованныхъ ими предметахъ, а равно и имена всѣхъ настоящихъ „братій Лицейскаго храма“, вписанныя въ читаемый за каждой литургіей лицейскій помянникъ, то можно сказать, что лицейскій храмъ во всѣхъ этихъ записяхъ какъ бы носить въ себѣ всѣхъ членовъ лицейской семьи, какъ „домашней церкви“ или прихода, живыхъ и усопшихъ.

Въ числѣ предметовъ, принесенныхъ въ даръ лицейскому храму окончившими гимназическій курсъ воспитанниками, а по ихъ примѣру и другими, было не мало и св. иконъ (нѣкоторыя изъ нихъ даже съ частицами св. мощей, каковы иконы св. Димитрія Ростовскаго—даръ преосвящ. Іосифа Углицкаго, св. Θεодосія Черниговскаго и др.) и между ними двѣнадцать иконъ такъ называемыхъ „Святцевъ“. Пока этихъ иконъ было не много, онѣ размѣщались на аналогіяхъ; съ пріобрѣтеніемъ же „святцевъ“ такое размѣщеніе стало неудобнымъ, и часть ихъ хранилась въ ризницѣ, что не могло не смущать религиозное чувство. Это-то обстоятельство и послужило если не причиной, то поводомъ къ неоконченной въ свое время иконной или живописной росписи алтаря. Въ это время оставлялъ Лицей бывший директоръ его, Л. А. Георгіевскій, самъ когда-то воспитанникъ Лицея, а теперь назначенный Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Горячо сочувствовавшій отмѣченной традиціи Лицея, онъ выразилъ желаніе устроить мраморныя кіоты для святцевъ и установить ихъ въ сѣверо и юго-восточныхъ оконныхъ нишахъ алтаря. Устроено было четыре кіота для „святцевъ“ и потомъ еще два для остальныхъ иконъ на сѣверной и южной стѣнахъ алтаря. Это было три года

тому назадъ, а въ 1910-мъ году по случаю ремонта внутренняго корпуса лицейскаго зданія, къ которому при-мыкаеть храмъ, явилась необходимость вмѣстѣ съ школьными помѣщеніями позаботиться о ремонтѣ и самаго храма, стѣнная штукатурка котораго во многихъ мѣстахъ потрескалась, и окраска котораго сильно отъ времени пострадала тѣмъ болѣе, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ изъ родителей воспитанниковъ Лицея, Н. Н. Цвѣтковымъ, на украшеніе храма пожертвованъ былъ и особый капиталъ.

Такимъ образомъ, по самому положенію дѣла означеннаго ремонта храма, стѣнная роспись его должна была быть первымъ, послѣ штукатурки, предметомъ ремонта, а уставленныя на алтарныхъ стѣнахъ храма традиціонныя иконы основными, самой исторіей созиданія храма указанными, такъ сказать, первообразами этой росписи.

Въ самомъ дѣлѣ, если алтарь христіанскаго храма есть образъ неба, а св. престолъ—Престолъ Царя небснаго, невидимо пребывающаго на немъ Своими животворящими Тайнами; то ясно, что пространство, окружающее собою этотъ престолъ, естественно должно быть занято окружающими Престолъ Царя небснаго святыми Ангелами и душами праведныхъ, причтенныхъ Имъ къ Іерусалиму небесному. Въ нашихъ православныхъ храмахъ позднѣйшаго времени изображенія всѣхъ этихъ небожителей обыкновенно предлагаются взору молящихся въ верхнихъ и среднихъ ярусахъ отдѣляющаго алтарь отъ храма иконостаса; въ храмѣ Лицея иконостасъ представляетъ собою лишь невысокую одноярусную преграду и притомъ такую, при которой алтарь, по замыслу создателя храма, долженъ оставаться открытымъ для молящихся, и вслѣдствіе этого лики Святыхъ Божіихъ на означенныхъ выше иконахъ на боковыхъ стѣнахъ алтаря, въ силу открытости алтаря, также видныя молящимся, естественно замѣнили собою иконостасныя изображенія святыхъ въ другихъ храмахъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у насъ

они въ собственномъ смыслѣ являются окружающими престолъ Царя небеснаго. Но такъ какъ и при этихъ иконахъ на алтарныхъ стѣнахъ храма оставалось много свободныхъ мѣстъ для росписи, то и рѣшено было на этихъ свободныхъ мѣстахъ написать изображенія святыхъ ангеловъ Божіихъ, этихъ, такъ сказать, изначальныхъ небожителей,—„силъ небесныхъ, съ нами невидимо служащихъ“. Для того же, чтобы изображенія эти не слишкомъ загромождали собою небо и были болѣе или менѣе понятными и, такъ сказать, близкими молящимся, рѣшили въ нижней части горняго мѣста, такъ сказать, у подножія престола Господа славы, изобразить „четвероличныхъ“ херувимовъ. а на боковыхъ стѣнахъ, между иконами святыхъ, Св. Архистратига Михаила съ копіемъ и побѣднымъ знаменемъ (на которомъ слова: *кто, яко Богъ*), архангела Гавріила съ хартіей въ рукахъ и на ней начертанными словами: *Радуйся. Благодатная, Господь съ Тобою* (какъ представителей серафимскаго чина, по толкованію Св. Димитрія Ростовскаго), св. ангела хранителя, указующаго стоящему около него на колѣнахъ человѣку-грѣшнику на Бога Спасителя и спасенныхъ Имъ праведниковъ и, наконецъ—ангела молитвы съ кадиломъ и свѣчей въ рукахъ.

Небольшое недоумѣніе вызывало изображеніе Господа на горнемъ мѣстѣ. Доселѣ на этомъ мѣстѣ стояла, какъ сказано выше, картина художника Кл. П. Степанова „Моленіе о чашѣ“, копія съ извѣстной картины Бруни. Тяжело было поднимать руку на эту картину, какъ трудъ бывшаго воспитанника Лицея, установленный на этомъ мѣстѣ самимъ М. Н-чемъ еще до освященія храма. Но 1) картина эта самымъ содержаніемъ своимъ не вполне соответствовала горнему мѣсту, на которомъ, какъ на мѣстѣ предъ или надъ престоломъ Царя Славы, гдѣ Имъ Самимъ приносится жертва безкровная и совершенная, всего цѣлесообразнѣе быть изображенію этого „Приносящаго“ именно какъ Царя Славы, невидимо здѣ пребывающаго и сѣдящаго одесную Отца со Св. Духомъ; а „Моле-

ніе о чашѣ“ изображаетъ Его еще до Его страданій и умоляющимъ Отца объ избавленіи отъ чаши этихъ страданій. 2) Ликъ Спасителя, написанный Бруни, изображенъ не въ православномъ духѣ, безъ нимба, или сіянія, и безъ принятаго у насъ на этомъ нимбѣ начертанія: *o b r*, указующаго на божественную ипостась Спасителя. 3) Какъ трудъ новичка въ искусствѣ, картина эта и по самому исполненію своему далеко несовершенна, вслѣдствіе чего давно уже самымъ покойнымъ Кл. П-чемъ предназначалась къ замѣнѣ ея другимъ изображеніемъ. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній рѣшено было перенести эту картину въ классъ рисованья, а на ея мѣстѣ—на самой стѣнѣ изобразить Спасителя сѣдящимъ на Престолѣ Славы со Отцемъ и Духомъ.

Въ нашихъ православно-русскихъ храмахъ изображеніе это по большей части бываетъ „единоличное“ въ виду, между прочимъ, конечно, того, что изображеніе Св. Духа пишется обычно надъ св. престоломъ, а—Бога Отца надъ царскими вратами, въ верхнемъ ярусѣ иконостаса; а такъ какъ въ Лицейскомъ храмѣ это послѣднее не вполне удобоисполнимо въ силу особливаго устройства иконостаса, то и явилось вполне естественною мыслью о написаніи на горнемъ мѣстѣ такъ называемаго „Отечествія“, т. е. сѣдящаго на престолѣ, херувимами носимомъ, Бога Отца съ Богомъ Сыномъ и св. Духомъ ¹⁾. По моему мнѣнію,

¹⁾ Богооткровенное, уму человѣческому недомысленное ученіе Православной Церкви о Богѣ—то, что Онъ тріединъ: Отецъ—не рождающійся и не исходящій, Сынъ, вѣчно рождающійся отъ Отца и міръ весь создающій и возсозидающій, и Духъ Святой, отъ Отца же вѣчно исходящій и все собою животворящій, Троица Единосущная и нераздѣльная, Едино Божество—Единъ Богъ въ трехъ Лицахъ. Это непостижимое въ своемъ существѣ ученіе, отблески котораго свѣтятся во всемъ мірѣ и разумомъ человѣческимъ, тщаясь самолично постигнуть его, отражаются мутно, односторонне и чаще всего искаженно, во всей доступной намъ полнотѣ открыто въ словѣ Божіемъ, особенно новозавѣтномъ и раскрыто въ ученіи Церкви православной—въ твореніяхъ свв. отцовъ и учителей церкви, въ ея богослужебныхъ пѣснопѣвнѣяхъ, обрядахъ, и отъ лѣтъ древнихъ живописуется въ святыхъ иконахъ,

этому именно изображенію всего умѣстивѣ быть на горнемъ мѣстѣ и потому еще, что св. иконы для того вѣдь между прочимъ и употребляются, чтобы молящіеся предъ

изображающихъ непостижимаго въ существѣ символически въ тѣхъ Его видахъ и образахъ, въ какихъ Ему благоугодно было являть Себя міру...

Но какъ ни ясны, повидимому, какъ ни строго точны и опредѣленны эти образы, все же они допускаютъ возможность ихъ разнообразія и главнымъ образомъ въ сочетаніяхъ.

Общепринятымъ, по крайней мѣрѣ въ нашей православно-русской церкви, изображеніемъ Св. Троицы нужно конечно назвать изображеніе явленія Бога Аврааму въ видѣ трехъ стравниковъ: но какъ ни прекрасно это изображеніе, ясно говорящее и о единствѣ Божества, и о равночестности Лицъ и объ Его духовности,—все же оно такъ сказать недостаточно—оно не даетъ никакого представленія о личныхъ свойствахъ Отца и Сына и Духа Святаго, отличающихъ эти Лица одно отъ другого, указующихъ на ихъ взаимоотношеніе и, такъ сказать, жизнедѣятельность каждаго изъ нихъ. Отсюда наравнѣ съ тѣмъ общепринятымъ изображеніемъ Св. Троицы уже въ древней церкви употреблялись и доселѣ употребляются другія, въ которыхъ на первое такъ сказать мѣсто выдвигаются тѣ черты каждаго изъ Лицъ Св. Троицы, коими они взаимно отличаются: Отецъ изображается въ видѣ ветхаго деннми, Сынъ въ видѣ или отроча млада, или мужа совершенна—словомъ, какимъ явился Овъ въ воплощеніи, и Духъ Святой въ видѣ голубя. Но и въ большинствѣ этихъ изображеній не ясно видно или даже совсѣмъ не видно взаимоотношеніе Лицъ св. Троицы—именно то, что сіи три—едино суть; особенно это нужно сказать о тѣхъ изображеніяхъ, гдѣ Отецъ и Сынъ сосѣдять, а Духъ между ними паритъ въ видѣ голубя. Между тѣмъ эта-то идея Тріединства Божества и есть именно богооткровенная идея и ее-то именно выраженную образно и можно кажется признать всего болѣе соответствующею истинѣ. Очевидно, съ притязаніемъ на такое именно значеніе въ послѣднее время стали писать изображеніе Св. Троицы на доскѣ, покрытой трехсторонними валиками, на каждой сторонѣ котораго и изображается одно изъ лицъ Троицы: если вы смотрите прямо, то предъ вами изображеніе св. Духа, написанное частично на верхнихъ сторонахъ валиковъ, если въ профиль справа, то видите изображеніе Бога Отца, написанное на правыхъ боковыхъ сторонахъ валиковъ, если слѣва—то Бога Сына... Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ это изображеніе, употребляемое даже иногда, какъ икона въ храмахъ, кажется совсѣмъ несвойственнымъ такому святому дѣлу не то фокусничествомъ, не то софистикой. Совсѣмъ иное дѣло изображеніе Св. Троицы, известное подъ именемъ: „Отечествіе“, и представляющее Бога Отца, на лонѣ Его—Бога Сына, въ видѣ младенца или отроча, и Св. Духа въ

ними могли какъ бы лицомъ къ лицу созерцать въ изображеніяхъ ихъ—тѣхъ, къ кому относится самое молитвенное обращеніе; священникъ же, стоящій предъ престоломъ и слѣд. предъ горнимъ мѣстомъ, во всѣхъ почти своихъ священническихъ церковно-богослужебныхъ молитвахъ обращается именно къ „Отцу и Сыну и св. Духу“; припомните хотя бы священническіе возгласы, или, еще лучше—важнѣйшую изъ всѣхъ священническихъ молитвъ, такъ называемую молитву евхаристическую, или совершительную...

Такъ какъ куполь лицейскаго храма не объединенъ со стѣнами сводчатымъ закругленіемъ, а отдѣленъ отъ нихъ прямымъ угломъ и почти прямой горизонтальной поверхностью краевъ его, въ которые, какъ въ раму, и вставленъ онъ въ видѣ небольшой, опрокинутой внизъ чаши; то украшать его священными изображеніями и въ художественномъ и въ идейномъ отношеніи было неудобно. Поэтому-то и пришли къ мысли расписать края купола, или раму его, орнаментомъ, стилемъ своимъ соответствующимъ остальнымъ частямъ храма, а самый куполь—словами, поясняющими собою все подъ ними видимое и совершаемое. Именно. Въ самой серединѣ купола въ свѣтломъ треугольникѣ, окруженномъ золотыми лучами на синемъ фонѣ неба, золотыми же славянскими буквами должно быть начертано открытое самимъ Богомъ Моисею

видѣ голубя. Такое изображеніе, варьирующееся въ несущественныхъ для основной мысли подробностяхъ, встрѣчается на очень древнихъ иконахъ Троицы, восточныхъ и западныхъ. (См. объ этомъ въ кн. Н. И. Троицкаго: Тріединство Божества. Историко-археологическое изслѣдованіе по памятникамъ всеобщей исторіи искусства. Тула. 1900.) У насъ такое изображеніе есть между прочимъ въ собраніи древнихъ иконъ Великаго князя Сергія Александровича (См. объ этомъ въ книгѣ М. И. Степанова: Храмъ-усыпальница Великаго князя Сергія Александровича во имя пр. Сергія Радовежскаго въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ. Москва. 1909.); это изображеніе въ своеобразной композиціи, но съ сохраненіемъ его типическихъ особенностей, воспроизведено въ извѣстной картинѣ В. М. Васнецова: „Отечествіе“.

имя Его: *Сый*. Этотъ же синій фонъ неба, усѣяннаго золотыми звѣздами, продолжается и по стѣнамъ алтаря гдѣ на немъ, и безъ всякихъ рамъ, и написаны означенныя выше изображенія ангеловъ; въ верхней части солей фонъ этотъ бирюзово-зеленоватый. Края же купола, составляющіе какъ бы раму его, точно такъ же, какъ и оконныя ниши, украшены орнаментомъ въ древне-византійскомъ стилѣ и по золотому фону славянскими словами: *Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѡъ, полны суть небеса и земля славы Твоея*, въ нишахъ—на дугахъ, соединяющихъ кіоты святцевъ: *Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ и Святъ еси Боже, во святыхъ почиваяй*. Въ такомъ же стилѣ написанныя слова на солейномъ потолкѣ: *въ храмъ стояще, на небеси стояти мнимъ*, должны какъ бы заключать и объяснить собою роспись храма.

Такова идейная сторона росписи, выполненной молодымъ художникомъ В. В. Владиміровымъ, отличнымъ, научно-образованнымъ знатокомъ искусства, обладающимъ тонкимъ художественнымъ вкусомъ ¹⁾. Изъ немногихъ еще церковныхъ работъ его хорошо извѣстна и знатоками искусства оцѣнена по достоинству стѣнная роспись и иконопись иконостаса въ древне-русскомъ стилѣ въ церкви с. Губайлова,—въ имѣніи А. Я. Полякова, близъ ст. Павшино Виндавской жел. дороги. Но то, что сдѣлано имъ въ лицейскомъ храмѣ въ исполненіи указанной росписи, несомнѣнно превосходить эту раннѣйшую работу и по строгой выдержанности стиля въ мельчайшихъ подробностяхъ этой росписи, какъ въ орнаментѣ, такъ и въ рисункахъ, и по мягкости тона, и по стройной гармоничности въ сочетаніи цвѣтовъ, и по силѣ выразительности ликовъ и положеній изображенныхъ лицъ. Въ „Отечествіи“, въ общемъ очень напоминающемъ собою „Отечествіе“ В. М. Васнецова, но отъ него совершенно независимомъ и су-

¹⁾ Его перу принадлежитъ помѣщенная въ VI кн. Д. Чт. статья о храмѣ Марео-Маріинской обители.

щественно отъ него отличномъ, Вы видите Бога Отца, какъ такого, которому принадлежитъ Царство и Сила, и Слава, въ лонѣ Отца Сына Его—Бога Слова, *Имже вся быша*, держащаго въ рукахъ Своихъ созданный Имъ міръ и съ любовію на него взирающаго, а надъ этимъ міромъ видимымъ паритъ животворящій его Духъ Святыи... Золотой престоль „Триединого“ или, лучше, подножіе этого престола окружаютъ какъ бы силуэты четвероличныхъ херувимовъ... Слова священнической молитвы на литургіи, когда онъ предъ чтеніемъ апостола подходитъ къ горнему мѣсту и на слова діакона: *благослови, владыко, горній престоль*, произноситъ: *благословенъ еси на престоль славы Царствія Твоего, съдѣй на херувимъхъ*, сами собой приходятъ на память при взглядѣ на это священное изображеніе. А эти св. Ангелы Божіи—Михаиль, Гавріиль и др. При общей выразительности ихъ ликовъ и положеній, нельзя не отмѣтить совершенно новаго по композиціи изображенія Ангела-Хранителя, съ любовью склоняющагося надъ кающимся—сознающимъ свое недостоинство грѣшникомъ, и указаніемъ на Отца небснаго и святыхъ Божіихъ какъ бы возбуждающаго въ немъ надежду спасенія. Что же касается красочной, такъ сказать, стороны дѣла, достойно особенной похвалы то, что въ росписи не употреблено никакихъ яркихъ цвѣтовъ и нѣтъ рѣзкихъ переходовъ ихъ; преобладающій тонъ—цвѣтъ фона росписи—синій, который въ сочетаніи съ золотомъ глядитъ такъ мягко и глубоко. Въ этомъ отношеніи вѣроятно большое значеніе имѣетъ то, что вся роспись, даже золото, покрыто матомъ, и голубое небо вырисовано волнообразно, какъ бы трепещущимъ; отъ этого все кажется не только мягкимъ, а и какъ бы раздвигающимся, уходящимъ въ пространство. А блѣдныя и бѣловатыя цвѣта одѣяній какъ хорошо сочетаются, или, лучше, сближаютъ, объединяютъ роспись съ бѣлымъ мраморнымъ иконостасомъ, такимъ же св. престоломъ, жертвенникомъ и архіерейскимъ сѣдалищемъ на горнемъ мѣстѣ! Одинъ любитель и знатокъ живописнаго

искусства сказывалъ, что отмѣченная особенность въ изображеніи неба, какъ бы уходящаго вдаль, замѣтна и въ изображеніи „Отечествія“. И въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на это изображеніе издали, то Богъ Отецъ представляется не на одной плоскости съ Богомъ Сыномъ и Св. Духомъ, а какъ бы въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ—нѣсколько туманнѣе, чѣмъ Богъ Сынъ и Св. Духъ. Помимо всей этой мягкости, гармоничности и цѣлостности тоновъ росписи, какъ она живо и ясно выражаетъ собою вложенную въ ея содержаніе идею храма, какъ неба, какъ дома Божія! И какъ подходятъ къ этому написанныя на солейномъ потолкѣ храма слова: *въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ!..*

Послѣ росписи храма обратимся опять къ иконостасу и сдѣланному въ немъ измѣненію. Начну рѣчь свою съ бесѣды объ этомъ съ Н. В. Никитинымъ, по рисункамъ котораго и устроенъ иконостасъ.

Когда предъ началомъ росписи храма я разговаривалъ объ ней съ Н. В. чемъ, онъ, одобливъ сказанное въ принципѣ, повелъ рѣчь о томъ, что важнѣе росписи и прежде ея нужно позаботиться объ иконостасѣ,—о томъ, чтобы додѣлать въ немъ недодѣланное въ свое время,—заполнить тотъ, какъ назвалъ онъ, проломъ надъ царскими вратами, который, оставаясь незаполненнымъ, не только не можетъ быть оправданъ въ художественномъ отношеніи, а, что важнѣе того, погрѣшаетъ и противъ церковно-археологической правды; потому что ни въ какихъ памятникахъ древне-христіанскихъ храмовъ, ни на какихъ самыхъ древнихъ изображеніяхъ ихъ, иконостасы, если только они покрыты были перекладинами, такихъ перерывовъ надъ царскими вратами не имѣли. Потомъ, рассказавъ вышеописанную исторію сдѣланной выпилки средней части перекладины нашего иконостаса, онъ показалъ всѣ дѣланные имъ при устройствѣ и переустройствѣ иконостаса рисунки его и между ними тотъ, который болѣе другихъ сдѣланныхъ въ замѣну рисунка уже

поставленнаго иконостаса понравился Михаилу Никифоровичу. „Я не могу сказать точно, такъ заключилъ Н. В-чъ горячую рѣчь свою объ этой вставкѣ, почему М. Н-чъ, предположивъ сдѣлать ее по одобренному рисунку, все-таки не сдѣлалъ; можетъ быть, по тому же, почему не сдѣлалъ и стѣнной росписи, о которой онъ не разъ вспоминалъ и послѣ. Но то вѣрно, что додѣлать недодѣланное тогда нужно“.

Конечно то правда, что такое „додѣланіе недодѣланнаго“ не можетъ быть названо исполненіемъ прямой воли почившаго; но едва-ли справедливо считать его дѣломъ несогласнымъ съ его мыслями и убѣжденіями, искаженіемъ его завѣтныхъ думъ и желаній и даже оскорбленіемъ его памяти. Дѣло въ томъ, что 1) М. Н-чъ никогда не былъ такимъ упорнымъ ретрограднымъ самолюбцемъ, который готовъ безповоротно отстаивать ту или иную мысль или то или иное дѣло только потому, что эта мысль имъ высказана, это дѣло имъ сдѣлано. Если онъ убѣждался въ истинности дотолѣ отвергавшейся имъ мысли и въ правдѣ непринятаго имъ дѣла, то онъ смѣло и рѣшительно отказывался отъ своего несогласнаго съ истиной мнѣнія и неправаго дѣла, хотя это отреченіе тяжело уязвляло его самолюбіе; объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ самая общественно-публицистическая дѣятельность его и этого не станутъ отвергать его даже политическіе недруги. 2) Задавшись мыслью создать и съ громадными жертвами для себя создавши въ основанномъ имъ Лицеѣ такой именно храмъ, какой онъ есть въ главныхъ своихъ частяхъ и теперь, онъ руководился въ этомъ дѣлѣ не личными своими субъективными расположеніями и соображеніями, а основанными на глубокихъ религіозно-нравственныхъ, научно-историческихъ и художественныхъ началахъ—далъ такое именно устройство созданному имъ храму потому, что такое именно устройство, по его мысли, основанной на безпристрастныхъ и авторитетныхъ указаніяхъ людей науки и искусства и богословскаго образованія, всего болѣе со-

гласовалось и съ религиозно-нравственными потребностями молящихся, и съ православно-богословскимъ учениемъ о символическомъ знаменованіи храма и частей его, и съ церковно-историческими данными объ устройствѣ христіанскихъ храмовъ въ древней церкви, и съ художественными требованіями искусства. 3) А по всѣмъ этимъ соображеніямъ „додѣлать, какъ говорилъ г. Никитинъ, недодѣланное“, т. е. возстановить надъ царскими вратами выпиленную вставку, нужно было тѣмъ болѣе, что какъ ни проблемматично указанное выше предположеніе о томъ, почему именно М. Н-чь не сдѣлалъ всетаки этой вставки, имъ же самимъ одобренной, оно вполне правдоподобно и, какъ такое, давало полное право безъ оскорбленія памяти М. Н-ча послушаться совѣта г. Никитина.

По всему этому вслѣдъ за расписаніемъ храма приступлено было къ возстановленію выпиленной вставки по тому именно рисунку ея, который сдѣланъ былъ назадъ тому болѣе сорока лѣтъ и М. Н-чемъ былъ одобренъ. Работа произведена была подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. Никитина въ мраморной мастерской Д. И. Кабанова.

Сдѣланная вставка состоитъ изъ двухъ частей: нижняя, замѣняющая собою выпиленную прежде, совершенно такая же, какъ и обѣ боковыя части перекладины; верхняя же представляетъ собою гребешокъ, какъ архитравъ, сдѣланный во всю ширину царскихъ вратъ вышиною около 4 в. и со всѣхъ сторонъ украшенный тонко и глубоко высѣченными и къверху выгнутыми листьями. Надъ самой серединой вставки утверждень четырехконечный равно-сторонній крестъ. Крестъ этотъ сдѣланъ былъ еще при первоначальномъ устройствѣ иконостаса и со времени выпилки средней части его перекладины хранился въ кладовыхъ Лицея.

Вѣрно, конечно, что эта возстановленная средняя часть перекладины иконостаса съ архитравомъ и крестомъ надъ

ней нѣсколько скрываетъ отъ взора молящихся изображеніе „Отечествія“ на горнемъ мѣстѣ; но вслѣдствіе огромныхъ, сравнительно конечно, размѣровъ этого изображенія во всю почти вышину алтаря при низкихъ царскихъ вратахъ, скрываемая перекладиной полоса его такъ незначительна, что вовсе не лишаетъ молящихся видѣть его и даже представлять себѣ его въ его цѣломъ,—общее же впечатлѣніе отъ сдѣланной вставки несомнѣнно выигрываетъ. Иконостасъ храма въ его настоящемъ видѣ и самъ по себѣ является единымъ вполне законченнымъ цѣлымъ, и по отношенію къ алтарю имѣетъ такое же значеніе. Онъ теперь какъ будто рельефнѣе выдѣляетъ собою алтарь, какъ нѣчто также единое, гармонически связанное цѣлое, и вмѣстѣ съ росписью храма, отличающейся строгой выдержанностію древневизантійскаго церковнаго стиля, дѣлаетъ храмъ нашъ въ высококомъ смыслѣ слова прекраснымъ, поистинѣ „небеси подобнымъ“, особенно, если припомнимъ, въ какомъ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ прекраснымъ устройствомъ самаго храма и вся утварь церковная—этотъ хрустальный ковчегъ въ видѣ куполообразной сѣни на шести столбахъ съ серебряной дарохранительницею въ срединѣ (работы ювелира Чичелева), хрустальный же запрестольный крестъ въ видѣ корсунскаго, такіе же сосуды, Св. Евангеліе въ бѣломъ серебряномъ окладѣ съ эмалированнымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа и самыя облаченія, по большей части—гладкія бѣлыя—парчевыя и даже чесунчовыя. Нельзя умолчать при этомъ о мраморномъ архіерейскомъ сѣдалищѣ съ сопрестоліями для пресвитеровъ по сторонамъ его, сдѣланномъ въ Римѣ, по образцу сохранившагося въ Латеранскомъ соборѣ отъ 1-хъ вѣковъ христіанства, и мраморныхъ же клиросахъ, рисункомъ своимъ вполне согласующихся съ иконостасомъ.

Прекрасное въ художественномъ и идейномъ отношеніяхъ, какъ все это прекрасно въ духовномъ смыслѣ, какъ выраженіе усердія и любви къ Божьему храму, какъ за-

логъ непрерывающагося духовнаго общенія съ нимъ и чрезъ него и съ Лицеемъ питомцевъ его! Между этими питомцами - благотворителями Лицейскаго храма есть и такіе, которые давно уже стали отцами, и какъ умильно бываетъ слушать ихъ, когда они, приведя въ Лицей уже сыновей своихъ, вспоминаютъ при нихъ о приношеніи, сдѣланномъ въ храмъ „отъ ихъ курса“! Невольно думается, что радуется духъ незабвеннаго основателя Лицея и создателя св. храма его—Михаила Никифоровича при видѣ всей этой „новизны, въ которой старина его слышится“. Да будетъ такъ!

Не могу, впрочемъ, въ заключеніе своихъ набросковъ умолчать объ одной, сейчасъ только пришедшей на память, но по существу своему, можетъ быть, самой важной и драгоценной „новизнѣ“ нашего храма, „въ которой старина слышится“. Я разумѣю св. антиминосъ нашего храма.

Нужно сказать, что св. антиминосъ, для совершенія на немъ Божественной литургіи, 1874 г. 16 ноября — при освященіи лицейскаго храма Высокопреосвященнымъ Макаріемъ, Митрополитомъ Московскимъ, возложенный на престолъ и тѣмъ именно и освятившій его, отъ времени на углахъ и краяхъ сгибовъ нѣсколько просѣкся и потому по правиламъ церковнымъ подлежалъ замѣнѣ его новымъ. Вѣтхій антиминосъ обыкновенно, по изыятіи изъ него святыхъ мощей, предается сожженію въ синодальной ризницѣ; я же въ прошеніи своемъ Высокопреосвященному Митрополиту Владиміру о выдачѣ для нашего храма новаго св. антиминоса, ходатайствовалъ о томъ, чтобы „прежвій антиминосъ, по изыятіи изъ него св. мощей, разрѣшено было оставить въ храмѣ Лицея въ качествѣ св. иконы-плащаницы въ нарочито устроенной благопристойной рамѣ-кіотѣ для благоговѣнно-молитвеннаго поклоненія молящихся и вмѣстѣ, какъ историческій памятникъ храма со дня его освященія, и для удовлетворенія религіозно - нравственной любознательности воспитанниковъ Лицея“. Благодостный Владыка разрѣшилъ это, и вотъ те-

перь въ нашемъ храмѣ вмѣстѣ съ новымъ св. антиминсомъ, возлежащимъ на св. престолѣ, на алтарной сторонѣ иконостаса у жертвенника, въ серебряной рамѣ, за стекломъ, хранится и прежній св. антиминсъ. Итакъ и въ этой святой новизнѣ святая же старина видится. И развѣ это не прекрасно?...

Пр. I. С—въ.

На могилѣ Михаила Никифоровича Каткова

въ 25-ю годовщину его кончины—20 іюля 1912 года.

Умре а яко не умре, такъ въ Бозѣ почившіи митрополитъ Московскій Іоанникій 25 лѣтъ тому назадъ началъ свою рѣчь надъ гробомъ Михаила Никифоровича Каткова, „сильное слово котораго, какъ сказалъ тогда же Самъ Царь, одушевленное горячею любовью къ отечеству, возбуждало русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ смутныя времена“. Начавъ такъ свое слово, святитель въ сильныхъ и яркихъ чертахъ изобразилъ далѣе болѣе, чѣмъ двадцатилѣтнюю дѣятельность почившаго на служеніи Церкви, Царю и родинѣ, достойную вѣчной—неумирающей памяти народной, а Царь выраженіе своей скорби о кончинѣ Михаила Никифоровича вдовѣ его заключилъ такими словами: „Россія не забудетъ его заслуги и всѣ соединяются съ вами въ единокорной молитвѣ объ упокоеніи души его“.

Тогда это было подлинно такъ; но потомъ? Вотъ двадцать пятый годъ—въ этотъ день—день кончины незабвеннаго сходимся мы на этой могилѣ для молитвенной памяти объ немъ; но много ли насъ?.. А пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, отойдемъ въ путь всея земли и мы—эти немногіе, будетъ ли тогда хоть также, какъ и теперь, помниться день этотъ и что или кто тогда напомнимъ родамъ

грядущимъ о славномъ, вѣчной памяти достойномъ дѣлѣ этого великаго русскаго человѣка?

Конечно, этотъ святой животворящій Крестъ, осѣняющій могилу приснопамятнаго, можетъ пережить не одно поколѣніе и всякому, кто воззритъ на него, лучше всякихъ словъ скажетъ, что тотъ, чье тѣло лежитъ подъ нимъ—подъ этимъ крестомъ, вѣровалъ во Христа, распятаго насъ ради, и если этотъ взирающій на крестъ—самъ вѣрующій, то помолится объ усопшемъ и словами молитвы благоразумнаго скажетъ: *да помянетъ его Господь Богъ во Царствіи Своемъ.*

Это такъ, и для истинно вѣрующаго христіанина, какимъ и былъ почившій, нѣтъ и не можетъ быть памятника дороже Господня Креста, какъ свидѣтельства его вѣры во Христа и знаменія Христовой побѣды надъ смертію. Но вѣдь такіе же кресты, съ такимъ же знаменованіемъ и значеніемъ ставятся на могилахъ и другихъ вѣрующихъ христіанъ, и какъ много такихъ крестовъ на каждомъ христіанскомъ кладбищѣ было, есть и будетъ!..

Будучи дорогими для самихъ усопшихъ, а оставшимся живымъ свидѣтельствуя о вѣрѣ во Христа почившихъ, они вѣдь ничего не говорятъ этимъ живымъ о томъ, въ чемъ же собственно каждымъ изъ осѣненныхъ крестомъ отдѣльно—отлично отъ другого выражалась въ земной жизни спасающая его вѣра во Христа; въ частности, и этотъ святой крестъ говоритъ ли онъ намъ и скажетъ ли будущимъ поколѣніямъ о тѣхъ заслугахъ нашего дорогаго усопшаго, которыхъ, по слову Царскому, не забудетъ Россія, которыхъ мы не должны забывать, и не изъ одного только чувства благодарности, а ради собственной пользы? Ибо если почившій при жизни „сильнымъ словомъ своимъ возбуждалъ русское чувство и укрѣплялъ здравую мысль въ смутныя времена“, то вѣдь развѣ скажемъ мы, что наше лихолѣтье миновало, и русское національное чувство въ насъ живо и не нуждается въ возбужденіи и оживленіи его? Если живое и наглядное напоминаніе о заслугахъ

почившаго нужно намъ, то, по чему знать, можетъ быть, слѣдующимъ поколѣніямъ оно будетъ еще нужнѣе!...

Вотъ почему мысль о памятникѣ поминаемому нами боярину Михаилу, какъ о вѣшнемъ, вещественномъ изображеніи его для нагляднаго воспроизведенія въ представленіи заслугъ почившаго, высказанная нѣкоторыми почитателями его—не мечта, трогательная только по благородству подказавшаго ее чувства, а имѣетъ и жизненно-практическое значеніе. Такой памятникъ, напоминая собою образъ почившаго съ запечатлѣннымъ на немъ такъ или иначе изображеніемъ достойныхъ благодарной памяти заслугъ его, можетъ и долженъ имѣть нравственно-воспитательное значеніе для насъ и для грядущихъ за нами поколѣній, подобно тому, какъ есть это по отношенію къ другимъ такимъ же, какъ онъ, великимъ государственно-общественнымъ дѣятелямъ нашего Царства, какъ есть это по отношенію къ Минину и Пожарскому, также вѣдь, только конечно по своему, возбуждавшимъ русское чувство и укрѣплявшимъ здравую мысль въ смутное время, 300 лѣтъ тому назадъ бывшее, какъ есть это, наконецъ, въ нашей же первопрестольной по отношенію къ Великимъ Царямъ нашимъ—Александру II—Освободителю и Александру III—Миротворцу, сподвижникомъ Которыхъ былъ почившій. Если благодарная Россія создала эти памятники на память и назиданіе потомству; то какъ же не быть памятнику М. Н-чу Каткову, этому, можно сказать, Минину нашего времени, этому неустанному проповѣднику, мудрому истолкователю великихъ и славныхъ идей Царя Освободителя и несокрушиму борцу за Богомъ данное и Богомъ вѣнчанное Самодержавіе Царя Миротворца противъ замысловъ крамолы? Этотъ памятникъ, можетъ быть, хоть маленько смылъ бы съ нашего лица русское кровавое пятно 1-го марта...

Само собою разумѣется, не церковному проповѣднику говорить о томъ, каковъ долженъ быть этотъ памятникъ и какую идею онъ долженъ выразить собою. Первое—дѣло людей науки и искусства, а второе—понятно и безъ на-

рочитыхъ разъясненій; ибо кто изъ насъ не знаетъ, что на хоругови гигантской дѣятельности въ Бозѣ почившаго поборника единства и недѣлимости Россіи огненными буквами, видными даже за моремъ, стояли три великія слова, какъ основа этого единства: Богъ, Царь и родина или точнѣе: Церковь православная, Царь самодержавный и народъ русскій. Всѣ это знаютъ, но о, горе наше, горе русское, не всѣ понимаютъ и не всѣ принимаютъ...

Конечно, трудно принять то, чего не понимаешь... Но для того, чтобы понять эту вѣковѣчную русскую идею, проповѣдникомъ и защитникомъ которой былъ почившій, которую яснѣе дня разъяснялъ Онъ въ своихъ тѣхъ твореніяхъ—теперь всѣмъ и каждому доступныхъ, нѣтъ даже нужды во всей полнотѣ и цѣлости изучать эти творенія... Для этого нужно прежде всего любить Россію такъ, какъ любилъ ее М. Н-чъ, любовью чистою, безкорыстною, нелицемѣрною, живою и твердою—тою любовью, которую заповѣдалъ намъ Христосъ, повелѣвшій душу свою полагать за други свои—жизнь свою отдать тому, кого любишь.

Для такой любви нѣтъ тайнъ; кто умѣетъ такъ любить ближнихъ своихъ, тотъ по Апостолу, и Бога можетъ познать, а въ Богъ — и все. Для такой любви нѣтъ вѣдъ и времени; ибо она останется по слову другого апостола и тогда, когда упразднится самая вѣра... Такой-то любовью и любилъ Россію въ Бозѣ почившій, ею-то прежде всего онъ и понималъ ее—ея нужды и потребности такъ, какъ не могли понять люди, мало любившіе Россію; она-то и умудряла его въ его сильномъ словѣ...

Слѣдовательно и намъ для того, чтобы проникнуться мыслями М. Н-ча объ общественно-государственной жизни народной, понять всю цѣну и значеніе этихъ мыслей—нравственно-воспитательное значеніе ихъ, равно какъ и самаго памятника М. Н-чу, какъ выраженія этихъ мыслей,—нужно прежде всего любить Россію истинно-христіанскою любовью. Безъ этой любви и самый художественный памятникъ, если и скажетъ что о почившемъ русскимъ людямъ,

не знавшимъ его лично, то не возбудить въ нихъ русскаго чувства и не оздоровить русскую мысль, а съ ней— съ этой любовью, память о немъ будетъ не только понятна, а и жива и дѣйствевна.

И тогда-то выйдетъ, что почившій *умре и яко не умре*. Вѣчная память ¹⁾).

Прот. І. Соловьевъ.

¹⁾ Рѣчь эта была произнесена послѣ панихиды на могилѣ М. Н-ча, по окончаніи пѣнія; *Вѣчная память*. Эту же *вѣчную память* всѣ присутствовавшіе пропѣли и послѣ заключительныхъ словъ рѣчи.

СМѢХЪ НАУКИ.

Вѣрующіе люди весьма часто ежатся и жмутся подъ ироническимъ взглядомъ ученыхъ людей, смущаются отъ ихъ колкихъ, ѣдкихъ, саркастическихъ замѣчаній и буквально таки теряются отъ громкаго, раскатистаго смѣха, которымъ жрецы науки подчасъ сопровождаютъ свою критику религіозныхъ основоположеній.

Признаться, въ свое время и мы испытывали подобнаго рода непріятныя состоянія, и мы терялись въ присутствіи людей великаго ума и большихъ познаній, и мы не знали, что дѣлать, что говорить, какъ защищаться, и безмолвно выслушивали антихристіанскія и даже антирелигіозныя идеи, чувствуя, какъ въ нашей душѣ постепенно зарождаются, крѣпнута и множатся различнаго рода сомнѣнія и недоумѣнія.

Теперь же совсѣмъ не то: теперь мы знаемъ цѣну „ученаго смѣха“, опредѣлили его удѣльный вѣсъ. Нашли, что онъ вовсе не страшенъ, что его нечего бояться, нечего даже обращать на него вниманіе, потому что и онъ по временамъ, и даже очень часто, бываетъ совершенно неумѣстнымъ и пустымъ.

Въ этомъ мы убѣдились на основаніи многочисленныхъ примѣровъ, почерпнутыхъ нами изъ исторіи науки. И мы хотимъ хоть часть примѣровъ привести здѣсь, чтобы показать, что смѣхъ не есть доказательство, что онъ не подрываетъ истинности нашего вѣроученія, и чтобы чрезъ это укрѣпить малодушныхъ и маловѣрныхъ и заставить ихъ прямо, открыто, безбоязненно смотрѣть въ глаза

всѣмъ „совопросникамъ вѣка сего“ и не смущаться, не теряться, не житься отъ ихъ горделиваго смѣха.

Вспомнимъ открытіе гальванизма ¹⁾.

Гальвани былъ женатъ на красавицѣ Люціи Галеоцци, дочери профессора. Горячо любимая жена его тяжело заболѣла въ Болоньѣ. Врачъ прописалъ ей бульонъ изъ лягушечьихъ ножекъ. Гальвани взялся самъ приготовить это блюдо.

Говорятъ, что когда Гальвани, сидя на своемъ балконѣ и снимая кожу съ лягушекъ, прикрѣпилъ съ помощію мѣдныхъ крючковъ къ желѣзной рѣшеткѣ балкона верхня части ихъ ножекъ, онъ совершенно неожиданно замѣтилъ, къ крайнему своему изумленію, что ножки лягушекъ конвульсивно вздрагивали при соприкосновеніи съ желѣзной рѣшеткой балкона.

Тщательное изслѣдованіе этого явленія привело Гальвани, бывшаго въ ту пору профессоромъ физики въ болонскомъ университетѣ, къ его извѣстному открытію.

Обнаживъ лягушечьи ножки и снявъ съ нихъ кожу, мы увидимъ бѣлыя нити—нервы. Если намотать эти нервы, доколѣ они не утратили еще своей эластичности, вокругъ цинковой пластинки и положить ее на мѣдную досщечку, то при соприкосновеніи цинка съ мѣдью нервы стягиваются съ такой силой, что отталкиваютъ на значительное разстояніе легкой предметъ, положенный на эту пластинку.

Случай натолкнулъ Гальвани на его открытіе: простой случайности мы обязаны открытіемъ „гальванизма“, увѣковѣчившаго имя его изобрѣтателя и повлекшаго за собою открытіе вольтова столба, гальванопластики и другихъ изобрѣтеній въ области электричества.

¹⁾ Гальванизмъ—электричество, возбуждаемое при прикосновеніи неоднородныхъ металловъ.

Опыты болонскаго ученаго встрѣтили всеобщее недовѣріе и глумленіе, и лишь немногіе серьезные изслѣдователи сумѣли оцѣнить по достоинству это открытіе.

Бѣдный изобрѣтатель впалъ въ великое уныніе.

„Я подвергаюсь издѣвательствамъ со всѣхъ сторонъ, писалъ Гальвани въ 1792 году. Меня осыпають градомъ насмѣшекъ, прозвавъ меня „танцмейстеромъ лягушекъ“.

И что-жъ! Не смутилась душа Гальвани подъ остротами и насмѣшками цѣлаго ряда современныхъ ему ученыхъ. Онъ шелъ по своему пути твердой, увѣренной стопой. И въ концѣ концовъ добился своего. Онъ сдѣлалъ громадной важности открытіе, о которомъ повѣствуетъ теперь каждый учебникъ физики и которое принимаютъ теперь всѣ ученые, безъ исключенія.

Какъ должно быть теперь стыдно ученымъ за своихъ собратьевъ, которые высмѣивали и вышучивали въ свое время столь важное открытіе!

Другой примѣръ.

Сто лѣтъ приблизительно тому назадъ, одинъ французскій ученый заявилъ, что онъ напалъ на слѣдъ такого открытія, которое дастъ людямъ возможность въ теченіе полчаса послать запросъ въ Китай и получить оттуда отвѣтъ. Его подняли на смѣхъ. Назвали сумасшедшимъ. И кто? Не профаны, не неучи, не диллетанты, а серьезные ученые. Правда, они совершенно разумно рассуждали, что если гонецъ будетъ скакать безостановочно, безъ сна и безъ отдыха, день и ночь въ Китай, или парусный корабль поплыветъ туда съ несомнѣнно попутнымъ вѣтромъ, то и въ такомъ невѣроятномъ случаѣ потребуется на это по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Рассуждали правильно „по даннымъ того времени“. Но этотъ ученый работалъ надъ первыми началами электрическаго телеграфа. Электричество существовало въ мірѣ, но люди не знали этой силы, не могли ею овладѣть, не могли ею пользоваться. Нашелся одинъ, который отыскалъ ключъ къ разгадкѣ этой тайны, но его подняли на смѣхъ, назвали

празднымъ фантазеромъ и слышать не хотѣли того, что предлагалъ онъ имъ.

Не смотря, однако, на это, не смотря на дружный смѣхъ ученыхъ сотоварищей, изобрѣтатель телеграфа на дѣлѣ показалъ, что мечта его стала дѣйствительностью. И горделивые, кичившіеся своими познаніями ученые къ стыду своему признали непреложной истиной то, что прежде считали мальчишеской затѣей.

А вотъ что рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный астрономъ К. Фламмаріонъ.

„Мнѣ самому довелось присутствовать на засѣданіи академіи наукъ въ тотъ знаменательный день, когда физикъ дю-Мусель демонстрировалъ предъ многочисленнымъ собраніемъ ученыхъ фонографъ Эдиссона.

Когда послѣ предварительныхъ объясненій докладчика заговорилъ фонографъ Эдиссона, изъ рядовъ ученыхъ поднялся престарѣлый академикъ. Не скрывая своего негодованія по адресу дерзкаго новатора, онъ набросился на представителя Эдиссона, и, схвативъ его за горло, закричалъ: „Вы—шарлатанъ! Неужели вы думаете, что насъ можетъ одурачить всякій чревоѣщатель?!“...

Этотъ престарѣлый академикъ былъ не кто иной, какъ самъ Буйло.

Описанная сцена имѣла мѣсто въ засѣданіи академіи наукъ 11 марта 1878 года.

Спустя полгода, тотъ же Буйло, въ засѣданіи той же академіи наукъ, познакомившись ближе съ этимъ аппаратомъ, высказалъ убѣжденіе, что фонографъ Эдиссона—не что иное, какъ искусное чревоѣщаніе. „Вѣдь нельзя же допустить—говорилъ Буйло,—чтобы дрянной металлъ могъ воспроизводить благородные звуки челоуѣческаго голоса!“

Такимъ образомъ, въ лицѣ Буйло, старые академики изобрѣтеніе Эдиссона сочли за акустическій фокусъ. И теперь, когда ученые вспоминаютъ исторію этой демонстраціи и поразительные отзывы престарѣлыхъ академиковъ, краска стыда покрываетъ ихъ лица за неумѣстный

и пустой смѣхъ серьезныхъ и даже знаменитыхъ ихъ ученыхъ товарищей.

Любопытна и въ высшей степени поучительна исторія открытія желѣзныхъ дорогъ.

Когда стали вводить первые опыты устройства желѣзныхъ дорогъ, инженеры воспротивились этимъ опытамъ, увѣряя, что локомотивы ни подъ какимъ видомъ не тронутся съ рельсъ, и что колеса будутъ вертѣться все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ палатѣ депутатовъ Араго (1833) возставалъ противъ смѣлыхъ ожиданій послѣдователей новаго изобрѣтенія, выдвигая, въ качествѣ аргументовъ противъ идеи этого изобрѣтенія, указанія на инертность матеріи, упругость металловъ и сопротивленіе воздуха. „Скорость,—говорилъ Араго,—и впрямь велика, но во всякомъ случаѣ далеко ужъ не такъ велика, какъ можно было ожидать. Рѣчь идетъ о предполагаемомъ увеличеніи транспорта. Въ 1836 году цифра нашихъ доходовъ достигла 2,800000 франковъ. Съ постройкою желѣзныхъ дорогъ и съ доставкой всего транспорта съ помощью паровозовъ, эта цифра должна пасть до 1.052,000 франковъ, что принесетъ, такимъ образомъ, ежегодно убытку 1.751,000 франковъ. Такимъ образомъ, страна лишится двухъ третей своихъ доходовъ.

Бросимъ, поэтому, эту фантастическую химеру!“...

Не трудно видѣть, что всюду, гдѣ только ни заходитъ рѣчь о новыхъ идеяхъ, даже величайшіе умы—и тѣ впадаютъ въ заблужденіе, почему прочность своей позиціи и прикрываютъ смѣхомъ.

Такъ, по мнѣнію Прудона, „было бы смѣшно и тривиально утверждать, что желѣзныя дороги могутъ способствовать распространенію идей“.

По мнѣнію королевской медицинской коллегіи въ Баваріи, устройство желѣзныхъ дорогъ было бы величайшимъ преступленіемъ противъ народнаго здравія, такъ какъ такое быстрое движеніе вызоветъ у пассажировъ сотрясеніе мозговъ, а у зрителей—обморочное состояніе; по

этимъ соображеніямъ, медицинская коллегія рекомендовала, въ числѣ прочихъ мѣръ, устроить по обѣ стороны поѣзда заборы.

Такимъ образомъ, величайшая идея, теперь осуществленная во всѣхъ культурныхъ странахъ, вначалѣ была осмѣяна и оплевана представителями науки.

Вспомнимъ еще споры о движеніи земли.

Даже такимъ выдающимся, блестящимъ умамъ, какъ Платонъ и Архимедъ, даже такимъ астрономамъ, какъ Гиппархъ и Птоломей—и тѣмъ не по силамъ было подняться до уровня этой истины.

Птоломей—такъ тотъ даже открыто высмѣивалъ такую „нелѣпую болтовню“, называя теорію движенія земли „смѣшнымъ вздоромъ“.

Такого рода сужденіе оказываетъ поразительное дѣйствіе.

Такъ и видишь предъ собой добродушнѣйшаго декана, помирающаго со смѣху отъ уморительной теоріи; такъ и слышится: „вотъ такъ потѣха, прости Господи, чтобы земля могла вращаться“!

Правда, это было очень и очень давно. А развѣ нельзя найти въ нашихъ библіотекахъ сочиненіе (помѣченное 1806 годомъ), отвергающее самую допустимость мысли, чтобы земля могла вращаться „подобно индюку вокругъ вертела“. Этотъ милый „индюкъ“ былъ не кто иной, какъ даровитый членъ института Мерсье ¹⁾, авторъ извѣстнаго труда „Картина Парижа“. А вѣдь отъ него-то именно мы вправѣ были ожидать болѣе глубокомысленнаго и правильнаго, чуждаго смѣха и ироніи сужденія объ этомъ предметѣ!

Стоитъ еще вспомнить переворотъ, произведенный открытіемъ радія съ его удивительными свойствами. Съ та-

¹⁾ Въ XIX ст. еще Делетръ проводилъ ту мысль, что солнце движется, а земля стоитъ. См. проф. Глаголева: „Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ наступающему XX столѣтію“. Серг. Пос. 1900 г. стр. 30.

кимъ недовѣриемъ научный міръ отнесся къ извѣстію объ этомъ открытіи! Какъ ученые пожимали плечами, съ улыбкою встрѣчая заявленія госпожи Кюри. И все же оказалось, что изъ общаго правила затраты энергіи для производства работы есть исключеніе, и какъ это ни казалось въ началѣ правдоподобнымъ, но опытъ опровергъ теорію и теорію пришлось „перекроить“ по опыту.

А развѣ академія наукъ и парижскій медицинскій факультетъ не отвергли въ ту пору человѣческаго магнетизма? Развѣ не переставали отвергать его и даже глумиться надъ нимъ и тогда, когда Жюль Клоке сдѣлалъ болѣзненную операцію намагнетизированной женщины, излѣчивъ ее, такимъ образомъ, отъ рака?

А съ какимъ язвительнымъ сарказмомъ глумились Гюи Патэнъ и всѣ члены медицинскаго факультета Сорбонны надъ сдѣланнымъ Гарвеемъ открытіемъ кровообращенія!

Исторія изобрѣтателей парохода—маркиза де Жоффруа и Фультона, подвергшихся граду насмѣшекъ, до такой степени общеизвѣстна, что врядъ-ли нужно еще повторять ее здѣсь.

Такая же участь выпала на долю и Филиппа Лебона—изобрѣтателя газоваго освѣщенія, умершаго въ 1804 году, который только вѣскольکو мѣсяцевъ не дожилъ до осуществленія своей идеи.

Возражая противъ идеи Лебона, ему ставили на видъ, что не можетъ же лампа горѣть безъ фитиля!..

А между тѣмъ, газовое освѣщеніе было введено сперва въ Бирмингамъ въ 1805 г., затѣмъ въ Лондонъ—въ 1813 году и, наконецъ, въ Парижъ—въ 1818 году.

Тома Юнгъ, основавшій вмѣстѣ съ Френгелемъ теорію волнообразнаго движенія свѣта, былъ мишенью жестокихъ нападокъ и глумленій со стороны Лорда Бруггома.

Безсмертное открытіе Майера (законъ сохраненія силы) вызвало въ Германіи жестокія нападки со стороны официальныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, доведшія его до самоубійства: потерявъ вѣру въ себя, Майеръ выбросился изъ окна.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ самоубійства Майера, его теорія стяжала себѣ единодушное признаніе.

Знаменитый физикъ Омъ подвергался жестокимъ насмѣшкамъ со стороны своихъ современниковъ—нѣмецкихъ ученыхъ, обзывавшихъ его дуракомъ.

Сообщеніе Франклина о сдѣланномъ имъ изобрѣтеніи громоотвода встрѣтило въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ градъ насмѣшекъ, и все собраніе признало невозможнымъ обнародовать его докладъ въ печати.

А судьба телескопа? Достаточно сказать, что всѣ смѣялись надъ этимъ открытіемъ и не нашлось ни одного человѣка, который сумѣлъ бы оцѣнить всю важность этого изобрѣтенія. Мало того, даже такой выдающійся астрономъ, какъ Гельвецій, и тотъ, спустя пятьдесятъ лѣтъ, отказался пользоваться стеклами изъ опасенія, что они могутъ повредить точности его наблюденій.

А величайшій химикъ Лавуазье? Развѣ онъ не смѣялся надъ теоріей паденія метеоровъ? Развѣ не защищалъ онъ того положенія, что камни никогда и не въ какомъ случаѣ, и ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ падать съ неба?

Можно привести еще и еще нѣсколько десятковъ такихъ примѣровъ, но, думаемъ, что и этихъ вполне достаточно. И эти примѣры весьма ярко, весьма краснорѣчиво говорятъ о томъ, что серьезные ученые, люди великаго ума и большихъ познаній, часто смѣялись надъ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ было безспорной истиной.

О чемъ же все это говорить?

Да о томъ, прежде всего, что великіе ученые сами заблуждаются, вслѣдствіе чего часто смѣются надъ истиной, надъ правдой. А если такъ, если авторитеты ошибаются и заблуждаются, глумятся надъ истиной и надъ апостоломъ ея, то зачѣмъ же тогда придавать такое большое значеніе ихъ смѣху? Зачѣмъ смущаться и робѣть предъ каждой ихъ улыбкой, предъ ихъ шутками и прибаутками?

До тѣхъ поръ, пока громаднѣйшая область фактовъ, нами только частію сообщенныхъ, была для насъ невѣдома, мы вѣрили въ непогрѣшимость науки. Теперь же, когда открылись предъ нашими глазами всѣ ея ошибки, заблужденія, недостойные выпады, мы потеряли вѣру въ ея абсолютную авторитетность и сразу почувствовали, что для насъ лично утрачена первоначальная острота ядовитаго смѣха горделивыхъ ученыхъ надъ тѣми или другими истинами христіанской религіи. И потому мы теперь чувствуемъ себя вполне спокойно въ присутствіи жрецовъ науки и уже не испытываемъ тѣхъ непріятныхъ, унижительныхъ, подавляющихъ состояній, какія мы переживали во дни блаженнаго невѣднія.

Думаемъ, и даже убѣждены, что и всѣ тѣ, кто только ознакомится съ суммой нами сгруппированныхъ фактовъ, перестанутъ рабски преклоняться предъ главнымъ идоломъ нашего времени и перестанутъ смущаться смѣхомъ возгордившихся своимъ величіемъ ученыхъ.

Почему такъ?

А потому, что если авторитетные ученые даже въ своей области допускали весьма существенныя ошибки, если они даже надъ своими товарищами смѣялись и, смѣясь, жестоко ошибались, то развѣ не могутъ они еще больше ошибаться въ чужой области, въ области религіи, въ области духа?

Конечно, могутъ, даже еще чаще, еще больше, чѣмъ въ области науки.

Развѣ мы не были свидѣтелями, какъ наука славала религіи свои передовыя позиціи? Развѣ мы позабыли, что многіе вопросы христіанской вѣры, прежде высмѣиваемые наукой, теперь самими же учеными рѣшены въ желанномъ для насъ духѣ и направленіи? Развѣ мы не знаемъ, что надъ многими какъ ветхозавѣтными, такъ и новозавѣтными истинами даже передовые ученые перестали глумиться и приняли ихъ въ свой научный катихизисъ? Другими словами, развѣ малочисленны случаи, когда

ученные, прежде иронически и свысока смотрѣвшіе на религіозныя истины и смѣявшіеся надъ ними временнѣ и безвременнѣ, теперь сами убѣдились въ своей ошибкѣ, сами сознали всю неумѣстность, пустоту и преждевременность своего смѣха?

Но довольно словъ. Перейдемъ къ дѣлу, къ фактамъ.

Возьмемъ, на примѣръ, весьма старый, спорный и вмѣстѣ съ тѣмъ интересный вопросъ, вопросъ о существованіи свѣта ранѣ свѣтилъ небесныхъ.

Библия, какъ это всѣмъ извѣстно, говоритъ, что Господь Богъ сотворилъ свѣтъ въ первый день, а свѣтила небесныя въ четвертый день.

Противъ такого порядка въ мірозданіи возстала наука въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей. Всѣ ученые, которые только работали и писали по данному вопросу, какъ крупныя, такъ и мелкія, какъ добросовѣстные, такъ и недобросовѣстные, почти въ одинъ голосъ говорили намъ служителямъ вѣры.

„Помилуйте, развѣ свѣтъ можетъ существовать безъ свѣтилъ небесныхъ? Развѣ помимо солнца и звѣздъ есть еще другіе источники свѣта? Конечно, нѣтъ. Естествознаніе не знаетъ другого свѣта кромѣ того, который исходитъ отъ свѣтилъ, имѣющихъ свой собственный свѣтъ или отражающихъ его отъ другихъ свѣтящихся предметовъ... Ни одинъ смертный не въ состояніи объяснить и понять, что обозначаетъ собой „свѣтъ“ перваго для Моисея“.

Такого рода рѣчи и разсужденія можно найти въ любой „научной“ книжкѣ, трактующей о мірозданіи, напр., въ сочиненіи проф. Диделя: „Моисей или Дарвинъ?“, въ брошюрѣ Штрауса: „старая и новая вѣра“, въ трактатѣ проф. Ковалевскаго: „о мірозданіи“, въ „мировыхъ загадкахъ“ Геккеля, въ книгѣ Бюхнера: „Сила и матерія“ и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Конечно, возраженіе, предъявленное религіи, весьма сильное. Христіанство долгое время не могло совладать

съ нимъ. Но вотъ въ началѣ текущаго столѣтія наиболѣе авторитетные мыслители сами пришли къ мысли, что свѣтъ дѣйствительно существовалъ ранѣе свѣтилъ небесныхъ. Мнѣніе это впервые высказалъ знаменитый нѣмецкій профессоръ Бельше, авторъ многочисленныхъ произведеній изъ области естественной исторіи.

Въ виду особой важности мы приведемъ его полностью.

„При помощи телескопа, пишетъ проф. Бельше, можно совершенно ясно замѣтить между звѣздами настоящія туманная пятна, часто весьма слабыхъ очертаній... Спектральный анализъ доказалъ, что эти настоящія туманная пятна представляютъ скопленія газовъ. Долго думали, что и они стоятъ далеко внѣ нашей системы. Полагали, что это возникающія системы, подобныя нашей, міровые зародыши. Въ настоящее время все болѣе склоняются къ тому, что эти туманности носятя въ предѣлахъ нашей системы. Онѣ, повидимому, представляютъ болѣе древнія части этой системы, остатки первобытной матеріи, изъ которой постепенно образовались и продолжаютъ образовываться такія звѣзды. Частицы неизрасходованнаго вещества располагаются въ промежуткахъ между звѣздами.

„Эти остатки тумана среди дѣйствительно пылающихъ и свѣтящихся солнцъ нашей теперешней системы мы, несомнѣнно, можемъ видѣть только потому, *что первобытный туманъ обладаетъ свойствомъ какимъ-то образомъ свѣтиться.* Въ настоящее время вполне основательно склоняются къ опредѣленному мнѣнію: свѣтъ здѣсь происходитъ вовсе не отъ того, что туманность раскалена. Скорѣе, это явленіе флюоресценціи при низкой температурѣ.

„При крайней степени разрѣженія у всѣхъ газовъ, повидимому, наступаетъ такой моментъ, когда они начинаютъ свѣтиться. Такъ и это космическое туманное облако, газъ котораго до крайности разрѣженъ, носится ничѣмъ несогрѣтое въ ледяномъ пространствѣ и вспыхиваетъ, согласно указанному закону, своимъ собственнымъ свѣтомъ.

„Мысль эта пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если смотрѣть на эту туманность, какъ на первое сгущеніе эфира. По нашимъ современнымъ понятіямъ эфиръ является передающей средой для волнообразнаго движенія, которое мы воспривимаемъ, какъ свѣтъ. Въ данномъ случаѣ свѣтъ исходилъ бы изъ него самого. Эти волны, пробѣгающія въ настоящее время по несгустившимся частямъ туманности, какъ рябь и круги на поверхности пруда отъ брошеннаго камня, посылались бы тогда его собственными центрами сгущенія, благодаря этому самому сгущенію.

„Во всякомъ случаѣ дѣло происходило такъ, какъ будто эта первая „твердь“ выдѣлялась въ голубоватомъ сумеркѣ, въ одновременно съ нею возникшемъ первобытномъ свѣтѣ, который таинственно мерцаетъ надъ нею фосфорическимъ блескомъ, какъ пылинки радія въ темномъ холодномъ погребѣ. И только тогда, когда такія туманности или отдѣльныя части въ нихъ постепенно сгущались и все болѣе стягивались, въ нѣдрахъ ихъ происходило настоящее накаливаніе: теперь въ нихъ свѣтятся до бѣла раскаленныя солнца.

„Такимъ же образомъ и наше солнце, несмотря на постоянную потерю тепла въ окружающее его ледяное пространство, въ которомъ оно несется, уравниваетъ и непрерывно возобновляетъ свою теплоту“ ¹⁾...

Словомъ, Бельше, подводя итогъ научнымъ изысканіямъ послѣдняго времени, пришелъ къ тому убѣжденію, что свѣтъ существовалъ ранѣе появленія небесныхъ свѣтилъ. Его объясненіе кратко можетъ быть выражено такъ: въ началѣ на мѣстѣ видимаго міра существовала газобразная масса, которая, не будучи ничѣмъ согрѣта и будучи крайне разрѣжена, вспыхивала особеннымъ свѣтомъ, подобно тому, какъ пылинки радія сами собою свѣтятся въ темномъ холодномъ погребѣ.

¹⁾ „Дни творенія“ В. Бельше. 1908 г. СПб. Пер. Александрова, стр. 28—32.

Такъ думаетъ Бельше. Такъ думаютъ теперь и современные ученые. Но вѣдь и христіанская же религія учить сему-же. Именно, она говоритъ, что сначала Богъ создалъ „сущность“ неба и земли ¹⁾, зародышь міра или матерію для него и всѣхъ его существъ въ видѣ безформенной массы (хаоса), которая въ первый же періодъ жизни обрѣла свойствомъ свѣтиться: „въ первый день Богъ сотворилъ свѣтъ“.

А если такъ, если и біблія и наука вполне совпадаютъ въ рѣшеніи столь спорнаго вопроса, то, спрашивается, не даромъ-ли, не по-пусту-ли наука въ теченіе многихъ вѣковъ смѣялась и издѣвалась надъ біблейскимъ сказаніемъ о сотвореніи Богомъ свѣта ранѣе свѣтилъ небесныхъ?

Конечно, да. А между тѣмъ сколько лѣтъ высмѣивали Моисеево повѣствованіе? Сколько вѣрующихъ сердцецъ разбилося объ этотъ камень преткновенія и соблазна? Сколько тысячъ правовѣрныхъ христіанъ всегда ежилось и смущалось подъ раскатистымъ, а подчасъ острымъ, ехиднымъ смѣхомъ высокоумныхъ ученыхъ?

И это развѣ первый и послѣдній случай? Развѣ это единственный примѣръ ложнаго смѣха ученыхъ? Развѣ больше нѣтъ доказательствъ той простой и нами доказываемой истины, что нечего смущаться и робѣть подъ градомъ насмѣшекъ ученыхъ надъ нашей вѣрой, такъ какъ смѣхъ представителей науки весьма часто оказывался и преждевременнымъ и пустымъ?

О, нѣтъ. Ихъ сколько угодно. Цѣлыя десятки можно привести. Одинъ примѣръ мы уже сообщили, теперь перейдемъ къ другому.

Возьмемъ еще вопросъ о твореніи человѣка. Библія учить, что Господь сотворилъ человѣка въ томъ видѣ, въ какомъ онъ и теперь. Наука же, наоборотъ, въ лицѣ Дарвина и всѣхъ многочисленныхъ его послѣдователей утверждала, что человѣкъ не сразу появился, а постепенно и

¹⁾ Твор. св. отцовъ. Т. XXII. Твор. св. Ефрема Сирина, ч. 8 стр. 250.

вышелъ онъ не непосредственно изъ рукъ Творца, а путемъ долгой эволюціи произошелъ отъ обезьяны.

Такъ думали, такъ учили раньше. Теперь же совсѣмъ не то. Теперь всѣ такъ называемые ученые натуралисты раздѣляютъ такое убѣжденіе, что человѣкъ вовсе не отъ обезьяны происходитъ, но что онъ и обезьяна имѣютъ одного общаго родоначальника, произошли отъ одного и того же предка. Существующія между ними различія, какъ болѣе существенныя, такъ и менѣе существенныя, получились оттого, что человѣкъ пошелъ по пути развитія, прогресса, а обезьяна, наоборотъ, по пути регресса, такъ какъ перестала развиваться и совершенствоваться. Какое же существо должно считать за первоначальный организмъ, давшій два родовыхъ древа, на этотъ вопросъ пока не могутъ дать вполне яснаго и точнаго отвѣта 1).

А сколько лѣтъ смѣялись надъ Моисеевымъ ученіемъ о твореніи человѣка? Сколько мудрыхъ и неразумныхъ, великихъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ склонили свои колѣна предъ теоріей Дарвина, признали ее за твердо установленную истину и внесли ее въ качествѣ краеугольнаго догмата въ свой научный катихизисъ!

И что же? Настало время, когда теорія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны потеряла свой кредитъ повсюду. Не только среди простыхъ, но и среди ученыхъ. Теперь рѣдко кто придерживается дарвинской теоріи, какъ таковой. Рѣдко кто вѣритъ въ происхожденіе человѣка отъ обезьяны. Долго владѣвшая умами теорія при всеобщемъ смущеніи, къ стыду всѣхъ ея проповѣдниковъ, сдается въ архивъ. Она доживаетъ свои послѣдніе дни, будучи всѣми оставлена, критикуема, постепенно забываема. Неутомимымъ и несокрушимымъ критикомъ ея у насъ въ Россіи является

1) Когда Клаахъ, сторонникъ этой теоріи, сталъ подробно излагать ее на антропологическомъ конгрессѣ въ Ляндау, то Ранке, крупный ученый, авторъ двухтомнаго произведенія „Человѣкъ“, сказалъ, что выставлять такія гипотезы, значить „просто фантазировать“.

А. А. Тихоміровъ въ его многочисленныхъ трудахъ о несостоятельности теоріи дарвинизма.

А какъ ей вѣрили? Какъ были убѣждены въ ней! Какъ горячо всегда отстаивали ее! Какъ самоувѣренно возвышали ее надъ библейскимъ сказаніемъ! И вдругъ—полное крушеніе ея.

А сколько вѣрующихъ душъ погубило напрасно изъ-за нея! Сколько соблазна внесла она въ среду правовѣрныхъ христіанъ! И все это изъ-за чего? Съ позволенія сказать, изъ-за чепухи, изъ-за простого предположенія, изъ-за недоказанной мысли, изъ-за нелѣпѣйшей теоріи.

А еще смѣялись! Сами достойны были смѣха. Ихъ, т. е. ученыхъ, нужно было осмѣять, а не тѣхъ, въ рукахъ которыхъ абсолютная, вѣчная и непоколебимая истина...

Еще примѣры:

Раньше ученые смѣялись надъ тѣмъ, что библейское сказаніе о сотвореніи растеній прежде небесныхъ свѣтилъ совершенно невысказано, неразумно, противорѣчитъ и здравымъ понятіямъ и опыту. Теперь же сами ученые говорятъ о томъ, о чемъ учитъ и Библия, потому что изслѣдованіе растеній первичныхъ эпохъ показало, что земля была тогда въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь, именно: атмосфера ея была тогда чрезвычайно насыщена углекислотою, и на землѣ не было различія временъ года и климатовъ, вслѣдствіе чего возможность существованія растеній безъ небесныхъ свѣтилъ стала вполне очевидной ¹⁾.

Раньше ученые смѣялись надъ вѣрою христіанъ въ необходимость творческаго акта и говорили, что все произошло само собою, путемъ эволюціи, путемъ постепеннаго развитія и совершенствованія. Теперь же всѣ мыслители пришли къ тому заключенію, что жизнь сама собою никакимъ образомъ не могла появиться и потому для объясне-

¹⁾ См. у Ж. д. Этьена: „Какъ образовалась вселенная“ и у проф. С. Глаголева: „Изъ чтеній о религіи“. Серг. пос. 1903 г. стр. 378.

нія ея появленія нужно признать вмѣшательство высшей, разумной, всемогущей силы ¹⁾).

Раньше ученые смѣялись надъ постомъ, считали его анахронизмомъ, говорили о его вредѣ, бесполезности, теперь же сами доктора (Н. Я. Пясковскій, Апраксинъ) и профессора (Чижъ В., Зеландъ, Леманъ, Вирховъ) признають за нимъ благодѣтельную силу, свойство и значеніе и не только не смѣются надъ постниками, но ставятъ ихъ въ примѣръ другимъ и затѣмъ—не только не запрещаютъ больнымъ поститься, исполнять церковный обычай, но сами влекутъ другихъ къ его исполненію.

Раньше ученые смѣялись надъ тѣми, кто вѣрилъ въ достовѣрность библейскаго повѣствованія о потопѣ. Теперь всѣ болѣе или менѣе крупные геологи убѣждены въ существованіи въ древнія времена великой водной катастрофы ²⁾).

Раньше ученые смѣялись надъ болѣзнью Навуходоносора, о которой сообщаетъ Библия. Говорили, что такой болѣзни совсѣмъ и не существуетъ, что она выдумка, плодъ фантазіи писателя. Теперь же опытные и знаменитые психіатры взяли ее подъ свою защиту ³⁾).

Раньше ученые смѣялись надъ бесѣдою Евы со змиемъ, смотрѣли на нее, какъ на миѳъ, какъ на легенду, теперь же самые смѣлые рачіоналисты начинаютъ поговаривать

1) Дж. Тиндаль: „Произвольное зарожденіе“. Москва. 1897 г. Г. Дрюмонда: „Естественный законъ въ духовномъ мірѣ“. Москва. 1897 г. С. Глаголева: „О происхожденіи жизни“. СПб. 1899 г. Люка: „Выводы естествознанія по отношенію къ основнымъ даннымъ религіи“. СПб. 1870 г.

2) См. Богослов. Вѣстникъ, 1910 г. № 4 и 5; проф. Богородскій: „Начало исторіи міра и человѣка“. Казань. 1906 г. Вигуру: „Руководство къ чтенію и изученію Библии“. т. I. Москва. 1897 г. Сибирцева: „Опытъ Библейской естественной исторіи“. СПб. 1867 г. Лопухинъ: „Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ наслѣдованій и открытій“. СПб. 1889 г. т. I. Въ указанной литературѣ можно найти подробное изложеніе ученія современныхъ геологовъ о всемірномъ потопѣ.

3) Проф. П. И. Ковалевскій: „Психіатрическіе этюды изъ исторіи“. СПб. изд. 5-е. т. I.

о возможности бесѣдъ людей съ животными и приводить соотвѣтствующіе факты ¹⁾).

Мы уже устали приводить примѣры, и потому ставимъ точку, хотя число ихъ при желаніи можно было бы увеличить до желаемыхъ размѣровъ. Но думаемъ, что и приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно, и они, какъ нельзя лучше, яснѣе и убѣдительнѣе говорятъ о томъ, что смѣхъ ученыхъ еще ничего не доказываетъ, что онъ очень и очень часто бывалъ преждевременнымъ, пустымъ, совершенно напраснымъ, что ученые сплошь да рядомъ смѣялись надъ истиной, надъ правдой.

Посему нечего смущаться „серьезныхъ“ приговоровъ ученыхъ людей. Нечего бояться ихъ безапелляціоннаго тона. Нечего ежиться и стѣсняться отъ ихъ самоувѣреннаго и горделиваго смѣха.

Братъ, христіанинъ! Если ты при исповѣданіи своей вѣры увидишь улыбки на лицѣ „знаменитыхъ“ ученыхъ, если услышишь то наглый, безцеремонный, то тихій, добродушный смѣхъ такъ называемыхъ жрецовъ науки, то не робѣй, не смущайся. Вспомни приведенные нами факты. Проникнись мыслью, что смѣхъ не есть доказательство, что смѣхомъ ничего не докажешь, ничего не опровергнешь, и ты тотчасъ ощутишь въ своей душѣ бодрость, крѣпость, самоувѣренность!

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи

Священникъ Александръ Введенскій.

¹⁾ Битнеръ: „Въ міръ таинственнаго“. Изд. „Вѣстника Знанія“.

РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ

„О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“ ТОМЫ КЕМПІЙСКАГО *).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О внутреннемъ утѣшеніи.

Глава тридцать четвертая.

Кто любитъ Бога, тотъ превыше всего и во всемъ улаживается Богомъ.

Странно, что, зная Бога, душа наша не поглощается любовью къ Нему, что она останавливается еще на тваряхъ (самихъ по себѣ), вмѣсто того, чтобы погрузиться въ Источникъ всякаго блага. Что такое счастье, какъ не любовь? Что такое безконечное счастье, какъ не безпредѣльная любовь? Итакъ, сердцу нашему необходимъ Богъ; ничто сотворенное не могло бы никогда его вполне удовлетворить. Чего хочеть отъ меня міръ и что можетъ онъ дать мнѣ? Сердце мое больше всѣхъ его благъ и только одинъ „Богъ больше сердца нашего“ ¹⁾. Итакъ, душа моя жаждетъ одного Бога и нынѣ, и присно, и вѣчно—одного только Бога!

*) Продолженіе. См. № 6 „Душ. Чт.“

¹⁾ 1 Посл. Іоан. III, 20.

Глава тридцать пятая.

О томъ, что нѣтъ безопасности отъ искушеній въ здѣшней жизни.

Царство Божіе достигается съ большимъ трудомъ; и пока вы будете на землѣ, вамъ предстоитъ не покой, а всегдѣшняя борьба. Не останавливайтесь же; „обновляйтесь духомъ ума вашего“ ²⁾; прибѣгайте къ Богу, Помощнику вашему, смиряйтесь въ Его присутствіи; „бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе“ ³⁾; повторяю вамъ: „бодрствуйте на всякое время и молитесь“ ⁴⁾; пребывайте твердыми въ вѣрѣ, „будьте мужественны“ ⁵⁾. Нѣкоторые послѣ отважной борьбы впадаютъ вдругъ въ уныніе и трусливо покидаютъ поле битвы до побѣды; это потому, что они рассчитывали на собственныя силы, и Богъ въ наказаніе оставилъ ихъ на произволъ ихъ гордости. Недостаточно сопротивляться день, два; борьбу слѣдуетъ вести безъ остановки до конца: „претерпѣвшій до конца спасется“ ⁶⁾. Не говорите также: эта борьба слишкомъ продолжительна; ничто конечное не продолжительно, а вы приближаетесь, вѣдь, къ концу, „ибо время уже коротко, и проходитъ образъ міра сего“ ⁷⁾. „Еще немного, говоритъ Спаситель, и міръ уже не увидитъ Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить“ ⁸⁾ во Мнѣ. „И Духъ, и невѣста говорятъ: приди! и слышавшій да скажетъ: приди!“—„Гряди скоро! аминь“—„Ей, гряди, Господи Исусе!“ ⁹⁾.

²⁾ Ефес. IV, 23.

³⁾ Матѣ. XXVI, 41.

⁴⁾ Лук. XXI, 36.

⁵⁾ I Кор. XVI, 13.

⁶⁾ Матѣ. XXIV, 13.

⁷⁾ I Кор. VII, 29, 31.

⁸⁾ Іоан. XIV, 19

⁹⁾ Откров. XXII, 17, 20.

Глава тридцать шестая.

Противъ суетныхъ сужденій человѣческихъ.

Не скорбите, если люди, видящіе только внѣшнее, осуждаютъ васъ, и не превозносите, если они васъ восхваляютъ. Склонитесь предъ Богомъ и скажите Ему: „Если Ты, Господи, будешь замѣчать беззаконія, кто устоитъ?“ ¹⁰⁾ Нѣкоторые придаютъ слишкомъ большое значеніе тому, что называютъ они своею репутаціей, и въ чрезвычайной горячности, съ какою они ее защищаютъ, самую большую роль играетъ обыкновенно самолюбіе. Иисусъ Христосъ, когда Его поносили, показалъ намъ въ назиданіе другой примѣръ: Онъ молчалъ и не открывалъ устъ Своихъ. Всѣ святые были, подобно Ему, преслѣдуемы и оговариваемы. Когда сдѣлано все зависящее отъ насъ, чтобы не ввести брата своего въ соблазнъ, совѣсть должна быть спокойной; остается только мирно пребывать въ смиреніи. Богъ знаетъ все, и этого достаточно. „Для меня очень мало значить, писалъ Апостоль Коринтеянамъ, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; я и самъ не сужу о себѣ. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тѣмъ не оправдываюсь; судія же мнѣ Господь. Посему не судите никакъ прежде времени, пока не придетъ Господь, Который и освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога.“ ¹¹⁾

Глава тридцать седьмая.

О чистомъ и совершенномъ отреченіи отъ себя къ стяжанію сердечной свободы.

Ты сказалъ, Господи: „Если кто хочетъ итти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною“ ¹²⁾. „Кто не отрѣшится отъ всего, что имѣеть, не

¹⁰⁾ Псал. СХХІХ, 3.

¹¹⁾ 1 Кор. IV, 3—5.

¹²⁾ Матѣ. XVI, 24.

можетъ быть Моимъ ученикомъ“¹³⁾. Нельзя, значить, колебаться; нужно выбрать между міромъ и Тобою: „Никто не можетъ служить двумъ господамъ“¹⁴⁾, и Ты не хочешь, Боже, раздѣленія. Искать себя въ чемъ-нибудь—значить удаляться отъ Тебя. Тамъ, гдѣ есть еще какое-либо пристрастіе къ земнымъ вещамъ, гдѣ есть хотя немного своеволія или тайнаго довольства собою, Ты не царствуешь, Господи, всецѣло, и любовь Твоя претерпѣваетъ страданія. Ахъ! какъ это возможно, вкусивъ радость единенія съ Тобою, отказываться отъ еще болѣе тѣсной связи съ Тобою? О, непонятныя слабость и безуміе человѣческаго сердца! Развѣ такъ трудно, Боже, признать ничтожество всего, что—не Ты, признать свое непостоянство, неуверенность въ своихъ рѣшеніяхъ, тщетность своихъ желаній и отрѣшиться отъ бесплодныхъ и жалкихъ какихъ-то благъ за часъ до того, какъ смерть лишитъ насъ ихъ безвозвратно? О чемъ будемъ думать мы въ ту минуту, когда всѣ мечты наши поблекнутъ? Во что обратится для насъ временное, когда сами мы окажемся внѣ времени?—Все кончено, Господи,—я рѣшился на жертву, требующую Тобою отъ тѣхъ, кто желаетъ принадлежать Тебѣ. Пусть мнѣ не говорятъ больше ни о мірѣ семъ, ни обо мнѣ самомъ: я порвалъ послѣднія связи свои; я умеръ, я живу впредь только жизнью во мнѣ Христовой; тѣло мое это—какъ бы облакающій меня саванъ; вотъ я распротертъ въ гробницѣ и погребенъ со Христомъ Іисусомъ въ Богѣ¹⁵⁾. Аминь.

Глава тридцать восьмая.

О добромъ поведеніи во ви́шнихъ дѣлахъ и о прибѣжищѣ къ Богу въ опасностяхъ.

Люди, по большей части, дѣйствуютъ подъ первымъ своимъ впечатлѣніемъ и проводятъ жизнь въ томъ, что ве-

¹³⁾ Лук. XIV, 33.

¹⁴⁾ Матѣ. VI, 24.

¹⁵⁾ Римл. VI, 4.

черомъ раскаиваются въ утреннихъ своихъ поступкахъ. Слѣдуетъ бороться непрестанно съ такою плачевною слабостью, стараясь противиться мимолетнымъ своимъ порывамъ. Кто не владѣетъ собой, тотъ подверженъ большой опасности; онъ ежеминутно близокъ къ паденію. Нужно закалять свою волю, сдерживать увлеченія воображенія и подчинять сердце съ его стремленіями непоколебимому закону Божію. Но какъ сдѣлать это намъ, немощнымъ, безъ помощи свыше? Господь—единственная наша сила; будемъ же умолять Его съ довѣріемъ къ Нему и не переставая: молитва смиреннаго доходить до неба. „Возведемъ очи свои къ горамъ, откуда придетъ помощь наша“¹⁶⁾. „Господи Боже спасенія моего! днемъ вопію и ночью предъ Тобою“¹⁷⁾. „Сей нищій воззвалъ,—и Господь услышалъ и спасъ его отъ всѣхъ бѣдъ его“¹⁸⁾. „Благословенъ Господь, ибо Онъ услышалъ голосъ моленій моихъ. Господь—крѣпость моя и щитъ мой; на Него уповало сердце мое, и Онъ помогъ мнѣ, и возрадовалось сердце мое: и я прославлю Его пѣснью моею“¹⁹⁾. „Всѣ кости мои рекутъ: Господи! Кто подобенъ Тебѣ?“²⁰⁾

Глава тридцать девятая.

Не долженъ человѣкъ быть нетерпѣливъ въ дѣлахъ своихъ.

Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ бываетъ страшная опасность для души, если она не бодрствуетъ надъ собою внимательно. Я не говорю уже объ интересахъ материальныхъ, ведущихъ къ искушенію и оканчивающихся обыкновенно сдѣлками съ совѣстью; даже когда они не имѣютъ на насъ такого печальнаго вліянія, они дѣлаютъ

¹⁶⁾ Псал. СХХ, 1.

¹⁷⁾ Псал. LXXXVII, 1.

¹⁸⁾ Псал. XXXIII, 7.

¹⁹⁾ Псал. XXVII, 6—7.

²⁰⁾ Псал. XXXIV, 10.

сердце сухимъ, слишкомъ занимають умъ, отвлекають его отъ Бога и отъ великой мысли о спасеніи. Къ несчастію, у человѣка всегда есть поводъ къ суетѣ,—что-нибудь неотложное, и подъ этимъ предлогомъ, безъ предрѣшеннаго намѣренія, просто по одному увлеченію своими занятіями, оставляють понемногу поддерживающія благочестивое настроеніе упражненія, какъ, напр., чтеніе душеполезныхъ книгъ, молитву и прочія религіозныя обязанности, и такимъ образомъ жизнь протекаетъ во всевозможныхъ заботахъ, планахъ и трудахъ, но въ забвеніи только „единого на потребу“ ²¹⁾). Даже болѣзни рѣдко пробуждаютъ людей отъ духовнаго сна; всякое предупрежденіе остается съ ихъ стороны безъ вниманія. Приходитъ, наконецъ, смерть, захватываетъ человѣка врасплохъ и приводитъ къ Судіи, который спрашиваетъ: какъ воспользовался ты дарованною тебѣ временною жизнью? Несчастный озирается тогда мелькомъ на тридцать, сорокъ, шестьдесятъ лѣтъ жизни, проведенной исключительно въ земныхъ попеченіяхъ, и ничего кромѣ этого не видитъ. О душѣ своей онъ не заботился; а теперь уже поздно начинать это дѣло, и судьба его рѣшена безповоротно. Ахъ, думайте прежде всего о томъ, что не должно никогда окончиться. „Ищите прежде Царства Божія и правды Его, и все прочее приложится вамъ“ ²²⁾). Не желать излишне того, что проходитъ, полагаться на Провидѣніе, желать только того, чего хочетъ Богъ, какъ и когда Онъ этого хочетъ,—вотъ путь къ миру и единственное твердое основаніе имѣть упованіе на спасеніе въ послѣдній день.

Глава сороковая.

Человѣкъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего добраго и ничѣмъ не долженъ хвалиться.

Если я войду въ самого себя и спрошу себя, что я—такое, то мнѣ придется открыть слѣдующее: колеблющій-

²¹⁾ Лук. X, 42.

²²⁾ Матѣ. VI, 33.

ся разумъ, всегда близкій къ заблужденіямъ,—смѣняющіяся привязанности,—необъяснимо связанныя между собою надежды и тщетныя опасенія,—порочныя склонности,—безчисленныя пожеланія, всегда мучительно меня волнующія, иногда—мимолетную радость, обыкновенно же глубокую тоску—какое-то невольное предвкушеніе небснаго, при всѣхъ, однако, земныхъ моихъ страстяхъ,—слабую и нерѣшительную волю и, наконецъ, большую гордость, при большой немощи; вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую свое безсиліе возстановить такъ глубоко павшую природу мою. Надлежало, чтобы самъ Богъ явился приподнять и снять съ меня эту неизмѣримую тяжесть грѣховности; безъ божественнаго Искупителя вся вѣчность прошла бы надъ развалинами человѣческаго бытія. Искупитель сей явился; Онъ сказалъ: „вотъ Я иду“²³⁾, и Кровь Его послужила удовлетвореніемъ высшей Правды, и благодать Его возродила человѣческую природу; она возстановила образъ Бога въ падшемъ его созданіи. О! неизъяснимая тайна любви! И чѣмъ намъ воздать за такую милость къ намъ? Признаемъ, по крайней мѣрѣ, свою немощь и свои недостатки; не будемъ приписывать себѣ того, что намъ дается Богомъ незаслуженно; воздадимъ славу, Кому она подобаешь, и пусть всѣ силы нашего существа проникнутся чувствами Пророка, восклицающаго: „Господи Боже мой! я воззвалъ къ Тебѣ, и Ты испѣлилъ меня. Господи! Ты вывелъ изъ ада душу мою и живилъ меня, чтобы я не сошелъ въ могилу. Пойте Господу, святыне Его, славьте память святыни Его“²⁴⁾.

Глава сорокъ первая.

О презрѣніи всякой временной чести.

Кто разсматриваетъ себя предъ Богомъ, при свѣтѣ истины, тотъ относится къ себѣ съ величайшимъ презрѣ-

²³⁾ Псал. XXXIX, 8.

²⁴⁾ Псал. XXIX, 3—5.

ніемъ, потому что онъ открываетъ въ себѣ глубокую испорченность и вмѣсто того, чтобы искать уваженія и почестей, онъ ищетъ спасенія въ признаніи своего недостойнства, какъ въ единственномъ убѣжищѣ противъ гордости, наихудшаго изъ его грѣховъ. Если его унижаютъ, если его презираютъ, онъ не жалуется и не раздражается, признавая, что къ нему относятся справедливо, ибо въ душѣ своей онъ чувствуетъ себя еще болѣе недостойнымъ предъ Богомъ, на Котораго одного онъ только и взираетъ. Онъ говоритъ съ Іовомъ: „Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинять меня; если я невиненъ, то Онъ признаетъ меня виновнымъ“ ²⁵). Затѣмъ въ скорби сердечной призываетъ онъ милосерднаго Отца небснаго: „Если я согрѣшилъ, то что я сдѣлаю Тебѣ, Спаситель человѣковъ! Зачѣмъ Ты поставилъ меня противникомъ Себѣ, такъ что я сталъ самому себѣ въ тягость? Прости мнѣ грѣхъ и сними съ меня беззаконіе мое, ибо, вотъ, я лягу въ прахъ; завтра поищешь меня, и меня вѣтъ“ ²⁶). Блаженъ, кто самъ обвиняетъ себя, ибо онъ получить прощеніе! Блаженъ, кто выбираетъ послѣднее мѣсто, ибо ему будетъ сказано: „Пересядь выше“ ²⁷).

Глава сорокъ вторая.

О томъ, что не слѣдуетъ миръ свой полагать въ человѣкахъ.

Религія освящаетъ все и ничего не упраздняетъ кромѣ грѣха; она не препятствуетъ естественнымъ привязанностямъ; напротивъ, есть такія изъ нихъ, которыя она внушительно предписываетъ, и заповѣдь о взаимной любви выдвигаетъ она на первый планъ. „Будемъ любить другъ друга“ ²⁸), повторяетъ безпрестанно Св. Апостоль Іоаннь.

²⁵) Іов. IX, 20.

²⁶) Іов. VII, 20—21.

²⁷) Лук. XIV, 10.

²⁸) 1 Іоан. IV, 7.

„Не любящій брата пребываетъ въ смерти“²⁹⁾, онъ „не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“³⁰⁾. И не видимъ ли мы развѣ на тайной вечери возлежащимъ у груди Исусовой „ученика, котораго любилъ Онъ“³¹⁾? Но привязанности наши, чтобы быть чистыми, должны имѣть начало свое въ Богѣ и сообразоваться съ волею Божіей. Въ такомъ случаѣ, это уже не земныя чувства, которыя мимолетно тревожатъ и волнуютъ душу, а нѣчто, причастное вѣчности, неизмѣнное, какъ она, и спокойное, какъ она. Не довѣряйте же любви, лишаящей васъ сердечнаго мира. Никто не долженъ быть любимъ безъ покорности нашей велѣніямъ Божиимъ. Мы должны быть всегда готовы выносить безъ жалобы то, что претитъ наиболѣе естественнымъ нашимъ чувствамъ, какъ-то: разлуку, отсутствіе, даже смерть дорогихъ лицъ, помня, что говорить по этому поводу Апостоль: „Не хочу же оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи объ умершихъ, дабы вы не скорбѣли, какъ прочіе, неимѣющіе надежды. Ибо если мы вѣруемъ, что Исусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Исусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ. Ибо сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы, живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ, потому что Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубъ Божіей, сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде; потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ, въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ“³²⁾.

Протоіерей Александръ Смирнопуло.

Брюссель.

²⁹⁾ Тамъ же. III, 14.

³⁰⁾ Тамъ же IV, 8.

³¹⁾ Іоан. XXI, 20.

³²⁾ 1 Θεсс. IV, 13—17.

Юбилейные дни и ихъ значеніе въ жизни христіанина.

Существуетъ двоякій взглядъ на юбилеи. Одни не только склоняются въ эти дни отъ какихъ-либо пышныхъ торжествъ, привѣтствій и подношеній, но даже совершенно не желаютъ отмѣтить чѣмъ-либо свои юбилейные дни и проводятъ ихъ, какъ дни буднишніе. Другіе, хотя и не обставляютъ иногда свои юбилеи внѣшнею пышностью и торжествомъ, тѣмъ не менѣе придають имъ извѣстное значеніе и стараются отмѣтить ихъ въ своей жизни какимъ-нибудь образомъ. Спрашивается, какъ долженъ смотрѣть на свои юбилейные дни христіанинъ? Намъ еще понятно желаніе тѣхъ, которые стремятся какъ можно скромнѣе отмѣтить свои юбилеи, но непонятно совершенно, въ силу какихъ соображеній иные люди отрицають значеніе юбилеевъ. Въ духовной жизни человѣка такіе юбилейные дни имѣють не малую цѣнность.

Прежде всего каждый такой юбилейный день напоминаетъ юбиляру о милости Божіей къ нему, которая обнаруживается уже въ томъ, что дѣятельность его на томъ или другомъ поприщѣ, по волѣ Божіей, продолжается довольно долгое время—25, а иногда и 50 лѣтъ. Поэтому этотъ день, столь знаменательный въ жизни юбиляра, долженъ быть отмѣчаемъ прежде всего благодарственною молитвою къ Богу. А если христіанинъ-юбиляръ духовнымъ окомъ своимъ окинетъ жизнь свою и дѣятельность за столь значительный промежутокъ времени, то онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ не мало и другихъ слѣдовъ Божія къ нему благоволенія. Вся жизнь человѣка, можно сказать,

соткана изъ благодѣяній Божіихъ, и внимательному взору христіанина не трудно отыскать ихъ. Отъ Бога человѣкъ получилъ и получаетъ все. Богу онъ обязанъ своимъ бытіемъ, всѣми благами земными, которыми наслаждается, и всѣми успѣхами въ жизни, которые часто приписываетъ себѣ. Самыя скорби и несчастія часто посылаются отъ Бога для вразумленія человѣка или для предостереженія его. „Хорошо, говоритъ святитель Теофанъ, въ общемъ теченіи жизни видѣть себя окруженнымъ милостями Божіими и благодарить Господа. Благодареніе сіе есть укрѣпленіе обладанія сими милостями. Отъ радостнаго пусть каждый переходитъ къ ожиданію прискорбнаго и тоже пусть готовится благодарить, ибо отъ Господа все ко благу нашему вѣчному“¹⁾.

Но этимъ не ограничивается значеніе юбилеевъ въ духовной жизни человѣка. Юбилеи властно и настойчиво напоминаютъ человѣку о необходимости заглянуть во внутренній міръ самого себя и подвести итогъ тѣмъ духовнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя сдѣланы въ теченіе столь долгаго періода времени. Люди, опытные въ духовной жизни, совѣтуютъ поступать такъ, какъ можно чаще, по возможности ежедневно подводить итогъ не только своимъ поступкамъ, но даже сокровеннѣйшимъ мыслямъ и движеніямъ сердца. Если такъ рекомендуется дѣлать ежедневно, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ озаботиться юбиляру оглянуться на свое прошлое и безпристрастно провѣрить свою дѣятельность за продолжительный юбилейный срокъ. Безъ этой провѣрки человѣкъ постоянно будетъ находиться въ заблужденіи относительно самого себя, и духовная жизнь его не можетъ итти впередъ. Правда съ разборомъ и оцѣнкою своей дѣятельности юбиляръ встрѣчается иногда въ привѣтственныхъ рѣчахъ и адресахъ, которые подносятся ему. Но кто не знаетъ того, что эти адреса и рѣчи освѣщаютъ дѣятельность юбиляра одно-

¹⁾ „Душеполезное Чтеніе“ сен. 1897 г. стр. 105.

сторонне и часто пристрастно? Въ нихъ указываются только однѣ свѣтлыя стороны его дѣятельности, что же касается другихъ, темныхъ сторонъ, то онѣ обыкновенно умалчиваются, чтобы не омрачать торжества. Выходить такъ, какъ-будто въ дѣятельности юбиляра за столь значительный періодъ времени не было никакихъ промаховъ, никакихъ темныхъ пятенъ, какъ-будто личность юбиляра всегда и неизмѣнно оказывала только благотворное вліяніе на ту среду, въ которой вращался онъ столь долгое время. Вотъ почему юбиляръ не долженъ ограничиваться только этою оцѣнкою, сдѣланною другими, но долженъ непременно и самъ подвести итогъ своей дѣятельности, полный, строгій и безпристрастный.

Итакъ, христіанинъ, на какомъ-бы поприщѣ ты ни трудился—высокомъ или самомъ скромномъ, если Господь судилъ тебѣ увидѣть юбилейный день твоей жизни, возблагодари прежде всего Господа, отъ Котораго исходитъ всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный, а затѣмъ наединѣ съ самимъ собою тщательно разсмотри при свѣтѣ Евангельскаго ученія и тотъ путь, которымъ ты шествовалъ. Вѣдь не даромъ земную жизнь чловѣка сравниваютъ съ путешествіемъ, полнымъ всякихъ невзгодъ и опасностей для путника. Чтобы не сбиться съ дороги, чтобы не забрести въ непроходимыя дебри, старайся, подобно благоразумному путнику, какъ можно чаще провѣрять свой жизненный путь.

И. Ромашковъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ

о Смоленской Иконѣ Божіей Матери Одигитріи, шествовавшей въ рядахъ русской арміи въ Отечественную нашу войну 1812 г. ¹⁾.

II. Надворотная Икона Богоматери-Одигитріи въ 1812 г. и ея участіе въ Отечественной войнѣ.

Наступилъ памятный 1812 годъ, объявлена Отечественная война въ защиту вѣры, престола и отечества. Шестисоттысячная армія непріятелей въ предѣлахъ Россіи идетъ на Смоленскъ. И опять, какъ назадъ тому 200 лѣтъ, при нападеніи польскаго короля Сигизмунда, нѣтъ у смолянъ иной болѣе крѣпкой защиты, какъ Всемощная Заступница—Одигитрія. Дѣйствительно, сравнительная малочисленность войскъ, защищавшихъ Смоленскъ, неудовлетворительное состояніе его стѣнъ, да и вообще положеніе всей русской арміи къ Августу 1812 года внушали опасеніе и невольно обращали мысль русскихъ людей къ надеждѣ лишь на всесильный Промыслъ Божій.

Смоленскъ былъ въ свое время сильнѣйшею въ мірѣ крѣпостью; этотъ городъ, стоявшій въ 16—17 столѣтіи на рубежѣ русскаго государства, былъ всегда готовъ для встрѣчи врага. Но съ тѣхъ поръ, какъ со временъ Императрицы Екатерины II миновала для Россіи опасность со стороны Польши, и г. Смоленскъ сталъ внутреннимъ городомъ, значительно удаленнымъ отъ границы, значеніе

*) Продолженіе. См. № 6-ой „Душ. Чт.“

его, какъ крѣпости, стало забываться, и къ 1812 году крѣпостная стѣна имѣла на мѣстахъ разрушенныхъ башенъ проломы, которые уже въ виду Наполеоновской арміи пришлось поспѣшно засыпать землей и заложить бревнами. Увѣренно и стремительно наступала съ юго-запада 180-тысячная армія, готовая раздавить въ одинъ мигъ Смоленскъ, оборонявшійся отрядами Раевского и Невѣровскаго, всего на всего съ 15 тысячами воиновъ. Что касается другихъ русскихъ военныхъ силъ, то ко дню приступа французовъ къ Смоленску, т. е. къ 4 августа, армія Баркляя-де-Толли была въ 40, а Багратиона въ 30 верстахъ отъ Смоленска, и если бы французы взяли сразу городъ, то обѣ названныя арміи были бы отрѣзаны отъ Московской дороги. Съ самаго ранняго утра 4 Августа къ г. Смоленску вплотную подошла непріятельская 180-тысячная армія. Начались непрерывныя атаки. И вотъ совершилось чудо. Небольшой, всего въ 15 тысячъ чело-вѣкъ, отрядъ ген. Раевского отбилъ 4 Августа всѣ атаки французовъ и удержалъ за собою Смоленскъ. Между тѣмъ въ это время обѣ наши арміи соединились, и планъ Наполеона—разбить русскія войска по частямъ—рушился. Генераль Раевскій въ своихъ запискахъ говоритъ: „сраженіе подъ Смоленскомъ со всѣми его переворотами, въ которомъ я, располагая ничтожными средствами, долженъ былъ противодѣйствовать огромнымъ силамъ, есть для меня достопамятнѣйшее изъ всѣхъ дѣйствій моей военной жизни. Неисповѣдимый Промыслъ, поставя меня на край гибели, подалъ мнѣ возможность къ спасенію“. Четвертаго Августа изъ города выѣхали всѣ мѣстныя гражданскія и духовныя власти, и вслѣдъ за архіереемъ была вынесена на рукахъ въ с. Цуриково (за 30 верстъ) соборная Чудотворная икона Богоматери-Одигитріи. Но Надворотная Св. Икона продолжала пребывать въ Благовѣщенской церкви.

День 5 Августа 1812 года былъ днемъ ужаса и разрушенія въ г. Смоленскѣ. Еще съ 3 часовъ утра началась

перестрѣлка, но шла не столь оживленно, такъ какъ Наполеонъ все ждалъ, что русскіе, выйдя изъ города, атакуютъ его. Ужасы начались съ 3 часовъ дня. Вотъ, какъ описываетъ Ѡ. Н. Глинка, очевидецъ бѣдствія, день 5 Августа: *„Я видѣлъ ужаснѣйшую картину: я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе Лиссабона не могло быть ужаснѣе. Утомленный ратоборствомъ нашимъ Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью... Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ (изъ 300 орудій) полетѣли на дома, башни, магазины, церкви. И дома, и башни, и церкви объялись пламенемъ,—и все, что можетъ горѣть, запылало“.* Въ 9 часовъ вечера канонада смолкла. Послѣ оглушительнаго грохота пушекъ наступила зловѣщая тишина, нарушаемая трескомъ горящихъ домовъ. Пламя пожара при тихой ночи поднималось высокимъ столбомъ, надъ которымъ клубились огромныя тучи дыма. Но не сдался городъ непріятелю и 5 августа: Пренепорочная Дѣва, какъ Взбранная Воевода, охраняла все еще городъ своимъ присутствіемъ чрезъ Чудотворную Надворотную Икону, предъ Которой непрерывно дни и ночи служились молебны. Но вотъ, когда для русскихъ военачальниковъ стало ясно, что, благодаря 2-дневной задержкѣ Наполеона подъ Смоленскомъ, русская армія объединилась и можетъ спокойно и безопасно отступать, было отдано приказаніе объ уходѣ русскихъ войскъ изъ Смоленска вмѣстѣ съ Надворотной Иконой Богоматери-Одигитріи. *„Въ глубокія сумерки, пишетъ очевидецъ сего событія Ѡ. Глинка, вынесли изъ Благовѣщенской церкви Икону Смоленской Божіей Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій... сопровождалъ печальное шествіе сіе“.* Рѣшено было, что надворотная Икона Богоматери-Одигитріи будетъ „путеводительствовать“ русскія войска во все время военныхъ дѣйствій. А пока на ночь съ 5 на 6 Августа Св. Икона была установлена въ Георгіевской церкви на Поклонной горѣ.

Честь охраненія Св. Иконы въ рядахъ арміи выпала на

долю батарейной № 1 роты 3 артиллерійской бригады подъ командою полковника Глухова. Названная рота полковника Глухова входила тогда въ составъ 3 корпуса 1-й Арміи и принимала весьма дѣятельное участіе въ бояхъ подъ Смоленскомъ 5 Августа. Для обороны города эта рота сначала была расположена въ Мстиславскомъ предмѣстьѣ, гдѣ приняла бой, но съ другими войсками должна была отступить подъ непріятельскимъ огнемъ для занятія слѣдующей позиціи у Малаховскихъ воротъ. Во время этого отступленія непріятельское ядро попало въ одинъ изъ зарядныхъ ящиковъ батарейной № 1 роты и взорвало его такъ, что отъ ящика осталось только одно днище. Этотъ ящикъ былъ сохраненъ, и въ немъ, какъ въ колесницѣ, впоследствии, въ теченіе 3 мѣсяцевъ возили Св. Икону Божіей Матери.

Прежде, чѣмъ отпустить Св. Икону Богоматери изъ Благовѣщенской церкви къ выносу ея изъ города съ нашими войсками, свящ. Н. А. Мурзакевичъ, который самоотверженно всякими мѣрами оберегалъ въ то время смоленскія церкви и ихъ святыни отъ расхищенія, распорядился снять съ Св. Образа серебряную ризу и спряталъ ее съ соборной ризницей въ надежномъ мѣстѣ. Впоследствии, 29 Декабря 1812 года, когда по изгнаніи французъ была свидѣтельствована соборная ризница особой комиссіей, нашли и эту ризу съ Надворотной Иконы Богоматери. Фельдфебель и солдаты роты полковника Глухова, взявшей Святыню въ свое вѣдѣніе, озаботились сооруженіемъ для нея особой деревянной рамы, окрасили раму въ зеленый цвѣтъ и убрали разноцвѣтными лентами, и такъ украсивши ее, какъ самое драгоцѣнное сокровище, возили ее съ собою въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Въ скоромъ времени, именно черезъ 3—4 дня по выходѣ изъ Смоленска, для сопровожденія Св. Иконы, по надлежащемъ сношеніи полевого оберъ-священника 1 Западной Арміи Алексія Торопогрицкаго съ главнокомандующимъ, были назначены особые священникъ и дьячекъ, которые

и служили предъ Святыней молебствія во все время похода.

Если принять во вниманіе, съ одной стороны, то обстоятельство, что Надворотная Икона уже къ тому времени почиталась далеко за предѣлами г. Смоленска, какъ Чудотворная, а съ другой, что всѣ военно-походныя церкви были тогда для безопасности отправлены въ резервъ ген. Барклай-де-Толли, то станетъ совершенно ясно, насколько велико было религіозное значеніе Святой Иконы Богоматери-Одигитрии. Эта святыня, поистинѣ, была единственнымъ надежнымъ духовнымъ прибѣжищемъ для нашей благочестивой арміи. Всюду слѣдуя съ арміей, оставаясь при ней во всѣхъ случаяхъ боевыхъ дѣйствій, Надворотная Икона Богоматери-Одигитрии, „яко живѣйшій сущей Владычицѣ“, являлась поистинѣ Взбранной Воеводой для русскаго воинства и залогомъ его побѣдъ надъ врагомъ. Каждый разъ, какъ при наступленіи, такъ и при окончаніи битвы, для всѣхъ участниковъ сраженія Небесная Заступница была истиннымъ прибѣжищемъ, подавала имъ бодрость и крѣпость силъ, одушевляла ихъ, а умирающимъ на полѣ брани служила утѣшеніемъ въ послѣднія минуты жизни. Сами враги могли убѣдиться, что только одна непоколебимая вѣра въ небесное заступленіе Богородицы, какъ бы лично черезъ Свою Чудотворную икону путеводившей русской арміей, могла придавать столь необыкновенную силу и храбрость русскимъ воинамъ.

Наканунѣ Бородинской битвы, 25 Августа, въ то время, какъ изъ непріятельскаго лагеря раздавались звуки веселой музыки и восторженные клики въ честь Наполеона и его наслѣдника,—не то было въ нашемъ лагерѣ: здѣсь общее настроеніе было глубоко-религіозное. Офицеры и солдаты надѣли чистое бѣлье; многіе отказывались отъ водки, говоря: „не такой завтра день, не къ тому готовимся“; не слышно было ни пѣсенъ, ни брани, ни даже простыхъ пересудовъ; всѣ вели себя какъ во время службы церковной.

Главнокомандующій кн. М. И. Кутузовъ велѣлъ торжественно, въ сопровожденіи крестнаго хода, пронести передъ рядами всего войска, вдоль боевой линіи Бородинской позиціи, Св. Икону Смоленской Божіей Матери и служить Ей молебны. *„Духовенство шло въ ризахъ, рассказываетъ очевидецъ этой минуты, кадила дымились, воздухъ оглашался пѣніемъ, и Св. Икона шествовала... Сама собою по влеченію сердца, стотысячная армія падала на колѣна и припадала челомъ къ земль, которую готова была упоить досыта своей кровью. Вездѣ творилось крестное знаменіе, но мѣстами слышались рыданія. Взойдя на гору, Икона остановилась; державшіе на полотенцахъ Икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми убрана была икона: пѣніе негромкое раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа съ открытыми головами офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала Икону. Позади священника и дьячка на очищенномъ мѣстѣ стояли чиновные люди... Толпа, окружавшая Икону, вдругъ раскрылась и навалила. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ Иконѣ. Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позиціи. Онъ, возвращаясь къ деревнѣ Татариновой, подошелъ къ молебну... Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою съдую голову. За Кутузовымъ былъ ген. Бенигсенъ и свита... Когда окончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ Иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю... приложился къ Иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, а за нимъ... солдаты и ополченцы... Икона тронулась дальше, сопутствуемая толпой“.* Въ такихъ живыхъ чертахъ изображено шествіе Св. Чудотворной Иконы Смоленской Божіей Матери по рядамъ русской арміи въ извѣстномъ всѣмъ читающимъ русскимъ людямъ романѣ „Война и миръ“. На другой день послѣ обхожде-

нія Святой Иконой Богоматери рядовъ доблестной русской арміи, эта послѣдняя приняла кровопролитную битву съ врагомъ на поляхъ села Бородина.

„Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, врага наша“, говоритъ св. Апостолъ любви Іоаннъ Богословъ. Да, дѣйствительно, истинная вѣра непременно даетъ побѣду и прежде всего духовную, нравственную.

Бранное поле Бородинское, прежде чѣмъ принять въ себя потоки крови 26 августа, наканунѣ сего дня обильно было орошено чистыми слезами вѣры, покаянія и умиленія предъ Чудотворнымъ Ликомъ Богоматери. Возможно ли допустить, чтобы Святая Дѣва, безмужно родившая Христа, „всяку слезу человѣческую отъемшаго“, оставалась безучастною Зрительницей слезъ рабовъ Своихъ, все упованіе и надежду на Нее возложившихъ? И какимъ числомъ или мѣрою возможно измѣрить ту духовную мощь и воинское мужество, что дала русскому воину его горячая мольба на Бородинскомъ полѣ предъ Всемошною Владычицей міра?

Подъ Бородинымъ пала половина русской арміи, но оставшіеся въ живыхъ продолжали стоять противъ врага такъ же грозно, какъ и въ началѣ сраженія. Воодушевленные присутствіемъ въ своихъ рядахъ Смоленской Иконы Богоматери, русскіе воины въ день Бородинской битвы одержали нравственную побѣду надъ врагомъ, т. е. самую важную, которая убѣждаетъ противника въ превосходствѣ его врага и въ собственномъ безсиліи. Въ то время, какъ сопутствовавшая нашимъ войскамъ Чудотворная Икона Смоленской Одигитріи своимъ пребываніемъ вливала мужество въ сердца нашихъ благочестивыхъ воиновъ и съ этимъ вмѣстѣ давала имъ побѣду за побѣдой надъ врагомъ, на армію дотолѣ непобѣдимаго и счастливаго Наполеона легло какъ бы проклятіе: одно за другимъ слѣдовавшія неудачныя распоряженія полководцевъ, неожиданныя и гибельныя для враговъ нападенія разныхъ отрядовъ русскихъ партизановъ, стихійныя бѣдствія въ при-

родѣ (туманы, необычайно ранніе жестокіе морозы, ужасныя вьюги и т. д.),—все это быстро-быстро опустошало армію Наполеона. И, конечно, надо было быть слишкомъ ослѣпленнымъ невѣріемъ, чтобы не видѣть во всемъ этомъ особаго благодатнаго заступничества Богоматери по отношенію къ нашему отечеству.

Выйдя изъ Москвы 6 Октября, Наполеонъ со своею арміею такъ спѣшилъ своимъ отступленіемъ, что своимъ бѣгствомъ положительно удивлялъ русскихъ военачальниковъ. Какъ извѣстно, французы при своемъ отступленіи терпѣли всѣ ужасы голода и холода и ободряли себя только надеждою, что въ Смоленскѣ найдутъ теплый пріютъ и достаточное количество провіанта. Но испытавъ здѣсь полное разочарованіе, 5 Ноября они покинули г. Смоленскъ. Между тѣмъ русская армія, опередивъ отступавшихъ французовъ, расположилась по дорогѣ къ г. Красному и стала ожидать непріятели. Недалеко отъ г. Краснаго начались сраженія, которыя въ теченіе нѣсколькихъ дней окончательно разстроили французскія войска, причемъ русскими было взято въ плѣвъ 26 тысячъ человѣкъ и 116 пушекъ, и только остатки непріятельскихъ войскъ успѣли покинуть смоленскую губернію и бѣжали къ нашей западной границѣ. Такъ какъ корпусъ Нея былъ совершенно уничтоженъ, то къ 8 Ноября открылось безпрепятственное сообщеніе русской арміи со Смоленскомъ.

IV. Возвращеніе Надворотной Иконы Смоленской Одигитріи въ г. Смоленскъ.

По уходѣ непріятели изъ Смоленска, городъ тотчасъ же былъ занятъ летучимъ отрядомъ 20-го Егерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Горихвостова. Начали возвращаться въ Смоленскъ и жители. Первымъ изъ состава Смоленскаго духовенства прибылъ въ городъ членъ консисторіи, протоіерей Нижне-Николаевской церкви Алексій Васильевъ, которому 10 ноября чрезъ коменданта города

была передана отъ ген. Коновницына бумага слѣдующаго, содержанія:

„Августа 6 дня с. г., при оставленіи нашими войсками Смоленска, Св. чуд. Икона Смоленской Божіей Матери взята была артиллерійскою ротою, командуемою полк. Глуховымъ, и съ того времени находилась при полкахъ 3-й пѣх. дивизіи, кои во всѣхъ дѣлахъ своихъ противъ непріятеля охраняли оную въ рядахъ своихъ. Войска съ благоговѣніемъ зрѣли посреди себя св. образъ и считали оный благопріятнымъ залогомъ Всевышняго милосердія. При одерживаніи надъ непріятелемъ важныхъ побѣдъ и успѣховъ приносимы были всегда благодарственныя молебствія предъ Иконою. Нынѣ же, когда Всемогущій Богъ благословилъ россійское оружіе, и съ пораженіемъ врага г. Смоленскъ очищенъ, я, по волѣ Главнокомандующаго всѣми арміями, Его Свѣтлости Генераль-Фельдмаршала кн. Голенищева-Кутузова, препровождаю Св. Икону Смоленской Божіей Матери обратно, да водворится Она на прежнемъ мѣстѣ, и прославляется въ ней русскій Богъ, чудесно карающій наконецъ кичливаго врага, нарушающаго спокойствіе народовъ. Съ симъ вмѣстѣ слѣдуютъ учиненныя Образу вклады и приношенія: 1810 руб. ассигн., 5 червонныхъ золотомъ и серебро—въ лому, отбитое у непріятеля 1 пудъ. Генераль-лейтенантъ Коновницынъ. Ноября 8 дня 1812 г. Главная квартира Дер. Добрянки“.

Съ великимъ торжествомъ и обильными слезами радости встрѣтили смоляне свое Сокровище, Надворотную Икону Богоматери. Въ 12 часовъ дня 10 ноября вышелъ изъ Успенскаго собора, въ сопровожденіи находившагося въ то время въ Смоленскѣ войска, большой крестный ходъ, въ которомъ участвовало вмѣстѣ съ городскимъ и полковое духовенство, слѣдовавшее съ арміей. По выходѣ крестнаго хода изъ Молоховскихъ воротъ за крѣпостную стѣну, Св. Икона* была встрѣчена. Немедленно послѣ встрѣчи начато было молебное пѣніе Богородицѣ и при пѣніи сего молебна Св. Икона была поднята горожанами,

которые, въ сопровожденіи крестнаго хода и слѣдовавшаго позади войска, понесли ея въ городъ. Какъ только это торжественное шествіе подошло къ Николаевскимъ городскимъ воротамъ, раздался пушечный салютъ, и во всѣхъ церквахъ послѣдовалъ колокольный звонъ, продолжавшійся все время шествія Св. Иконы до Успенскаго Собора. Въ Соборъ Св. Икона была внесена офицерами тѣхъ частей, которыя были въ то время на лицо въ г. Смоленскѣ. По поставленіи Св. Иконы на мѣсто, немедленно было совершено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, причемъ во время слѣдовавшаго за молебствіемъ многолѣтія Государю Императору Александру Павловичу, Высочайшей Его Фамиліи и всему побѣдоносному Россійскому воинству, была вновь произведена пушечная и ружейная пальба отъ войска, сопровождавшаго Св. Икону.

Многознаменательно совпаденіе между временемъ пребыванія Св. Иконы Надворотной Богоматери въ рядахъ русской арміи, сражавшейся противъ Наполеона, и временемъ пребыванія Пренепорочной Дѣвы Маріи послѣ Благовѣщенія въ домъ Праведной родственницы Ея Елизаветы въ селеніи Горнемъ. Надворотная икона была вынесена изъ г. Смоленска 6 августа, а возвращена 10 ноября, т. е. пробыла въ войскахъ 3 мѣсяца. Когда, по принесеніи Св. Иконы въ Соборъ 10 ноября, сталъ священникъ читать обычное Богородичное молебное евангеліе и закончилъ его словами: „*Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой* (Ев. Луки, 1, 56), многіе, слушавшіе сей молебенъ, сразу же нашли знаменательное совпаденіе и ужаснулись.

Прот. П. Левашевъ.

(Окончаніе будетъ).

Страница изъ исторіи 1812 года.

Въ 1812 году Калужская губернія, основанная въ 1787 г., **Ѥ** и Калужская Епархія, выдѣленная изъ Московской въ 1799 г., въ большей, чѣмъ другія области русскаго государства, степени и не меньше, можетъ быть, чѣмъ Москва и Смоленскъ, пережили совершившееся въ томъ году и выдающееся въ своемъ историческомъ значеніи событіе—нашествіе Великой Арміи Наполеона, этого „врага вѣры православной русскаго народа“, по выраженію князя Кутузова-Смоленскаго. Калужской области пришлось быть не только мѣстомъ вторженія непріятельскаго войска, но и мѣстомъ первыхъ удачныхъ дѣйствій русской арміи, „предѣломъ наступленія и началомъ отступленія и гибели врага“. ¹⁾ И это огненное испытаніе духовныхъ силъ и преданности вѣрѣ отцевъ юная калужская епархія выдержала съ честію, а духовенство Калужское съ своимъ епископомъ во главѣ въ эти тяжелые дни, превратившіеся потомъ въ радость, показало себя на высотѣ самоотверженнаго служенія родной землѣ.

Между тѣмъ объ этомъ несомнѣнно глубоко назидательномъ проявленіи духовной жизни нашихъ предковъ какъ-то мало знаютъ; оно какъ бы затѣняется тѣмъ, что было напр. въ Смоленскѣ, Москвѣ, на поляхъ Бородина.

Сказаннымъ вполнѣ достаточно опредѣляется и исходная точка и предметъ содержанія нашихъ набросковъ.

¹⁾ Надпись на Малоярославецкомъ памятникѣ въ честь боя 12 октября 1812 г.

I.

Еще въ 1811 году въ Калугѣ, какъ и по всей Россіи, стали носиться слухи о неизбежности тяжелой войны съ непобѣдимымъ, гениальнымъ императоромъ Франціи. Эти слухи съ приближеніемъ 1812 года пріобрѣтали, какъ казалось современникамъ, все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Черезъ Калугу проѣхалъ къ западной русской границѣ, чтобы принять командованіе стоявшей тамъ арміей, одинъ изъ лучшихъ русскихъ генераловъ, сподвижникъ Суворова, князь Багратіонъ.

12 Іюня 1812 года Наполеонъ съ небывалымъ до сихъ поръ войскомъ въ 600,000 человекъ вошелъ въ предѣлы Россіи и направился на Смоленскъ и затѣмъ Москву за отступающими русскими арміями, которыя въ совокупности составляли 210,000 человекъ. 6-го іюля Императоръ Александръ I далъ знаменитый Манифестъ: Государь сообщалъ о недостаточности силъ доблестной русской арміи и призывалъ всѣхъ своихъ подданныхъ встать на защиту родной земли. „Да встрѣтитъ онъ (непріятель)“, говорилось въ Манифестѣ, „въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минаина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества! Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми своими молитвами призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! храброе потомство славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“.

Между тѣмъ армія непріятели шла впередъ, геройски задерживаемая русскими войсками. Подъ селомъ Бородинымъ, Можайскаго уѣзда Московской губерніи, новый главнокомандующій русской арміей князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ, уступая общему желанію, 26 августа далъ непріятелю бой. Битва Бородинская принадлежитъ

къ числу самыхъ кровопролитнѣйшихъ въ новой Европейской исторіи. Потери съ обѣихъ сторонъ были огромны; однако русская армія не была побѣждена: она къ концу боя отошла лишь на одну версту отъ линіи первоначальнаго расположенія. Кутузовъ ясно видѣлъ, что еще не пришло время для побѣдъ русскихъ надъ французами и что Бородино было очистительной жертвой за неизбѣжную отдачу Москвы. Нестерпимую болью въ каждомъ русскомъ сердцѣ отозвалась сдача Первопрестольной, но никто не могъ упрекнуть нашу армію, что она грудью не защищала Москвы. 2 сентября со стороны Дорогомилова входилъ въ Москву авангардъ короля Неаполитанскаго Мюрата, и въ то же время, въ полномъ порядкѣ, выходила по Рязанской дорогѣ русская армія. Кутузовъ былъ среди своихъ войскъ и, выслушавъ извѣстіе о занятіи непріателемъ Москвы, многозначительно сказалъ: „это ихъ послѣднее торжество“...

Овладевъ Москвой, войска Наполеона были увѣрены, что русскіе, потерявъ столицу-святиню народнаго сердца, поспѣшатъ заключить миръ. Но ничто не указывало на близость конца кампаніи, и положеніе разноплеменныхъ войскъ „Великой Арміи“, ринувшихся на Москву съ надеждою на побѣду, обогащеніе и отдыхъ, дѣлалось все болѣе и болѣе неопредѣленнымъ, а съ пожаромъ города, даже опаснымъ. „Война еще только начинается“, сказала главнокомандующій русской арміей, совершая свое гениальное обходное движеніе съ Рязанской дороги, черезъ Подольскъ и Пахру, къ предѣламъ Калужской губерніи, то движеніе, которое было одной изъ главныхъ причинъ быстрой гибели до сихъ поръ непобѣдимаго и незнавшего себя равныхъ Наполеона. 20 сентября русская армія вступила на правый берегъ рѣки Нары, въ предѣлы Калужской губерніи. Здѣсь около села Тарутина Кутузовъ остановилъ войска лагеремъ и сказалъ: „теперь ни шагу назадъ“; послѣдующее показало, что старый полководецъ не ошибся. Въ скоромъ времени Калужская губернія, уже

послѣ Бородина объявленная на военномъ положеніи (28 августа), сдѣлалась мѣстомъ важныхъ военныхъ дѣйствій.

II.

Жители Калуги и Калужской губерніи переживали очень тяжелое время. Со всѣхъ сторонъ доходили до нихъ извѣстія о приближеніи непріятеля и о крайней его жестокости ¹⁾. Со всѣхъ сторонъ прибѣгали въ Калугу крестьяне съ разоренныхъ мѣстъ, бѣглецы солдаты, и своими рассказами увеличивали общее безпокойство, которое грозило перейти въ ужасъ и отчаяніе. Всѣ слышали о Наполеонѣ, какъ непобѣдимомъ завоевателѣ, который игралъ царями и народами.

Всѣ знали, что его войско движется впередъ, сметая препятствія. Многіе готовы были видѣть въ Бонапартѣ обѣщаннаго Антихриста и въ числѣ буквъ его имени находили апокалипсическое число звѣря, 666. Кромѣ естественнаго страха предъ непобѣдимымъ врагомъ, въ Россіи того времени были и другія темныя и дурныя стороны, которыя сильно затрудняли, а, при неблагопріятныхъ условіяхъ, могли сдѣлать совсѣмъ невозможной народную войну съ Наполеономъ. Передъ нашествіемъ „дванадцати языковъ“ русское образованное общество изъ дворянъ было недовольно петербургскимъ правительствомъ за неудачныя войны съ Наполеономъ, за обидный для русскихъ Тильзитскій миръ, за крайнюю дороговизну жизни, за увеличеніе налоговъ, за денежные сборы съ сословія, отчета о которыхъ правительство не давало. Простой народъ въ свою очередь очень тяготился крѣпостнымъ игомъ; время отъ времени по разнымъ мѣстамъ вспыхивали крестьянскіе бунты,—даже во время войны были частичныя возстанія крестьянъ противъ помѣщиковъ (въ дер. Обуховѣ Калужской губ.). Наполеонъ раз-

¹⁾ Калужане огмѣтили, что нѣмцы и поляки, бывшіе во множествѣ въ арміи Наполеона, съ особенною жестокостью убивали беззащитныхъ и оскорбляли храмы Божіи.

считывалъ на это недовольство, и его нашествіе на Россію было не только шествіемъ физической силы, но и вступленіемъ *соблазна*. Дворянамъ онъ обѣщалъ свободу и либеральную конституцію, крестьянамъ—освобожденіе отъ крѣпостного ига. Но Наполеонъ ошибся въ своихъ расчетахъ: и дворянство, и крестьянство единодушно стали на стражу цѣлости и единства русскаго государства ²⁾. Въ дѣлѣ этого сначала духовнаго, а потомъ и внѣшняго единенія всѣхъ сословій за спасеніе Русской земли видную роль сыграло духовенство и въ частности духовенство Калужской губерніи, которая, по словамъ современника, лежала „на краю отчаянія“ и патриотизмъ которой особенно былъ нуженъ для побѣды надъ непріателемъ. Калужское духовенство во главѣ съ своимъ Епископомъ приняло самое дѣятельное, хотя по виду и не всегда замѣтное, участіе въ освобожденіи родины.

Для объединенія различныхъ по жизни и интересамъ сословій русскаго общества прежде всего требовалось найти такую почву, на которой они могли бы почувствовать себя родными и близкими, сумѣли бы забыть о своихъ личныхъ интересахъ и неудовольствіяхъ, которыя такъ легко сводить въ смутное и тяжелое время. И такимъ единящимъ общимъ началомъ оказалась православная вѣра и Церковь. „Врагъ оскорбилъ общее достояніе и сокровище—вѣру и святыню нашу“,—вотъ основной мотивъ и „приглашенія“ Барклая де Толли къ жителямъ Калужской земли, и дѣятельности Калужскихъ властей, и всѣхъ писемъ Кутузова Калужанамъ,—словомъ всего того, что объявлялось по церквамъ съ амвона и сопровождалось проповѣдями и молитвословіями. Духовенство дѣйствовало въ полномъ согласіи съ правительствомъ: въ своихъ пропо-

²⁾ Возвратясь въ Варшаву, послѣ неудачнаго своего похода, Наполеонъ жаловался графу Потюцкому: „меня обманули, увѣряя, что русскіе бояре примутъ мою сторону, и что крестьяне прибѣгнутъ ко мнѣ, чтобы освободиться отъ рабства. Все это ложь. Поселяне вѣрны своему Государю, дворяне преисполнены усердія къ нему“.

вѣдяхъ и увѣщаніяхъ оно постоянно старалось пробудить въ душѣ современниковъ сознание отвѣтственности предъ своими потомками и чувство неоплатнаго долга передъ предками, проливавшими свою кровь за святую Русь, т. е. вызвать сознание національнаго единства. Выраженіемъ единенія различныхъ слоевъ народа, по ученію священниковъ, должно было служить сохраненіе внутренняго мира и полное послушаніе законнымъ властямъ; гражданское калужское начальство, какъ видно изъ его распоряженій, очень разсчитывало въ этомъ отношеніи на помощь духовенства. Духовенство особенно старалось сдѣлать войну въ глазахъ народа не народною только местию за оскорбленіе чести и разореніе страны, но священнымъ подвигомъ за святыню, идеалы народнаго духа, борьбою во имя Бога, Покровителя Россіи, этого новаго израиля Божія, противъ враговъ Его, себя и свой разумъ поставившихъ выше Бога. Понятно, что русскіе, вѣруя въ великое религиозное значеніе своей войны, были спокойнѣе, увѣреннѣе, грознѣе и непобѣдимѣе той арміи, солдаты которой шли большею частью съ цѣлью наживы и религиознаго одушевленія поэтому не могли испытывать. Калужское духовенство въ 1812 году выполняло то, что ровно 300 лѣтъ назадъ—въ 1512 году, въ году критическомъ для Калуги, сдѣлалъ Покровитель Калужскаго края праведный Лаврентій. Въ записи Лаврентьева монастыря мы читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 1512 нападоша на градъ (Калугу) Агаряне (татары), противу которыхъ вышелъ князь Симеонъ Ивановичъ съ своими гражданами, а праведный Лаврентій, въ дому его бывшій, внезапно возопи гласомъ велимъ: дадите мнѣ сѣкиру острую, нападоша псы на князя Симеона, да обороню отъ псовъ его. Князю же Симеону бывшуся въ то время съ агаряны съ насада на Окѣ, агаряномъ же обступившимъ во множествѣ князя, внезапно обрѣтесе на насадѣ праведный Лаврентій, укрѣпляя его, и все воинство ободрилъ рекше: не бойтесе—и въ тотъ часъ побѣди князь и прогна ихъ; а праведный

Лаврентій обрѣтается паки въ дому княжескомъ, аки юродствуя и говоря: оборонивъ отъ псовъ князя Симеона. Князь возвратился отъ брани и повѣда, како явился праведный и его укрѣпленіемъ и помощью побѣдилъ враговъ, нашедшихъ на Калугу“.

Въ 1812 году Калужское духовенство дѣлало *то же* дѣло, и его Архипастырѣ, по словамъ арх. Леонида Кавелина, хорошо понялъ свое призваніе въ годину испытанія.

III.

Съ 7 апрѣля 1809 по 22 мая 1813 г. Калужскимъ Епископомъ былъ Евлампій Введенскій, родомъ изъ Владимірской губерніи. Первоначальное служеніе свое, по принятіи монашества, онъ проходилъ въ Москвѣ—сначала въ должности префекта и ректора Славяно-Греко-Латинской Академіи, а потомъ архимандрита Донского монастыря. Онъ былъ очень образованъ, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и, по свидѣтельству его друга князя Ив. Мих. Долгорукаго, отличался свѣткостью и достоинствомъ своего обращенія. Обладая хорошимъ голосомъ, Евлампій служилъ прекрасно, приближаясь къ Митрополиту Платону со стороны сановитой наружности и особаго изящества въ служеніи и облаченіяхъ, почему и пользовался любовью высшаго московскаго общества. Въ 1801 году Евлампій былъ назначенъ Епископомъ Архангельскимъ и оттуда, получивъ назначеніе въ 1809 г. въ Калугу, вернулся анахоретомъ, ведущимъ строгую, благочестивую и аскетическую жизнь. Онъ былъ боленъ какою-то тяжелою внутреннею болѣзнью, которая дѣлала его нервнымъ и раздражительнымъ, хотя и скоро „отходчивымъ“. Очень часто обѣдъ преосвященнаго заключался въ стаканѣ молока, свареннаго съ горькими травами. Единственно, что поддерживало Епископа, это—частое совершеніе Литургіи. „Я, сударь, только тогда и здоровъ, когда служу“, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ онъ разъ на вопросъ соборнаго

ключаря: „будеть ли Владыка служить завтра“. Священнодѣйствуя Преосвященный преобразался: онъ выстаивать самыя продолжительныя службы, и звонкій голосъ его разносился по церкви.

Епископъ Евлампій дѣятельно устраивалъ ввѣренную ему епархію. Особенно заботился онъ о подборѣ священниковъ, требуя отъ нихъ образованности. Вполнѣ понимая что только образованный священникъ будетъ имѣть успѣхъ въ городскомъ обществѣ, Евлампій часто предлагалъ хорошіе приходы учителямъ духовно-учебныхъ заведеній и другимъ „ученымъ“ лицамъ. Заботясь о составѣ клира, Епископъ немало времени удѣлялъ заботамъ объ улучшеніи религіозно - нравственнаго состоянія духовенства, стараясь вывести дурныя обычаи, суевѣрія и невоспитанность.

Еп. Евлампій принадлежалъ къ числу тѣхъ іерарховъ духа митрополита Платона, которые признавали ненормальными и противными вѣрѣ православной крѣпостническія отношенія между высшей іерархіей и подчиненнымъ духовенствомъ и своей задачей ставили—возвысить бѣлое духовенство въ его общественномъ положеніи и матеріальномъ бытѣ.

Любопытнымъ является мнѣніе Еп. Евлампія, что хозяйственная сторона въ церкви есть всецѣло дѣло старосты: „пастырю—души покрывать и очищать единственный есть долгъ“. Въ домашней обстановкѣ Еп. Евлампій былъ похожъ на своего великаго современника Митрополита Московскаго Платона. У него много было дорогихъ панагій, посоховъ, рясъ, облаченій и другихъ вещей домашняго обихода; лѣтомъ Преосвященный въ своей лѣтней резиденціи, Лаврентьевомъ монастырѣ, любилъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ: устроилъ большой садъ, огороды, скотный дворъ.

Недолго прожилъ Епископъ Евлампій послѣ „грознаго посѣщенія Божія“ въ 1812 году. Въ самый день праздника Вознесенія,—храмовой праздникъ монастырскаго собора,—во

время литургіи, онъ тихо скончался въ архіерейскихъ покоехъ Лаврентьева монастыря. Это было 22 мая 1813 года. И вотъ еще штрихъ, обрисовывающій обликъ этого умнаго и добраго Епископа: похороны его были совершены на городской счетъ, потому что послѣ почившаго совсѣмъ не осталось денегъ. Калужане долгое время посѣщали могилу Преосвященнаго въ новомъ каедральномъ соборѣ и служили панихиды, видя въ немъ челоувѣка праведнаго и сильнаго предъ Богомъ.

Главное служеніе Епископа Евлампія Церкви и родинѣ падаетъ на 1812 г., и трудно не согласиться съ Архимандритомъ Леонидомъ (Кавелинымъ), что этотъ архипастырь посланъ былъ Калугѣ „въ день печали“ самимъ Промысломъ Божиимъ.

IV.

Предчувствуя грозу, которая въ скоромъ времени должна была разразиться надъ многострадальной Россіей, Епископъ Евлампій еще 2 апрѣля 1812 года обратился къ благочиннымъ съ особымъ воззваніемъ, въ которомъ ясно указалъ, въ чемъ долженъ былъ состоять долгъ священства передъ родиной. Вотъ это замѣчательное воззваніе: „Маѣifestъ, что въ нынѣшнее бурное время въ Европѣ Государь Императоръ приѣмлетъ, по прозорливости и милосердію къ вѣрнопопаннымъ, мѣры—отечество хранить и защищать, достоинъ по важности своей, чтобы и мы, по сему случаю, въ поученіяхъ возбуждали упованіе папствы нашей на милосердіе и Промыслъ всеблагого Бога и на отеческія попеченія Государя нашего. Дѣйствовать я только могу, по моему усердію, чрезъ васъ, ученыхъ протоіереевъ и іереевъ. Какъ и сами вы, знаю я, сего долга не опустили бѣ, однако не за излишнее почтете, надѣюсь, что я напоминаю, чтобъ въ сію четырехдесятницу благоразумными внушеніями по духу вамъ ввѣренныхъ снабдѣвали и милостью Бога и отеческимъ Государя Императора

попеченіемъ успокоивали и утѣшали, какъ Духъ Божій наставитъ васъ. Усерднѣйшій вамъ Евлампій, Епископъ Калужскій“.

Можно думать, что духовенство Калужской Епархіи постаралось оправдать довѣріе своего Первостоятеля не только за обычный „страхъ“, но и за совѣсть.

Послѣ объявленія войны и получения Высочайшаго воззванія о созывѣ всеобщаго ополченія, Калужскій Губернаторъ Павелъ Никитичъ Каверинъ обратился къ гражданству съ приглашеніемъ созвать ополченцевъ съ Калужской губерніи, „въ защиту вѣры, престола, отечества отъ всеобщаго врага, вторгшагося въ предѣлы Россіи съ угрозами разорить насъ, опровергнуть престоль, разграбить храмы Божіи, поругаться мощамъ угодниковъ святыхъ, защитниковъ нашихъ“. Начальникъ губерніи убѣждалъ гражданъ всѣ силы душевныя и тѣлесныя до послѣдней капли крови принести на алтарь отечества. „Но всѣ усилія человѣка тщетны, когда Богъ не благословитъ того“. Поэтому Губернаторъ проситъ Епископа Евлампія и „всѣхъ паствы его священниковъ“ 1) учредить торжественное молебствіе „о испрошеніи отъ Царя царей благословенія, да ниспошлетъ Онъ успѣхъ въ самомъ начинаніи ополченія нашего“, 2) увѣщать всѣхъ пасомыхъ исполнять волю Государя Императора и не щадить своей жизни на предлежащій всѣмъ подвигъ. Преосвященный Евлампій не только совершилъ просимое молебствіе, но и каждый день со слезами молился въ церквахъ города Калуги объ избавленіи Россіи отъ нашествія супостатовъ.

По его примѣру и все духовенство епархіи почти ежедневно служило молебны. Храмы стояли отпертыми; предъ иконами горѣло множество свѣчей; постоянно курился ѳиміамъ; священники пѣли молебны, читая съ колѣнопреклоненіемъ особую молитву „въ нашествіи супостатъ чтому“. На молебнахъ и за литургіями священники читали распоряженія властей, призывавшія къ внутреннему миру и къ дружной борьбѣ съ врагомъ, что производило,

по словамъ современника, самое благотворное впечатлѣніе на народъ.

Преосвященный Евлампій, не довольствуясь этимъ, совершилъ изъ Калуги крестный ходъ за 7 верстъ, въ село Калужку, гдѣ пребывала новоявленная икона Калужской Божіей Матери и торжественно, при многочисленномъ стеченіи народа, перенесъ ее въ г. Калугу. Съ этихъ поръ и днемъ, и ночью предъ иконою Богоматери молились тысячи людей: жители, военные, проѣзжавшіе черезъ городъ, многіе помѣщики и горожане, покидавшіе Калугу съ семействами. Каждый день изъ соборной церкви ¹⁾ и изъ остальныхъ городскихъ церквей выходили крестные ходы съ иконою Богоматери, и на площадяхъ служили молебны объ избавленіи отъ нашествія иноплемennыхъ. 2 сентября былъ совершенъ крестный ходъ съ Калужской иконою Божіей Матери кругомъ всего города. Особыми пастырскими посланіями Епископъ Евлампій вмѣнялъ сельскому духовенству внушать поселянамъ, „что безъ поущенія Божія ничто не возможетъ врагъ нашъ, что только требуется единое послушаніе властямъ и ревностное споспѣшествованіе общему благу“. Самъ Преосвященный въ своихъ частыхъ проповѣдяхъ ободрялъ слушателей, увѣряя, что непріятель „не достигнетъ злого своего намѣренія, но погибнетъ подобно гордому фараону отъ *мраза* и *гида*“. По словамъ очевидцевъ, сильное впечатлѣніе производило служеніе Евлампія въ это время. Слезы катились по блѣднымъ и исхудалымъ щекамъ Владыки; звонкій голосъ его, слышимый на всѣхъ концахъ площади, дрожалъ отъ волненія, вызывая слезы и вопли молящихся. Эти проповѣди, наставленія и молебствія, совершаемыя повсемѣстно, успокаивали встревоженныхъ калужанъ, внушали имъ вѣру въ побѣду надъ непріателемъ и сплачивали на общую работу. И работали всѣ,

¹⁾ Старый кафедральный соборъ былъ запертъ для богослуженія; новый только строили (освященъ въ 1819 г.), поэтому соборомъ служила или Казанская, или Предтеченская церковь.

даже женщины, кто чѣмъ могъ; ремесленники—приносили родинѣ въ жертву свое ремесло: кузнецы и слесаря ковали оружіе, портные и сапожники готовили одежду и обувь для войска, хлѣбники и пекари дѣлали сухари, мясники заготавливали солонину. Особенно самоотверженны были труды простого крестьянина, который бросалъ семью и домъ, бралъ вилы, топоры и отправлялся въ одиночку или небольшими отрядами бить врага.

Когда, благодаря усиленной дѣятельности дворянства и купечества, было собрано Калужское ополченіе, въ количествѣ 15000 человекъ, Преосвященный Евлампій привелъ всѣхъ къ присягѣ и сказалъ имъ слово, проникнутое глубокою надеждою на помощь Божію. Окропивъ ополченцевъ св. водой, онъ вручилъ начальнику ополченія генералу Шепелеву хоругвь-знамя, на которой были изображены—образъ Калужской Богоматери, на одной сторонѣ, и ликъ св. Праведнаго Лаврентія на другой. Эта хоругвь всюду сопровождала ополченіе,—была и въ за-граничномъ походѣ 1813 года,—и возвращена въ Калужскій соборъ уже въ 1814 году, гдѣ находится и въ настоящее время. Въ числѣ ополченцевъ были воспитанники мѣстной гимназіи и духовной семинаріи.

Кромѣ своего духовнаго подвига Калужское духовенство приняло участіе и въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ: оно собрало деньгами 9204 рубля, сумму по тому времени значительную, и много золотыхъ, серебряныхъ и другихъ цѣнныхъ вещей, которыя были перелиты на монету.

V.

40 дней—съ 2-го сентября по 12 октября продолжались плачь, покаяніе и усиленныя молитвы калужанъ. Особенно тяжелы были дни октября, когда въ губернію вошло войско Наполеона.

Въ первыхъ числахъ октября Наполеонъ былъ еще въ Москвѣ, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что его дѣло плохо.

Москва была сожжена ¹⁾ и разграблена, на миръ надежды никакой, пропавшая было изъ виду русская армія была найдена Мюратомъ на Калужской дорогѣ и, наконецъ, авангардъ великой арміи подъ селомъ Тарутинымъ, Калужской губерніи, потерпѣлъ отъ русскихъ сильный уронъ. Все это заставило Наполеона немедленно двинуть войска изъ Москвы и быстро итти къ юго-западу, стремясь скорѣе Кутузова достигъ Калуги. Но и Кутузовъ въ свою очередь, во что бы то ни стало, рѣшилъ не пускать непріятели въ Калугу. „Я не отдамъ Калуги на расхищеніе врагу“, сказалъ фельдмаршалъ въ 20 числа сентября купцу Калужскому Рябчикову и, послѣ Малоярославецкаго боя, доносилъ Государю, что безъ новой рѣшительной битвы онъ не пропуститъ французовъ въ Калугу.

Что же заставляло Наполеона стремиться въ Калугу („если непріятель будетъ защищать Калугу, я разобью его“, писалъ онъ министру Маре), а Кутузова такъ защищать ее? Въ 1812 году Калуга имѣла большое значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Тамъ былъ огромный складъ хлѣба, сухарей, солонины, овса и т. п. провіанта, необходимаго для арміи. Въ Калугѣ же находился запасной артиллерійскій паркъ для 9 дивизій, а, кромѣ того, городъ былъ въ то время очень богатый и съ хорошими строеніями. На военномъ совѣтѣ въ Филяхъ Барклай де Толли говорилъ, что если бы непріятель завладѣлъ Калугой, гдѣ были сосредоточены провіантскіе запасы русской арміи, Тулой и Брянскомъ съ ихъ оружейными заводами, то исходъ войны могъ быть пагубнымъ для Россіи. Кутузовъ все это ясно понималъ еще во времена Бородинскаго боя. Значеніе Калуги хорошо выяснилъ самъ Наполеонъ, когда въ день Малоярославецкаго боя преждевре-

¹⁾ Въ пожарѣ Москвы сгорѣлъ заказанный калужанами для ново-строющагося Троицкаго кафедральнаго собора дорогой иконостасъ. Жителямъ Калуги пришлось дѣлать особые сборы для новаго иконостаса.

менно оповѣстилъ Европу о томъ, что Калуга занята французами, и что занятіе этого города лишаетъ русскихъ подкрѣпленій, прикрываетъ флангъ его арміи и снабжаетъ французовъ хорошими зимними квартирами. Вотъ почему, выходя изъ Москвы, Наполеонъ воскликнулъ: „пойдемъ на Калугу, и горе тому, кто осмѣлится преградить намъ дорогу!“

10 октября войска Наполеона заняли г. Боровскъ, лежащій на половинѣ пути между Калугою и Москвою. Городъ былъ разоренъ и сожженъ почти дотла.

Наполеонъ только переночевалъ здѣсь и продолжалъ быстрое движеніе на Калугу, отдавъ приказаніе Евгенію Богарнэ, вице-королю Итальянскому, занять скорѣе городъ Малоярославецъ, бывшій какъ бы ключемъ къ Калугѣ. Но это наступленіе Великой Арміи было замѣчено партизаномъ Сеславинымъ. Кутузовъ распорядился корпусу генерала Дохтурова немедленно итти къ Малоярославцу, а вслѣдъ за нимъ и самъ двинулся со всею арміею изъ Тарутинскаго лагеря. Русскіе во время подошли къ городу, и 12 октября завязался цѣлодневный бой. Съ ожесточеніемъ дрались враги, отстаивая каждую пядь земли. Городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и хотя къ вечеру былъ уступленъ окончательно французамъ, однако Кутузовъ успѣлъ въ 2^{1/2} верстахъ къ югу сосредоточить всю армію, прикрывая дорогу на Калугу. Наполеонъ пробовалъ пробраться туда чрезъ Медынь, пославъ туда корпусъ Понятовскаго, но и тамъ стояло русское войско, одержавшее побѣду 13 октября въ стычкѣ съ польскими войсками. Положеніе Наполеона было безвыходное. Со всѣхъ сторонъ онъ встрѣчалъ грозное, бодрое, отдохнувшее русское войско, преградившее ему всякій доступъ къ югу. Оставалось возвратиться въ Боровскъ, а затѣмъ черезъ Верею, Можайскъ и Бородино перейти на Смоленскую дорогу, которая представляла изъ себя настоящую пустыню, усѣянную тысячами труповъ людей и лошадей. Наступленіе превратилось въ бѣгство, и Кутузовъ былъ

правъ, говоря, что онъ первый генераль, отъ котораго бѣ-
жить Бонапартъ.

Въ эти дни кризиса всей войны Калуга пережила осо-
бенно безпокойное время. Народъ оставилъ свои жилища
и проводилъ время въ храмахъ, которые и день, и ночь
стояли отверстыми. Если бы неприятелю удалось подъ
Малоярославцемъ прорвать цѣпь русскихъ войскъ, кавалерія
Мюрата въ этотъ же день завладѣла бы Калугой, и
тогда весь гнѣвъ и ярость Наполеона, варварски взры-
вавшего Московскій Кремль, обрушились бы на калужанъ.
И поэтому, несмотря на увѣреніе Кутузова въ письмѣ
къ градскому головѣ Ив. Викуличу меньшому Торубаеву,
что „Калуга была и есть въ совершеннѣйшей безопас-
ности“, вся Калуга въ ночь съ 11 на 12 октября пересе-
лилась за Оку, собираясь бѣжать на Орель при прибли-
женіи неприятеля. Изъ города взяли хлѣбные запасы,
сколько могли, зажгли костры и подъ открытымъ холод-
нымъ осеннимъ небомъ ждали рѣшенія своей участи.
Преосвященный Евлампій также переѣхалъ на правый
берегъ рѣки и провелъ ночь въ домѣ Олонкина, помѣ-
щика села Ромоданова, лежащаго противъ города. Въ са-
момъ городѣ осталось нѣсколько человѣкъ, которые должны
были, въ случаѣ приближенія врага, поджечь хлѣбные ма-
газины, склады и строения.

Велика была радость калужанъ, когда узнали они о по-
зорномъ отступленіи врага. Изъ-за рѣки стали возвра-
щаться въ городъ, и, видно, у всѣхъ было одно чувство,
одна мысль. Очевидецъ-современникъ сообщаетъ, что ка-
лужане прежде всего пошли въ церкви и тамъ совер-
шили не просительныя уже, а *благодарственныя* молебствія.

VI.

Опасность близкая миновала, жизньъ начала понемногу
входить въ свое обычное трудовое русло, но война еще долго
давала себя чувствовать. Калуга наполнилась тысячами
раненыхъ и больныхъ, присутственныя мѣста и духовная

семинарія были превращены въ лазареты. Кромѣ своихъ больныхъ воиновъ калужанамъ приходилось заботиться и о беззащитныхъ, бросившихъ оружіе, непріятельскихъ солдатахъ. Современникъ сообщаетъ, что бывшіе враги приходили къ зданію семинаріи и просили: „хлѣба, Бога ради дайте хлѣба. Вѣдь мы не виноваты, что заставили насъ воевать съ вами“. И русское сердце часто не отказывало въ помощи, хотя едва-едва хватало на своихъ. Духовенству пришлось и тутъ немало потрудиться, причащая больныхъ, хороня умирающихъ,—а въ ноябрѣ и декабрѣ въ Калугѣ умирало 50—70 человекъ въ день. Свое значеніе продовольственнаго пункта Калуга сохранила почти до окончанія кампаніи 1812 года. Опять здѣсь готовили солонину, шили полушубки, дѣлали валенки и безъ конца отправляли новыя и новыя подводы съ провіантомъ къ дѣйствующей арміи.

Въ это время Кутузовъ обратился къ жителямъ Калуги съ слѣдующимъ историческимъ письмомъ:

Калужскому купеческому и мѣщанскому обществамъ:

Въ соотвѣтствіе усердія Вашего къ Государю Императору, любви и ревности къ общей пользѣ, вмѣняю въ пріятный долгъ увѣдомить васъ, что угрожаемый доселѣ непріятель и врагъ вѣры православной русскаго народа, предупрежденъ будучи въ предпріятіи своемъ ворваться въ Калугу, что извѣстно намъ изъ показаній плѣнныхъ генераловъ, а не менѣе изъ того движенія, при каковомъ встрѣченъ онъ подъ Малымъ Ярославцемъ, гдѣ потерпѣлъ значущій уронъ, обратился въ бѣгство, и сопутствуемъ будучи голодомъ, холодомъ и совершенною во всемъ крайностью, достойно платитъ онъ за слезы поселянъ и обруганіе храмовъ Божіихъ. Поражаемый русскими войсками, неутомимо его преслѣдующими, теряетъ онъ людей, пушки и обозъ въ неимовѣрномъ количествѣ.

Се слѣды усердныхъ молитвъ вашихъ къ Царю-царей и новое доказательство на милость Всевышняго къ русскому народу. Видя таковымъ образомъ васъ, пришедшихъ въ со-

вершенную безопасность, возобновляю признательность мою за усердіе ваше, толико мнѣ извѣстное, и съ обѣщаніемъ сохранить оную навсегда въ твердой памяти, не оставляю къ сдѣланному уже мною донесенію Государю Императору при удобномъ случаѣ представить въ полной мѣрѣ подвиги ваши, силою коихъ имѣете вы право называться вѣрными рабами всеавгустѣйшаго Монарха и достойными сынами Отечества.

Пребуду всегда вашъ усердный

Князь Михаилъ Г. Кутузовъ.

Городская дума, выслушавши 24 ноября это письмо, постановила: 1) напечатать письмо „аки Рескриптъ“ въ количествѣ 100 экземпляровъ; 2) всему составу думы отправиться въ домъ къ Преосвященному Евлампію и просить его „о принесеніи Господу Богу, виновнику побѣды и одолѣнія надъ врагомъ Россіи, о здравіи Государя Императора, всей Высочайшей Фамиліи, Его Свѣтлости и побѣдоноснаго Россійскаго воинства, благодарственнаго молебствія и о прочтеніи рескрипта того во слышаніе всѣмъ, чтобы поставить оный рескриптъ въ безсмертный памятникъ и увѣковѣчить для потомственныхъ родовъ гражданъ Калужскихъ, во свидѣтельство о чудесномъ спасеніи Калуги и въ побужденіе, дабы потомство во всѣхъ случаяхъ было вѣрно къ вѣрѣ отцовъ своихъ, монарху и отечеству“.

Калужане особенную благодарность чувствовали къ князю Кутузову и желали испросить у Государя Императора позволеніе поминать князя Михаила на ектеніяхъ послѣ Царствующаго Дома. Но Кутузовъ нашель, что даже усердная служба не даетъ права на такія почести, издревле предоставленныя только фамиліи Государей.

Успѣхъ боя подъ Малоярославцемъ и Медынью калужане приписали содѣйствію и заступленію Божіей Матери. Поэтому они просили Преосвященнаго Евлампія ходатайствовать предъ Синодомъ объ оставленіи иконы Калужской Богоматери навсегда въ каѳедральномъ соборѣ и

объ установленіи ежегодно, въ октябрѣ мѣсяцѣ, благодарственнаго молебствія и крестнаго хода съ св. иконой кругомъ города. Святѣйшій Синодъ указомъ отъ 17 іюля 1813 года дозволилъ навсегда оставить икону Богоматери въ кафедральномъ соборѣ и ежегодно совершать съ нею 12 октября торжественный крестный ходъ вокругъ Калуги. Однако въ 1817 году, по ходатайству помѣщиковъ села Калужки Хитрово, икона Богоматери была возвращена въ Калужку, гдѣ было ея обрѣтеніе, и съ тѣхъ поръ каждый годъ къ 12 октября ее торжественно приносятъ въ городъ. Въ крестномъ ходу 12 октября долгое время носили хоругвь Калужскаго ополченія.

VII.

Гроза пролетѣла, но она натворила много бѣдъ, и Калужскому Епископу пришлось потрудиться въ дѣлѣ приведенія своей епархіи въ порядокъ. Мѣста, гдѣ проходила непріятельская армія, были разорены. Въ Боровскомъ монастырѣ сгорѣли соборная церковь и церковь на монастырскихъ воротахъ; келій осталось ничтожное количество. Въ самомъ городѣ только одна Успенская церковь не была повреждена и разграблена. Храмы селъ Савьякова, Русина и Тарутина оказались сожженными. 10 сельскихъ церквей въ уѣздахъ Боровскомъ, Малоярославецкомъ и Медынскомъ были повреждены и осквернены. На стѣнѣ одной изъ уцѣлѣвшихъ приходскихъ церквей г. Малоярославца непріятель оставилъ надпись: „конюшня генерала Гильемино“. Малоярославецкій Николаевскій мужской монастырь, на площадкѣ котораго шелъ ожесточенный бой, подвергся сильному опустошенію и разграбленію. Враги взяли церковную утварь и предметы монастырскаго обихода, какіе не были вывезены монахами изъ монастыря. На монастырскихъ воротахъ незадолго до войны былъ нарисованъ нерукотворенный образъ Спасителя, и хотя ворота были въ бою 12 октября изъязвлены пулями

и картечью, ликъ Спаса остался неповрежденнымъ. По приказанію Императора Николая было предписано сохранять ворота въ прежнемъ видѣ и запрещено уничтожать язвины.

Кромѣ возстановленія поруганныхъ святынь надо было позаботиться и объ участи причтовъ въ полосѣ военныхъ дѣйствій. Въ духовную Консисторію стали поступать донесенія священниковъ о разоренныхъ непріателемъ церквахъ и домахъ причтовъ, изъ которыхъ было видно, что положеніе духовенства очень тяжелое. „По изгнаніи врага изъ предѣловъ нашего округа“, писалъ Епископу Евлампію священникъ Алексѣй Бриллиантовъ, ¹⁾ „послѣдоваль всемилостивѣйшій указъ Монарха нашего спросить всѣхъ разоренныхъ непріателемъ, сколько у кого утрачено хлѣба, сѣна и домашняго скота. Указъ этотъ въ скорости исполненъ: всѣ прихожане наши спрошены и остаются въ надеждѣ современемъ получить хотя малое удовлетвореніе за потери свои. Мы, духовные, съ своей стороны также ждали очереди быть спрошенными, но надежды эти обманули насъ. Не дайте намъ пасть совершенно подъ ударами несчастья. Я не своимъ однимъ языкомъ говорю это, но языкомъ всего разореннаго духовенства. Если вы оставите насъ, то что будетъ съ семействомъ нашимъ? Припадаемъ къ отеческимъ стопамъ вашимъ и просимъ насущнаго пропитанія. Войдите въ разсмотрѣніе несчастнаго нашего положенія. Если мы не можемъ быть удовлетворены такъ, какъ прихожане наши; если нѣтъ никакой возможности сдѣлать намъ вспоможеніе, то научите, какъ сердобольный отецъ, насъ, чадъ своихъ, откуда мы можемъ получить содержаніе на цѣлый годъ, когда опустошены всѣ поля наши и истребленъ скотъ нашъ. Правда, содержаніе духовенства зависитъ много отъ приходскихъ доходовъ, но въ сіе несчастное время войны

¹⁾ Изъ стариннаго села Спасъ-Прогнанъ, гдѣ войска Наполеона рѣшительно повернули къ отступленію.

каждый прихожанинъ, отъзываясь разореніемъ, почти ни за какую потребу не платитъ намъ. Мы заявляли это свѣтскому начальству и просили вознагражденія за труды наши, но оно не внемлетъ намъ. Не лишите вы милостей вашихъ, великій отецъ и архипастырь нашъ“.

Для помощи церквамъ и духовенству былъ образованъ особый Комитетъ, который при помощи казенныхъ и мѣстныхъ средствъ, а также средствъ сосѣднихъ Епархій—Тульской и Орловской, быстро удовлетворялъ нуждающихся. Церкви были возстановлены и освящены къ концу 1813 года, получивъ много церковной утвари. Духовенство же получило денежную помощь и сѣмена для посѣва. Въ разгаръ этой кипучей дѣятельности скончался Епископъ Евлампій, и въ Калугу 19 іюля 1813 года прибылъ новый Епископъ—Евгеній Болховитиновъ, продолжавшій дѣло возстановленія епархій.

VIII.

Ровно черезъ годъ послѣ Малоярославецкаго боя, въ Іоаннопредтеченской градо-Калужской церкви была совершена Евгеніемъ, Епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ. литургія и благодарственное молебствіе. Во время Богослуженія Епископъ произнесъ вдохновенное слово. Онъ указалъ слушателямъ на опасность, какая угрожала Калугѣ съ приближеніемъ полчищъ Наполеона: гибель казалась неминуемой, но „вы прибѣгли съ моленіемъ къ Богу и заступницѣ рода христіанскаго Матери Господа нашего; и вдругъ возсіяла надежда спасенія не только граду нашему, но и цѣлой Россіи. Достойно убо и праведно восхотѣли вы предать памяти потомства сіе знаменіе къ намъ милосердія Божія! Достойно и праведно, и преславно въ роды родовъ будетъ сіе торжество ваше! Пусть чада чадъ вашихъ познаютъ и удостовѣрятся чрезъ васъ, кому наипаче обязаны мы симъ щастіемъ. И, конечно: не слабости врага: ибо онъ имѣлъ еще многочисленныя силы; не одному воиновъ нашихъ мужеству и храбрости,

ибо въ нихъ и прежде оныя никогда не оскудѣвали; не одной прозорливости и мужеству вождей: ибо оныя вездѣ и до бѣгства своего испытывалъ и признавалъ самъ сопостать. Все сіе могло споспѣшествовать и споспѣшествовало избавленію нашему. Но всему споспѣшествовала и вѣнецъ успѣховъ и побѣды возложила наконецъ *молитва* и *вѣра*. Такъ подлинно скажемъ словами св. Апостола и Евангелиста Іоанна: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ—вѣра наша“. Воздадимъ убо должную честь всѣмъ защитникамъ нашимъ, но отдадимъ славу и Богу, отдадимъ славу и Заступницѣ нашей, умилосердившейся на моленія и вѣру нашу. А научась опытомъ симъ, предадимъ потомству нашему наставленіе, какъ побѣждать враговъ отечества“. Въ Отечественной войнѣ Епископъ видитъ особенный и поучительный смыслъ. И дѣйствительно, война русскихъ съ Наполеономъ имѣла идейное значеніе. Это было столкновеніе двухъ міровъ—Западнаго, гордаго своей культурой и гуманизмомъ, и Восточнаго. Западный міръ имѣлъ своимъ выразителемъ Наполеона, повинувся волѣ котораго пошли въ невѣдомую страну различные народы Европы, часто видѣвшіе отъ Россіи одни благодѣянія. Наполеонъ былъ человѣкомъ исключительнаго ума и воли, такъ что „если бы величіе людей измѣрялось только умственною мощью и силою характера, едва ли мы нашли бы въ исторіи гиганта, которому не былъ бы равень Наполеонъ“ (А. Дживилеговъ). Но у Наполеона совершенно не было нравственнаго величія: „онъ былъ великъ“, говоритъ Токвиль, „настолько, насколько это возможно безъ добродѣтели“. У Наполеона замѣчаемъ атрофію нравственныхъ чувствъ, у него нѣтъ, какъ говорится, ни стыда, ни совѣсти. Современники отмѣчали въ немъ чудовищную гордыню и геніальнѣйшій эгоизмъ и самоувѣреніе;—удовлетворенію этихъ качествъ своей природы Наполеонъ все приносилъ въ жертву. Сначала, какъ сынъ Французской революціи, онъ исповѣдовалъ религію разума и говорилъ о разумности почитанія солнца, но потомъ,

подъ въздѣйствиємъ гордыни, онъ сокрушается, что не можетъ заставить народы по настоящему почитать себя какъ Бога. „Я слишкомъ поздно родился“, говорилъ Наполеонъ: „люди слишкомъ стали умны“, и вотъ ему рисуется планъ, какъ онъ, завоевавши Москву, продолжаетъ свой походъ на Индію, покоряетъ ее и, съ новымъ кораблемъ на бѣломъ слонѣ вѣзжаетъ въ свою восточную столицу.

Со стороны Россіи мы видимъ смиреніе, покаяніе въ своихъ грѣхахъ, сознаніе праведности гнѣва Божія, надежду не на свои силы, а на всеильную помощь Царя царей. И Александръ I, и Кутузовъ, и войско, и всѣ сословія народа сошлись въ той мысли, что всѣ успѣхи русскаго оружія, вся побѣда и слава, были возможны лишь при помощи Господа, хранящаго Свой новый Израиль,—русскій народъ, но и требующаго сердца чистаго и совѣсти непорочной. „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“—эта надпись на медали въ память Отечественной войны правдиво выражаетъ мнѣніе о ней ея современниковъ.

Въ историческихъ наукахъ принято давать каждому крупному явленію оцѣнку. Война 1812 года несомнѣнно имѣла важное значеніе для Россіи: она вызвала чувство единства всѣхъ классовъ общества и любви къ родной землѣ. Дальнѣйшимъ проявленіемъ вспыхнувшего національнаго сознанія былъ расцвѣтъ народнаго творчества въ литературѣ, искусствѣ, а затѣмъ и мысли. Война обнаружила такія творческія силы въ русской душѣ, что стало возможнымъ думать о созданіи самобытной русской культуры. Но и не для одной Россіи можно сдѣлать поучительный выводъ изъ событій 1812 года. Не говоритъ ли она ясно, что изъ двухъ противниковъ, изъ которыхъ первый—геній ума и воли, преслѣдуетъ свои эгоистическіе планы и надѣется только на физическую силу своихъ войскъ и на свое счастье, а второй защищаетъ землю своихъ отцовъ, съ надеждою на Высшую Силу и съ вѣрою въ религіозное значеніе борьбы съ врагомъ,—изъ

этихъ двухъ побѣдить долженъ второй? Передъ религіознымъ одушевленіемъ русскихъ въ ничто обращаются усилія гениальнаго человѣка. 600000 человѣкъ пришло съ Наполеономъ въ Россію, весь цвѣтъ передоваго, культурнаго Запада, гордаго своимъ гуманизмомъ. Въ чемъ же проявилъ себя гуманизмъ Запада передъ варварской Россіей? Въ жестокостяхъ и звѣрствахъ, въ оскорбленіи святынь своего врага, честно бившагося на полѣ брани. Гуманизмъ не спасъ отъ гнуснаго варварства, незнакомаго русскимъ. Но что же вышло? Только 2000 вооруженныхъ солдатъ возвратилось изъ Россіи...; весною 1813 года сотни тысячъ труповъ непріятелей были сожжены по Смоленской дорогѣ. Завѣтомъ, а иногда и укоромъ, звучать слова Калужской Думы, которая, свидѣтельствуя о чудесномъ спасеніи Калуги, установила ежегодное воспоминаніе о славномъ посѣщеніи Божиемъ, „дабы потомство во всѣхъ случаяхъ было вѣрно вѣрѣ Отцовъ, Монарху и Отечеству“

Борисъ Бѣляевъ.

Калуга. 1912 г.

СТАРЕЦЪ ФЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ ¹⁾.

26-го марта 1837 года, на другой день Благовѣщенія, въ деревню Зерцалы, близъ города Ачинска, въ Томской губерніи, прибыла, по записямъ экспедиціи о ссыльныхъ, 43-я партія арестантовъ, назначенныхъ на поселеніе въ Сибирь по приговору суда. Въ числѣ преступниковъ рѣзко выдѣлялся своимъ благообразнымъ, величественнымъ видомъ старикъ лѣтъ 60-и, роста—повыше средняго, плечи широкия, грудь высокая, лицо бѣлое, волосы слегка вьющіеся, борода длинная и совершенно сѣдая. Его звали „Федоромъ Кузьмичемъ“, и всѣ въ партіи любили его за его умныя рѣчи, доброе сердце, услужливость и заботливость о слабыхъ и больныхъ своихъ товарищахъ. Спрашивали или нѣтъ арестанты у Федора Кузьмича—кто онъ такой и за что его вѣдутъ въ Сибирь—неизвѣстно, но изъ „дѣла“ о немъ видно, что онъ судился за бродяжничество, наказанъ 20-ю ударами плети и приговоренъ къ поселенію въ Сибирь съ употребленіемъ на казенныя работы.

Дѣло было такъ. Осенью 1836 года къ одной изъ кузницъ около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подѣхалъ какой-то мужчина и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ красивую верховую лошадь.

1) Предлагаемая статья въ фактическомъ своемъ содержаніи составлена на основаніи статей преимущественно въ ж. „Русская Старина“ о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ—кн. Голицына, Долгорукова, Смирнова, Мельницкаго, епископа Петра, дневника лейбъ-медика Вилліе и книжки подъ заглавіемъ: „Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія, старца Федора Кузьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Тѣмской губерніи“. Въ качествѣ публичнаго чтенія она произнесена была въ свое время въ Холмѣ и Новгородѣ.

Одѣтъ онъ былъ въ суконный простой кафтанъ, но выраженіе его лица, изящныя манеры не гармонировали съ его костюмомъ. Кузнецъ, жившій подь Сибирью, научившійся осторожно относиться къ людямъ, подумалъ, что тутъ кроется что-то неладное. Начались разспросы о лошади, о цѣли путешествія, о званіи и имени проѣзжаго... Уклончивые и **неохотные отвѣты** послѣдняго еще болѣе усилили подозрѣнія кузнеца и бывшихъ въ кузницѣ, представлявшей своего рода деревенскій клубъ. Путникъ безъ всякаго съ его стороны сопротивленія былъ задержанъ собравшимся народомъ и доставленъ городскимъ властямъ. На допросъ онъ назвался крестьяниномъ Федоромъ Кузьмичемъ и сказалъ, что лошадь принадлежитъ ему, что онъ никогда противъ государя не шелъ, а отъ всѣхъ дальнѣйшихъ показаній отказался, объявивъ себя „непомнящимъ родства“ бродягою, что онъ собственноручно написалъ мелкимъ, красивымъ почеркомъ. Черезъ нѣсколько времени надъ нимъ былъ назначенъ судъ. Необыкновенная симпатичность „бродяги“, его деликатность, умѣнье говорить подсказывали судьямъ, что подсудимый не тотъ, за кого онъ выдаетъ себя, но всѣ усилія и долгія попытки установить его личность были безуспѣшны. Результатъ суда намъ уже извѣстенъ: Федоръ Кузьмичъ приписанъ былъ къ упомянутой нами деревнѣ Зерцалы, Боготольской волости, и помѣщенъ былъ на Краснорѣчинскій казенный винокуренный заводъ, въ 2-хъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго и верстахъ въ 15-и отъ мѣста своей приписки. Здѣсь онъ прожилъ около пяти лѣтъ, работая усердно, но безъ принужденія. Администрація завода относилась къ нему очень внимательно, доставляя все необходимое. Рабочіе и служащіе любили его за тихій нравъ, степенное поведеніе и благочестивую жизнь. Уже въ это время высота духовной жизни и стремленіе Федора Кузьмича къ религіозному подвигу такъ были очевидны, что арестанты и поселенцы относились къ нему, какъ къ старцу, какъ къ *наставнику*, ища у него *нравственной под-*

держи и угѣшенія. И лишь только кончились годы пребыванія старца на Красноярѣчинскомъ заводѣ, какъ многіе стали стараться уговорить его поселиться къ нимъ. Нѣкто казакъ Семенъ Сидоровъ, замѣтивъ желаніе старца поселиться гдѣ-нибудь подальше отъ народа и шумной жизни, построилъ ему въ Бѣлоярской станицѣ небольшую избушку. Но попытки сосѣднихъ крестьянъ переманить его къ себѣ не давали покоя Федору Кузьмичу, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ Бѣлоярской станицы онъ перешолъ въ свою деревню Зерцалы, гдѣ, отказавшись отъ удобныхъ помѣщеній, цѣлую зиму провелъ въ холодной хатѣ крестьянина Ивана Иванова, только что отбывшаго срокъ каторжныхъ работъ человѣка, многосемейнаго, но радушнаго. Весною Ивановъ съ помощью однопоросенцевъ построилъ изъ стараго овечьяго хлѣва крохотную келійку въ которой жилъ старецъ около 6 лѣтъ, навѣщая сосѣднія села. Отсюда онъ ушелъ въ Енисейскую тайгу и тамъ на золотыхъ приискахъ проработалъ нѣсколько мѣсяцевъ какъ простой рабочій. Управляющій приисками, извѣстный въ Сибири Асташовъ, обратилъ вниманіе на необыкновеннаго работника и сталъ относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Старецъ, замѣтивши это, ушелъ съ присковъ и поселился на пасѣкѣ у Ивана Гавриловича Латышева, богатаго и весьма добраго Красноярѣчинскаго крестьянина. Это было въ 49 году.

Народъ толпами шель къ старцу,—кто за совѣтомъ, кто съ горемъ, кто съ болѣзнью. Въ ряду простонародья были лица и очень высокаго положенія, приходившія посмотреть и послушать подвижника. Не зная покоя ни днемъ, ни ночью, Федоръ Кузьмичъ тайно, сказавши только одному Латышеву, ушелъ въ тайгу около села Коробейникова и тамъ въ устроенной ему келійкѣ, провелъ года три. Но скоро узнали новое мѣстопребываніе старца, и Федоръ Кузьмичъ снова переселился на Красную рѣчку, гдѣ жить до самого отъѣзда въ Томскъ.

Честная жизнь Федора Кузьмича во всѣхъ мѣстахъ его

пребыванія рисуется въ такихъ чертахъ. Вставалъ онъ очень рано и подолгу молился. Однако, молитва эта, по слову Евангельскому, была втайнѣ, въ затворенной клѣтѣ, передъ Отцемъ Небеснымъ. Застать его молившимся было очень трудно, такъ какъ на это время дверь тщательно запиралась; можно было его видѣть на молитвѣ только изъ окошечка; можно было наблюдать только *слѣды* молитвы: по смерти на колѣняхъ его оказались большіе наросты—признакъ продолжительныхъ стояній на колѣняхъ.

Келья его отличалась простотою убранства: небольшой, простой, деревянный столикъ, 2—3 скамьи—вотъ вся и мебель. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ—Божіей Матери Печерской, святого Александра Невского и другіе. На столѣ всегда стояло небольшое Распятіе, лежало Евангеліе, акаѳистъ Живоначальной Троицы, маленькій Кіево-Печерскій молитвенникъ и книжка „Семь словъ Спасителя на крестѣ“. Келью старецъ держалъ въ безукоризненной чистотѣ. Также аккуратенъ былъ онъ и въ своей одеждѣ. Послѣднюю составляли двѣ пары бѣлья, сдѣланнаго изъ грубаго деревенскаго холста, 3—4 пары бѣлыхъ бумажныхъ носковъ, ежедневно смѣняемыхъ, и кожаныя туфли. Рубаха была длинная—за колѣна, подпоясывался веревочкою или тоненькимъ ремешкомъ. Въ такомъ, взыскательномъ только по безусловной чистотѣ, костюмѣ старецъ бывалъ у себя дома; когда же выходилъ на улицу, надѣвалъ длинный темносиній халатъ или сибирскую старую доху—шуба мѣхомъ наружу. Постели Ѳедоръ Кузьмичъ не имѣлъ: спалъ или на лежанкѣ или на голыхъ доскахъ, ничѣмъ не прикрываясь, причемъ подушкою служилъ обрубокъ дерева.

Пища старца была самая простая и очень скудная: обычно обѣдъ его состоялъ изъ ржаныхъ сухариковъ, размоченныхъ въ водѣ. Иногда, впрочемъ, готовили горохъ или щи съ грибами. Передъ обѣдомъ Ѳедоръ Кузьмичъ долго молился, причемъ всегда дѣлалъ 4 поклона

земныхъ. Почитатели нерѣдко приносили ему пироги, лепешки и т. п. Старецъ все это принималъ, но, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ онъ выражался, „для гостей“ и затѣмъ раздавалъ заходящимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Этихъ бездомныхъ скитальцевъ старецъ какъ-то особенно любилъ, ласково принималъ, оставлялъ иногда даже ночевать у себя. Въ постѣ и воздержаніи Федоръ Кузьмичъ держался тѣхъ же христіанскихъ правилъ, что и въ молитвѣ, боясь показаться людямъ излишне постыщимся, чтобы избѣжать славы человѣческой. Разъ одна его почитательница принесла ему пирогъ съ нельмою, выразивъ однако опасеніе, будетъ ли онъ его кушать. „Отчего же я не буду“, сказалъ старецъ: „я вовсе не такой постникъ, за какого ты меня принимаешь“. Но во всѣхъ такихъ случаяхъ Федоръ Кузьмичъ просилъ не носить къ нему ничего, такъ какъ отъ „жирнаго и сладкаго“, по его выраженію, онъ давно отвыкъ. Когда старецъ бывалъ въ гостяхъ, ѣлъ все предлагаемое, но въ очень ничтожномъ количествѣ и притомъ если это не соединялось съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ; пилъ и чай, обыкновенно два стакана, а вина совсѣмъ не касался и строго осуждалъ пьянство.

Живя на заводѣ, а послѣ въ разныхъ деревняхъ, старецъ училъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, читалъ имъ Евангеліе, объяснялъ географію, рассказывалъ изъ священной исторіи событія. Взрослымъ говорилъ о необходимости труда, давалъ совѣты къ веденію сельскаго хозяйства, обработкѣ земли, устройству огородовъ, разъяснялъ значеніе земледѣльческаго класса въ строѣ государственной жизни, знакомилъ крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ слушаться и чтить властей, уравнивая, однако, всѣхъ людей передъ Богомъ: „и цари, и полководцы, и архіереи—такіе же люди, какъ и вы“, говорилъ старецъ крестьянамъ: „только Богу угодно было однихъ надѣлать властью великою, а другимъ назначилъ жить подъ ихъ покровительствомъ“. Необыкновеннымъ интере-

сомъ отличались бесѣды Ѳедора Кузьмича по Отечествен-
ной исторіи, особенно разсказы его о войнѣ 12-го года.
Тутъ онъ какъ бы забывался, весь уходилъ въ воспоми-
наніе,—рѣчь его, которую онъ старался поддѣлать подъ
народный говоръ, становилась плавною, изящною, сильною
и властною. Точнымъ знаніемъ всѣхъ деталей Народ-
ной войны, знаніемъ лицъ, характеровъ, обстановки старецъ
приводилъ въ изумленіе болѣе интеллигентныхъ своихъ слу-
шателей—духовенство и образованныхъ ссыльныхъ. „Импе-
раторъ Александръ“, разсказывалъ старецъ Ѳедоръ Кузь-
мичъ, „плакалъ тогда о Россіи, очень плакалъ; утромъ
посмотрять на него, а у него глаза красные... И молился
онъ много, чтобы Богъ спасъ дорогое отечество“. „Когда
французы подошли къ Москвѣ“, разсказывалъ старецъ,
„императоръ Александръ припалъ къ мощамъ святого
князя Александра Невского и долго со слезами молился
этому угоднику. Въ это время онъ услышалъ какъ будто
внутренній голосъ: „иди, Александръ, дай полную волю
Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать изъ Москвы фран-
цузовъ... Какъ фараонъ погрязъ въ Черномъ морѣ, такъ
и французы на Березовой рѣкѣ“...

О Кутузовѣ старецъ много разсказывалъ: „Кутузова лю-
билъ народъ, и войско его любило; Барклаю не хотѣло по-
виноваться. Когда Кутузовъ ѣхалъ изъ Петербурга въ
армію, всюду выходили ему навстрѣчу; старики станови-
лись на колѣни, матери поднимали на руки своихъ груд-
ныхъ дѣтей,—всѣ плакали и просили о спасеніи; а въ иныхъ
мѣстахъ распрягутъ лошадей и сами повезутъ Кутузова“. Говоря это, Ѳедоръ Кузьмичъ прибавлялъ: „вотъ какъ его
любили! великій это былъ полководецъ, и Александръ за-
видовалъ ему“. Много разсказывалъ старецъ также о Су-
воровѣ, Аракчеевѣ, о военныхъ его поселеніяхъ и дѣя-
тельности. Съ глубокимъ благоговѣніемъ старецъ отзы-
вался о митрополитѣ Филаретѣ, объ архимандритѣ Фотіѣ.
„Когда въ Россіи, особенно въ высшемъ кругу, распро-
странялась масонская ложа“, разсказывалъ разъ Ѳедоръ

Кузьмичъ, „то императоръ Александръ I созвалъ собраніе въ дворцѣ изъ высшихъ гражданскихъ и духовныхъ лицъ, и почти всѣ пожелали участвовать въ той ложѣ. Входитъ архимандритъ Фотій и сказалъ только: „да заградятся уста нечестивыхъ“, такъ отъ этихъ словъ все собраніе не могло и слова выговорить,—такъ и разошлось, а секта рушилась. Да, заключилъ старецъ, Фотій былъ мужъ благодатный“.

Петербургская жизнь, придворный этикетъ, событія и лица конца XVIII и начала XIX вѣковъ были извѣстны старцу до поразительныхъ частности. Примѣчали, однако, что никогда Федоръ Кузьмичъ не говорилъ объ императорѣ Павлѣ I, дѣлался мрачнымъ, если другіе заговаривали объ этомъ, и тотчасъ же старался перевести разговоръ на другое. А объ императорѣ Александрѣ Благословенномъ заговаривалъ часто, по преимуществу, въ связи съ воспоминаваніями объ отечественной войнѣ; говорилъ о вѣздѣ императора въ Парижъ, о встрѣчѣ, устроенной ему тамъ, о жизни въ Парижѣ и т. д. „Когда Александръ“, рассказывалъ однажды старецъ, „ѣхалъ изъ Парижа, купцы устилали дорогу сукномъ, а купчихи разными богатыми шалими, и это ему очень нравилось“.

Религіозно-нравственныя бесѣды старца, его слова и изреченія были неотразимы по впечатлѣнію, искренности и набожности. Тонкое знаніе людей, способность понять настроеніе и положеніе каждаго, дать подходящій совѣтъ, въ связи съ блестящимъ даромъ рѣчи, для сибиряковъ—въ большинствѣ случаевъ несчастныхъ людей, съ разбитой жизнью, дѣлало его ангеломъ—утѣшителемъ. Въѣствъ съ этимъ таинственность его личности, загадочныя его рѣчи непреодолимо приковывали къ нему вниманіе людей. Кто онъ такой? Откуда? Что привело его въ Сибирь, одно имя которой наводило ужасъ на жителей имперіи? Ужели онъ, столь благородный, благожелательный, когда-нибудь совершилъ преступленіе?! Какое же и при какихъ условіяхъ? Если нѣтъ, если онъ не преступникъ, не злодѣй,

то зачѣмъ ему нужно было приходиться сюда, къ отверженникамъ міра? Развѣ при такомъ образованіи не могъ онъ въ Россіи занимать высокой должности? Развѣ при своемъ характерѣ и сердцѣ не былъ бы тамъ безцѣннымъ чело-вѣкомъ?!

Самъ Ѳеодоръ Кузьмичъ никому не открывалъ, кто онъ такой, какъ его ни умоляли сказать. На просьбу назвать имя своихъ родителей, подъ предлогомъ помянуть ихъ на молитвѣ, Ѳеодоръ Кузьмичъ отвѣчалъ: „Господь знаетъ ихъ имена, за нихъ молится Церковь“. На вопросъ, гдѣ онъ родился, отмахивался или просто говорилъ: „оставьте бродягу“ и въ этомъ родѣ... Однако, для всѣхъ было ясно, что бродяжничество его только *прикрытіе чего-то*, что это только *особый видъ подвижничества*. И вскорѣ откуда-то пронесся слухъ, что онъ—бродяга по *объѣту* и будто бы съ благословенія митрополита Филарета...

По Сибири пошла широкая молва о необыкновенномъ старцѣ подвижникѣ. Говорили, что это какой-то митрополитъ, добровольно сложившій съ себя санъ; другіе думали, что это цесаревичъ Константинъ, отрекшійся отъ престола. Но эти мнѣнія были мимолетны. Прочное, охватившее народную массу убѣжденіе таково, что старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ—не кто иной, какъ императоръ Александръ I Благословенный.

Откуда, на основаніи чего составилаь эта легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ?! Имѣла ли тутъ значеніе личность императора Александра I, мистическая и склонная къ религіозному подвигу? Дало ли основаніе извѣстное мѣсто знаменитой, полной благородныхъ чувствъ, рѣчи императора послу Кутузова, графу Мишо, привезшему въ Петербургъ печальную вѣсть о занятіи Москвы французами и о боязни русскаго войска, какъ бы государь по добротѣ своей не заключилъ мира съ врагами?! Отерши слезы, выступившія неволью при вѣсти о сдачѣ древней столицы—сердца Россіи, и обѣщавши подвигнуть всѣ средства имперіи на спасеніе подданныхъ, государь сказалъ

тогда: „Но ежели назначено судьбою и Промысломъ Божиимъ роду моему не царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ“... Стали ли, далѣе, извѣстны въ народѣ неоднократные разговоры императора съ своими приближенными послѣ умиротворенія Европы о *намъ преніи оставитъ престолъ*, удалиться отъ придворнаго шума и суеты и жить частнымъ человѣкомъ?! Престолъ свой государь хотѣлъ передать младшему брату своему, великому князю Николаю Павловичу и его потомству и однажды, въ присутствіи послѣдняго и его супруги, великой княгини Александры Феодоровны, императоръ высказалъ это прямо. „Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь больше, чѣмъ когда либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я ужъ не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ отказаться во-время“... Великая княгиня Александра Феодоровна передаетъ ужасное впечатлѣніе отъ этихъ словъ. „Видя, что мы готовы были разрыдаться“, рассказываетъ Александра Феодоровна, „онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, прежде нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ“. Послѣдствіемъ этого разговора было то, что великій князь Николай Павловичъ съ этихъ поръ сталъ присутствовать въ кабинетѣ государя при докладахъ. Припомнился ли загадочный *послѣдній* выѣздъ государя изъ Петербурга, когда онъ посѣтилъ Павловскъ и всѣ мѣста, дорогія ему по воспоминаніямъ, очень трогательно простился съ царицей матерью, ночью съѣздилъ въ Лавру, гдѣ усердно молился у мощей святого князя Александра Невского, посѣтилъ митрополита, схимника, просилъ всѣхъ молиться о немъ и его супругѣ и, выѣхавъ на разсвѣтѣ изъ го-

рода, остановился, оглянулся назадъ и высказалъ вслухъ предчувствіе, что, кажется, онъ больше не увидитъ своей столицы?! Обстановка ли болѣзни въ Таганрогѣ, когда онъ упорно отказывался отъ лѣкарства и *больше* думалъ, по словамъ лейбъ-медика Вилліе, *о чемъ то другомъ*, чѣмъ о своемъ выздоровленіи?! Неожиданная ли смерть его на югѣ Россіи и полныя горя и слезъ письма императрицы-супруги къ императрицѣ-матери, гдѣ она указываетъ на неопредѣленность своего положенія, говорить о покорности судьбѣ по примѣру его, о готовности слѣдовать за нимъ, которому она отдала всю свою жизнь: „о, матушка я самое несчастное на землѣ существо, хочу сказать Вамъ одно: я жива, а мой ангелъ потерявъ для меня“?!... Эти ли частныя обстоятельства изъ жизни императора Александра Благословеннаго дали косвенное основаніе сблизить и отождествить его личность съ таинственною личностью неизвѣстно откуда появившагося подвижника Сибири, Федора Кузьмича? Сказалась ли просто въ легендѣ *любовь* русскаго народа къ „обожжаемому“ императору, спасшему отечество отъ нашествія полумилліонной арміи 12-и языковъ и прославившему на вѣки Россію, *любовь*, часто *не* *мирящаяся* *со* *смертію* *любимаго* *лица* *и* *создающая* *изъ* *него* *безсмертный* *образъ*, воплощающая его въ идею? Или былъ *другой* источникъ для подобнаго мнѣнія о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ—это выяснитъ исторія, разрѣшающая всѣ вопросы времени и уясняющая проблемы народной психологіи. Пока несомнѣнно только то, что Федоръ Кузьмичъ *не* *былъ* *самозванцемъ*; не въ духѣ самозванца такой высокій подвигъ и смиреніе; холщевую рубашку, ржаные сухарики, ночлеги подъ кровлею онъ нашелъ бы всегда у добрыхъ людей и безъ присвоенія чуждаго достоинства. Самозванцы съ царскимъ именемъ всегда дѣйствуютъ съ опредѣленною цѣлью—смутить народъ и захватить въ руки власть: Федоръ Кузьмичъ напротивъ *уклонялся* отъ всякой чести и бѣгалъ отъ славы и поселялъ тѣхъ деревень, гдѣ жилъ: училъ уважать законъ.

повиноваться власти. Ни Константиномъ, ни Александромъ онъ никогда не называлъ себя; поэтому нѣсколько странно, что Долгорукій, напримѣръ, помѣщая о старцѣ свою статью въ печати, озаглавилъ ее „Отшельникъ Александръ въ Сибири“.

Еще менѣе можно допустить мысль, что Федоръ Кузьмичъ—одинъ изъ сектантовъ, ушедшій въ Сибирь съ цѣлью пропаганды своего ученія въ народѣ. Никакого своего ученія у него же было: религіозно-нравственныя бесѣды его были проникнуты духомъ Евангельскимъ, характеромъ строгой церковности; къ храму онъ былъ очень прилеженъ, къ богослуженію являлся неопустительно, всегда стоя въ церкви сзади по правую сторону дверей. Одно только смущало нѣсколько въ Федорѣ Кузьмичѣ: живя въ селѣ Краснорѣчинскомъ, онъ никогда не ходилъ на исповѣдь и не причащался Святыхъ Таинъ. На предложеніе мѣстнаго священника о. Никифора Ключарева причаститься Федоръ Кузьмичъ отвѣчалъ: „Господь удостоилъ меня принимать эту пищу“. Выведенный изъ себя упорствомъ старца, священникъ однажды, рассказываютъ, всенародно обозвалъ его безбожникомъ, а прихожанъ своихъ предостерегалъ отъ общенія съ нимъ, какъ раскольникомъ. Но тутъ случилось нѣчто необычное. Въ тотъ же день о. Никифоръ, еще до выхода изъ церкви, почувствовалъ себя дурно и къ вечеру окончательно слегъ. Изъ Ачинска былъ привезенъ врачъ, который объявилъ положеніе больного безнадежнымъ... Поднялся плачь. Собрались односельчане и стали совѣтовать домашнимъ священника позвать къ умирающему старца. Федоръ Кузьмичъ пришелъ. Осмотрѣвъ больного, онъ сдѣлалъ ему строгое внушеніе, какъ нужно относиться къ людямъ, которые никому не дѣлаютъ никакого зла, совѣтовалъ весьма осторожно дѣлать заключенія о каждомъ человѣкѣ и ни надъ кѣмъ не произносить приговора раньше суда Божія. Выздоровѣвъ по молитвѣ старца, о. Никифоръ сталъ искреннимъ и благоговѣйнымъ почитателемъ его, а народъ,

среди котораго давно ходили рассказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ по молитвѣ старца, прославляль его еще болѣе.

Когда Ѳедоръ Кузьмичъ жилъ въ Красноярѣчинскѣ, или, по народному названію, на Красной рѣчкѣ, все чаще и чаще наблюдались случаи посѣщенія старца лицами высокаго положенія. Бывали у него епископы—Аѳанасій иркутскій, Иннокентій, впослѣдствіи митрополитъ московскій, знаменитый миссіонеръ Сибири. Первый вообще былъ близокъ къ старцу, часто заѣзжалъ къ нему, оставался у него иногда по нѣсколько дней и, уѣзжая отъ него, оказывалъ знаки особаго почтенія. Раза 3—4 въ годъ пріѣзжалъ къ старцу Красноярскій протоіерей Петръ Поповъ (впослѣдствіи епископъ), человѣкъ широкаго образованія, гуманный и благочестивый. Онъ тоже живалъ у Ѳедора Кузьмича иногда по нѣсколько дней и, уѣзжая, убѣждалъ крестьянъ относиться къ старцу съ сыновнимъ уваженіемъ, такъ какъ это былъ, по его словамъ, „великій угодникъ Божій“.

Изъ лицъ свѣтскихъ къ старцу пріѣзжали военные и особенно купцы. Впечатлѣніе, производимое видомъ и рѣчами Ѳедора Кузьмича, было столь сильно, что многіе подолгу оставались въ деревнѣ, чтобы имѣть возможность чаще пользоваться назиданіями старца.

Самъ старецъ навѣщалъ немногихъ, такъ сказать, друзей своихъ, въ числѣ которыхъ большинство были ссыльные или солдаты. Любилъ онъ бывать у двухъ старушекъ Анны и Марѣы, сосланныхъ своими господами изъ Новгородской губерніи неизвѣстно за что и прибывшихъ въ Сибирь въ одной партіи съ Ѳедоромъ Кузьмичемъ. Почти всякій праздникъ послѣ обѣдни прямо изъ церкви старецъ заходилъ къ нимъ и пилъ чай. Въ день святого Александра Невскаго здѣсь приготовлялись для него пироги и другія деревенскія кушанія. Люди, наблюдавшіе жизнь старца, говорятъ, что въ этотъ день онъ бывалъ особенно веселъ, много говорилъ, рассказывалъ, какъ этотъ день въ столицѣ празднуется. „Какія торжества

были въ этотъ день въ Петербургѣ! Стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе, и общая радость наполняла сердца человѣческія“, вспоминалъ старецъ.

Однажды Федоръ Кузьмичъ съ этими старушками копалъ на огородѣ картофель. Вдругъ къ нему подбѣгаетъ дѣвочка лѣтъ 12-и съ корзиночкой брусники въ рукахъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ: „не хочешь ли, дѣдушка, ягодокъ?“ Старецъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на дѣвочку, и на глазахъ его показались слезы умиленія. Онъ взялъ обѣими руками головку дѣвочки, поцѣловалъ ее въ лобикъ и сказалъ: „спасибо, миленькая! развѣ ты не боишься подходить ко мнѣ,—вѣдь тебя за это бранить будутъ?“ „Пускай бранятъ, дѣдушка; я васъ полюбила, ягодокъ принесла; я давно хотѣла убѣжать къ вамъ, да все боялась“, говорила ободренная ласкою Федора Кузьмича дѣвочка, которую дѣйствительно братья бранили и говорили: „нечего тебѣ беспокоить его,—онъ съ тобой и говорить не будетъ“. Дѣвочка эта, до послѣднихъ лѣтъ жившая въ Томскѣ и всему городу извѣстная подъ именемъ „маіорши“ Федоровой, была лучшимъ другомъ Федора Кузьмича, и ея интересная жизнь приподнимаетъ нѣсколько завѣсу съ таинственной личности старца, почему скажемъ о ней поподробнѣе.

Звали ее Александрой Никифоровной. Она была дочь Красноярчнскаго крестьянина. Рано лишившись родителей, дѣвочка была взята на воспитаніе въ домъ мѣстнаго священника и подѣ влияніемъ священно-церковныхъ впечатлѣній стала очень религіозна. Умная, наблюдательная, богомольная она ужъ давно прислушивалась къ народнымъ толкамъ о старцѣ-подвижникѣ, много думала о немъ, а затѣмъ, когда получила возможность видѣть его на улицѣ, по-дѣтски поражена была его величественною осанкою, поучительною рѣчью и прониклась благоговѣніемъ къ нему. Первый разъ она сама завела разговоръ со старцемъ, осмѣлившись предложить собранную ею брусничку.

Это было, когда она жила уже у братьевъ своихъ. Съ тѣхъ поръ что-то неодолимое влекло ее къ старцу: каждый день въ теченіе многихъ лѣтъ, когда старецъ жилъ въ Краснорѣчинскѣ и Зердалахъ, она старалась увидѣть его, исполняла его порученія, чинила ему платье, не сводя глазъ, слушала его рассказы. Старецъ говорилъ о жизни въ Россіи, о Петербургѣ, о святыхъ мѣстахъ, монастыряхъ, о великихъ подвижникахъ, о богатствахъ и красотахъ Сергіевой и Кіевской лавры, о Почаевѣ. Все это старецъ отлично самъ зналъ, все видѣлъ и тихою, теплою рѣчью о русскихъ святыхъ пробудилъ въ своей любимицѣ непремѣнное рѣшеніе сходить въ лавру къ угодникамъ и помолиться тамъ.

Родные братья ни за что не хотѣли отпустить Александру Никифоровну въ такой далекой и по тѣмъ временамъ небезопасный путь и настаивали на томъ, чтобы она выходила замужъ. Мысль о замужествѣ пугала религіозно-настроенную дѣвушку—ей хотѣлось странствовать по святымъ мѣстамъ... Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ старецъ сказалъ ей: „у тебя, панушка, военный волосъ въ головѣ“. Не понявши словъ старца, дѣвушка просила тогда: „такъ вырви, батюшка, этотъ волосъ“. „Не отъ меня это зависить,—какъ Богъ дастъ“... И вотъ теперь, когда братья Александры Никифоровны подыскивали ей жениха, старецъ однажды говорить ей: „погоди, успѣешь еще выйти замужъ—тебѣ не годятся эти женихи: ты непременно выйдешь за какого-нибудь офицера“... Но дѣвушка мало думала о своемъ замужествѣ, больше занимала ее мысль о святыхъ мѣстахъ и желаніе сходить туда.

Скоро представился къ тому случай. Изъ Кяхты шли богомольцы въ Кіевъ и съ ними-то братья, по благословенію старца, отпустили Александру Никифоровну. Ѳедоръ Кузьмичъ далъ ей подробный планъ путешествія, отмѣтилъ монастыри, гдѣ она должна побывать, указалъ на лицъ, гдѣ остановиться, надѣлилъ совѣтами обо всемъ, что можетъ случиться въ дорогѣ. Слушая указанія и со-

вѣты, гдѣ, къ кому нужно сходить, дѣвушка въ простотѣ своей души вдругъ сказала: „какъ бы мнѣ увидать въ Россіи царя!“... „А развѣ тебѣ хочется?“ спросилъ ее Ѳедоръ Кузьмичъ. „Какъ же, батюшка, не хочется; все говорятъ: царь, царь... а какой онъ изъ себя, и не знаешь“... Старецъ кротко улыбнулся, задумался, а потомъ и говорить: „погоди, можетъ быть и не одного царя на своемъ вѣку увидать придется. Богъ дастъ, и разговаривать съ нимъ будешь и увидишь тогда, какіе цари бываютъ“... Послѣ этого онъ отмѣтилъ въ ея маршрутѣ Почаевскую лавру и сказалъ, чтобы она тамъ разыскала „графиню“ (не назвавъ какую).

Что испытала въ столь далекой дорогѣ 20-и-лѣтняя крестьянская дѣвушка—сибирячка, что видѣла, слышала, чѣмъ была поражена,—объ этомъ можно бы написать цѣлую интересную книгу съ ея живыхъ разказовъ.

Самая любопытная страница этой книги, конечно, пребываніе Александры Никифоровны въ Почаевѣ. Здѣсь, по слову старца, какъ по писанному, она дѣйствительно разыскала графиню, какъ оказалось впоследствии, жену извѣстнаго въ то время графа Д. Е. Остенъ-Сакена, чело-вѣка набожнаго и страннопріимнаго. Хорошая графиня крайне заинтересована была сибирячкой и привезла ее съ собою въ Кременчугъ, гдѣ жилъ тогда съ семействомъ ея мужъ, излѣчиваясь отъ раны, полученной имъ въ Венгріи. Простая, откровенная, благодушная дѣвушка всѣмъ понравилась въ семьѣ Остенъ-Сакена, и всѣ въ графскомъ домѣ относились къ ней съ вниманіемъ, какъ далекой, дорогой гостьѣ, оставивши ее у себя пожить нѣсколько мѣсяцевъ. Настала осень 1849-го года.

Въ одинъ день всѣ жители Кременчуга были обрадованы вѣстью о пріѣздѣ сюда императора Николая Павловича, что скоро и случилось... Государь пріѣхалъ и остановился въ домѣ графа Остенъ-Сакена. Тогда-то и исполнилось слово старца: Александра Никифоровна не только увидѣла царя, повелителя Россіи, но была съ нимъ подѣ

одною кровлею цѣлые сутки, разговаривала съ нимъ... Кто знаетъ хоть немного характеръ императора Николая I, наряду съ властностью, царскимъ величіемъ необыкновенно простого, ласковаго и внимательнаго, тотъ пойметъ, почему такъ смѣло почувствовала себя въ присутствіи государя дѣвушка-сибирячка. Государь, видимо, ею интересовался и объ всемъ разспрашивалъ: какъ живутъ у нихъ въ Сибири, и чѣмъ народъ занимается, и что ѣдятъ, и сколько у нихъ попъ за свадьбу беретъ, и какъ дѣвушки себя ведутъ и въ этомъ родѣ выспрашивалъ ее, стараясь узнать жизнь въ Азіатской части своей необъятной имперіи. Дѣвушка на всѣ вопросы государя отвѣчала умно, бойко, и Николай Павловичъ, любившій вообще прямоту и откровенность, отъ удовольствія смѣялся. „Вотъ какая у тебя смѣлая гостья пріѣхала!“ говоритъ онъ, улыбаясь Остенъ-Сакену. „А чего же мнѣ бояться?“ преспокойно отвѣчала Александра Никифоровна, „со мной Богъ да святыми молитвами великій старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, а вы всѣ такіе добрые—ишь какъ меня угощаете!“... При этихъ словахъ, воспоминаетъ Александра Никифоровна, Николай Павловичъ какъ бы насупился, сдѣлался серьезенъ, и разговоръ прекратился.

Уѣзжая, императоръ велѣлъ графу дать Александрѣ Никифоровнѣ записку—пропускъ, а ей самой сказалъ ласково; „если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи эту записку, и никогда не задержатъ,—разказала бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ“ и послѣ всего этого добавилъ: „если тебѣ въ чемъ будетъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду“.

Въ Петербургѣ Александра Никифоровна не собралась—ее тянуло на родину, въ деревню, къ старцу...

Какъ прошелъ обратный путь въ Сибирь, Александра Никифоровна мало разказываетъ, но о возвращеніи своемъ домой и о свиданіи со старцемъ вспоминала всегда со слезами. Старецъ, не видавшій ее три почти года, обрадовался ей, какъ ребенокъ, все разспрашивалъ, и гдѣ

была, и кого видѣла, и съ кѣмъ говорила... Все это его живо интересовало, а когда услышалъ, сильно задумался... „Смотрѣла, смотрѣла я на него“, рассказываетъ Александра Никифоровна, да и говорю ему просто: „Батюшка, Ѳедоръ Кузьмичъ, какъ вы на императора Александра Павловича похожи!“ Лишь только я это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурилъ, да строго такъ на меня: „а ты почему знаешь? Кто это тебя научилъ такъ сказать мнѣ?“... Я испугалась. „Никто, говорю, батюшка: это я такъ просто сказала; я видѣла во весь ростъ портретъ императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи и такъ же руку держите, какъ онъ“... Старецъ ничего не сказалъ, повернулся и вышелъ, и увидѣла Александра Никифоровна, какъ онъ отеръ рукавомъ своей рубашки полившіяся изъ глазъ его слезы...

Прошло лѣтъ пять. Старецъ попрежнему любовно и ласково относился къ Александрѣ Никифоровнѣ и не благословлялъ ея замужества ни съ однимъ женихомъ изъ многочисленной деревенской молодежи. „Погоди, успѣешь еще выйти замужъ; за твою доброту Богъ не оставитъ тебя, и царь позаботится наградить тебя за твое обо мнѣ попеченіе“. То же говорилъ онъ и братьямъ Александры Никифоровны: „не трогайте ее, она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ,—самъ царь наградитъ ее своею казною“...

Благочестивыми бесѣдами старецъ вызвалъ въ Александрѣ Никифоровнѣ желаніе опять отправиться въ странствованіе по святымъ мѣстамъ и въ 1857 году благословилъ ее въ путь, снова указавши лицъ, гдѣ принимаютъ странниковъ, и назвавши мѣста, куда ей нужно итти, особенно настаивая на томъ, чтобы она побывала въ Кіево-Печерской лаврѣ. „Есть тамъ“, говорилъ ей Ѳедоръ Кузьмичъ, „такъ называемыя пещеры, и живетъ въ этихъ пещерахъ великій подвижникъ, старецъ Пареній и еще одинъ старецъ Аванасій; живутъ они—одинъ въ дальнихъ,

а другой въ ближнихъ пещерахъ; отыщи ихъ непременно, попроси ихъ помолиться за тебя, расскажи имъ о житьѣ своемъ. Въ особенности не позабудь побывать у Пареенія. Если онъ спроситъ тебя, зачѣмъ ты пришла къ нему, скажи, что просить его благословенія; ходила по святымъ мѣстамъ и пришла изъ Красной рѣчки,—но что бы онъ ни спрашивалъ тебя, говори ему чистую правду, потому что великій это подвижникъ и угодникъ Божій“.

Много видѣла и пережила Александра Никифоровна и въ этомъ своемъ второмъ путешествіи. Было и горя достаточно, но вездѣ ее принимали съ радостью, гдѣ указывалъ старецъ и всячески старались оградить ее въ дорогѣ отъ неприятностей. Въ этотъ разъ она отправилась сначала на Валаамъ. Въ Петербургѣ въ ней принялъ участіе какой-то генераль (фамилію она забыла) и посадилъ на пароходъ, на которомъ имѣла вѣхатъ покойная императрица Марія Александровна.

Узнавъ отъ фрейлинъ своихъ о сибирячкѣ-странницѣ, государыня пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала съ ней,—а о чемъ, неизвѣстно...

Но вотъ Александра Никифоровна и въ Кіевѣ, куда такъ настойчиво совѣтовалъ ей съѣздить старецъ. Послѣ обѣдни въ лаврѣ она отправилась отыскивать подвижника Пареенія. Отшельникъ встрѣтилъ ее сурово, но узнавъ, откуда она, обласкалъ и благословилъ ее, причемъ сказалъ: „зачѣмъ тебѣ мое благословеніе, когда у васъ на Красной рѣчкѣ есть великій подвижникъ и угодникъ Божій? Онъ будетъ столпомъ отъ земли до неба“. Затѣмъ, старецъ Парееній долго и внимательно спрашивалъ Александру Никифоровну о ея странствованіяхъ, намѣреніяхъ и жизни въ Сибири, и услышавъ, что она желаетъ, какъ можно скорѣе, направиться домой, сказалъ: „нечего тебѣ дѣлать въ Сибири, оставайся здѣсь поговѣть у меня,—а когда причастишься Святыхъ Таинъ, я скажу тебѣ, куда направиться“. Помня наставленія старца Федора Кузьмича во всемъ слушаться подвижника Пареенія, Александра

Никифоровна стала говѣть. Послѣ говѣнія она приходитъ къ отцу Пареенію. „Если кто-нибудь будетъ звать тебя въ Почаевъ, то поѣзжай туда“, сказалъ ей отецъ Парееній. „Но я ужъ тамъ была“, замѣтила было Александра Никифоровна. „Все равно, поѣзжай“.

Молодой странницѣ сдѣлалось тяжело, и ѣхать одной въ Почаевъ страшно,—къ тому же срокъ паспорта вышелъ, могутъ быть непріятности, да и сердце рвалось на родину, а поступить вопреки волѣ схимника Пареенія она не рѣшалась: ей старецъ Федоръ Кузьмичъ велѣлъ его слушаться. Въ такой раздвоенности, смущеніи душевномъ стояла она на другой день за обѣдней—молилась горячо, слезы сами собою лились изъ глазъ. Служба кончилась. Народъ разошелся изъ церкви. Александра Никифоровна, какъ бы опомнившись, встаетъ съ молитвы и видитъ, что какой-то офицеръ глазъ съ нея не сводитъ. Она смутилась, а офицеръ подходитъ и спрашиваетъ: „о чемъ вы такъ горько плакали?“ „Не знаю, куда итти“, отвѣчала Александра Никифоровна: „хочется воротиться домой, а схимникъ Парееній совѣтуетъ отправиться въ Почаевъ“. „Поѣдьте вмѣстѣ въ Почаевъ, я тоже туда ѣду..., а теперь пойдете ко мнѣ чай кушать“. „А вы семейный?“ спросила Александра Никифоровна, совсѣмъ растерявшись. „Да, у меня большое семейство“, отвѣтилъ офицеръ, замѣтившій смущеніе своей собесѣдницы. „Не бойтесь: у меня останавливаются разныя странницы,—меня здѣсь всѣ знаютъ, я—маіоръ Федоровъ“.

Когда Александра Никифоровна пришла къ офицеру, просто диву далась: откуда у него столько странниковъ и странницъ? Вся квартира этого военнаго человѣка была обращена въ страннопріимницу, и всѣ богомольцы были у него, какъ гости. „Ставьте самоваръ“, сказалъ, входя въ свою квартиру, Федоровъ: „странницу привелъ дорожную, изъ Сибири“... Вниманіе и заботливость хозяина къ сибирской странницѣ удивляли всѣхъ. Замѣтивши, что Александра Никифоровна какъ будто нездорова, маіоръ

хотѣлъ было позвать своего знакомаго доктора. „Нѣтъ, этому доктору“, сказала Александра Никифоровна, „я не вручу себя. Я, какъ сельская дѣвушка, никогда не была осматриваема докторами. Вотъ мой докторъ“, прибавила она, указавши на икону Спасителя. Этотъ отвѣтъ весьма понравился Ѳедорову. „Четыре года принимаю странниковъ и ни отъ одного ничего подобнаго не слыхалъ“, сказалъ онъ. Собираясь въ Почаевъ, Александра Никифоровна сказала, было, Ѳедорову: „у меня и паспорта нѣтъ, просрочился“. „На что тебѣ паспортъ: я твой паспортъ“, по военному отвѣтилъ ей Ѳедоровъ. И поѣхали.

Въ Почаевѣ Александра Никифоровна остановилась у двухъ старушекъ, знакомыхъ Ѳедорова. На другой день, послѣ обѣдни, приходитъ къ ней незнакомый человѣкъ и проситъ ее пожаловать къ архіепископу Исидору, экзарху Грузіи, вполсѣдствіи митрополиту Новгородскому и Петербургскому, тогда гостившему въ Почаевѣ. Александра Никифоровна подумала, не обманъ ли какой тутъ. „Зачѣмъ я къ нему пойду? вѣдь преосвященный меня не знаетъ“. И не пошла. Черезъ нѣсколько минутъ отъ преосвященнаго приходитъ монахъ и снова проситъ Александру Никифоровну къ владыкѣ. Совсѣмъ недоумѣвая, зачѣмъ ее приглашаетъ незнакомый архіепископъ, Александра Никифоровна, однако, отправилась. Архіепископъ принялъ ее очень ласково, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофе и закидалъ ее вопросами, а потомъ вдругъ заговорилъ: „какъ это вы не боитесь въ такихъ лѣтахъ пускаться въ такое далекое странствованіе? Мой совѣтъ: выходите-ка лучше замужъ, а я отыщу жениха хорошаго“ и, не дождавшись отвѣта пораженной собесѣдницы, позвонилъ и приказалъ позвать изъ кабинета маіора Ѳедорова. „Вотъ“ сказалъ архіепископъ Александръ Никифоровнѣ, когда вышелъ Ѳедоровъ, „вы“ очень понравились маіору Ѳедору Ивановичу, и онъ непремѣнно хочетъ просить руки вашей. Мой отеческій совѣтъ: не отказывайтесь!“ Добрый покойный святитель, сосватавшій Але-

ксандру Никифоровну, самъ затребоваль даже метрику ея, такъ какъ Александра Никифоровна выразила опасеніе, что мѣстный священникъ безъ согласія ея братьевъ не вышлетъ нужныхъ документовъ.

Послѣ путешествія по нѣкоторымъ монастырямъ, маіоръ Ѳедоровъ съ своею невѣстою приѣхаль въ Кіевъ. Черезъ три дня получена была метрика, и они обвѣнчались въ Никольскомъ военномъ соборѣ.

Всей этой исторіи Александры Никифоровны трудно было бы и повѣрить, если бы она сама, живыя лица и факты не подтверждали дѣйствительности. Когда все это случилось, тогда и исполнилось слово старца Ѳедора Кузьмича, сказанное Александрѣ Никифоровнѣ, что у ней „въ головѣ военный волосъ“ и что она выйдетъ замужъ „за офицера“. А по смерти мужа Александра Никифоровна, получая изъ казны его пенсію, вспомнила и другое предсказаніе старца—„самъ царь наградить тебя своею казною за твою доброту и попеченіе обо мнѣ“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. С.

„ОТЪ БУРСЫ ДО ГРОБОВОЙ ДОСКИ“¹⁾.

(Очеркъ жизни сельскаго пастыря и писателя Василия Ксенофонтовича Владимірскаго).

IV. У пристани.

Въ 1859 году Владимірскій женился на дочери священника, благочиннаго с. Григорьева, Анфисѣ Ивановнѣ. Въ томъ же году 25 октября онъ посвященъ во священника къ Спасской церкви села Семова, Макарьевского уѣзда, но служилъ здѣсь только до 2 Сентября 1862 года, когда былъ переведенъ для поддержанія родственной осиротѣвшей семьи (брата) въ село Череватово, Ардатовскаго уѣзда.

О службѣ о. Владимірскаго „формуляръ“ гласитъ слѣдующее:

Священникъ Василій Ксенофонтовъ Владимірскій, священнической сынъ, родился въ селѣ Таможниковѣ, Нижегородскаго уѣзда, 1834 года Января 25 дня. По окончаніи курса Нижегород. Духовной семинаріи, съ аттестатомъ 1-го разряда и съ званіемъ студента семинаріи, опредѣленъ 1859 г. и 25 октября посвященъ къ Спасской церкви села Семова Макарьевского у. во священника Преосвященнѣйшимъ Антоніемъ. 1862 года Сентября 2 дня Преосвященнѣйшимъ Нектаріемъ переведенъ въ село Череватово, Ардат. у. Трехлѣтіе 1867—70 состоялъ депутатомъ и дѣлопроизводителемъ съѣздовъ Арзамасскаго Училищнаго Округа. 1870 года по избраніи духовенства,

¹⁾ См. „Душеполезное Чтеніе“ № 6.

утвержденному Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ, вступилъ въ должность благочиннаго 2-го округа Ардатовск. у., которую проходилъ два десятилѣтія слишкомъ (23 г.) и отъ которой уволенъ согласно прошенію указомъ духовной Консистеріи отъ 5-го Іюля 1893 г. за № 3938. Съ того-же 1870 состоялъ цензоромъ проповѣдей округа; уволенъ по прошенію. Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ 1884 г. Декабря 23 дня опредѣленъ Наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ; уволенъ въ 1890 г.

Въ 1870 г. 2 Августа награжденъ набедренникомъ. Въ 1874 г. 30 Марта пожалованъ бархатн. фіолетовой скуфьею. Въ 1878 г. награжденъ камилавкою. За 12-лѣтнюю службу въ должности Благочиннаго Всемиловивѣйше сопричисленъ 3 февраля 1883 г. къ Орденоу Св. Анны 3 степени. При указѣ Духовной Консистеріи отъ 11-го Іюня 1887 года за № 4079 Всемиловивѣйше награжденъ наперснымъ крестомъ.

Въ селѣ Череватовѣ о. Василій жилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 4-го Іюня 1902 года. То, что страшило такъ семинариста Владимірскаго, сбылось: 40 лѣтъ онъ прожилъ въ селѣ, къ которому очень подходящи названія: дичь, глушь, медвѣжіи уголь.

„Когда въ морозную и ясную зимнюю ночь вы будете подъѣзжать къ селу Череватову“, пишетъ о Владимірскаго въ статьѣ „Ардатовскія дудки“, „по дорогѣ отъ Арзамаса, т. е. съ сѣверо-восточной стороны,—ваше вниманіе, еще версты за двѣ до села, будетъ привлечено однимъ нерядовымъ явленіемъ: три четверти горизонта предъ вами къ югу и западу освѣщены множествомъ дальнихъ огней, какъ будто предъ вами вдали большой городъ, а въ немъ какой-то праздникъ, иллюминація, или какъ будто по этимъ холмамъ раскинутъ обширный военный станъ, и горятъ безчисленными точками ночные костры.. Вы невольно спрашиваете: Что это такое?

— „Дудки, баринъ“! отвѣчаетъ лаконически возница.

Днемъ вы опять увидите непривычные виды: тамъ и

сямъ, по холмамъ, на бѣлой пеленѣ стоятъ коричневые пятна; на нихъ соломенные щиты, подлѣ щита дымится огонекъ; подлѣ огонька колодезь, или нѣчто подобное, стоитъ тутъ человекъ въ охряной одеждѣ и вертитъ ручки вала“...

„Череватово большое базарное село ардатовскаго уѣзда, въ 18 верстахъ отъ Ардатова, въ 18-же отъ Сарова и въ 18 в. отъ Илевскаго чугуноплавильнаго завода, въ 50 в. отъ Арзамаса и верстахъ въ 60 отъ Темникова. Оно расположено на обширной, плоской покатоности, на мысу, при сліяніи двухъ небольшихъ рѣчекъ: Силевки (съ востока) и Вичкинзы (съ сѣвера), которыя, слившись, отправляются на югъ, къ селу Дивѣеву и Дивѣевскому монастырю, а затѣмъ къ Сарову. Слово „отправляются“ надобно оговорить: лѣтомъ и зимою обѣ рѣчки находятся „на покоѣ“ за неимѣніемъ воды, въ дождливую осень кое-какъ „текутъ“, а около Пасхи съ недѣлю бурлятъ, что твой Терекъ. Окрестныя поля, очень скудныя, состоятъ изъ песчанистаго подзола, который очень скудно вознаграждаетъ труды пахаря. Луговъ очень мало,—поэтому скотины много завести нельзя; отъ этого и навозу мало, и удобреніе недостаточно. Череватово и окрестныя деревни съ половины зимы кормятся „съ крючка“, т. е. съ базарныхъ вѣсовъ купленнымъ хлѣбомъ. Нашъ хлѣбъ родится не на землѣ, а подъ землей; наше питье—не вода, а руда. Мѣстность, на которой разбросаны рудныя мѣсто-нахожденія, составляетъ площадь верстъ шесть длины отъ запада къ востоку и верстъ пять ширины отъ сѣвера къ югу“...

Такъ описываетъ о. Василій село Череватово. Поклонникъ природы вынужденъ былъ жить въ изрытой лудками степи: Вичкинза, бурлящая, какъ Терекъ, одну недѣлю въ году, грязная базарная площадь, прудокъ, нѣсколько ветель, и поле, куда ни поглядишь... Дивѣевскій лѣсъ, вертьяновская казенная дача, саровскій лѣсъ,—все это далеко, далеко отъ Череватова, тамъ, въ „заіорданской

области“; какъ шутливо называлъ о. Василій часть своего благочинническаго округа за Вячкинзой. Вокругъ Череватова одни рудники: дудки и обалы. Гдѣ вы, семинарскія грезы — впечатлѣнія отъ широкой матушки — Волги, отъ чудныхъ видовъ Оки, отъ заливныхъ, заволжскихъ луговъ? На шесть верстъ кругомъ коричневые пятна рудниковъ: „Мангазеи (рудникъ около общественнаго магазина), Быковки, Ближней Максарки, Дальней Максарки, Пьянаго, Бушуя“ (подъ стать бурлящему Тереку). Страстный любитель природы, какимъ былъ о. Василій, представляется какимъ-то стратотерпцемъ, когда долженъ находить красоту даже въ „обалахъ“:

„Эти обалы, или брошенные рудники, въ началѣ лѣта представляютъ мѣстности настолько же красивыя, сколько некрасивы рудники вообще зимою и лѣтомъ. Благодарная рука матери природы спѣшитъ загладить слѣды рудокопа. Рудня—это мѣстность, изрытая жилами, оврагами и буераками; груды глины, песку, каменныхъ обломковъ... кое-гдѣ развѣ торчитъ полынь, или качается кустъ чернобыльника. Это—ровно мѣстность между осажденной крѣпостью и траншеями осаждающаго: вотъ тутъ лопнула бомба и вырыла эту яму; тотъ бугоръ—могила десятка бойцовъ; вотъ начало мины... И все это окрашено желтымъ, коричневымъ, охрянымъ оттѣнками краски далеко не ароматическаго запаха. Обаль—напротивъ: тамъ природа вступаетъ въ свои права; по коричневому фону разстилается полупрозрачная сѣть травъ; оставленныя, обрушившіяся, заваленныя дудки образуютъ воронки, аршина въ два въ діаметрѣ и полтора глубины; многія изъ нихъ съ начала весны полны водою и блестятъ словно маленькія озера; сквозь зелень, убирающую скаты воронки, вылѣзаютъ цвѣты; въ сухихъ воронкахъ лѣтомъ—цвѣтеть ягодникъ, ароматическая ромашка, пыжится мордовникъ“.

Такою же скудною флору представляло изъ себя Череватово и окрестности его въ духовномъ отношеніи: тотъ

же чернобыль, полынь, кой-гдѣ скромная ромашка и среди ея пыжащійся мордовникъ. Столица уѣзда—Ардатовъ, и тотъ въ 18 верстахъ, Арзамасъ—въ 50 в.! Ни Петра Васильевича Знаменскаго, ни Измаила Ѳедоровича Спасскаго ни глазомъ не видать, ни ухомъ не слышать! Среди окружающаго духовенства интеллектуально выдѣлялись тогда человѣкъ 5—6 священниковъ, двое—трое оо. діаконовъ, но за то въ округѣ было цѣлое „колѣно Гадово“ (одно изъ крылатыхъ словечекъ о. В.), гдѣ круглый годъ не прекращались кляузы, дознанія, слѣдствія...

Всѣ условія къ тому, чтобы „офлегмѣть“, для того, чтобы человѣка затынуло, были налицо...

И, несмотря на эти условія, о. Владимірскій сталъ однимъ изъ замѣчательныхъ представителей сельскаго духовенства и въ полномъ смыслѣ „человѣкомъ нижегородскаго повожья“.

Онъ сдѣлался незауряднымъ и многостороннимъ духовнымъ писателемъ.

Проживая въ глухомъ Череватовѣ, вдали отъ центровъ умственной жизни, вдали отъ книжныхъ сокровищъ, онъ за періодъ времени съ 1866 по 1891 г. написалъ слѣдующія, появившіяся въ печати, произведенія:

„Замѣтка о святцахъ г. Солнцева“—„Извѣстія и замѣтки“ при ж. Душеп. Чт. 1866, VII.

„Нѣчто о теперешнемъ состояніи иконописанія въ Россіи“ тамъ-же 1866 г. VIII.

„Ландшафтъ въ церк. живописи“ тамъ-же, 1867, III.

„Архитектура въ церк. живописи, тамъ-же, 1867, IV.

„Животныя въ церк. живописи“, т.-же 1867, VII.

„Міръ духовный въ церк. живописи“, тамъ-же 1867, IX.

„Поученіе къ простому народу на Рождество Христово.“ „Душепол. Чтеніе“, 1867, XII.

„Изображеніе страшнаго суда“—„Душ. Чт.“ 1868, II.

„Человѣкъ въ церк. живописи“—„Душ. Чт.“ 1868 г. IX.

„Богочеловѣкъ въ церк. живоп.“—„Душ. Чт.“ XI. 1868.

„Богоматерь, Предтеча, Евангелисты, Апостолы и проч. святые въ церк. живоп.“ 1868, XII „Душ. Чт.“.

„Аксессуары въ церк. живоп.“ „Душ. Чт.“ 1869, I, V.

„Замѣтка объ иконописныхъ компаніяхъ, или артеляхъ“.
Душ. Чт. 1869, III (Изв. и Замѣт.).

„Разносчикъ,“ очеркъ (Воскресный досугъ...).

„Погребеніе у древнихъ христіанъ“—„Душ. Чт.“ 1870, I, V, XI.

„Строгановскій лицевой подлинникъ“—„Изв. и Замѣтки“
при Душ. Чт. 1870, IV.

„Порядокъ—экономія“, очеркъ (Народная Иллюстрація“
1871, № 31.).

„Птицы небесныя“—„Душеп. Чт.“ 1871, VI, VIII.

„Ардатовскія дудки“ (брошюра, годъ неизв.).

„О чтеніи“ (поученіе) „Душ. Чт.“—1873, II.

„Одѣяніе земли“, Душ. Чт. 1873, V, VIII, XI, XII.

„О сбереженіи лѣсовъ“ (поуч.). Д. Чт. 1873, IX.

„Вѣтви и листья“, Душ. Чт. 1874, I.

„О семейныхъ крестьянскихъ раздѣлахъ“ (поуч.) Душ.
Чт. 1874, II.

„Цвѣты“, Душ. Чт. 1874, V.

„Хлѣбъ насущный“, Д. Ч. 1875, I.

„Пересуды“ (3 поуч.), Д. Ч. 1875, II.

„Соки растений“—Д. Ч. 1875, X.

„Картины изъ притчи о богатомъ и Лазарѣ“, Д. Чт.
1876, IX, X, XI, XII.

„Древнія христіанскія мозаики“, Д. Чт. 1877, X.

„Поученія: 1, при закладкѣ храма; 2, послѣ установки
иконостаса; 3, по случаю освященія колоколовъ“, Душ.
Чт. 1878, XI.

„Поученія: 1, о хоругвяхъ; 2, о томъ, для чего освя-
щаются храмы“, Душ. Чт. 1878, XII.

„Наши успѣхи. Краткій обзоръ открытій и улучшеній
въ соврем. наукѣ и жизни“. Душ. Чт. 1879, I, II, III.

„Міръ насѣкомыхъ“, Душ. Чт. 1880, V, VII, IX, XII.
1881, I.

„Шелкъ“, Душ. Чт. 1882, I.

„Муравьи“, Душ. Чт. 1884, XI.

„Замѣтки о торговлѣ иконами“, Д. Чт. 1884, XI.

„Храмы древнехристіанскіе“, Д. Чт. 1885, VI.

„Архитектура и убранство восточныхъ храмовъ“, Д. Ч. 1885, VII.

„Готическіе храмы“,—Д. Ч. 1886 г. I.

„Матери“ (з бесѣды къ сельск. прихожан.). Д. Чт. 1887, I.

„Храмы Италіи“,—Д. Чт. 1887, V.

Поученія въ Душ. Чт.

„О семейныхъ раздѣлахъ“.

1891, I.

„О жалости къ животнымъ“.

1891, II.

„Половодье“.

1891, V.

„Птицы небесныя“.

1891, VI.

„О троицкихъ березкахъ“.

1891, VII.

„Ветлы“, рассказъ (Читальня народной школы за 90-ые годы).

Этотъ списокъ нельзя считать исчерпывающимъ все, написанное о. Владимірскимъ. Въ письмѣ къ П. А. Альбицкому онъ пишетъ: „Полнаго перечня сочиненій не могу доставить. Не качествомъ, такъ количествомъ взялъ! Разбросаны они по разнымъ изданіямъ... Въ свѣтскихъ изданіяхъ—много мелкихъ компиляцій, переводовъ съ прибавками и пр. Я люблю иллюстрированныя изданія, а выписывать не на что. Вотъ пошлю нѣчто съ печатную страницу и прошу годовое изданіе вмѣсто гонорара. „Мятельный звонъ“, (Сынъ Отечества), „Теорія колеровъ“, „Символика цвѣтовъ“, „Пейзажная живопись“, „Декорационная живопись“, „Разносчикъ“ (публичный лекторъ сирѣчь), „Порядокъ—Экономія“ (Народная иллюстрація 1871 г. № 31)—эти лоскутки и еще какіе-нибудь обрывочки печатались нѣсколько лѣтъ въ Воскресномъ Досугѣ. „Перерожденіе животныхъ (нѣчто въ родѣ Дарвинской теоріи, хотя объ ней еще не зналъ)—въ Живописномъ обозрѣніи; „Натурщикъ“, „Пейзажъ“—въ картинныхъ галлереяхъ

Андреева и т. д., но если подробно, поименно пересчитывать всю эту дребедень, съ обозначеніемъ годовъ и №№ журнала, надобно рыться мѣсяць и исписать листъ“ Сочиненія о. Владимірскаго, помѣщенныя въ Душеполезномъ Читеніи, въ свое время были отмѣчаемы библиографами. Вотъ одинъ изъ отзывовъ о статьѣ Владимірскаго, помѣщенный въ „Листкѣ духовной библиографіи и журналистики“ (прилож. къ журн. „Воскресное Читеніе“ № 3-й 1873 г.): „Книжка „Душеполезнаго Читенія“, сравнительно съ предыдущею, можетъ быть названа гораздо болѣе содержательною. Самые простые предметы, на которые мы иногда не обращаемъ никакого вниманія, рассматриваются здѣсь съ такихъ сторонъ и точекъ зрѣнія, что становятся въ высшей степени занимательными и приковываютъ къ себѣ наше вниманіе. Это замѣчаніе мы высказываемъ, имѣя въ виду статью священника В. Владимірскаго „О чтеніи“. Въ статьѣ этой мы находимъ не общія только мысли, но живой и глубокой анализъ предмета, входящаго въ кругъ обыденныхъ нашихъ предметовъ“.

Мы выписываемъ этотъ отзывъ намѣренно, такъ какъ въ немъ библиографъ угадалъ способность автора одухотворять все, на чемъ остановится его вниманіе. Проникновенное обозрѣніе Божьяго міра во всевозможныхъ поучительныхъ проявленіяхъ его и яркой чертой проходящее чрезъ всѣ произведенія о. Владимірскаго правило: „изящное съ полезнымъ“,—отличительные признаки литературныхъ трудовъ его. Съ чисто художественнымъ вкусомъ о. Владимірскій выбиралъ и пользовался текстами слова Божія, ученіемъ Св. Отцовъ, исторіей церковной и гражданской, древней миеологіей, классической литературой, данными естествознанія, ботаникой, другими научными знаніями и опытомъ. Въ большой-ли статьѣ, или въ краткомъ поученіи его видна тщательная обработка языка, стиля; во всѣхъ работахъ замѣтна какая-то задушевность; все проникнуто любовію къ своему, русскому:

къ русской природѣ, къ русскому искусству, хотя-бы его представлялъ простой лубокъ, къ обитателю русской деревни—мужику.

„Какая лазурь“! восклицаетъ о. Василій въ статьѣ „Ландшафтъ въ церковной живописи“, описывая дневное небо: „какіе эффе́кты производитъ свѣтъ, прорываясь сквозь тучи! Какъ удивительны призматическія колера радуги! Какія облака, какихъ формъ не принимаютъ они! То волнистыми грядами тумана вьются они надъ горными высями, то какъ стада бѣлорунныхъ агнцевъ, разсыпанныхъ на злчныхъ пастбищахъ, сіяютъ въ недостижимой высотѣ; то при измѣняющемся вѣтрѣ золотыя, лиловыя плывутъ они мимо другихъ, какъ стаи кораблей, обдаваясь свѣтомъ или мракомъ; то разорванныя бурей, мчатся, будто отряды бѣгущаго воинства въ полумракѣ ненастнаго вечера; то огромными массами неподвижно стоятъ лѣсистыми горами или зубчатыми твердынями... Яко узрю небеса, дѣла персть Твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси: что есть человѣкъ, яко помниши его“ (псал. 8)?

Половодье на рѣкѣ Вичкинзѣ становится для о. Владимірскаго темой особаго поученія на текстъ: *Вси потоцы идуць въ море, и море нѣсть насыщаемо* (Экл. 1, 7).

„День и ночь течетъ воздухъ, колеблетъ волны, гонитъ облака и тучи, шумитъ въ лѣсу, волнуетъ нивы: нѣтъ ему пристанища и остановки. Не весной только бѣгутъ съ горъ потоки, и журчатъ ручьи: день и ночь, и лѣтомъ и зимой, подъ знойнымъ солнцемъ и подъ холоднымъ льдомъ бѣгутъ и бѣгутъ неустанныя волны: *идуць въ море*. День и ночь волнуется и шумитъ широкое море: нѣтъ у него ни усталости, ни покоя, ни прибыли, ни убыли: *нѣсть насыщаемо*.

Течетъ, какъ волны, несется, какъ облака, мятется и колышется, какъ ржаное поле подъ вѣтромъ, жизнь человѣческая, шумитъ и плещетъ житейское море.

У всѣхъ свои работы, у cadaго свои дѣла. Всѣ мы

куда-то торопимся и спѣшимъ, какъ будто чувствуемъ, что намъ уже недолго жить; стараемся додѣлать, пока можно, доработать засвѣтло. *Егда придетъ ночь, никто же можетъ дѣлати.* Между тѣмъ, замѣчаетъ Премудрый: *обратихся и видѣхъ подѣ солнцемъ, яко ни легкимъ теченіе, ниже сильнымъ брань, ниже самому мудрому хлѣбъ, ниже разумнымъ богатство, ниже вѣдущимъ благодать: яко время и случай вѣтъ симъ... Все мятеться чловѣкъ!* (Экл. 9. 11).

Что же за причина, которая мятеть и волнуетъ людскія поколѣнія? Какія побужденія заставляютъ людей такъ безпокоиться, утомляться, печалиться; не даютъ всѣмъ ни отдыха, ни покоя?—Причины и побужденія разныя,—ихъ много. О нихъ-то я намѣренъ предложить вашему вниманію нѣсколько размышленій.

Самая, думать надобно, важная и первая причина суеты нашей, хлопотъ и заботъ, трудовъ и усилій—это хлѣбъ насущный,—это необходимость жить, кормиться. Хлѣбъ насущный!

Изъ-за него земледѣлецъ пашетъ землю подѣ горячимъ лѣтнимъ солнцемъ, подѣ дождемъ и вѣтромъ; ѣздитъ въ дорогу и подѣ дождями осени, и въ зимнія вьюги, и весеннее водополье. Хлѣбъ насущный! Изъ-за него рудокопъ спускается въ мрачныя нѣдра земли, въ бездну, гдѣ царствуетъ непроглядная тьма, какъ въ тартарѣ, вѣчное молчаніе, какъ въ могилѣ, гдѣ никогда не свѣтило ясное солнце, не щебетали птицы, не журчали ручьи, не зеленѣла травка. О, тяжкій хлѣбъ насущный! Жесткій хлѣбъ насущный.

Хлѣбъ насущный! Изъ-за него морякъ, матросъ, рыбовловъ пускаются въ страшное, бурное, шумящее море. Тамъ, во тьмѣ ночи, въ глубокомъ туманѣ грозятъ береговныя скалы, подводныя камни, стращаютъ неизвѣстныя мели, пугаютъ темныя пучины, неумолимые водовороты. Тамъ бушуетъ черная буря, бѣгутъ бѣлоголовыя волны; тамъ блестятъ и грохочетъ гроза; ломаетъ въ щепы мачты, рветъ паруса, какъ тряпки, канаты, какъ нитки... Тамъ вѣчный шумъ,

постоянное волненіе, нескончаемое странствіе, смѣна дней и ночей, затишья и бури, долгіе и тяжелые труды, короткіе отдыхи, настоящее изображеніе нашей жизни многозаботной, многоволнуемой, многомятежной“ и т. д.

Обиды, творимыя человѣкомъ природѣ, исторгають изъ груди проповѣдника слѣдующія слова:

„Когда весной на большой дорогѣ вы видите развѣсистую березу, которую праздный негодяй надрубилъ, чтобы отвѣдать соку, и покинулъ,—скажите, какое тягостное чувство возбуждаетъ видъ этой раны, эти слезы, эти красноватые потоки, обагряющіе бѣлую одежду? Дереву больно! Оно страдаетъ!“ („Соки растеній“).

„Иной добрый человѣкъ во всю жизнь свою не посадилъ въ своемъ огородѣ рябинки, чтобы дѣтямъ играть въ жаркій полдень въ тѣни деревьевъ, а въ Троицу поусердствуетъ, обсадить свою хату цѣлой дюжиной деревцовъ, да какихъ деревцовъ! Молоденькія, прекрасныя, стройныя, какъ восковая свѣчка, зеленыя, какъ шелковая лента, березки, березки заглядѣнье! И какія бы вышли изъ нихъ деревья! У насъ прекрасные лѣса, и мы ихъ не бережемъ, и не думаемъ, и не чувствуемъ, какой это прекрасный даръ Божій. Именно прекрасный, прекраснѣйшій даръ Божій—лѣсъ, зеленый лѣсъ, кудрявый лѣсъ! благоуханный лѣсъ! глазамъ заглядѣнье его зелень, ушамъ утѣшенье птичье пѣнье, сердцу отрада его тѣнь, его шумъ, его прохлада. Мы и не знаемъ, и не чувствуемъ, какая тоска одолеваетъ человѣка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ зелени лѣсовъ, какъ напр. въ Африканскихъ песчаныхъ раскаленныхъ пустыняхъ или въ нашихъ степяхъ, по ту сторону Каспійскаго моря, въ Хивинскихъ песчаникахъ. Мы тамъ не бывали, но войны наши бывали, и надо бы спросить ихъ, что лучше—наши ли снѣговья пустыни Лапландіи, Сибири, или эта песчаная степь безъ краю, безъ конца, гдѣ нѣтъ ни кустика, ни травки, ни прутика деревца, ни болотца, ни лужицы съ водой“ (Поченіе о Троицкихъ березкахъ).

Съ такимъ-же живымъ чувствомъ состраданія пропо-

вѣдникъ встаетъ въ защиту домашнихъ животныхъ: „между насъ, православныхъ христіанъ, есть не мало такихъ людей, у которыхъ сердце не человѣческое, а звѣриное. Бьеть онъ свою скотину ни за что, ни про что; бьеть, по чемъ попало,—по головѣ, по хребту; бьеть плетью, бьеть хворостиной, бьеть коломъ,—бьеть, чѣмъ попало!... Господи! Если бы скотина умѣла говорить, какъ Валаамова ослица, она сказала бы этому басурману: что ты бьешь меня? Развѣ ты не видишь меня, что я старая кляча? Развѣ ты не знаешь, что ты умѣешь меня только бить, а не умѣешь кормить? Развѣ ты не знаешь, что я кормлю дѣтенка-сосунка, да и работаю изъ послѣднихъ моихъ силъ, до упаду? Корми меня, а если не буду работать—ну, тогда взыскивай! Да и тогда помни вотъ что: ударишь меня по головѣ—я умру: тебѣ же убытокъ; ударишь по хребту—я выкину: тебѣ же убытокъ. Помни, что Св. Писаніе глаголетъ: *блаженъ, иже и скоты милуетъ*; блаженъ, кто и скотину жалѣетъ.

Корова не доить,—а кормилъ ли ты ее? Лошадь не пахать, не везетъ возъ,—а сколько дней она постится? Я самъ сытъ и пьянъ, а забываю, что моя помощница, мои крылья—лошадь стоитъ не кормлена, не поена, въ раскрытомъ хлѣвѣ, по колѣна въ грязи. Я самъ сытъ,—а кормилица моихъ дѣтей—корова стоитъ не пивши, не ѣвши. Свой теленокъ и мои ребятишки были бы съ молочкомъ, если бы я объ ней заботился,—поилъ, кормилъ ее, какъ слѣдуетъ. Послѣ этого подумай, какой же это христіанинъ, который мучить невинную скотину за то, что она не сможетъ сдѣлать того, что ея немощь не позволяетъ.

Какъ образецъ простого, отеческаго слова, замѣчательны 3 слова о. Владимірскаго о крестьянкѣ—„матери“, этой „уткѣ, которая выщипываетъ пухъ изъ груди, чтобы было мягче въ гнѣздѣ ея утятамъ“. Какой силой изобразительности обладало перо о. Владимірскаго, можно видѣть по слѣдующимъ выдержкамъ изъ статьи: „Картина изъ притчи о богатомъ и Лазарѣ“, которыя мы приводимъ тѣмъ охот-

нѣе, что на этомъ произведеніи его лежитъ отпечатокъ чисто народныхъ вѣрованій и представленій.

Имѣя въ виду лубочныя изображенія Страшнаго Суда и притчи о богачѣ и Лазарѣ, о. Владимірекій сравниваетъ одно съ другимъ.

„Предметъ иконы Суда очень обширенъ и огроменъ; его не охватишь нѣсколькими внимательными взглядами... Подобно Дантовой поэмѣ, она объемлетъ и небо, и землю, и преисподнюю; куда ни обернись, вездѣ символы, эмблемы, группы видѣній, знаменія и судьбы. Это таинственное созерцаніе о грядущемъ.

Скажите намъ, куда пойдутъ эти люди, что вотъ стоятъ влѣво,—тѣ несчастныя племена, что не вѣровали во Христа, потому что не знали о Немъ; тѣ люди, которые желали вѣровать истинному Богу, но молились истуканамъ? Неужели погибнуть эти цари и герои, павшіе въ бояхъ за родную отчизну, эти мудрые законодатели—народолюбцы? Гдѣ будутъ доблестный Гекторъ, защитникъ Іліона, благочестивый Нума, добродѣтельная и злополучная Антигона? „Не знаемъ?“ А мы знаемъ, куда идутъ эти люди толпою въ гору; за этими высокими стѣнами, за этими золотыми воротами, шумитъ сѣннолиственный садъ, текутъ съ сладкогласнымъ журчаніемъ рѣки Геонъ, Фисонъ, Тигръ и Евфратъ... О раю, раю, мене ради созданный!

Здѣсь внизу въ тѣсныхъ пещерахъ преисподней сверкаетъ яркое пламя: въ раскаленныхъ камерахъ-горнахъ мучатся—мечутся погибшіе люди. О! далеко небо! Не услышитъ оно ихъ вопли и стоны, и будетъ ихъ участь плачь неутѣшный и скрежетъ зубовъ—на вѣки, на вѣки!

Надъ ними шумитъ море, какъ передъ ураганомъ; безъ вѣтра ходятъ высокія волны, какъ передъ началомъ землетрясенія; возмущенныя шумомъ чудовища бездны всплываютъ и выбрасываютъ трупы. На небѣ гроза; мстительныя молніи летятъ отъ горняго трона, безконечными перекатами грома во всѣхъ сторонахъ гремятъ трубы ангеловъ: вставайте, мертвые! Идите на судъ! О! *Dies irae, dies illa!*

Кругомъ суматоха, какъ послѣ битвы: летятъ внизъ престолы, летятъ вверхъ крылатые старцы. Облака, дымъ, пламя... Харгин, вѣсы, книги, бичи, короны.

Въ-этомъ туманномъ, расплывающемся хорѣ видѣній нѣтъ опорныхъ точекъ, или, иначе сказать, ихъ очень много. Каждый возрастъ и полъ, всякое общественное положеніе, подъ своимъ угломъ зрѣнія, всякій человѣкъ, подъ своимъ личнымъ настроеніемъ, будетъ искать „своего“ и найдетъ созвучную себѣ ноту въ этомъ океанѣ гармоніи“.

„Предметъ притчи о Лазарѣ сжатѣе,—отъ того ярче, выпуклѣе. Здѣсь не уносится зритель къ первымъ днямъ творенія, чтобы вспомнить и сравнить съ теперешними идеальное состояніе человѣчества и его блаженное назначеніе. Здѣсь не видѣнъ престоль вѣчнаго Судіи; нѣтъ ни Адама, ни Евы, злополучныхъ виновниковъ вселенской катастрофы; не ходатайствуютъ за міръ грѣшный ни Креститель, ни Пресвятая. Здѣсь простая и вѣчная исторія богача и бѣдняка: кому пиры да веселья, кому кузовъ да милостинка,—но—каковъ конецъ! *Finis coronat opus*. И обстановка притчи—картины несложна, лицъ немного: богачъ и нищій; послѣ псовъ—Авраамово лоно; послѣ пировъ—раскаленная геенна.“

Середина картины изображаетъ богатый пиръ. Въ сводѣ залы, украшенной колоннами и завѣсами, ярко блистаетъ люстра. Толпа веселыхъ гостей окружаетъ пышную трапезу. Оркестръ гремитъ, официанты бѣгутъ съ кушаньями и винами, и веселый пиръ блещетъ въ полномъ разгарѣ. Въ срединѣ окруженный красавицами, нескромно одѣтыми, наряженный хозяинъ при звукѣ музыки поднимаетъ за здравный фіаль... Вы, кажется, даже слышите самую рѣчь благодушно настроеннаго и хлѣбосольнаго хозяина:

„Маль есть и печалень животъ нашъ, и нѣсть исцѣленія въ кончинѣ человѣчества, и нѣсть познанъ возвратившійся отъ ада. Яко самослучайно рождени есмы, и по-семь будемъ, якоже не бывше. Понеже дымъ—дыханіе въ

воздрѣхъ нашихъ, и слово—искра въ движеніи сердца нашего. Ей-же угасшей пепель будетъ тѣло, и духъ нашъ разліется, яко мягкій воздухъ. И имя наше забвено будетъ во время, и никтоже вспомянетъ дѣлъ нашихъ. И преидеть животь нашъ, яко слѣдъ облака, и яко мгла разрушится, разгнанная отъ лучъ солнечныхъ, теплотою его отягчившихся. Приидите убо и насладимся настоящихъ благихъ — вина дражайшаго и мира благовонна исполнимся, и да не преидеть насъ цвѣтъ житія. Увѣнчаемъ насъ шипковыми цвѣты, прежде неже увянутъ. Ни едивъ отъ насъ лишень да будетъ нашего наслажденія; вездѣ оставимъ знаменіе веселія, яко сія часть наша и жребій сей“ (Прем. Сол. 2, 1—9). Дружныя рукоплесканія возбужденныхъ гостей привѣтствуютъ окончаніе рѣчи. „И сѣдоша ясти и пити, и восташа играти“ (Исх. 32, 6), „вземше псалтирь и гусли веселятся гласомъ пѣснѣи“ (Іов. 21, 12), яко сія есть часть наша и жребій сей. ...Чѣмъ темнѣе становится ночь, тѣмъ ярче блещутъ свѣтильники и взоры... Зала сквозная; сквозь колоннаду задняго плана виднѣется садъ. Пойдемъ туда освѣжиться дыханіемъ ночи отъ духоты пиршественной залы. Тамъ кроткое сіяніе луны, благоуханіе розъ, журчаніе фонтановъ...

Но если вы полагаете, что ходить въ домъ плача лучше, чѣмъ ходить въ домъ пира, то выйдемъ изъ дома не тѣмъ крыльцомъ, которое выходитъ въ садъ, а тѣмъ, которое ведетъ на улицу. Тутъ на грязныхъ каменьяхъ мостовой, среди кучи уличныхъ собакъ, валяется нищій. Какъ темно на улицѣ противъ залы, освѣщенной множествомъ свѣтильниковъ! Какъ холодно и сыро въ полуночномъ воздухѣ! Сырость стелется по улицамъ сѣдымъ туманомъ. Воютъ голодные псы, стонетъ одинокій бѣдный Лазарь, а оркестръ гремитъ.

„О, бѣдность, бѣдность, мать печали!“ восклицаетъ поэтъ (Барбье): „я желалъ бы, чтобы предъ твоимъ ужаснымъ видомъ человѣкъ, наименѣе чувствительный, са-

мый беззаботный, могъ почувствовать и понять, какую цѣною куплена пышность городовъ“!

Предъ лицомъ Бога, въ рукахъ бѣды, равны царь и нищій: но судьбы царей насъ болѣе интересуютъ, чѣмъ несчастья темнаго люда. Величавая и грустная личность царя—нищаго, царя изгнанника Эдипа, самовольнаго мученика, исторгають слезы у зрителей, равно какъ чистая и невинная скорбь его великодушной спутницы... Но у него есть опора на землѣ, есть дочь, есть сердце, страдающее съ нимъ. Велизарій, слѣпецъ, несущій больного проводника своего ошущью среди пропастей и стремнинъ, разительный примѣръ непостоянства счастія. Но онъ — мужъ, но онъ воинъ, онъ царедворецъ. Онъ зналъ исторію, онъ видѣлъ ужасы боя, онъ впередъ зналъ капризы придворной фортуны. Предъ нимъ разрушались царства, падали короны. Лиръ, полусумасшедшій старикъ, который столько лѣтъ бывъ королемъ, не умѣетъ отличить ложь и лесть отъ искренней рѣчи любящаго сердца—этотъ самъ заслужилъ свое наказаніе.

Лазарь—просто олицетвореніе нищеты: безпріютность, голодъ и болѣзнь! Чего еще больше? Краткій и разительный образъ этотъ не бросается намъ въ глаза такъ сильно, какъ вышеупомянутые. Онъ сухъ, этотъ живой скелетъ, изсохшій отъ голода и болѣзни. Онъ нѣмъ, потому что не описываетъ краснорѣчивыми стихами своей скорби, а только стонетъ. Онъ несимпатиченъ—онъ весь въ стружьяхъ, въ гноѣ, среди нечистыхъ животныхъ. Никакихъ прикрасъ романическихъ и драматическихъ, никакихъ оттѣнковъ! Это не Эдипъ, не Велизарій, не Лиръ—это просто хворый нищій“.

По поводу смерти Лазаря авторъ дѣлаетъ слѣдующее патетическое, въ стилѣ не то дѣтскихъ грезъ, не то народныхъ сказаній и стиховъ, отступленіе: „Лѣсная птица, слышавъ смерть свою, прячется въ глухую чашу лѣсной труппы и, свернувъ подъ крыло свою голову, падаетъ съ дерева, на которомъ въ послѣдній разъ видѣла

солнце, падаетъ на сырой мохъ, на желтыя листья и засыпаетъ вѣчнымъ сномъ. Одною птичкой меньше! Что-же? Ничего не перемѣнилось кругомъ: также трепещутъ и шумятъ зеленыя листья, солнце сверкаетъ по нимъ, тамъ и здѣсь, золотыми брызгами, и тысячи голосовъ поютъ и щебечутъ, и не замѣчаютъ, что одной пѣвицей меньше. Подобна судьба человѣка. Выроютъ могилу, поплачутъ, помянутъ, и потомъ каждый отправится къ своимъ дѣламъ и заботамъ. Останешься одинъ въ темной, холодной, тихой могилѣ. Придетъ красное лѣто, встанетъ ясное солнце, погонится, по крупной росѣ, въ поле сельское стадо съ веселымъ шумомъ,—всѣ идутъ, говорятъ, веселятся, только меня нѣтъ! Загудитъ воскресный благовѣстъ, повалитъ нарядный народъ въ Божій храмъ, а у меня тихо, не слышно ли звону, ни пѣнія... Не видать мнѣ ни луговъ, ни полей, какъ тамъ ходятъ волны отъ вѣтра. Не свѣтитъ въ холодныхъ потемкахъ ясное солнце; серебряный мѣсяць не играетъ по пруду золотистымъ столбомъ. Прощай, вольный свѣтъ! Попрежнему идутъ дни и ночи, недѣли и годы, другіе люди живутъ и радуются, а я все дальше, дальше отъ людей“.

Состояніе духа умирающаго Лазаря изображается авторомъ такъ: „Свѣтильникъ жизни догораетъ въ развалинахъ тѣла. Но въ разлагающемся организмѣ тихимъ сіяніемъ загорается заря новой жизни, неземной, загробной. Бѣдный страдалецъ чувствуетъ, что дни его сочтены. Все земное становится понемногу ему чуждымъ, удаляющимся. Засыпаютъ любовь и злоба“.

„Ну, Богъ съ вами, люди братья!

.

Отпируете вы счастье,

Отстрадаю горе я;

И въ странѣ, гдѣ нѣтъ пристрастья,

Съ вами рядомъ стану я“!

Крупныя произведенія о. Владимірскаго по археологін, церковной живописи и иконописи, а также по естество-

знанію, какъ: „Мірѣ насѣкомыхъ, Соки растений, Шелкъ“ и др., носятъ на себѣ слѣды серьезной подготовки.

Пзъ книгъ, на которыя онъ ссылаясь, были у него подъ руками: Шуберта „Зоологическій и ботаническій атласы“ (подарокъ какого-то ученаго іеромонаха, чуть-ли не товарища), Мюллера „Жизнь растений“, Шлейдена „Растеніе и его жизнь“, Тимирязева „Жизнь растений“, Зуева „Географія“, Гартвига „Единство мірозданія“, Луи Фигье „Жизнь насѣкомыхъ“, Кэрби и Спенса „Общая естественная исторія насѣкомыхъ“, Роменса „Умъ животныхъ“, Пера „Ислѣдованіе спиритическихъ явленій, Мори „Сонъ и сновидѣнія“, Флуранса „Объ инстинктъ и умъ животныхъ“, Катрфаджа „Превращеніе въ мірѣ животныхъ“, Гано „Физика“, Сѣченова „Физиологическіе очерки“, Брэма „Жизнь животныхъ“, Лефервъ „Архитектурныя постройки“, Тиссандье „Эйфелева башня“, нѣсколько книгъ по медицинѣ, по ветеринаріи, садоводству, довольно значительный богословскій отдѣлъ. Кромѣ того у о. Владимірскаго было много разнообразнѣйшихъ выписокъ изъ прочитаннаго. Большинство ихъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ книгами погубили въ большомъ Череватовскомъ пожарѣ. По вопросамъ архитектуры и живописи о. Владимірскій дѣлаетъ ссылки на Пуссена, Мартини, Клода Лоррена, Сраса Верне, Куртуа, Жерома, Поля Поттера, Снейдерса, Каульбаха, Корнеліуса, Лесюера. Ари Шеферъ, Флинка, Лессера, Лосенко. Въ богословскихъ вопросахъ онъ пользуется выписками изъ Лактанція, Пруденція, Златоуста, Василия В., Августина, Іеронима, Кипріяна, Діонисія ареопагита, Тертуллиана, Климента Александрійскаго. По другимъ научнымъ отраслямъ, кромѣ вышеуказанныхъ, имѣются ссылки на Шатобріана, Сальваторъ-Роза, Пужула, Штейба, Кедрина, Гр. Толстого, Мишлэ, доктора Кэна, Букеторфа, Одюбона, Бюффона, Гумбольдта, Гмелина, Дюмонъ д'Юрвиль, Спенсера, Гартига, Вильяма Крукса, Пыпина, Иннокентія, Филарета, изъ древнихъ: Гезіода, Петронія, Іосифа Флавія.

О. Владимірскій зналъ, насколько хорошо, не могу сказать, французскій, нѣмецкій языки, и особенно хорошо латинскій и греческій. Онъ любилъ сравнивать языки, и тогда проскальзывало у него даже знакомство, напр., съ татарскимъ языкомъ. Какъ въ произведеніяхъ, такъ и въ разговорахъ, при подходящемъ собесѣдникѣ, онъ любилъ употреблять латинскія пословицы въ качествѣ краткихъ и сильныхъ иллюстрацій своей мысли. Едва-ли сохранилась, но у него была тетрадка, гдѣ онъ записывалъ латинскія пословицы по алфавиту и по мѣрѣ припоминанія дополнялъ ее. Греческій языкъ служилъ ему въ проповѣдяхъ, бесѣдахъ и литературныхъ трудахъ исходной точкой для объясненія церковно богословской терминологіи, какъ атеизмъ, евхаристія, артось, политеизмъ, или же для чисто-научныхъ филологическихъ разсужденій, какъ напримѣръ: какая разница между *πόντος*, *πέλαγος*, *θάλασσα* (море)? Объ этомъ онъ черезъ дѣтей иногда запрашивалъ учителей семинаріи.

Изъ духовныхъ журналовъ о. Владимірскій любилъ читать „Воскресный Досугъ“, еженедѣльникъ съ 67 по 72 г., гдѣ изрѣдка сотрудничалъ. Эпизодически попадались въ бібліотеку череватовскаго священника „Недѣля“ 70-хъ годовъ, „Иллюстрированный міръ“ за 85, 86 и 87 гг., въ которыхъ о. Владимірскій также участвовалъ. Курсистки—дочери и студенты—сыновья познакомили о. В. и съ своей бібліотекой: „Русскимъ Богатствомъ“, „Русской Мыслью“ и др. журналами и книгами.

Своими знаніями о. Владимірскій охотно дѣлился съ прихожанами, школьниками, священниками своего округа. Прихожанамъ онъ очень часто растолковывалъ пользу разведенія лѣса: ивы (по книгѣ Керна), вишни по скату плотины и т. п. Поняли его заботы изъ череватовцевъ человекъ пять-шесть, развели сады, разсадили ветлы. Если вы, проѣзжая теперь Череватовымъ, спросите, почему около этого дома густой, зеленый садикъ, пчельникъ, вамъ отвѣтятъ, что хозяинъ этого дома былъ близкимъ че-

ловѣкомъ о. Владимірскаго. Одна улица вдоль рѣчки—Красуха, окнами на югъ, любимая о. Владимірскимъ улица, по его совѣту развела по скату огорода, и теперь все село снабжаетъ огурцами. Для той мѣстности, гдѣ не знаютъ „своихъ“ огурцовъ, гдѣ нерѣдко лукъ сажаютъ въ старыхъ колодахъ на повѣти, Красуха является яркимъ исключеніемъ.

Пригодились о. Владимірскому и познанія по медицинѣ, полученныя имъ въ семинаріи и послѣ дополненныя. Ему и самому приходилось лѣчить прихожанъ, но въ послѣдствіи эта специальность перешла къ супругѣ Анфисѣ Ивановнѣ, которая пользовалась указаніями мужа. Лѣченіе матушки среди череватовцевъ очень популярно, и Анфиса Ивановна пользуется такимъ авторитетомъ, что порой и сама не рада, когда череватовскія бабы настойчиво требуютъ помощи, а болѣзнь выходитъ изъ предѣловъ воздѣйствія горчичника, березовой примочки, касторки и хины.

„Пропастъ“ дѣла по приходу, какъ выражается о. Владимірскій, другая „пропастъ“—по благочинію... семья, хозяйство—все это, разумѣется, мало споспѣшествовало литературно-научнымъ занятіямъ о. Владимірскаго, и не разъ, думается, приходилось ему съ болью въ сердцѣ повторять: „трудно, трудно, почти невозможно, быть ученымъ въ деревнѣ“! Череватово крѣпко держало въ своихъ рукахъ человѣка, надъ скромнымъ домикомъ котораго въ темнотѣ ночи чудились для всякаго, знающаго его, огненные, фантастическія картины: то Златоустъ, проповѣдующій рукоплещущему народу, то Соломонъ царь, разочарованный въ красотахъ міра, то „Орфей, игрокъ на лирѣ укрощающій звѣрей“, то Бреннъ, вождь Галловъ, и Наполеонъ, то Аѳина, мстящая Арахнѣ за искусство плетенія кружевъ и превращающая ее въ паука, то сады Семирамиды, то полныя грусти и своеобразныхъ чаръ, преображенныя творческой фантазіей череватовскіе обалы, Максарки и Вичкинзы.

Изъ нижегородской архивной комиссіи сохранилось одно письмо о. Владимірскаго къ А. С. Гадисскому, проливающее свѣтъ на житье-бытье череватовскаго ученаго (отъ 19 Февраля 1890 года). „Ваше почтеннѣйшее письмо получилъ поздно вечеромъ на Воскресенье 17-го февраля, и, утомленный службой (причастники), съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ его, благодаря его неофициальному, интимному характеру. И Вы устаете, и Вы старѣетесь! Но я имѣю отношенія не только съ цифрами, а и съ людьми разнаго сорта! Я половину 1-й недѣли провелъ далеко отъ дома на слѣдствіи, довольно щекотливаго характера, „не яднй, ни пйяй“... и доселѣ пропасть официальныхъ работъ стоитъ. Въ Воскресенье пропасть работъ: обязательная проповѣдь о миссіонерскомъ дѣлѣ, молебны, крещеніе, погребеніе. 19-го Февраля всенощная, обѣдня, панихида за Царя-Освободителя и долгій крестный ходъ, затѣмъ крестины. Наконецъ я свободенъ, я дома и хозяинъ своего времени! Не можете представить, что народъ не помнитъ своего Царя-Освободителя! Село, положимъ, искони удѣльное, но деревня знала всѣ прелести крѣпостнаго права. Благодарю Васъ за память разныхъ статей, которыя я и самъ забылъ. О „камняхъ“, если Вы откладываете на долгій срокъ, статейку постараюсь доставить. Приѣдетъ изъ Петербурга дочь моя (Елизавета Вл.): она по этой части что-нибудь смыслить (она прислала мнѣ Лайаля и Мушкетова); я по крайней мѣрѣ очень грубыхъ промаховъ не сдѣлаю. Да, откровенно говоря,—стоитъ-ли писать? Но когда братія моя молчатъ, то приходится что-нибудь говорить. Напримѣръ: объ эротическихъ камняхъ (любопытно, что въ словарь Толля этого слова нѣтъ, и потому я употребилъ выраженіе валуны). Въ той мѣстности, гдѣ я росъ, когда меня интересовали подобныя вещи, тамъ ничего подобнаго нѣтъ. Мои братія на мои разспросы по этимъ вопросамъ отклоняются благоразумнымъ молчаніемъ, кучера откровеннѣе. Между селами: Гари и Кудлеи есть камень (по рѣчамъ

кучера—упавшій съ неба), но это сѣрозеленоватый песчаникъ (который я видѣлъ издали), имѣющій очертанія и размѣры спящаго медвѣдя (Aio). Прошу извиненія, что я отвлекаю Ваше вниманіе отъ настоящихъ занятій подобными мелочами, пудовъ въ триста или пятьсотъ вѣсомъ.

Въ заключеніе торопливаго и нескладнаго письма я осмѣливаюсь попросить Васъ прислать мнѣ Вашу фотографическую карточку“. Такъ сложилась жизнь о. Владимірскаго. Цѣлыми годами онъ переписывается съ замѣчательнымъ человѣкомъ Поволябья и не можетъ съ нимъ свидѣться. А какъ-бы благотворно могло повліять на череватовскаго труженика это свиданіе съ другимъ, извѣстнымъ труженикомъ! Извѣстно, что преосв. Виссаріонъ, редакторъ „Душеп. Чт.“, предлагалъ о. Владимірскому свое вліятельное содѣйствіе къ переводу его въ одинъ изъ приходовъ Москвы. О. Владимірскій, отвѣтивъ шуткой, отказался отъ роскоши жить въ центрѣ умственной жизни и не измѣнилъ своему Череватову, гдѣ до самой своей смерти, постоянно въ мечтахъ и планахъ, прожилъ въ тѣсномъ общеніи съ молчаливыми собратіями и разговорчивыми кучерами.

Священникъ Венедиктъ Гагинскій.

Изъ воспоминаній Ел. Ив. Мотовиловой о мужѣ ея Николаѣ Александровичѣ.

По выходѣ моемъ замужъ за Николая Александровича, говорила Елена Ивановна, „несмотря на мои молодыя лѣта, мнѣ пришлось въ очень скоромъ времени взяться за управленіе хозяйствомъ и имѣніями. Хотя Николай Александровичъ и самъ не переставалъ заниматься всѣмъ этимъ, но, замѣтивъ мою способность къ веденію дѣлъ имѣнія,—поспѣшилъ передать мнѣ всѣ эти заботы, чтобы самому болѣе свободно заняться тѣмъ, къ чему его влекло постоянно: Николай Александровичъ, будучи свѣтскимъ и семейнымъ человѣкомъ, проводилъ *духовную жизнь*.

Долго я не понимала этого направленія моего мужа, и на этой почвѣ у насъ, случалось, возникали недоразумѣнія.

Николай Александровичъ, гдѣ бы ни былъ и чѣмъ бы ни занимался, имѣлъ мысль „погруженную въ Бога“; онъ весь горѣлъ любовью къ Богу, къ Божіей Матери и къ Святымъ угодникамъ Его.

Онъ часто уѣзжалъ по святымъ мѣстамъ и имѣлъ большое знакомство съ подвижниками того времени, которыхъ было немало.

Случалось, что и я сопутствовала ему въ этихъ посѣщеніяхъ св. мѣсть.

Мы бывали въ Воронежѣ у Архіепископа Антонія (этого, по выражен. пр. Серафима—великаго архіерея Божія); онъ имѣлъ великій даръ прозорливости и большую духовную любовь къ моему мужу. Однажды по пріѣздѣ въ

Воронежъ по нѣкоторымъ причинамъ я рѣшила отложить причащеніе Св. Тайнъ, тѣмъ болѣе, что мы должны были скоро уѣхать, но Николай Александровичъ просилъ меня итти съ нимъ къ преосвященному спросить его объ этомъ. Не успѣли мы взойти къ нему, какъ онъ, благословивъ насъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ на мою мысль: „во время путешествія, матушка, никакъ и не по какимъ причинамъ не оставляйте приступать къ Св. Тайнамъ; я нахожу въ случившемся съ Вами дѣйствіе врага нашего спасенія“...

Часто мы бывали въ Задонскѣ, гдѣ архимандритомъ былъ духовный другъ моего мужа, о. Зосима. Первый разъ увидела я его, по пріѣздѣ въ Задонскъ, въ церкви. Вижу, входитъ довольно молодой монахъ и кладетъ множество земныхъ поклоновъ предъ св. иконами, и я подумала: „вотъ какой еще молодой довольно, а уже какіе имѣетъ подвиги“.

По окончаніи службы Николай Александровичъ пошелъ со мной на чай къ о. Архимандриту, и я очень удивилась, узнавъ въ немъ монаха, котораго я видѣла въ церкви. За чаемъ, обращаясь ко мнѣ, о. Зосима вдругъ говоритъ: „Вотъ, матушка, иные думаютъ, что я еще молодой, да ужъ и большой подвижникъ, только это все невѣрно, и мнѣ скоро 50 лѣтъ“.

Бывали мы у извѣстнаго подвижника Пароенія кievскаго; знали Игнатія Брянчанинова, Теофана, еписк. Тамбовскаго, впослѣдствіи затворника Вышинскаго и много, много кого зналъ и у кого бывалъ Никол. Александровичъ.

Но большинство этихъ поѣздокъ Н. Ал. совершалъ одинъ: хозяйство и семья задерживали меня дома. Случалось, что Ник. Ал. задерживался очень долго, и я начинала беспокоиться его отсутствіемъ. Разъ, помню, цѣлый мѣсяць я не имѣла о немъ извѣстія изъ Воронежа. Въ великой печали поѣхала я въ одинъ монастырь, гдѣ была затворница, именемъ Маргарита, чтобы имѣть отъ нея духовную

поддержку и утѣшеніе. Вхожу къ ней въ келлію и вдругъ изъ-за перегородки, гдѣ она постоянно и пребывала, слышу она кричитъ мнѣ: „не скорби, не скорби!—сегодня мужъ твой дома будетъ!“—Дѣйствительно вечеромъ Никол. Ал. возвратился домой.

Великіе рабы Божіи и великіе архіереи были въ то время!

Въ Симбирскѣ былъ епископъ Е.; часто случались въ городѣ пожары, и жители очень волновались, боясь большого пожара, такъ какъ постройки были деревянныя. Епископъ Е. говорилъ: „не безпокойтесь: большого пожара, пока я живъ, не будетъ, а вотъ умру—великій будетъ пожаръ“.

Когда онъ скончался, стали по обычаю ударять въ колоколъ, а съ другой стороны города начали бить въ набатъ: произошелъ пожаръ, который опустошилъ сильно городъ.

Но вотъ, гдѣ, гдѣ я ни была, а лучше Сарова не видала! Благословенный, богоспасаемый Саровъ! Подвижники его, по величію своихъ подвиговъ, уподобились древнимъ отцамъ пустыннымъ!

И Никол. Алекс., куда бы ни ѣхалъ, гдѣ бы ни былъ, а все его постоянно влекло въ Саровъ и въ Дивѣевъ.

Зимой безъ шапки, бывая въ Дивѣевѣ, онъ по заповѣди о. Серафима ежедневно ходилъ вокругъ канавки и громко пѣлъ: „о, Всепѣтая Мати“... По заповѣди же о. Серафима онъ любилъ ставить множество свѣчей въ храмахъ къ свят. иконамъ и не жалѣлъ на это никакихъ расходовъ.

Въ домѣ у насъ часто служили всенощныя, и Николай Александровичъ самъ читалъ шестопсалміе,—при этомъ изъ глазъ его текли потоки слезъ, и весь онъ умомъ былъ „горѣ“.

Случилось однажды зятю нашему князю N быть при этомъ и по окончаніи службы онъ сталъ высказывать свое удивленіе по поводу этого. На другой день онъ съ Николаемъ Александровичемъ поѣхалъ осматривать имѣніе.

Николай Александровичъ ѣхалъ съ кучеромъ въ одномъ экипажѣ, запряженномъ тройкой, а зять нашъ поѣхалъ въ другомъ и ѣхалъ сзади. Дорога шла высокимъ обрывомъ около рѣки. Вдругъ лошади Николая Александровича чего-то испугались, бросились и прямо съ обрыва съ экипажемъ полетѣли въ воду; въ одну минуту Николай Александровичъ сбросилъ шляпу и, обращая взоръ свой къ небу, громко началъ псал. 90-й „Живыи въ помощи Вышняго.“

Долетѣвъ съ обрыва до края рѣки, лошади погрузились въ воду и какъ будто удержанныя какой силой остановились и остались въ стоячемъ положеніи, и ни Николай Александровичъ, ни кучеръ не получили никакихъ поврежденій.

По возвращеніи зять нашъ говорилъ, что „дѣйствительно велика сила молитвы, и велика вѣра у Николая Александровича, и что произошло явное чудо, такъ какъ спасенія не могло быть по причинѣ крутизны берега“.

Да, Николай Александровичъ въ вѣрѣ былъ твердъ и крѣпокъ, какъ камень; его можно назвать исповѣдникомъ вѣры.

Вращаясь всегда въ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ кругахъ, Николай Александровичъ часто обличалъ начавшееся уже тогда настроеніе въ желаніи различныхъ реформъ въ нашей Православной Церкви.

Въ этихъ случаяхъ и письменно, и устно онъ защищалъ цѣлость, святость и ненарушимость этихъ правилъ. Однажды въ многолюдномъ собраніи былъ разговоръ по этому поводу, и Николай Александровичъ высказывалъ рѣзкую правду; я незамѣтно стала дергать его, желая остановить излишнюю горячность его рѣчи. „Что ты меня дергаешь“, воскликнулъ онъ: „я имъ правду говорю, притомъ не отъ себя, и не могу молчать, ибо слышу голосъ, говорящій мнѣ: „ты, нѣмой, что молчишь? Ты позналъ глаголы живота Моего вѣчнаго, и ими можешь спастись ближній твой, въ заблужденіи находящійся“; такъ что-

боюсь Обличающаго меня, сказавшаго: „Рабе лукавый и лѣнивый! почто не вдахъ сребра Моего дѣлательемъ?“. Такъ что матушка, гдѣ Духъ Божій посѣтитъ человѣка,—тамъ и говори“.

Къ Божіей Матери Николай Александровичъ имѣлъ особенную любовь; часто прочитывалъ Параклисы Ей, повторяя ихъ многократно.

Одинъ разъ кто-то за однимъ большимъ обѣдомъ, зная это, позволилъ себѣ что-то сказать о Богоматери.

Тогда, не стѣсняясь присутствовавшими на обѣдѣ, Ник. Ал. началъ буквально громить шутника, высказывая ему такую правду, что всѣ бывшіе на обѣдѣ встали на сторону Ник. Ал., и шутнику осталось покинуть съ безчестьемъ собраніе.

Любовь Ник. Ал. къ ближнему была велика; онъ желалъ, чтобы всѣ спаслись; часто приходили къ нему по дѣлу наши крестьяне, и, оставляя въ сторонѣ дѣло, онъ старался имъ растолковать предметы духовные; и правда, наши крестьяне отличались рѣдкой религіозностью.

Никол. Ал. говорилъ мнѣ, что о. Серафимъ сказалъ ему, „что все то, что носить названіе „декабристовъ“, „реформаторовъ“ и словомъ принадлежитъ къ „бытоулучшительной партіи“—есть истинное Антихристіанство, которое, развиваясь, приведетъ къ разрушенію Христіанства на землѣ и отчасти Православія и закончится воцареніемъ антихриста надъ всѣми странами міра, кромѣ Россіи, которая сольется въ одно цѣлое съ прочими землями славянскими и составитъ громадный народный океанъ, предъ которымъ будутъ въ страхъ прочія племена земныя. И это, говорилъ онъ, такъ вѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$ “.

Итакъ, говорила Елена Ивановна, повторяю: по незнанію, я говорила Ник. Ал., что ему слѣдовало бы, если онъ хочетъ вести такой образъ жизни,—итти въ монастырь, а не быть семейнымъ человѣкомъ. На это онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: „о. Серафимъ мнѣ сказалъ, что монастыри есть мѣсто для высшаго духовнаго совершенствованія,

т. е. для тѣхъ людей, которые желаютъ исполнять заповѣды: „Если хочешь быть совершеннымъ, оставь все и слѣдуй за Мною“. Но исполненіе всѣхъ остальныхъ, сказанныхъ Господомъ, заповѣдей есть *однако* обязанность для всѣхъ христіанъ, такъ что, другими словами, прохожденіе духовной жизни обязательно и для монаха, и для простаго семейнаго христіанина. Разница въ степени совершенствованія, которое можетъ быть и большимъ, можетъ быть и малымъ.

И мы можемъ, прибавляя о. Серафимъ, проходить духовную жизнь,—да сами не хотимъ! Духовная же жизнь есть приобрѣтеніе христіаниномъ Св. Духа Божіяго, и она начинается только съ того времени, когда Господь Богъ Духъ Святыи, хотя в малѣ и кратко, начинаетъ посѣщать человѣка. До этого времени христіанинъ (будь то монахъ, будь мірской человѣкъ) проводитъ жизнь обще-христіанскую, но не духовную; проводящихъ же духовную жизнь людей мало.

Хотя въ Евангеліи сказано, говорилъ о. Серафимъ, „что нельзя Богу работать и мамонѣ“ и „трудно имѣющему богатство войти въ царство небесное“—но Господь открылъ мнѣ, что чрезъ грѣхопаденіе Адама человѣкъ помрачился всецѣло и сдѣлался одностороннимъ въ духовномъ разсужденіи, ибо въ Евангеліи также сказано: „что то, что невозможно для человѣка, возможно для Бога“; поэтому силенъ Богъ вразумить человѣка какъ безъ гибели душевной, находясь въ условіяхъ свѣтской жизни, можетъ человѣкъ служить духомъ—Богу. „Иго Мое благо и бремя Мое легко есть“, а его часто заграждаютъ такими тягостями (изъ излишней боязни служенія мамонѣ) что, взявши ключи духовнаго разумѣнія, выходятъ, и сами не входятъ, и другимъ входитъ препятствуютъ. Итакъ, по своемъ паденіи, отъ крайняго грѣхонаго ослѣпленія человѣкъ сдѣлался одностороннимъ“.

Многіе святые, говорилъ о. Серафимъ, оставили намъ свои писанія, и въ нихъ всѣ говорятъ объ одномъ и томъ

же: о приобрѣтеніи св. Духа Божіяго „черезъ различные подвиги, чрезъ дѣланіе различныхъ добродѣтелей, но главнымъ образомъ чрезъ непрестанную молитву—И воистину, нѣтъ ничего на свѣтѣ драгоцѣннѣе Его! Чтеніе же ихъ писаній служитъ для познанія того—чего именно достигать слѣдуетъ. Вотъ часто Господь оставляетъ безъ исполненія прошенія наши и даже лицъ, именуемыхъ духовными, а все оттого, что по плоти живутъ, а не по Духу: „живущіе же по плоти Богу угодить не могутъ“, говоритъ Св. Апостоль; „водимые же Духомъ—суть сыны Божіи!“ Симъ послѣднимъ не можетъ отказать Господь въ ихъ прошеніяхъ.

Правда, говорила Елена Ивановна, Никол. Алекс. всегда имѣлъ молитву, возносимую къ Богу въ умѣ и сердцѣ своемъ, и очень часто при этомъ приступалъ къ причащенію Св. Таинъ Божіихъ. Кромѣ того о. Серафимъ ему и показаль, и растолковаль, что такое есть присутствіе Св. Духа Божіяго и какъ понимать Его проявленія.

Достигнувъ старости, Ник. Ал., по предсказанію о. Серафима, безболѣзненно и чрезвычайно тихо отошелъ ко Господу.

Чрезъ нѣкоторое время по его кончинѣ я получила письма отъ иг. Зосимы изъ Задонска и отъ монахини Евфросиніи изъ Кіева, которые одновременно извѣщали меня, что въ день кончины своей Ник. Ал. явился имъ и просилъ ихъ не оставлять духовною поддержкой меня, его жену.

По желанію Ник. Ал., тѣло его было отправлено изъ Симбирскаго имѣнія для погребенія въ Дивѣевѣ. Предполагая, что тѣло Н. А. повезутъ довольно тихо, я распорядилась отправить его тремя часами ранѣ нашего отъѣзда. И удивительное дѣло! Когда мы поѣхали вслѣдъ за нимъ,—то до самага Дивѣева не могли догнать его. Пріѣдемъ на станцію, говорятъ, что только что уѣхали; начинаемъ поговяать лошадей, но догнать не можемъ.

Такъ Ник. Ал. и мертвый спѣшилъ въ Дивѣевъ, какъ при жизни своей былъ тамъ всегда и постоянно.

На могилѣ Н. Ал. положена была большая плита; неизвѣстно, какъ сквозь нее проросли въ нѣсколькихъ мѣстахъ высокія березки. „Это—свѣчи небесныя, говорила Ел. Ив., которыя онъ при жизни ставилъ Богу“.

Н. Потаповъ.

Желающимъ подробнѣе ознакомиться съ жизнью Ник. Ал. Мотвил. слѣдуетъ прочесть книгу „Великое въ маломъ“ С. Нилуса.

Давно знакомою тропой,
Къ „Завѣтной кельѣ“ прямо,
Гдѣ средь молитвы и труда
Жиль „батюшка Варнава“,
О комъ ужъ многіе года
Идетъ повсюду слава;
Кто сладостью своихъ рѣчей,
Какъ музыкою чудной,
Обвеселялъ сердца людей
Въ ихъ жизни тяжелой, трудной.
Предъ нами келья, гдѣ онъ жилъ-
Утѣшитель скорбящихъ,
И гдѣ онъ радостью дарилъ
Къ нему всѣхъ приходящихъ.
И кто изъ насъ не испыталъ
Сердечныхъ чувствъ избытокъ,
Когда предъ Батюшкой читалъ
Своихъ пороковъ свитокъ?..
О, какъ отрадно было намъ
Въ тѣ чудныя мгновенья
Внимать его святымъ словамъ.
О новомъ возрожденіи:
Чтобъ впредь отнынѣ не входить
Въ союзъ съ лукавой ложью,
Вести борьбу съ грѣхомъ и жить
Согласно слову Божью!
Предъ нами келья, гдѣ бывалъ
И нищій, какъ вельможа,
И „сильный міра“ здѣсь стоялъ
Не лучше нищихъ тоже..
Отсель никто не уходилъ
Безъ добраго совѣта,
Но каждый въ сердцѣ уносилъ
Святую искру свѣта.
Предъ нами келія... но тотъ,
Кто жилъ въ ней и спасался,

Безсмертнымъ духомъ лишь живетъ,
А тѣломъ ужъ скончался,—
Отшель ко Господу и тамъ
Вънець пріялъ своимъ трудамъ.
Но келья—та же все, и видъ
Ея не измѣнился:
Вотъ старца аналой стоитъ,
Предъ коимъ онъ молился.
И наши здѣсь, порой, лились
Раскаянія слезы,
И вздохи тяжкіе неслись
Мірскихъ утѣхъ и прозы...
Вотъ—столь, иконы и кровать,—
Все такъ, какъ было прежде;
И только старца не видать
Въ монашеской одеждѣ.
А какъ хотѣлось бы узрѣть
Отца Варнаву снова,
Услышать здѣсь его привѣтъ
И ласковое слово!..
Но нѣтъ его уже: свершилъ
Онъ подвигъ жизни тлѣнной.
Но то, чему онъ насъ училъ,
Чего желалъ—и что любилъ—
Осталось незабвеннымъ,
И нынѣ подвигомъ живетъ:
Къ той келейкѣ смиренной
Стремится жаждущій народъ
Съ душою умиленной....
И долго, долго будетъ жить
Межъ насъ отецъ Варнава:
Того не могутъ позабыть,
Кто здѣсь умѣлъ для Бога жить,
Кто былъ отчизнѣ слава.

I. E.

Первая суббота.

Шесть полныхъ дней трудись, но день седьмой—суб-
боту

Молитвъ посвящай. Земную скорбь, заботу

Оставь и уходи къ нетлѣннѣю отъ тлѣннѣя

И въ мысляхъ возносись отъ смерти къ Воскресенью.

Угаснуть не давай священному огню,

Не позволяй пропасть единственному дню!

Пойми, что праздникъ нашъ намъ Богомъ данъ для
тѣхъ,

Чья будничная жизнь сурова и грустна,

Кого не веселитъ роскошная природа;

Для нихъ Воскресный день—для нищихъ и калѣкъ.

В. Недзвецкій.

Свѣтъ вечерній.

Помнишь ли, другъ мой, тѣ жаркіе дни?
Облака подъ горами дремали...
Въ храмахъ искрились святые огни,
Взглядъ ловилъ трепеть гаснущей дали.
Сквозь кипарисы прорвавшійся лучъ
Догоралъ на церковномъ порогѣ,
И хоть на небѣ не видѣлось тучъ,—
 День прошелъ безъ борьбы и тревоги,
 Къ радости грусть примѣшалась невольно;
 Сложное чувство: и сладко и больно.
 Это волнуетъ, грозя и маня,
 Тайна святая грядущаго дня.
Другъ мой, не бойся! безсмертны тѣ дни;
Въ памяти ярче, чѣмъ въ жизни, они.

В. Недзвецкій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Московскій Патерикъ. Изданіе Московскаго Дворянства 1912 г.

Патерикомъ, или Отечникомъ, называется собраніе сказаній о духовныхъ—достоподражательныхъ дѣянiяхъ и мудрыхъ, глубокопоучительныхъ изреченiяхъ и наставленiяхъ святыхъ отцовъ—святителей и подвижниковъ христіанскихъ. Это не біографія или жизнеописанiя въ собственномъ смыслѣ слова, имѣющія прежде всего, конечно, интересъ историческій и потому излагаемыя въ хронологической напр. послѣдовательности въ связи съ обуславливающими и объясняющими собою описываемыя дѣянiя обстоятельствами и событіями. Все это, конечно, можетъ быть и бываетъ въ патерикахъ, но не въ этомъ главное значеніе и назначеніе ихъ патериковъ: цѣль духовное назиданіе и поученіе, а потому сказанiя ихъ часто бываютъ кратки и отрывочны, какъ библейскія притчи апофтегматы или афоризмы древнихъ. Поэтому чтеніе такихъ сборниковъ общедоступно и для всѣхъ удобно, какъ жизненно-назидательное совершалось иногда даже въ храмахъ за богослуженіемъ—въ качествѣ проповѣди, и всегда было любимымъ и самымъ распространеннымъ не только въ иноческихъ обителяхъ, а и въ благочестивыхъ семьяхъ, какъ и вообще житiя святыхъ. Начало такихъ патериковъ восходитъ къ временамъ древне-христіанской церкви, и мѣстомъ ихъ первоначальнаго происхожденiя служили египетскія, палестинскія, синайтскія и др. пустыни, гдѣ получило начало и процвѣтало иночество—этотъ цвѣтъ христіанства; отсюда чрезъ Византію и Аеонъ они перешли и къ намъ—въ Россію вмѣстѣ съ образова-

ніемъ и развитіемъ у насъ монашества. Наряду съ переводными патериками, каковы напр. Лавсаикъ, Достопытныя сказанія о св. отцахъ и подвижникахъ древней Церкви и др., тогда же у насъ стали появляться и патерики собственно-русскіе; таковы патерики Кіево-печерскій, Почаевскій, Троице-сергіевскій и др. Впрочемъ, и доселѣ еще далеко не всѣ послѣдняго рода патерики появились въ печатныхъ изданіяхъ; самымъ распространеннымъ и общезвѣстнымъ нужно, конечно, назвать Кіево-Печерскій патерикъ, не такъ давно вышедшій въ новомъ изданіи, съ переложеніемъ его на современную русскую рѣчь, сдѣланнымъ духовнымъ писателемъ Поселяниномъ, съ прекрасными иллюстраціями.

Въ настоящее время только-что вышелъ изъ печати имъ-же, Поселяниномъ, составленный „Московскій Патерикъ“. Небольшая, всего въ 4 печатныхъ листка книжка эта представляетъ собою выдающееся по своимъ особенностямъ и достоинствамъ во многихъ отношеніяхъ и поэтому заслуживающее глубокаго вниманія и широкаго распространенія произведеніе.

Книжка эта заслуживаетъ глубокаго вниманія уже по самому происхожденію своему. Въ послѣднее—майское посѣщеніе Москвы Государемъ Императоромъ и Государынями Императрицами вмѣстѣ съ ними былъ—въ первый разъ въ своей семилѣтней жизни—и Наслѣдникъ Цесаревичъ; Московское дворянство, вѣрное своимъ исконнымъ традиціямъ, сочло своимъ нравственнымъ долгомъ въ даръ и благословеніе отъ древлепрестольной Москвы принести Владимірскую икону Божіей Матери—точную копию съ самой древней Московской святыни; на иконѣ Богоматерь окружаютъ написанныя на поляхъ въ стильномъ древне-русскомъ орнаментѣ святыя угодники и чудотворцы земли Московской и среди нихъ святитель Алексій, митрополитъ Московскій, небесный покровитель и молитвенникъ Наслѣдника Цесаревича, Преподобный Сергій Радонежскій съ сонмомъ своихъ учениковъ

и сподвижниковъ, благовѣрный князь Московскій, такъ сказать первоначальникъ ея Даниль, прочіе святители Московскіе, блаженные Василій, Іоаннъ и Максимъ Московскіе и др.

„Москва, говоритъ въ названной книгѣ Поселянинъ, называется часто въ древнихъ лѣтописяхъ „Домомъ Богородицы“, подъ которымъ разумѣется большой Успенскій Соборъ, созданный великимъ Княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою по совѣту московскаго первосвятителя Петра. Царица Небесная, покрывающая всеильнымъ покровомъ Своимъ все православное русское царство, особенно взыскала милостями Своими Царствующій градъ Москву. Не разъ заступленіемъ Богоматери Москва была чудесно спасаема отъ гибели. И орудіемъ чудесъ Своихъ надъ Москвою Богоматерь избрала Свою Икону Владимірскую. Довольно вспомнить татарскія нашествія—1395, 1408, 1480 и 1521-й годы.—Что же касается Московскихъ Чудотворцевъ, лики которыхъ окружаютъ собою изображеніе Богоматери точно такъ же, какъ и святые и нетлѣнные мощи ихъ почиваютъ—одни ближе, а другіе дальше вокругъ того же Дома Пречистыя, гдѣ и первообразная икона Ея, а иные и въ самомъ Домѣ, то та же неподкупная исторія должна каждому россіянину засвидѣтельствовать, что эти именно князья, святители и подвижники и были тѣми собирателями и строителями земли русской, которые и наставляемы, и укрѣпляемы были силою Божіею въ своей жизнедѣятельности предстательствомъ Царицы Небесной“. „Эти люди, какъ прекрасно говоритъ объ этомъ авторъ книжки, хранили Москву, сердце Россіи, стояли за нее въ ея трудные дни, вымаливали у Бога ея спасеніе на краю гибели, учили московскій народъ добру, терпѣнію, выносливости въ бѣдахъ. Жили они не для себя. Богъ и родина. Все отдавали Богу, а на землѣ ничего не было для нихъ дороже святой Руси.—Обливаясь потомъ и кровью, трудились; въ лишеніяхъ, испытаніяхъ, строили русскую землю... Отходили въ вѣчныя небесныя обители, но не забы-

вали родного края... Помогали въ роковые дни. И, когда все казалось погибшимъ, словно оживали, чтобы загладить всѣ ошибки, возбудить бодрость, спасти“. Послѣ этого вполне понятно, почему „стоять они всѣ тутъ, вокругъ святой Владимірской иконы—чудные работники русскаго дѣла. И въ ихъ лицѣ русское прошлое шлетъ привѣтъ и благословляетъ русское будущее небеснымъ благословеніемъ“.

Поистинѣ, лучшаго дара, чѣмъ такая именно икона, Московское Дворянство не могло и придумать для поднесенія Наслѣднику Цесаревичу, въ Его первое посѣщеніе Первопрестольной! Но для того, чтобы Ему, еще семилѣтнему Отроку, ясно и понятно было такое именно значеніе подносимыхъ Ему изображеній, нужно было рассказать Ему все это—рассказать просто и ясно, живо и убѣдительно рассказать отъ всего любящаго и убѣжденнаго сердца, а для того, чтобы рассказанное не прошло какъ мимолетное, а укрѣпилось въ дѣтской душѣ и осталось въ ней навсегда—нужно было сказаніе это передать въ писаніи. Это именно и было первоначальнымъ побужденіемъ и главною цѣлью „Московскаго Патерика“, о которомъ рѣчь.

И не ошиблось Московское Дворянство, поручивъ составленіе его Поселянину, давно всѣмъ хорошо извѣстному и любимому писателю въ этой именно церковно-исторической по содержанію и духовно-назидательной по своему назначенію и характеру литературѣ. Взятая имъ на себя задача выполнена въ совершенствѣ.

Обложка книжки украшена орнаментомъ въ древнерусскомъ стилѣ съ изображеніемъ главъ Церкви, вѣроятно, св. Георгія на конѣ и птицъ, взятыхъ вѣроятно изъ рукописей XII—XIV вв.; затѣмъ послѣ адреса, подвешеннаго Цесаревичу отъ Московскаго Дворянства, и копии съ поднесенной Ему иконы идетъ самый текстъ книги, въ содержаніи своемъ представляющій какъ бы объясненіе этой иконы и заключающій въ себѣ историческое сказаніе объ иконѣ Б. Матери Владимірскія и чудесныхъ благодѣ-

явіяхъ, явленнихъ Царицей Небесной Москвѣ чрезъ эту икону; далѣе—краткое описаніе иконы Пр. Троицы, писанной по образцу храмовой иконы Троицкаго Собора Троице-Сергіевой Лавры и на вышеозначенной иконѣ помѣщенной надъ иконою Богоматери, и наконецъ уже жизнеописанія тѣхъ святыхъ Божіихъ, которые и составляютъ соборъ Московскихъ чудотворцевъ. Каждое жизнеописаніе снабжено рисункомъ, спискомъ съ изображенія описываемаго святого на иконѣ. Поэтому изображенія эти, равно какъ и самыя житія, размѣщены въ книгѣ согласно расположенію ихъ на иконѣ. Житія эти одни пространнѣе, а другія короче, но въ общемъ всѣ очень небольшія, какъ можно судить по тому, что ихъ помѣщено 26 на 55 страницахъ, небольшого формата. Въ концѣ cadaго житія отмѣчается годъ кончины святого, гдѣ почиваютъ мощи и когда творится память его.

Уже изъ сказаннаго можно догадываться, что „Житія“ эти не могутъ быть названы жизнеописаніями въ точномъ смыслѣ слова, и интересъ ихъ вовсе не историческій вообще; противъ этого говоритъ то уже, что и расположены они въ книгѣ не въ хронологическомъ порядкѣ, и въ самомъ изложеніи ихъ нѣтъ ни полноты и цѣлостности описанія жизни живописуемаго святого, ни того, что называется прогматизмомъ въ исторіи. Житія эти скорѣе могутъ назваться духовно-нравственными характеристиками изображаемыхъ угодниковъ Божіихъ и при томъ не вообще, а по отношенію къ той основной идеѣ о служеніи ихъ православно-русскому дѣлу собиранія и укрѣпленія Русскаго царства въ духѣ вѣры и церкви православной, которая можетъ быть названа основной и руководящей идеей книги, какъ комментарія къ названной иконѣ. Съ особенною ясностію и живостію такое значеніе ихъ сказывается въ томъ, что рассказываетъ авторъ о Преп. Сергіѣ Радонежскомъ—этомъ великомъ печальникѣ русской земли, о святителяхъ Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ и Филиппѣ, митрополитахъ Московскихъ, которые по справедливости вмѣ-

стѣ съ князьями Московскими считаются строителями русскаго царства. По этой-то основной нравственно назидательной идеѣ книжки она по справедливости и названа „Московскимъ Патерикомъ“.

Великое достоинство книжки въ ея изложеніи. О немъ мало сказать, что оно вполнѣ литературное, общедоступное, ясное, живое; оно наглядно-картинное, одушевленное, проникнутое горячею вѣрой въ истину дѣла и глубокимъ благоговѣніемъ къ св. дѣлателямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эту одушевленность прямо можно назвать художественною, поэтической; авторъ какъ будто поетъ пѣснь или поэму въ честь живописуемаго имъ угодника, такъ что не хочется оторваться отъ чтенія. Особенно это ясно въ житіи Пр. Сергія, въ изображеніи его молитвенныхъ воздыханій все объ одномъ: „Боже, Русь отъ неволи избавь“, и въ житіи святителя Алексія, имя котораго носитъ Государь Наслѣдникъ.

Хочется вѣрить и вѣриться, что чтеніе этой книжки много поможетъ юному Наслѣднику русскаго Престола къ укрѣпленію Его „въ томъ единеніи духа съ Угодниками Божиими и великими строителями святой Руси“, которое, по мысли „Московскаго Дворянства—мысли истинно русской—сильно сдѣлать будущее служеніе Его на благо и славу Русской земли. Но также вѣрно вѣдь и то, что для этого блага и этой славы Русской земли нужно такое же единеніе духа съ Угодниками Божиими и великими строителями святой Руси и со стороны самого народа русскаго и въ данномъ случаѣ—со стороны тѣхъ отроковъ и юношей, которые, какъ сверстники Цесаревича, готовятся быть гражданами Россіи, когда Богъ призоветъ Его возсѣдать на Всероссійскомъ Царскомъ Престолѣ. Вотъ почему желательно, чтобы названная книжка, которая съ интересомъ и любовію прочтется каждымъ православно-русскимъ гражданиномъ, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ дѣтей нашихъ, какъ теперь она есть достояніе нашего юваго Государя Наслѣдника.

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1912 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

	<i>Стран.</i>
1. ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ. Прот. Николая Боголюбскаго	1—7
2. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока) А. І.	8—12 153—157 308—313
3. ВОСКРЕСНЫЯ УТРЕННІЯ ЕВАНГЕЛІЯ НА СЛАВЯНСКОМЪ И РУССКОМЪ НАРѢЧІЯХЪ СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ОБЪЯС- НИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ КЪ НИМЪ. Прот. І. Со- ловьева	13—37 158—173 314—324
4. „РАДОСТЬ ЖИЗНИ“... (Лекція, сказанная въ СПбургской Св. Владимірской женской церковно-учительской школѣ 22 Апрѣля 1912 г.). Проф. А. Бронзова	38—64
5. РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ „О ПОДРАЖАНІИ ХРИ- СТУ“ ФОМЫ КЕМПІЙСКАГО. Книга третья. О внутреннемъ утѣшеніи. Прот. Александра Смирнополо , Настоятеля пер- кви при Императорской Миссіи въ Брюссель	65—73 219—229 406—414
6. ЖИЗНЬ СПАСИТЕЛЯ, КАКЪ ВЫСОЧАЙШІЙ ОБРАЗЕЦЪ и ПРИМѢРЪ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. (Изъ записокъ по нравственному Богословію Епископа Анастасія Опоцкаго, оставшихся послѣ его смерти)	74—92
7. ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ И ПРЕБЛАГОСЛОВЕННЫЯ БОГОРО- ДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРИИ. Душеспасительныя бесѣды. Василія Епископа Можайскаго	93—103 174—187 325—343
8. ШАМОРДИНСКАЯ КАЗАНСКАЯ АМВРОСІЕВСКАЯ ПУ- СТЫНЬ И ЕЯ ОСНОВАТЕЛЬ СТАРЕЦЪ ІЕРОСХИМОНАХЪ АМВРОСІЙ. Епископа Трифона	104—119
9. МЫСЛИ ГРАФА Д. Н. ТОЛСТОГО ПО ПОВОДУ КАТОЛИ- ЧЕСКАГО УЧЕНІЯ О НЕПОРОЧНОМЪ ЗАЧАТІИ ПРЕСВЯ- ТЫЯ ДѢВЫ МАРИИ. Свящ. А. Введенскаго	120—124
10. „ОТЪ ВУРСЫ ДО ГРОБОВОЙ ДОСКИ“. (Очеркъ жизни сель- скаго пастыря и писателя Василія Ксенофоновича Владп- мірскаго). Священника Венедикта Гагинскаго	125—138 249—264 472—493
11. МОЛИТВА СВЯТОМУ ДУХУ. (Стихотвореніе). И. С—ча.	139—139

12. НА МЫСЛЬ ЮАННА ДАМАСКИНА. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго 140—140
13. НАШЕ УВЪЖИЩЕ. (Стихотвореніе). Автора: „Молитвы Св-рофиникіянки“ „Двѣ трапезы“ „Божіе посѣщеніе“ и проч 141—141
14. ВЪРА И МУДРОСТЬ. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго. 142—142
15. СИРЕНЬ. (Стихотвореніе). Его же. 143—143
16. БИБЛОГРАФІЯ. Свящ. Авенира Полозова 144—148
17. РЪЧЬ КЪ ВОСПИТАНИЦАМЪ 4-я МОСКОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ УЧЕНІЯ, ПРО-ИЗНЕСЕННАЯ НА АКТЪ 29-го МАЯ 1912 ГОДА. Прот. Д. Пѣвницкаго 149—152
18. ИСУСЪ ХРИСТОСЪ И ХРИСТІАНСТВО. Протоіерея Нико-лая Боголюбскаго 188—198
19. ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ О СМОЛЕНСКОЙ ИКОНѢ БО-ЖІЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИИ, ШЕСТВОВАВШЕЙ ВЪ РЯДАХЪ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАШУ ВОЙНУ 1812 г. Протоіерея Н. Левашева 199—218 418—427
20. КЪ 25-ЛѢТІЮ ИВЕРСКАГО, ЧТО НА ВЫКСЪ, ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ. Стихотвореніе. І. Е. 230—231
21. ИВЕРСКІЙ ВЫКСУНСКІЙ МОНАСТЫРЬ (къ 25 - ти - лѣтію открытія—8 іюля 1887 года). Іеромонаха Ефрема 232—248
22. НИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Разсказъ. И. Попова-Чермскаго 265—280
23. НОВОЕ ИСТИННО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВЪ РУССКОМЪ ЦЕРКОВНОМЪ ИСКУССТВѢ. (Новый храмъ Марео-Мари-инской обители въ Москвѣ). В. Владимірова 281—288
24. САМОЛЮБІЕ И САМОУВІІСТВО КАКЪ БОЛѢЗНЬ НА-ШЕГО ВРЕМЕНИ. І. Евенмія 289—292
25. СЛАВА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III. По случаю от-крытія въ Москвѣ памятника 30 мая 1912 г. (Стихотворе-ніе). Льва Катанскаго 293—29
26. ПАМЯТИ ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА. Изъ стих. „Русское горе“. Н. Р. 294—295
27. ВЕСНА (Стихотвореніе). Іеродіакона Евенмія 296—297
28. ПАМЯТИ СЕРГІЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. Ш. С. 298—304
29. ПИСЬМО ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА АМ-ВРОСІЯ КЪ А. П. Л—ВУ 305—307
30. СВЯЩЕННЫЯ ОСНОВЫ САМОДЕРЖАВІЯ И НАСЛѢД-СТВЕННОСТИ И НАШЕ КЪ НИМЪ ОТНОШЕНІЕ. Прот. В. Сергіевскаго 344—351
31. КАКЪ НАДОБНО ТРУДИТЬСЯ ВЪ ДѢЛѢ УЧЕНІЯ. (Къ началу учебнаго года). Прот. Н. Боголюбскаго 352—355
32. ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО ШКОЛЬНАГО ХРАМА. (Къ воспо-минаніямъ о Михаилѣ Никифоровичѣ Катковѣ по поводу 25-лѣтія со дня кончины его. † 20 іюля 1887 года). Прот. І. С—ва 356—383

33. НА МОГИЛѢ МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА КАТКОВА въ
25-ю годовщину его кончины—20 юля 1912 года. Прот. **І.
Соловьева** 384—388
34. СМѢХЪ НАУКИ. Законоучителя 2-й мужской гимназіи
Священника Александра Введенскаго 389—405
35. ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ ХРИ-
СТИАНИНА. **Н. Ромашкова** 415—417
36. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ 1812 ГОДА. **Бориса Бѣляева** . 428—450
37. СТАРЕЦЪ ѲЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ. **А. С.** 451—471
38. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕЛ. ИВ. МОТОВИЛОВОЙ О МУЖѢ
ЕЯ **НИКОЛАѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ Н. Потапова** 494—501
39. „ЗАВѢТНАЯ КЕЛЬЯ.“ (Свѣтлой памяти о Варнавы, духов-
ника пещерь Геосиманскаго скита). (Стихотвореніе). **І. Е.** 502—504
40. ПЕРВАЯ СУББОТА. (Стихотвореніе). **В. Недзвецкаго** . . . 505—505
41. СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ. (Стихотвореніе). **Его-же** 506—506
42. БИБЛОГРАФІЯ. **II. I. С.** 507—512
-

Вышла и поступила въ продажу книга:

„Святый Димитрій, Митрополить Ростовскій“.

Соч. **В. Нечаева** (Еписк. Виссаріона) Изд. II. Ц. 60 к. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ редакцію журнала
„Душеполезное Чтеніе“.

**ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА
В И С С А Р І О Н А):**

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Исуса Навина, Судей, Царствъ, Іова, Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія). Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

Въ составъ журнала входятъ:

- 1) Труды относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцовъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи въручительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.
- 3) „Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и въбогослужебныя бесѣды оособенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе разсказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Феофана-Затворника** Геросхимонаха о **Амвросіи Оптинскаго**.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій по святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *помятыя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многообразныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Крѣпка.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣсти и разсказы.
- 17) Церковная жизнь за границей.
- 18) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1912 году въ *Душеполезномъ Читаніи* нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соотвѣтственными рисунками.

Въ 1912 году всѣ подписчики получаютъ два бесплатныхъ приложенія:

МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОДА.

(ІЮЛЬ—ДЕКАБРЬ).

Житія, размышленія, темы для проповѣдей, современность и проч.

Сочиненіе **Священника Н. Орлова**.

ИСТОРИЯ ІЕЗУИТОВЪ. СОЧИНЕНІЕ ГЕТТЕ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святейшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Читаніе*—одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. За границу—**ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Протоіерей **Іоаннъ Соловьевъ**.
Издательница **Ольга Касицына**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. ПИСЬМО ОПТИНСКАГО СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ КЪ А. П. Л—ВУ	305—307
II. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. I.	308—313
III. ВОСКРЕСНЫЯ УТРЕННІЯ ЕВАНГЕЛІЯ НА СЛАВЯНСКОМЪ И РУССКОМЪ НАРЪЧІЯХЪ СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ КЪ НИМЪ. Прот. I. Соловьева	314—324
IV. ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ И ПРЕБЛАГОСЛОВЕННЫЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЪВЫ МАРИИ. Душеспасительныя бесѣды. Василія Епископа Можайскаго	325—343
V. СВЯЩЕННЫЯ ОСНОВЫ САМОДЕРЖАВІЯ И НАСЛѢДСТВЕННОСТИ И НАШЕ КЪ НИМЪ ОТНОШЕНІЕ. Прот. В. Сергіевскаго	344—351
VI. КАКЪ НАДОБНО ТРУДИТЬСЯ ВЪ ДѢЛѢ УЧЕНІЯ. (Къ началу учебнаго года) Прот. Н. Боголюбскаго	352—355
VII. ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО ШКОЛЬНАГО ХРАМА. (Къ воспоминаніямъ о Михаилѣ Никифоровичѣ Катковѣ по поводу 25-лѣтія со дня кончины его. † 20 іюля 1887 г.). Прот. I. С—ва. Съ приложеніемъ рисунка	356—383
VIII. НА МОГИЛѢ МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА КАТКОВА въ 25-ю годовщину его кончины—20 іюля 1912 года. Прот. I. Соловьева.	384—388
IX. СМѢХЪ НАУКИ. Заковучителя Одесской 2-й мужской гимназіи Священника Александра Введенскаго.	389—405
X. РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ „О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“ ФОМЫ КЕМПІЙСКАГО. Книга третья. О ввстрѣченіи утѣшеніи. Прот. Александра Смирнопуло, Настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Брюсселѣ.	406—414
XI. ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ ХРИСТІАНИНА. И. Ромашкова	415— 17
XII. ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ О СМОЛЕНСКОЙ ИКОНѢ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИ, ШЕСТВОВАВШЕЙ ВЪ РЯДАХЪ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАШУ ВОЙНУ 1812 г. Протоіерея П. Левашева	418—427
XIII. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ 1812 ГОДА. Бориса Бѣляева.	428—450
XIV. СТАРЕЦЪ ФЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ. А. С.	451—471
XV. „ОТЪ БУРСЫ ДО ГРОВОВОЙ ДОСКИ“. (Очеркъ жизни сельскаго пастыря и писателя Василія Ксенофонтовича Владимірскаго). Священника Венедикта Гагинскаго	472—493
XVI. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕЛ. ИВ. МОТОВИЛОВОЙ О МУЖѢ ЕЯ НИКОЛАѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ. Н. Потапова	494—501
XVII. „ЗАВѢТНАЯ КЕЛЬЯ“. (Свѣтлой памяти о. Варнавы, духовника пещеръ Геосиманскаго скита). (Стихотвор.). I. Б.	502—504
XVIII. ПЕРВАЯ СУББОГА. (Стихотвореніе). В. Педзвецкаго.	505—505
XIX. СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ. (Стихотвореніе). Его же	506—506
XX. БИБЛОГРАФІЯ. П. I. С.	507—512

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Іюля 30 дня 1912 г.

Цензорь Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ

1912.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св-Тр. Сергіевой Лавры

1912.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника ивока).

Печально, но не страшно нынѣшнее ожесточеніе на Церковь Христову. Вѣдь Господь предсказалъ все это за-ранѣе и обѣщалъ сохранить Церковь Свою. И сохранить. Хотя бы одинъ только изъ насъ остался вѣренъ Ему, Онъ и на вѣрѣ этой одной покажетъ силу Свою и посрамитъ враговъ Своихъ, и вновь продлитъ святое сѣмя вѣрныхъ Своихъ.

Жалкое явленіе—человѣкъ въ смерти. На вѣки исче-заетъ, какъ дымъ, обликъ его; красота его, какъ сонъ, обрекается на забвеніе; миловидность лица, пріятность голоса, сладость рѣчи—все уходитъ въ безвозвратную бездну прошлаго, которое—неизвѣстно—возстановитъ *въ томъ же ли* видѣ будущее.

* *

Печаль отъ смерти близкихъ надо побѣждать представ-леніемъ, что настоящая жизнь смѣняется другою, лучшею и болѣе интересною и содержательною, болѣе богатою жизненными красотоми и переживаніями, въ сравненіи съ которыми болѣе заслуживаетъ жалости земля и остаю-щіеся еще жить на ней.

* *

Мы, земные, скорбимъ о потерѣ близкихъ. Но эта скорбь о нихъ покажется намъ нѣкогда совершенно излишнею, напрасною и странною. Мы увидимъ лучшій міръ, въ ко-

теромъ забудемъ все земное и потеряемъ къ нему всякій интересъ. А о насъ—тоже будутъ плакать, да убиваться. И тоже нѣкогда узнаютъ, что нечего было даромъ и слезъ терять. Вѣчное, бесплодно вращающееся колесо скорби и печали, неимѣющей смысла, послѣ побѣдныхъ трофеевъ Спасителя, такъ хорошо воспѣтыхъ апостоломъ: „гдѣ ти, смерти, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?“ Смерть и адъ скорбей человѣческихъ—отнынѣ пустая фикція, миражъ, напрасное слезомойство, дѣтскій плачь изъ-за пустяковъ, нѣчто такое, что взрослому кажется только пустымъ, не стоящимъ серьезнаго разговора.

Господи! тьма я, а Ты—свѣтъ: просвѣти меня. Ничтожество я, а Ты—святыня: исцѣли меня, освяти, оживотвори Твоею святынею и благодатію.

Какъ близко отъ святости до паденія! Какъ всегда близко всѣмъ намъ паденіе! всегда тутъ, съ нами, подъ руками нашими. Не надо далеко ходить за нимъ: одно послабленіе, одинъ натискъ врага покрѣпче, понастойчивѣе, и—паденіе готово. Опять снова и снова начинай всегда тяжелую, безъ передышки, работу побѣды надъ собою и искушеніями.

Если смерть есть благо для умирающихъ благочестно, то зачѣмъ эта бессмысленная, нестерпимо-болѣзненная форма разлученія съ близкими и родными? За тѣмъ, чтобы внушать живымъ ужасъ передъ грѣхомъ—виновникомъ смерти, и давать познавать суету всего земного, чтобы не исчезала на землѣ память о печальной катастрофѣ паденія прародителей, удаленія ихъ отъ Бога, источника жизни и блаженства. Да, все это имѣетъ свою долю участія въ загадкѣ смерти нашей. И все же остается многое на долю совершенной ея бессмысленности, какъ это и должно быть съ этимъ исчадіемъ ада, которое не можетъ оставаться вѣчно.

„*Да возселится сердце ищущихъ Господа*“... (104 пс., 3 ст.). Когда ищутъ чего-нибудь забытаго или потеряннаго, или далеко положеннаго, обыкновенно обнаруживаютъ и нетерпѣніе, и досаду, и огорченіе, и безпокойство, и при этомъ еще—неизвѣстность и опасеніе, найдено ли будетъ искомое. Не то при исканіи Господа. Самое это исканіе—радость для сердца. Искомое непременно будетъ найдено, ибо само давно и горячо ищетъ насъ. „*Ищите, и обряцете*“... „*Всякъ просій приѣмлетъ*“. Только ищи и радуйся, ибо можешь быть увѣреннымъ, что найдешь, и знаешь, сколько сладко, сколько драгоценно и вожделѣнно это искомое.

Не думай, что Господь не слышитъ молитвы объ исправленіи грѣшныхъ и заблуждающихся. Нѣтъ, Онъ первый въ числѣ скорбящихъ о ихъ заблужденіи и первый въ числѣ жаждущихъ ихъ исправленія. Люди сами не хотятъ немножко побороться съ собой, подтянуть себя,—малодушествуютъ, живутъ, сплутя рукава, и сами не даютъ Господу спасти ихъ и помочь имъ.

*.

Увыніе и разочарованіе—совершенно неизбѣжныя въ жизни нашей чувства, но не надо давать имъ надолго овладѣвать душою, не надо задаваться слишкомъ высокими и далекими отъ осуществленія планами и стремленіями. Всѣ мы люди—не чужды преувеличенныхъ мнѣній о себѣ и сообразныхъ съ симъ мечтаній. Найти себя—подлиннаго себя, а не преувеличеннаго, въ этомъ хаосѣ неосуществимыхъ мечтаній и жить, такъ сказать, въ мѣру своего духовно-нравственнаго бюджета—лучшій и вѣрнѣйшій залогъ здоровой и спокойной жизни.

Не удовлетворить насъ ничто изъ того, въ чемъ ищетъ человѣкъ забвенія сознаваемаго имъ въ глубинѣ души ничтожества предъ совершенствомъ Божества, забвенія своихъ неудачъ, недовольствъ, огорченій и разочарованій.

Земныя удовольствія—пустой наркозъ. Тихо страдать и тихо отдыхать—нашъ удѣлъ. И это самый вѣрный путь къ Богу и цѣли нашего бытія—соединенія съ Богомъ. Господи! Чаше укрѣпляй Твоею тихою благолатію наше чуткое къ изъяснамъ земной жизни сердце.

Съ приближеніемъ и наступленіемъ старости—не только тѣлесныя, но и умственныя и духовныя силы становятся не тѣ: не та уже живость и острота ума, не та воспримчивость, не та вдумчивость, не та производительность головы и сердца. Не та и горячность благоугожденія Богу. Все не то. А и въ запасѣ ничего. Господи! *Внегда осквернати крѣпости моеи, не остави мене.*

Боже! Господи! Не *языцы приидоши въ достояніе Твое*, а я самъ оскверняю храмъ святой Твой нечистыми помышленіями и дѣяніями моими. Самъ себя гублю, растлѣваю, уничтожаю. Господи! Почто допускаешь? Почто обрекаешь меня столь горькой отвѣтственности, столь тяжкой мукѣ? Положи конецъ непосильной борьбѣ. Пошли миръ, облегченіе и тишину душѣ моей отъ обуревающей меня грязной волны.

*
„Виноградникъ“ и доньяѣ бьетъ и убиваетъ рабовъ и слугъ Божіихъ—заповѣди, призывающія его къ добродѣланію. Убиваетъ и Сына Божія возлюбленнаго — презрѣніемъ Его голоса, призывающаго насъ къ вразумленію и покаянію. Такой виноградникъ—каждая душа человѣческая, поступающая доньяѣ такъ, какъ евангельскіе виноградари, понесшіе столь тяжкую участь.

Во всякомъ испытаніи Божіемъ ищи и найдешь добрыя стороны утѣшенія для тебя. Если не найдешь сразу, вѣрь, что найдешь потомъ, въ свое время. И добрый плодъ не сразу становится сладкимъ, сочнымъ и вкуснымъ, но пе-

реживаеть продолжительное состояніе, когда бываетъ и горькимъ, и невкуснымъ, и даже вреднымъ. Такъ и въ дѣлахъ Божіихъ—не сразу открывается вся присущая имъ благодѣтельность для чловѣка.

*

И добродѣтели, и пороки наши начинаются обыкновенно съ очень малыхъ величинъ, вкореняются очень маленькими и, повидимому, совершенно ничтожными опытами и повтореніями. Какъ комъ снѣга, катясь дальше все въ большей и большей толщинѣ—добродѣтели и пороки наращаются частыми ихъ повтореніями и вырастаютъ въ силу, часто непобѣдимую.

Какъ должно быть намъ жаль и одного дня, пропущеннаго по нуждѣ или неудобствамъ безъ принятія Св. Таинъ Господнихъ! Ни на какія цѣнности не оцѣнить того ущерба, того лишенія, какое чувствуется душою въ день, потерянный для Господа. Лучше бы не жить этотъ день, не сознать его, не чувствовать, не видѣть.

*

Какой маленькій клочокъ—наша быстротечная жизнь на общемъ фонѣ времени. Прошедшее—безъ участія нашего, и будущее—безъ послѣдствій нашихъ. То и другое—сотни и тысячи лѣтъ, а наше настоящее—едва нѣсколько десятковъ годовъ.

..Не называйтесь учителями, наставниками... и отца не зовите себѣ на земли...“—полное самоотверженіе ради Господа и преданность Ему, вѣра въ Него, какъ замѣняющаго намъ все, самое дорогое, близкое, родное и святое на семъ свѣтѣ.

*

Царице Небесная! Ты—моя надежда непостыдная. Ты—свѣтъ очей моихъ. Ты—отрада моя и утѣшеніе. Помоги мнѣ бѣдному, беспомощному, безнадежному, безотрадному.

Весь я—грѣхъ и нечистота, беспомощное отчаяніе. Воскреси меня къ жизни лучшей и благонадежной.

Господь—распятый, вознесенный отъ земли, съ главою, вперенною въ небо, съ руками, воздѣтыми горѣ—искупительная жертва за все человѣчество, за всѣ времена и народы, между небомъ и землею, какъ соединительное звено между тѣмъ и другимъ, какъ глава и вѣнецъ всей земли, крестомъ увѣнчанной и кровію окропленной Агнца Божія.

А. I.

Жизнь Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Душеспасительныя бесѣды.

БЕСѢДА ВОСЬМАЯ.

Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

(Догматъ о воплощеніи Сына Божія).

Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ неприступному приносить: Ангели съ настырьми славословятъ, волсви же со звяздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отроча младо, превѣчный Богъ (кондакъ). Такъ нынѣ радостно поемъ мы, чада Церкви Святой. И подлинно, нынѣ день всемірнаго торжества. Богъ явился въ человѣческомъ естествѣ среди людей. Съ нами Богъ! Радуйтесь и ликуйте, православныя людіе! Святые Евангелисты Матѳей и Лука записали обстоятельства, предшествовавшія рожденію Спасителя нашего, сопровождавшія его и послѣдующія. Въ Евангеліи св. ап. Матѳея мы читаемъ: „Рождество Іисуса Христа было такъ: по обрученіи Матери Его Маріи съ Іосифомъ, прежде нежели сочтались они (сошлись на жительство подъ однимъ кровомъ), оказалось, что Она имѣетъ во чревѣ отъ Духа Святаго“. (1, 18) Обрученіе Пресвятой Дѣвы Маріи съ старцемъ Іосифомъ состоялось въ присутствіи старѣйшинъ. Послѣ этого Обрученая должна была оставаться въ домѣ своихъ родныхъ, пока обрученникъ не возьмъ Ея въ свой домъ. Праведные Іоакимъ и Анна жили въ Назаретѣ. У нихъ былъ благоустроенный дворъ. Дочь ихъ, по обрученіи, могла, ко-

нечно, имѣть пребываніе въ наслѣдственномъ домѣ съ Своими ближайшими родными. Здѣсь послѣдовало благовѣщеніе Ей о рожденіи отъ Нея Сына Божія по человѣчеству. Откуда же Она ходила въ Горнюю посѣтить родственницу Свою Елисавету, у которой прогостила около трехъ мѣсяцевъ. Когда же Дѣва Марія возвратилась въ Назаретъ, Іосифъ сталъ примѣчать, что Она неปราдна. Марія ничего не говорила ему о благовѣщеніи и о зачатіи Ею отъ Духа Святаго. Неудивительно, что въ голову старца Іосифа приходили мрачныя мысли: невѣста его *бракообкрадована*. Что же дѣлать ему? „Іосифъ, мужъ Ея (Дѣвы Маріи, обрученникъ), будучи праведенъ, и не желая огласить Ее, хотѣлъ тайно отпустить Ее“. Праведный еврей поступалъ по закону Божію. А законъ запрещалъ ему принять въ свой домъ невѣсту, измѣнившую ему. Но открыто обличить послѣднюю у Іосифа не доставало духа. Законъ неумолимо строгъ былъ къ обличеннымъ въ невѣрности. Таковыхъ побивали предъ воротами города камнями. Посему старецъ Іосифъ положилъ въ душѣ своей отпустить, т. е. не вводить въ свой домъ Дѣву Марію, но и не разглашать, Ея вины. „Но когда онъ помыслилъ это, се Ангель Господень явился ему во снѣ и сказалъ: Іосифъ, сынъ Давидовъ! не бойся принять Марію, жену (обрученную) твою: ибо родившееся въ Ней есть отъ Духа Святаго“. (—20) Іосифъ мыслилъ не согласно съ планами Божественнаго домостроительства. Онъ не зналъ его. Посему и нужно было для него откровеніе свыше. Увѣренія Дѣвы Маріи въ Своей чистотѣ не подѣйствовали бы на Іосифа, и вотъ является ему Ангель Божій. Святые отцы предполагаютъ, что это былъ Архангель Гавріиль. Небесный вѣстникъ назвалъ Іосифа сыномъ Давида. Онъ желалъ этимъ напомнить старцу о происхожденіи Мессіи изъ рода Давидова. Плодъ Маріи есть тотъ Самый Мессія, о Которомъ предсказывали пророки. Посему оставь, Іосифъ, свои подозрѣнія, которыя вторглись въ душу твою. Ангель знаетъ помыслы старца. Это

явный знак, что онъ—отъ Бога вѣстникъ. Ему вѣрить должно. Да онъ и даетъ такіе признаки, не вѣрить которымъ невозможно. Ангелъ свидѣтельствуеъ, что плодъ Дѣвы Маріи есть отъ Духа Святаго. Посему для Іосифа нѣтъ основаній отказать обрученной ему Дѣвѣ и не принять Ея въ свой домъ. Она „родитъ Сына, и наречешь Ему имя Іисусъ, ибо Онъ спасетъ людей Своихъ“. Ангелъ знаетъ, что Дѣва родитъ Сына. Іосифъ не устраняется отъ служенія воплощающемуся Мессіи. Хотя Спаситель отъ Духа Свята, однако и Іосифу предоставляются Ангеломъ права отца,—онъ дастъ имя Рождаемому и въ послѣдующее время будетъ Ему за отца. Ангелъ Господень наименовалъ ожидаемое Отроча Іисусомъ и изъяснилъ значеніе этого имени: Онъ спасетъ людей отъ грѣховъ. Іудеи ожидали въ лицѣ Мессіи освободителя отъ рабства римскаго. Ангелъ же Господень вноситъ поправку въ томъ смыслѣ, что ожидаемый Мессія будетъ избавителемъ отъ рабства діаволу и отъ грѣховъ,—да не только іудеевъ, но и всѣхъ, жаждущихъ оправданія. „А все сіе, продолжалъ Ангелъ Господень, произошло, да сбудется реченное Господомъ чрезъ пророка, который говоритъ: се, Дѣва во чревѣ приметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Эммануиль, что значить съ нами Богъ“ (—22 и 23). Іосифъ знаетъ, конечно, это пророчество Исаи. Ангелъ указываетъ на него, какъ на доказательство, что приспѣло время его исполненія. Оно сбывается въ точности: Дѣва приняла во чревѣ отъ Духа Святаго Эммануила, Бога во плоти. Итакъ, не удивляйся и не убойся, праведный Іосифъ! Обрученная тебѣ—Богомъ избранная Дѣва, Матерь Эммануила. Пробудившись отъ сна, Іосифъ не забылъ того, что возвѣстилъ ему Ангелъ Господень. Теперь душа его умиротворилась. Всякое подозрѣніе исчезло. Онъ не усумнился уже исполнить повелѣнное ему Ангеломъ и принялъ въ свой домъ обрученную ему Дѣву Марію. Оставалось ожидать исполненія желаннаго событія—рожденія Мессіи.

Господу угодно было, чтобы Избавитель людей отъ грѣ-

ховъ появился на свѣтъ въ іудейскомъ городѣ Виелеемѣ. Объ этомъ еще за 700 лѣтъ возвѣстилъ пророкъ Михей, сказавъ: „И ты, Виелеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше воеводства Іудиныхъ, ибо изъ тебя произойдетъ Вождь. Который упасетъ народъ Мой Израиля“. Всѣ евреи вѣрили, что пророкъ Михей провѣщалъ о мѣстѣ, изъ котораго явится Мессія. Несомнѣнно, Іосифъ зналъ и это пророчество. Но едвали онъ предполагалъ выѣхать изъ Назарета. Однако, совершенно неожиданнымъ для него въ городѣ объявлялся указъ римскаго императора Августа. Іосифъ прислушался. Оказалось, что императоръ повелѣвалъ произвести всенародную перепись. Онъ не стѣснялъ пока іудеевъ, дозволивъ имъ произвести ее по своимъ законамъ. А іудеи хранили, насколько возможно было, свои родословныя таблицы. Каждый зналъ свой отечественный городъ или селеніе, и каждый посему долженъ былъ отправиться именно на родину для записи. Іосифъ былъ изъ дома Давида. Значить, ему нужно было ѣхать въ Виелеемъ, который именовался даже градомъ Давида. Да и Святая Дѣва Марія, какъ единственная наслѣдница родительскаго имуществва, также подлежала переписи и должна была отправиться также въ Виелеемъ. Но, конечно, у Нея и у Іосифа были мысли и относительно исполненія пророчества Михея. Указъ императора являлся только по планамъ Божественнаго домостроительства внѣшнимъ поводомъ къ путешествію. Какъ бы то ни было, когда „пошли записываться, каждый въ свой городъ, пошелъ также и Іосифъ изъ Галилеи, изъ города Назарета, въ Іудею, въ городъ Давидовъ, называемый Виелеемъ, потому что онъ былъ изъ дома и рода Давидова, записаться съ Марією, обрученною ему женою, Которая была беременна. Когда же они были тамъ, наступило время родить Ей. И родила Сына первенца, и спеленала Его, и положила Его въ ясли, потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ“ (Лук. II 3—7). Въ небольшомъ городкѣ, какимъ былъ Виелеемъ, всѣ свободныя помѣщенія заняты были прибывшими за-

писываться потомками Давида. Что было дѣлать Иосифу? Онъ предложилъ Дѣвѣ Маріи помѣститься въ горной пещерѣ, которая была приспособлена для загона скота въ непогоду и холодъ. Здѣсь оказались ясли. Преданіе добавляетъ, что въ то время, когда родился Господь нашъ Иисусъ Христосъ, къ нимъ были привязаны осель и вольт. Пресвятая Дѣва въ пещерѣ и родила Сына Своего, единственного и перворожденного. О рожденіи должно примѣтить, что оно, какъ чуждое грѣха, было безболѣзненнымъ. Сама Пресвятая Матерь Господа сдѣлала все, что нужно было совершить надъ новорожденнымъ Младенцемъ, и, повивъ Его, положила въ ясли.

Такъ смирилъ Себя единородный Сынъ Божій, благоволившій принять въ единство лица Своего и человѣческое естество ради спасенія рода человѣческаго. Не было постороннихъ свидѣтелей крайняго смиренія Сына Божія при Его рожденіи на землѣ. Небожители только поспѣшили повѣдать о Немъ пастухамъ, быть можетъ, владѣльцамъ пещеры. Пастухи пасли стада. Они бодрствовали, оберегая пасомыхъ отъ хищниковъ — людей и звѣрей. Часъ былъ полунощный. Тишина въ воздухѣ и тишина на землѣ. Все кругомъ казалось погруженнымъ въ глубокой сонъ. И „вдругъ предсталъ имъ (пастырямъ) Ангель Господень, и слава Господня осіяла ихъ“ (Лук. II, 9). Свѣтъ съ неба, свѣтъ необыкновенный, неземной часто бывалъ спутникомъ и выразителемъ славы Господней. Земнородные не выносятъ спокойно присутствія послѣдней. Особенно смущается душа при видѣ небожителя. А у евреевъ было еще повѣрье, что будто явленіе небожителя есть вѣрный признакъ близкой кончины того лица, кому послѣдовало явленіе. Неудивительно посему, если пастыри не только пришли въ недоумѣніе, но и страхъ напалъ на нихъ. Такъ и говорить объ этомъ Евангелистъ: „и убоялись они страхомъ великимъ“. Простыхъ этихъ людей требовалось прежде всего успокоить. „И сказалъ имъ Ангель: не бойтесь; я возвѣщаю вамъ великую ра-

дѣсть, которая будетъ всѣмъ людямъ“. Люди склонны желать радости. Сердце любить ихъ. Радость изгоняетъ изъ него страхъ. Ангель предупредилъ, чтобы пастыри не боялись, а потомъ уже объявляетъ, что сообщитъ имъ радость. Эта радость не только будетъ для однихъ пастырей, но и для всѣхъ людей. Въ чемъ же она заключается? Какой ея источникъ? Ангель Господень не замедлилъ сообщить и объ этомъ. „Нынѣ, сказалъ онъ, родился вамъ въ городѣ Давидовѣ Спаситель, Который есть Христосъ Господь“. Пастыри, какъ іудеи, одушевлены были ожиданиями Мессіи Господа. Слышали они, что онъ именуется Христомъ Господомъ, помазанникомъ. Вотъ и Ангель Божій говоритъ имъ, что въ Вифлеемѣ родился нынѣ именно Сей самый Христосъ Господь. Конечно, небожитель не могъ же сказать неправды. Пастыри должны были повѣрить ему. Но онъ снисходить еще болѣе къ ихъ немощи и даетъ имъ знаменіе того, что онъ сказалъ истину. Какое же это знаменіе? „Вы найдете младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ“. Младенецъ, говоритъ Ангель, лежитъ въ ясляхъ и повить пеленами. А на что это указываетъ? На крайнее смиреніе Его. Не въ блестящемъ чертогѣ, не въ порфирѣ и виссонѣ, а въ ясляхъ, простыми пеленами обвить, положенъ помазанникъ Господень, обѣтованный Мессія. Какое испытаніе вѣры пастырей! Они люди простые, но и Спаситель міра превзошелъ ихъ крайнимъ снисхожденіемъ, униженіемъ и смиреніемъ. Но, дивно, Ангель сказалъ о радости для всего міра. И не успѣли еще пастыри обдумать слышаннаго ими отъ Ангела, какъ „внезапно явилось съ Ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: „слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ чловѣкахъ благоволеніе“. Небесное воинство—это сонмы Ангеловъ святыхъ. Они славословили Господа и Бога и пѣли Ему славу. Среди небожителей была превеликая радость, ибо люди получили Искупителя. Богу слава! Спаситель примиряетъ грѣшный родъ чловѣческій съ Бо-

гомъ. Онъ возвѣщаетъ людямъ о Божіемъ царствѣ, Себя Самого приносить въ жертву за грѣхи человѣческіе. Господь Богъ принимаетъ сію неоцѣненную жертву Единороднаго Сына Своего и примиряется съ родомъ человѣческимъ. Ангелы святые это созерцаютъ уже, привѣтствуютъ другъ друга и Господу Богу поютъ славу. Радуются они и тому, что ясно видятъ *въ человѣцѣхъ благоволеніе* Бога. Но Богъ благоволяетъ только къ праведнымъ и святымъ. Люди же всѣ были грѣшны. Какъ же могло на нихъ почить Божіе благоволеніе? Вотъ и открывается неизреченное человѣколюбіе Господа. Благоволеніе Бога Отца вѣчно почиваетъ на Сынѣ. Онъ именуетъ Его Сыномъ Своимъ возлюбленнымъ, къ Которому благоволяетъ. (Мф. XVII, 5). Чтобы обратить это благоволеніе Божіе и на людей, Сынъ Божій въ единство Лица Своего принимаетъ и человѣческое естество. Это послѣднее Онъ соединяетъ на всю вѣчность съ Своимъ Божествомъ. Воплотившійся Сынъ Божій дѣлается славою человѣковъ, ходатаемъ за нихъ, примирителемъ, братомъ ихъ и другомъ. Богъ Отецъ ради заслугъ Сына Своего отверзаетъ двери рая для людей. Вѣрующіе въ Сына Божія получаютъ прощеніе грѣховъ и становятся чадами любви Божіей. Святые Ангелы все это уже созерцаютъ и поютъ Господу Богу славу.

Когда святые Ангелы окончили пѣніе „и отошли на небо, пастухи сказали другъ другу: „пойдемъ въ Вифлемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь“. Пастыри знали, что они получили откровеніе отъ Господа Бога. Сомнѣніе неумѣстно. Они совѣщаются итти къ указанному Ангеломъ мѣсту, чтобы увидѣть Утѣху Израиля, Христа Господня и поклониться Ему. „И поспѣшивъ, пришли они и нашли Марію и Іосифа, и Младенца, лежащаго въ ясляхъ“. Пастыри нашли все въ томъ порядкѣ, какъ возвѣстилъ имъ Ангелъ Господень. Они, конечно, благоговѣнно поклонились Младенцу. „Увидѣвъ же, они рассказывали о томъ, что было возвѣ-

щено имъ о Младенцѣ Семъ“. Кому же рассказывали? Матери Младенца, мнимому отцу Его Іосифу и нѣкоторымъ другимъ, уже пришедшимъ навѣстить Марію и Младенца. Вѣроятно, это были родственники Іосифа, которымъ онъ успѣлъ сказать о событіи. „И всѣ, слышавшіе, дивились тому, что рассказывали имъ пастухи. А Марія сохраняла всѣ слова сіи, слагая въ сердцѣ Своемъ“. (Лук. II, 10—19). Слова пастырей возбудили въ умахъ слышавшихъ удивленіе. Что это за Дитя будетъ? А Марія, Матерь Его, знала, Кто этотъ Младенецъ, а потому не удивлялась, а размышляла по поводу словъ пастырей и въ сердцѣ Своемъ сохраняла ихъ. „И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все то, что слышали и видѣли, какъ имъ сказано было“ (—20). Обрадованные пастыри возвратились къ стадамъ своимъ и привялись за привычныя дѣла свои, не забывая воздать Господу Богу славу.

„По прошествіи 8-и дней, когда надлежало обрѣзать Младенца, дали Ему имя Іисусъ, нареченное Ангеломъ прежде зачатія Его во чревѣ. А когда исполнились дни очищенія ихъ по закону Моисееву, принесли Его въ Іерусалимъ, чтобы представить предъ Господа“ (Лук. II, 21—22). О семъ событіи рѣчь будетъ въ слѣдующей бесѣдѣ.

Въ благовѣстіи о рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа заключается догматъ нашей Православной вѣры о воплощеніи Сына Божія. Въ краткихъ и точныхъ словахъ этотъ догматъ преподается намъ въ Никео-Цареградскомъ символѣ вѣры вслѣдъ за исповѣданіемъ Божества Спасителя нашего. Мы научены исповѣдывать такъ: „Вѣрую во единого Господа Іисуса Христа, Сына Божія, *насъ ради чловѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочлвѣтъчшася*“ (3-й чл. симв. вѣры). По Своему Существому Второе Лицо Пресвятой Троицы—всегда на небѣ и на землѣ, какъ Богъ вездѣсущій. Когда же мы исповѣдуемъ Его сшедшимъ съ небесъ, то выражаемъ вѣру свою въ воплощеніе Сына Божія. Онъ, будучи невиди-

мымъ по Божеству, принявъ человѣческое естество и, какъ человѣкъ, родился на землѣ, возросъ, былъ видимъ, осязаемъ, описуемъ, словомъ, имѣлъ всѣ свойства человѣческой природы, кромѣ грѣха. Самъ Спаситель говоритъ Никодиму: „никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ Человѣческой, сущій на небесахъ“ (Іоан. III, 13). И св. ап. Павелъ о Немъ пишетъ: „Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищевіемъ быть равнымъ Богу, но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной“ (Фил. II, 6—8). Такъ помните, что сошествіемъ съ небесъ Сына Божія именуется Его воплощеніе и вочеловѣченіе. Цѣль же сошествія выражается словами: *насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія*. Значить, евреи неправильно говорили, что Спаситель для нихъ только однихъ. Господь Богъ еще въ ветхомъ Завѣтѣ чрезъ пророка Іезекіиля возвѣщалъ: *Живу азъ, глаголетъ Адаиамъ Господь, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему* (XXXIII, 11). И св. ап. Павелъ пишетъ: „Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины. Ибо единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Іисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ“ (1. Тимое. II, 3—6). И въ другомъ мѣстѣ Апостоль сказалъ: „Христосъ за всѣхъ умеръ“ (2 Кор. V, 15). Значить, въ символѣ вѣры совершенно согласно съ свящ. Писаніемъ сказано: Христосъ Божій Сынъ воплотился насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія.

Но что же такое тяготѣло надъ родомъ человѣческимъ? Что вызвало необходимость воплощенія Сына Божія? *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего едиnorodнаго длакъ есть, да всякъ, вѣруя въ оны, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Это благоволилъ сказать Самъ воплотившійся Господь, Сынъ Бога Отца. Родъ человѣческой

находился на краю погибели. На немъ тяготѣль грѣхъ, проклятіе и смерть. Нужно-ли намъ долго останавливаться вниманіемъ на выясненіи этихъ бѣдствій?! Кто же не знаетъ, что такое грѣхъ? Св. ап. Іоаннъ Богословъ именуеть его *беззаконіемъ*, нарушеніемъ закона, повелѣнія, обязательнаго для исполненія. Вотъ, на примѣръ, Законъ Божій ясно и опредѣленно говоритъ человѣку: *не укради*. Если же человѣкъ украдетъ, то нарушитъ законъ, согрѣшитъ. Но откуда же грѣхъ въ людяхъ, когда мы изъ слова Божія знаемъ, что первые люди были созданы по образу и по подобію Божію, значить, безгрѣшными? Конечно, грѣхъ произошелъ не отъ Господа Бога, Который грѣшитъ не можетъ, а отъ діавола, лукаваго духа. Послѣдній, какъ великій и злобный завистникъ, воспылалъ именно завистию къ человѣку, блаженствовавшему въ раю. Вотъ онъ и рѣшился соблазнить нашихъ праотцевъ. Извѣстно, что Господь Богъ для упражненія воли человѣка въ добръ даровалъ ему заповѣдь—не вкушать плодовъ и не прикасаться къ древу познанія добра и зла. А давая эту заповѣдь, Господь предупредилъ Адама, что если онъ и жена его Ева не сохранятъ заповѣди, то подвергнутся великимъ бѣдствіямъ—смертію умрутъ. Однако, по обольщенію духа лукаваго, прародители наши пали, нарушивъ заповѣдь Божію. Искуситель внушилъ Евѣ недовѣріе къ Богу и возбудилъ въ душѣ ея „похотѣнія плоти и очесъ и гордость житейскую“. Она вкусила отъ запрещеннаго плода, обративъ дорогой даръ свободы во зло для себя, для мужа и всего потомства. Адамъ послѣдовалъ примѣру жены. Посему надъ обоими ими и разразилось то бѣдствіе, о которомъ говорилъ Адаму Господь Богъ.

Грѣхъ извратилъ природу человѣческую. Онъ внесъ въ нее разлагающее начало, ядъ, повлекшій за собою проклятіе и смерть. Согрешившій уже не пригоденъ сталъ для райской жизни. Въ самооправданіи прародителей проявились: недостатокъ прямоты, искренности, чистосердечія. начало лицемѣрія, лжи и обмана. Нужно было или чело-

вѣка свести съ лица земли, или послѣднюю лишить тѣхъ совершенствъ, которыми она обладала вначалѣ. Это и послѣдовало въ проклятіи. Милующая правда Божія проявила себя и въ наказаніи человѣка смертію тѣлесною. Вся природа уже вооружилась противъ него. Пища, тепло и холодъ совсѣмъ нерѣдко стали вредить ему. Звѣри начали угрожать его здоровью и благосостоянію. Кромѣ того болѣзни изнурительно дѣйствуютъ на его тѣло. Словомъ, человѣкъ явился на землѣ болѣе страдальцемъ, чѣмъ счастливцемъ. И при такомъ то положеніи оставить ему безсмертіе—значило обречь его на безконечное страданіе. Премилосердый Господь Богъ далъ человѣку тѣлесную смерть, какъ покой послѣ трудовъ. Посему въ этой смерти нѣтъ настоящей бѣды. Гораздо бѣдственнѣе для человѣка смерть духовная. Послѣ грѣхопаденія душа человѣка начала испытывать такое состояніе, что грѣховное сѣмя лишало ея благодати Божіей. Чѣмъ болѣе усиливался грѣхъ, тѣмъ болѣе увеличивалось отчужденіе отъ Бога. Смерть духовная наступала съ той минуты, какъ благодать Божія вся безъ остатка отнималась отъ грѣшной души. Она уже лишалась возможности чувствовать и желать святого, Божественнаго и духовнаго. Грѣхъ царилъ въ душѣ. Эта вотъ смерть и явилась бы настоящимъ наказаніемъ человѣка за грѣхъ, если бы Господь Богъ не помиловалъ его.

Всѣ бѣдствія согрѣшившихъ прародителей перешли и на ихъ потомковъ. Святыи ап. Павелъ пишетъ: „однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили“ (Римл. V, 12). Грѣхопаденіе прародителей повлекло за собою проклятіе и смерть и на всѣхъ ихъ потомковъ. Мы всѣ воспріями, какъ изъ зараженнаго источника, грѣховную язву. А что заражено грязью нравственною, то не можетъ явиться предъ Господомъ Богомъ. Вотъ почему св. ап. Павелъ выразительно сказалъ, что всѣ люди по природѣ суть чада гнѣва Бо-

жія (Ефес. II, 3). Но на всѣхъ потомкахъ Адама и Евы лежитъ и прямая отвѣтственность за грѣхъ ихъ. Мы всѣ виновны въ грѣхопадѣніи прародителей. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ вмѣняются слѣдствія грѣха, то, значить, мы повинны и въ причинѣ. Такимъ образомъ, весь родъ человѣческій бѣдствовалъ и погибъ бы несомнѣнно вѣчною погибелью, если бы Господь Богъ не помилосердовалъ. Въ самомъ же человѣкѣ нашлась почва для усвоенія вѣры въ Спасителя и самаго спасенія. Согрѣшившій человѣкъ способенъ былъ къ покаянію. Его стыдъ и страхъ явились показателями этого спасительнаго чувства. Господь Богъ видѣлъ это и пожалѣлъ прародителей нашихъ. Прежде наказанія имъ Онъ сказалъ змію соблазнителю: „Вражду положу между тобою и женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ ея; оно будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пяту“ (Быт. III, 15). Кто же разумѣется подъ сѣменемъ жены? Избавитель, Спаситель, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, родившійся на землѣ отъ Духа Святаго и Пречистой Дѣвы Маріи. Что Адамъ и Ева приняли это обѣтованіе и внесли въ души свои надежду на возвращеніе потеряннаго чрезъ грѣхъ и избавлены отъ отчаянія, видно уже изъ того, что Адамъ только что выслушавъ приговоръ о смерти, какъ слѣдствіи грѣха, нарекъ имя женѣ своей Ева (Жизнь), ибо она стала матерью всѣхъ живущихъ (Быт. III, 20). Далѣе, когда Ева разрѣшилась отъ бремени первенцемъ, то назвала его Каиномъ, т. е. пріобрѣтеніемъ: *и роди Каина, и рече: стяжахъ челоуѣка Богомъ*, или Богочеловѣка (IV, 1). Ясно, что Ева вѣрила и нетерпѣливо ожидала исполненія Божіяго обѣтованія. Во времени то она ошиблась; но это не угасило въ душѣ ея вѣры въ Избавителя. Не угасала эта вѣра и въ потомкахъ Евы, несмотря на крайнюю порчу ихъ. Она чудеса творила среди сыновъ Божіихъ. Енохъ, одушевляемый вѣрою, *преложень бысть не видѣти смерти...* *Прежде бо преложенія его свидѣтельствованъ бысть, яко угоди Богу* (Евр. XI, 5). Сынъ его Маеусайль, по силѣ

той же вѣры, благословляется отъ Бога долготѣіемъ: онъ жилъ на землѣ 969 лѣтъ. Одинъ изъ патріарховъ—Ламехъ „родилъ сына и нарекъ имя ему Ной, сказавъ: онъ утѣшитъ насъ въ работѣ нашей и въ трудахъ рукъ нашихъ при воздѣлываніи земли, которую проклялъ Господь Богъ (Быт. V, 29). Значить, Ламехъ въ лицѣ Ноя уже желалъ видѣть Обѣтованнаго. Самъ Ной въ сынѣ своемъ Симѣ провидѣлъ родоначальника обѣтованнаго Сѣмени (Быт. IX, 27). Господь Богъ и нерѣдко повторялъ Свои обѣтованія о Спасителѣ. Такъ Онъ Аврааму, мужу крѣпкой вѣры, отцу вѣрующихъ, изрекъ: „благословятся въ сѣмени твоёмъ всѣ народы земли“ (Быт. XXII, 18). То же обѣтованіе Господь Богъ повторилъ потомъ Исааку, Іакову и Давиду (Быт. XXVI, 4; XXVIII, 14; 2 Цар. VII, 12—13).

Вмѣстѣ съ словесными обѣтованіями Господь Богъ указывалъ на Обѣтованнаго Искупителя прообразами. Весь обрядовый законъ, какъ говоритъ св. ап. Павелъ, былъ „тѣнью грядущихъ благъ“ (Евр. X, 1). Особенно на будущую искупительную жертву Спасителя предукзывали ветхозавѣтныя жертвы. Святый ап. Павелъ пишетъ объ этомъ: „все почти по закону очищается кровію; и безъ пролитія крови не бываетъ прощенія... Но невозможно, чтобы кровь тельцовъ и козловъ уничтожала грѣхи. Посему Христосъ, входя въ міръ, говоритъ: жертвы и приношенія Ты (Боже, Отче) не восхотѣлъ, но тѣло уготовалъ Мнѣ. Потомъ прибавилъ: се, иду исполнить волю Твою, Боже. Отмѣняетъ первое, чтобы поставить второе“ (Евр. IX и X гл.). И многія событія ветхозавѣтной исторіи имѣютъ характеръ прообразовательный. Напримѣръ, жертва Авраама служитъ прообразомъ любви Божіей, по которой „Отецъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“. (Іоан. III, 16). И Авраамъ, совершившій въ духъ повелѣніе Божіе о принесеніи въ жертву единственнаго сына, дѣйствительно уразумѣлъ прообразовательный смыслъ своего жертвоприношенія.

„Авраамъ, говорить Спаситель, увидѣлъ день Мой, и возрадовался“ (Іоан. VIII, 56). А какой прекрасный прообразъ крестной смерти Спасителя и ея значенія для рода человѣческаго данъ Господомъ чрезъ пророка Моисея въ мѣдномъ змѣй! Самъ Иисусъ Христосъ изъяснилъ, что этотъ змѣй былъ Его прообразомъ (Іоан. III, 14). И послѣ Моисея Господь Богъ *многочастнѣ и многообразнѣ* говорилъ евреямъ чрезъ пророковъ (Евр. 1, 1). Они въ подробныхъ чертахъ возвѣстили обстоятельства жизни Обѣтованнаго Избавителя. По благовѣстію святыхъ пророковъ, Искупитель будетъ Богочеловѣкъ. Онъ родится изъ колѣна Іудина, изъ дома царя Давида. Онъ—Богъ, оправданіе наше: Престоль Его въ вѣкъ вѣка (Іерем. XXIII, 6; пс. 46, 7). Пророки называли Его Еммануиломъ, Ангеломъ великаго Совѣта, чуднымъ Совѣтникомъ, Богомъ крѣпкимъ, Княземъ міра, Отцемъ будущаго вѣка, Котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ (Ис. VII, 14; IX, 6; Мих. V, 2). Онъ будетъ великій пророкъ и первосвященникъ. Онъ дастъ завітъ новый и Себя Самого принесетъ въ жертву Богу за беззаконія людей Своихъ (Ис. LIII, 10; Іер. XXXI, 31—35). Святые пророки возвѣстили, что Обѣтованный Избавитель родится отъ Дѣвы (Ис. VII, 14) въ Виѣлеемѣ (Мих. V, 2), предъ Нимъ посланъ будетъ Предтеча (Мал. III, 1), и Ему принесутъ дары цари востока, и поклонятся Ему цари земные (пс. LXXI, 10—11). Онъ начнетъ Свое благовѣстіе съ Галилеи и будетъ творить великія чудеса: слѣпымъ даруетъ зрѣніе, глухимъ—слухъ и будетъ воскрешать мертвыхъ (Ис. IX, 1; XI, 1—3; XXVI, 19; XXXV, 5—6). Совершивъ торжественный входъ въ Іерусалимъ (Зах. IX, 9), Онъ предастся на страданія однимъ изъ Своихъ учениковъ за тридцать сребренниковъ (Зах. XI, 12; пс. XL, 10). На судѣ станутъ клеветать на Него, подвергнутъ осмѣянію и заушенію и осудятъ, прободятъ руки и ноги, и ребра Его, раздѣлятъ одежды Его по жребію, дадутъ Ему вкусить желчь и напоятъ отцомъ, и мимоходящіи поругаются надъ Нимъ

(пс. XXXIV, 10—11; XXI, 7 и 17; ХСШ, 21; LXVIII, 22). Во время жестокихъ страданій Онъ будетъ безмолвенъ и не откроетъ устъ Своихъ (Ис. LIII, 7). Онъ будетъ только молиться за недруговъ Своихъ (пс. CVIII, 4) и, умирая, воззоветъ ко Господу, возвѣщая предъ Нимъ Свою печаль (пс. CXI, 2—4). По кончинѣ Онъ низойдетъ въ адъ для избавленія сѣдящихъ въ тѣни смертной (пс. XV, 10), воскреснетъ въ третій день (пс. LXX, 20; Осии VI, 2), вознесется на небо, возсядетъ одесную Бога Отца и ниспошлетъ Духа Святаго (пс. CIX, 1; Іоуля II, 28). Святыи пророкъ Данииль точно предсказаль и время явленія Спасителя въ міръ. Такъ часто и во многихъ пророчествахъ и прообразованіяхъ Господь Богъ возвѣщаль евреямъ объ Искупителѣ, приготовляя ихъ къ принятію Его. Но по Своему неизреченному милосердію Богъ не оставилъ и язычниковъ безъ напоминанія объ Избавителѣ, мысль о Которомъ никогда совершенно то не погасала въ ихъ душахъ, но затемнялась. Евреи содѣйствовали оживленію мессіанскихъ ожиданій и въ языческомъ мірѣ. Всюду, гдѣ ни появлялись, они несли съ собою свои священныя книги, въ которыхъ ясно возвѣщалось о Спасителѣ міра. Изъ язычниковъ многіе даже принимали еврейскую вѣру. Словомъ, весь міръ чаяль Утѣхи Израиля и Славы языковъ. И вотъ, „когда пришла полнота времени Богъ послаль Сына Своего Единороднаго, Который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе“ (Гал. IV, 4—5).

Но когда же пришла эта полнота времени? Въ 5508 году отъ сотворенія человѣка. Срокъ не малый. Почему же Господь Богъ такъ медлилъ съ дѣломъ искупленія рода человѣческаго? На этотъ вопросъ должно отвѣтить словами Спасителя: „не ваше дѣло знать времена или сроки которые Отець положилъ въ Своей власти“ (Дѣян. I, 6—7). Человѣку не дано знать, почему Единородный Сынъ Бога Отца воплотился и вочеловѣчился именно въ

5508 году. Но не праздный же совѣтъ вопросъ о причинѣ замедленія. Надъ рѣшеніемъ его задумывались и святые богомудрые мужи. Ихъ мысли мы и приведемъ:

а) нужно было ждать, пока родъ человѣческой опытно дозналъ бы глубину своего паденія и почувствовалъ бы не только нужду, но и сильное желаніе спасенія. Только при этомъ условіи онъ и могъ оцѣнить значеніе дѣла искупленія. Дозпавъ опытно свое безсиліе въ борьбѣ со грѣхомъ, человѣкъ обратился къ Богу съ воплемъ о помощи. Теперь и Господь Богъ откликнулся на призывъ.

б) Требовался большой промежутокъ времени отъ начала грѣха до искупленія по той причинѣ, что зараза грѣховная, проникнувъ глубоко въ природу человѣка, должна была обваружить себя. Когда нравственная болѣзнь созрѣла вполне и достигла послѣдней степени своего развитія, тогда и явился Небесный Врачъ, Господь Иисусъ Христосъ, для полнаго исцѣленія души. Святый ап. Павелъ въ изъясненіе этого именно написалъ: „когда умножился грѣхъ, стала преизобиловать благодать“ (Римл. V, 20).

в) Нужно было предварить родъ человѣческой опришествіи на землю столь чрезвычайнаго Посланника Божія, каковъ Искупитель нашъ, Господь Иисусъ Христосъ. Требовалось постепенно, мало по малу, сообщить людямъ свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ Его необычнаго явленія въ міръ, жизни, дѣлахъ и смерти, дабы они могли безошибочно узнать Его, когда Онъ явится на землѣ. Нужно было и подготовить людей къ принятію высокаго ученія Спасителя; наконецъ, г) согрѣшившему роду человѣческому надлежало очиститься въ цѣломъ рядѣ святыхъ патріарховъ и прочихъ мужей ветхаго завѣта, пока не явилась Дѣва Марія на такой степени чистоты и святости, что могла содѣлаться чертогомъ для Сына Божія. „Давно, еще прежде сложенія міра, предопредѣлено было воплощеніе Бога; но до Пресвятой Дѣвы Маріи не обрѣталось достойнаго вмѣстителя для вопло-

щенія. Когда же таковое обрѣлось, то и воплотился Господь“.

Когда вы слышите реченіе—Господь Богъ воплотился, то представляйте себѣ это такъ, что Сынъ Божій сталъ Еммануиломъ, Богочеловѣкомъ. Божественное естество Его не умалилось, не потерпѣло лишенія или чего либо подобнаго. Сынъ Божій, Господь Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ единаго существа съ Богомъ Отцомъ и Богомъ Духомъ Святымъ. Когда первосвященникъ Каиафа подѣ присягою спрашивалъ Спасителя: *аще Ты еси Христосъ Сынъ Божій*, Онъ сказалъ: *Азъ есмь* (Марк. XIV, 62). Св. ап. Іоаннъ Богословъ начинаетъ Евангеліе словами: *Въ началѣ бѣ Слово (Сынъ Божій) и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*. О Сынѣ Божіемъ тотъ же апостолъ говоритъ: „Сей (Господь Иисусъ Христосъ) есть истинный Богъ и жизнь вѣчная“ (1 Іоан. V, 20). Священное Писаніе приписываетъ Сыну Божію Божественныя свойства и Божественныя дѣйствія и заповѣдуетъ воздавать Ему Божеское поклоненіе (Іоан. V, 23). Въ томъ же Свящ. Писаніи Господу Иисусу Христу прилагаются свойства человѣческаго естества. Онъ именуется Сѣменемъ жены, Сѣменемъ Авраама и Потомкомъ Давида, Ему усвоится полное человѣческое естество, душа и тѣло со всѣми человѣческими свойствами, кромѣ грѣха. Спаситель возрасталъ, трудился, былъ осязаемъ, алкалъ, жаждалъ, чувствовалъ болѣзни и скорби душевныя. Онъ былъ описуемъ, какъ и всякій человѣкъ. Итакъ, Богъ и человѣкъ соединились въ одну Упостась, и явился на землѣ насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія Богочеловѣкъ. Но и для насъ тайною остается образъ соединенія природъ въ Его Лицѣ. Ангелы святыя не понимаютъ этой тайны. Насъ Святая Церковь Духомъ Святымъ научила чрезъ богомудрыхъ святителей исповѣдывать такъ: „Послѣдующе Божественнымъ Отцемъ, всѣ единогласно поучаемъ исповѣдывати единаго и тогожде Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенна въ Божествѣ и совершенна въ человѣчествѣ:

истинно Бога и истинно человѣка, тогожде изъ души и тѣла: единосущна Отцу по Божеству и единосущна тогожде намъ по человѣчеству: по всему намъ подобна, кромѣ грѣха: рожденна прежде вѣкъ отъ Отца по Божеству, въ послѣдніе же дни тогожде ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы Богородицы, по человѣчеству: одинаго и тогожде Христа, Сына Единороднаго, во двухъ естествахъ неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго (никакоже различію двухъ естествъ потребляему соединеніемъ, паче же сохраняему свойству коегождо естества, во едино лице и во едину Упостась совокупляемаго): не на два лица разсѣкаемаго или раздѣляемаго, но одинаго и тогожде Сына и Единороднаго Бога Слова, Господа Іисуса Христа, якоже древле пророчи о Немъ и якоже Самъ Господь Іисусъ Христосъ научи насъ, и якоже предаде намъ символъ отецъ нашихъ“ (догм. отцевъ IV всел. соб.).

Просимъ обратить вниманіе на это вѣроопредѣленіе. Когда вы слышите, что два естества, Божеское и человѣческое, въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа соединились *нераздѣльно*, то представляйте себѣ это соединеніе такъ, что въ Немъ ни человѣчество отдѣльно, ни Божество не составляли лица (личности, что говорить о себѣ— „я“), но оба естества соединились въ одно лице, упостась. Господь нашъ Іисусъ Христосъ всегда сознавалъ Себя не какъ Бога и человѣка въ отдѣльности, а какъ *Богочеловѣка*. Внимательные къ слову Божію, конечно, вѣдаютъ, что въ разныхъ мѣстахъ его одинъ и тотъ же Спаситель нашъ именуется то *Богомъ вѣчнымъ*, то *Потомкомъ* Давида и Іессея, то *Господомъ и Ангеломъ завета*, то *Сыномъ Человѣческимъ* и просто *человѣкомъ*. Слово Божіе нерѣдко свойства Божества приписываетъ Спасителю, какъ человѣку, и наоборотъ. *Аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8), говоритъ св. апостоль Павелъ объ іудеяхъ, распявшихъ Спасителя. А какое же естество въ Немъ могло быть пригвожденнымъ ко кресту? Конечно,

человѣческое. Въ другомъ мѣствѣ тотъ же Апостоль пишеть, что „Господь Богъ приобрѣлъ Себѣ Церковь Кровію Своею“ (Дѣян. XX, 28). Ужели Спаситель нашъ по Божеству имѣеть плоть и кровь? Конечно, нѣтъ. Значить, идетъ рѣчь о человѣческомъ естествѣ Его. Итакъ, „Одинъ Господь Іисусъ Христосъ, Которымъ все, и мы Имъ“ (1 Кор. VIII, 6), одинъ въ двухъ естествахъ и въ одномъ Лицѣ.

Святая Церковь поучаетъ насъ исповѣдовать соединеніе естествъ въ Лицѣ Господа Іисуса Христа *неслитнымъ и неизмѣннымъ*. Въ Лицѣ Богочеловѣка сохранились неизмѣнными Божество и человѣчество: ни Божество не перешло въ человѣчество, ни человѣчество не получило свойствъ Божества. Изъ двухъ естествъ не произошло и образованія третьяго. И такое соединеніе природъ въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа *непрерывно и неразлучно*. Божество соединилось съ человѣчествомъ въ лицѣ Богочеловѣка съ самаго момента Его зачатія Приснодѣвою. Соединеніе это не расторглось въ часы страданій Спасителя, въ моментъ Его крестной смерти, не уничтожилось по воскресеніи Его и вознесеніи на небо, и останется навсегда непрерывнымъ. Конечно, такое соединеніе двухъ естествъ въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа не осталось безъ слѣдствій для человѣческой природы въ Немъ. Оно, соединившись во единой Упостаси Спаса нашего, обожествилось. Это не значить, что оно приняло свойства Божественныя съ потерю своихъ: сего нѣтъ. Но, воспринятое Господомъ Сыномъ Божіимъ въ единство Его лица, оно возвысилось до такой степени, которая только возможна для него безъ утраты коренныхъ свойствъ человѣчества: ограниченности и описуемости. Упостасное соединеніе природъ повлекло за собою и общеніе свойствъ ихъ. Свойственное по Божеству приписывается Ему и по человѣчеству, и обратно. Но это мыслится только въ томъ разѣ, когда оба естества въ лицѣ Господа Іисуса Христа разсматриваются соединенными въ одну упостась. Наконецъ, упостасное соединеніе естествъ въ лицѣ Спа-

сителя нашего ведетъ къ тому, что мы должны воздавать Ему, какъ единому Лицу, Божеское поклоненіе, единое и нераздѣльное, какъ нераздѣльно и соединеніе. Человѣческое естество, хотя и пребываетъ въ Немъ человѣческимъ, но воспринято Имъ въ единство Божественной Упостаси и есть собственно человѣчество Бога Слова. О должномъ поклоненіи Спасителю ап. Павелъ написалъ: „Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ Именемъ Іисуса преклонилося всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца“ (Фил. II, 9—11). Аминь.

Василій, Епископъ Можайскій.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ

о Смоленской Иконѣ Божіей Матери Одигитріи, шествовавшей въ рядахъ русской арміи въ Отечественную нашу войну 1812 г. *).

V. Состояніе Надворотной Иконы Богоматери-Одигитріи и ея св. храма послѣ 1812 года и до нашихъ дней.

Какъ уже выше было упомянуто, Надворотный храмъ Богоматери хотя и былъ совершенно законченъ своимъ расширеніемъ и переустройствомъ въ 1812 г., но ко времени вступленія французовъ въ Смоленскъ освященъ не былъ, и Св. Икона Богоматери въ это время стояла не въ этомъ своемъ храмѣ, а въ Благовѣщенской церкви на Соборной горѣ.

Великое разореніе нанесли французы г. Смоленску къ 1812 году, и много пострадали при семъ православные смоленскіе храмы. Для приведенія въ порядокъ смоленскихъ храмовъ была назначена отъ св. Синода въ г. Смоленскъ особая комиссія во главѣ съ членомъ Св. Синода архіепископомъ Рязанскимъ Теофилактомъ. Надворотный храмъ не потребовалъ большихъ исправленій, такъ какъ французы эту церковь, ради Св. Иконы Богоматери, по берегли,—нужно было лишь очистить грязь, накопившуюся внутри отъ хлѣбнаго склада, устроеннаго здѣсь нашимъ непріателемъ, да исправить окна. Къ марту 1813 года

*) Окончаніе. См. № 7—8 „Душ. Чт.“

всѣ исправленія были закончены, и 16 числа этого мѣсяца церковь была освящена двумя владыками,—архіепископомъ Рязанскимъ Теофилактомъ и епископомъ Смоленскимъ Иринеемъ.

Надворотная Икона Богоматери, торжественно перенесенная 18 марта 1813 года изъ собора въ свой храмъ, была установлена посреди иконостаса, между двумя придѣлами, изъ которыхъ одинъ у сѣверной стѣны посвященъ Смоленской Богоматери-Одигитрии (праздникъ 28 іюля), а у южной стѣны въ честь Нерукотвореннаго Образа Спасителя (16 августа).

Предъ вступленіемъ французовъ въ Смоленскъ всѣ цѣнные вещи изъ Надворотной церкви были предусмотрительно тайнымъ образомъ вынесены и спрятаны въ землѣ, въ погребѣ подъ Предтеченскою церковью, на архіерейскомъ дворѣ. Но французы разыскали ихъ. Вырыли изъ земли серебряную ризу отъ Надворотной Иконы ¹⁾, трое литыхъ серебряныхъ царскихъ дверей, изъ которыхъ две были отъ Надворотнаго храма, а третьи отъ теплаго Соборнаго храма. Но эти дорогія вещи не были преданы разграбленію, благодаря тому, что свящ. Мурзакевичъ лично ходатайствовалъ предъ французскими властями объ охраненіи этихъ драгоценностей. Первые три года по своемъ возвращеніи въ Надворотную церковь Св. Икона Богоматери находилась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Она шествовала съ войсками, т. е. въ одной зеленой рамѣ безъ драгоценныхъ украшеній. Драгоценная риза, въ какую была облачена первоначально Св. Икона въ Августѣ 1811 года, была сильно помята и лишена драгоценностей,—необходимо было привести ризу въ порядокъ, выправить и вновь богато украсить драгоценностями на новыя пожертвованія, а также на тѣ деньги, что собраны

¹⁾ Эта риза (въсомъ до 3 п.) была устроена за годъ до нашествія французовъ, именно въ Августѣ 1811 года, стараніемъ тогдашняго Смоленскаго владыки Серафима на усердныя приношенія жителей г. Смоленска и его губерній.

были для сего въ войскахъ въ 1812 году. 18 мая 1816 года Надворотную церковь посѣтилъ братъ Государя Александра Благословеннаго вел. князь Николай Павловичъ, и передъ его прїѣздомъ на Св. Икону Богоматери была возложена возобновленная серебряная вызолоченная риза, украшенная драгоценными камнями и вѣсящая 3 п. 48 золотн.

Современный видъ Надворотной Иконы Богоматери таковъ:

Чудотворная Икона Богоматери-Одигитрии, именуемая Надворотною, письма стариннаго византійскаго, въ длину 2½ арш. въ ширину 1½ арш. Верхъ иконы оканчивается прибавленнымъ въ соотвѣтствіе формы углубленію, въ которомъ ранѣ стояла Св. Икона въ крѣпостной стѣнѣ, въ Днѣпровской башнѣ, тупымъ треугольникомъ. На этомъ добавочномъ треугольникѣ находится изображеніе Св. Духа въ видѣ голубя, отлитого изъ серебра. Вся икона вмѣстѣ съ треугольникомъ покрыта серебряною позлащенной ризою. Для придаванія иконѣ четырехугольной формы въ верхней части по бокамъ придѣланы къ ризѣ два недостающіе угольника, въ видѣ спускающейся занавѣски также изъ серебра. Надъ головами Богоматери и Богомладенца устроены серебряно-вызолоченные вѣнцы. Вся риза вмѣстѣ съ треугольникомъ имѣетъ длину 3 аршина 2 вершка и ширину 1 арш. 13 верш., вѣсу со всѣми украшеніями 3 пуда 48 золотн. Она украшена весьма многими цѣнными камнями: изумрудами, топазами, брилліантами, алмазами. Въ особенности замѣчательныя украшенія на ризѣ: на груди большой рубинъ, осыпанный алмазами—подарокъ Виртембергской королевы Екатерины Павловны; на челѣ двѣ розетки, составленныя изъ крупныхъ алмазовъ; между ними звѣзда изъ крупныхъ драгоценныхъ камней, посреди коихъ одинъ большой изумрудъ съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ Спасителя. Этотъ драгоценный камень, пожертвованный Гсфмаршаломъ Кашталинскимъ, былъ полученъ имъ въ подарокъ отъ Австрійской Императрицы.

Внизу иконы вдѣланы въ ризу двѣ золоченныя серебряныя дощечки съ вырѣзанными на нихъ словами. На одной, помѣщающейся съ лѣвой стороны: „Устроена риза сія 1811 года августа мѣсяца тщаніемъ преосв. Серафима еп. смоленскаго и дорогобужскаго усерднымъ же подаяніемъ Смоленской губерніи жителей. Вѣсу въ ней до 3 пудовъ, на позлащеніе употреблено до 80 червонцевъ, а жемчугу до 100 золотниковъ; камни всѣ драгоцѣнныя“. На другой, съ правой сторсны, изображено: „Сія чудотворная икона Пресв. Богородицы Смоленской Одигитріи, при оставленіи г. Смоленска россійскими войсками, 1812 г. авг. 6 дня, вынесена была 3-ю пѣхот. дивизіею генераль-лейтенанта Коновницына и, во все время обладанія непріятельскаго, сохранялась въ рядахъ оной дивизіи, а по изгнаніи непріятеля изъ г. Смоленска ноября 5 дня, къ неизреченной радости онаго, внесена того же мѣсяца 10 дня гвардіи поручикомъ Шембелемъ“. Въ стеклянной рамѣ, которою закрыта вся икона, сдѣлана открывающаяся форточка, чтобы богомольцы могли прикладываться къ изображенію. Передъ иконою полукружіемъ висятъ семь сребропозлащенныхъ лампадъ, и стоитъ массивный подсвѣчникъ.

Надворотный храмъ Богоматери приписанъ къ Архіерейскому Дому, и богослуженія совершаются въ этомъ храмѣ іеромонахами сего дома. Причемъ ежедневно, послѣ литургіи, читается акаѣистъ Божіей Матери и молитва къ Ней съ колѣнопреклоненіемъ, а по пятницамъ совершается всенощное бдѣніе архіерейскимъ служеніемъ.

Съ 1812 года ежегодно 5 ноября, въ память изгнанія французовъ изъ Смоленска, совершается послѣ литургіи въ Надворотной Богоматерской церкви благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ установленнаго многолѣтія и вѣчной памяти Императору Александру I и всѣмъ воинамъ, положившимъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество, а наканунѣ этого дня совершается всенощное бдѣніе съ чтеніемъ акаѣиста предъ Чудотворною Иконою Божіей Матери Одигитріи.

Вслѣдствіе своей необыкновенной величины и массивности Надворотная Икона никогда не уносится въ дома гражданъ для совершенія молебновъ. Для изліянія своихъ религіозныхъ чувствъ почитатели Богоматери сами посѣщаютъ Надворотный храмъ какъ въ указанныхъ случаяхъ, когда совершаются предъ Св. Иконою общественныя молебствія, такъ и въ иныхъ, сообразно потребности. За послѣднее 100-лѣтіе можно указать нѣсколько единичныхъ случаевъ, когда Надворотная Икона, для участія въ крестныхъ ходахъ, оставляла свой храмъ.

Какъ дорогая реликвія русской побѣдопосной арміи, Надворотная Икона Богоматери-Одигитрии была участницей торжествъ открытія памятниковъ войны 1812 года, сначала въ Смоленскѣ въ 1841 году 5 ноября, а потомъ, спустя 6 лѣтъ, въ г. Красномъ, причемъ на восточной сторонѣ Смоленскаго памятника вверху на пирамидѣ въ нишѣ вставлена была за стекломъ уменьшенная копія Надворотной Иконы.

Во время посѣщавшихъ г. Смоленскъ холерныхъ эпидемій въ 1832, 1848, 1855 и 1871 г.г. Надворотная Икона Богоматери, послѣ торжественнаго молебствія, была обносима вокругъ города, при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ, и, по свидѣтельству очевидцевъ, несмотря на это скопленіе народа, эпидемія не только не увеличивалась, но замѣтно стала ослабѣвать, до полнаго прекращенія. Также и во время позднѣйшихъ холерныхъ эпидемій смоляне всегда прибѣгали съ молитвою объ охраненіи отъ губительнаго повѣтрія къ сей Всесильной Заступницѣ. „Подобно тому, какъ нѣсколько тысячъ воиновъ, скажемъ словами смоленскаго историка и археолога В. Н. Гр—ва, передъ Бородинскою битвою прибѣгали къ заступничеству чудотворной Иконы Смоленской, такъ и въ этотъ день (22 Августа 1893 г.) тысячи богомольцевъ горячо молились предъ Нею, всецѣло отдавая себя подъ всесильный покровъ Богоматери, съ полнымъ упованіемъ на Ея заступничество и помощь. Жители усыпали путь шествія

(Св. Иконы) цвѣтами и зеленью, открывали ворота, двери и окна домовъ, чтобы ихъ владѣнія были окроплены святой водой“ ¹⁾)

Наконецъ въ послѣднее время Св. Надворотная Икона участвовала еще въ двухъ крестныхъ ходахъ, устроенныхъ по случаю юбилейныхъ торжествъ. Именно: 5 Ноября 1902 года Смоленскъ праздновалъ 300-лѣтіе пребыванія въ Смоленскѣ Чудотворной Иконы Богоматери-Одигитрии, именуемой Надворотной, и также 300-лѣтіе постройки крѣпостной стѣны. Наканунѣ юбилея, т. е. 4 ноября, въ Надворотномъ храмѣ было совершено преосвященнымъ Петромъ, со многими священнослужителями, всеобщее бдѣніе. 5 ноября въ 9 часовъ утра Чудотворная Икона была вынесена изъ Надворотнаго храма и, при многочисленномъ стеченіи гражданъ, съ участіемъ мѣстныхъ войскъ, была перенесена въ Успенскій соборъ, откуда, по окончаніи Литургіи, вернулась на свое мѣсто. 3 іюня 1911 года Смоленскъ торжественно и молитвенно вспоминалъ героическое 20-мѣсячное стояніе свое на защитѣ Родины въ борьбѣ съ поляками въ 1609—11 годахъ. Въ этотъ день совершался по крѣпостнымъ стѣнамъ города большой крестный ходъ. Надворотная Икона участвовала въ этомъ ходѣ, и предъ нею было совершено торжественное молебствіе у памятника 1812 года, гдѣ были выстроены войска смоленскаго гарнизона со знаменами и музыкой.

Что касается современнаго состоянія Надворотнаго храма, то сравнительно съ тѣмъ, какой видъ и устройство имѣлъ этотъ храмъ въ день своего освященія 16 марта 1813 года, никакихъ существенныхъ перемѣнъ доселѣ не произошло, хотя и былъ за истекшее столѣтіе неоднократно его ремонтъ. Храмъ ремонтировался въ 1858 г., 1881 и 1891 г.г. На время ремонта Св. Икона была уносима въ другой храмъ: въ 1858 г. стояла въ Богоявленскомъ соборѣ, а въ 1881 и 1891 г.г. въ Предтеченской церкви.

¹⁾ „Смоленскія Губ. Вѣд.“. 1893 г. № 34.

Въ 1892 году была возобновлена находящаяся въ крѣпостной стѣнѣ, по лѣвую сторону отъ Днѣпровскихъ воротъ, часовня съ находящеюся въ ней точною копіей Св. Надворотной Иконы. Судя по надписи, существовавшей ранѣе подъ сей иконой, эта часовня была первоначально устроена въ память чудеснаго исцѣленія г. Пассека. Открытая съ ранняго утра до вечера, эта часовня усердно посѣщается смолянами и пріѣзжими, ради копіи Чудотворнаго Образа. Въ самыхъ Днѣпровскихъ воротахъ подъ сводомъ подвѣшена на блокѣ икона, на одной сторонѣ которой изображена Богоматерь съ предстоящими ей преп. Авраіемъ и муч. Меркуріемъ Смоленскими, а на другой—Прославленіе Дѣвы Маріи. Эта икона и серебряная риза на нее устроены усердіемъ смоленскаго купеческаго и мѣщанскаго общества; икона поставлена внутри воротъ 1856 г. 26 августа при еп. Тимоѳѣѣ. По издавна установившемуся обычаю всѣ проходящіе черезъ эти ворота благоговѣнно обнажаютъ голову, какъ это дѣлается въ Спасскихъ воротахъ Московскаго Кремля.

Въ ночь на 21 августа 1908 года дерзкая рука святотатца пыталась воспользоваться драгоценными украшеніями ризы Св. Иконы. Злоумышленникъ пробрался въ церковь съ чердака черезъ разобранную имъ дымовую трубу алтарной печи и похитилъ было серебряные сосуды и съ Чудотворной Иконы брилліанты и другія драгоценныя украшенія. Но на ближайшей же улицѣ возбудилъ подозрѣніе ночного сторожа и городского, которыми и былъ задержанъ. Всѣ отобранныя вещи оказались въ цѣлости, а несчастный святотатецъ понесъ должное возмездіе.

VI. Списокъ Надворотной Иконы Смоленской Богоматери-Одигитріи, хранящейся въ настоящее время въ I батарее 13 артиллерійской бригады.

Нашъ трудъ историческаго описанія Смоленской Иконы Богоматери-Одигитріи, именуемой Надвортною, былъ бы

неполонъ, если-бъ мы не дали еще сообщенія объ имѣющейся въ настоящее время въ казармѣ 1 батареи 13 артиллерійской бригады въ г. Севастополѣ точной копіи Надворотной Иконы Богоматери-Одигитрии.

Какъ уже выше было сказано, Надворотная Икона Богоматери во все время своего нахождения въ рядахъ русской арміи съ 6 августа до 8 ноября 1812 года была въ ближайшемъ охраненіи батарейной № 1-го роты 3 артиллерійской бригады, находившейся подъ командою полковника Василя Алексѣевича Глухова. Трехмѣсячное пребываніе Св. Иконы, при исключительности всѣхъ сопутствовавшихъ обстоятельствъ сдѣлало эту святыню весьма близкою и драгоцѣнною для названной батарейной роты. Тяжело было этой ротѣ разставаться 8 ноября 1812 года со своимъ сокровищемъ. Но духовная связь батареи со Св. Иконою и послѣ этого не прерывалась. И вотъ въ 1823 году, по единодушному желанію командира, офицеровъ и солдатъ, 1-я батарейная рота 24 артиллерійской бригады (переименованная изъ батарейной № 1 роты 3-ей артиллерійской бригады) 1) получаетъ отъ преосвященнаго Юсифа, епископа смоленскаго и дорогобужскаго, при особомъ письмѣ, копію съ Надворотной Иконы Смоленской Божіей Матери. Вотъ что между прочимъ пишетъ Владыка Его превосходительству Артиллеріи ген.-майору и начальнику штаба Литовскаго отдѣльнаго корпуса Н. С. Вельяминову:..... „посылаю съ моимъ удовольствіемъ Образъ Смоленской Богоматери Одигитрии... Весьма пріятно сердцу моему исполненіе благочестиваго препорученія Вашего Превосходительства, исполненіе христіанскаго желанія воиновъ православныхъ, не щадившихъ живота своего на полѣ чести за вѣру и отечество. Они съ вѣрою и любовью соблюдали въ ратномъ сонмѣ своемъ Святую Икону

1) Съ мая 1813 года батарейная № 1 рота 3 артиллер. бригады именовалась батарейной № 3 ротой 3 артиллер. бригады, а въ 1820 году переименована въ батарейную № 1 роту 24 артиллер. бригады и въ 1835 г.—въ батарейную № 1 роту 13 артиллер. бригады.

Проблагословенныя Богородицы, и Проблагословенная пріосѣняла ихъ невидимо святымъ Своимъ покровомъ. Богъ, воплотившійся отъ Нея, увѣнчалъ правое ихъ дѣло успѣхомъ всевождедѣльнымъ и всерадостнымъ въ непобѣдимомъ здравіи. Посылаемая мною икона сооружена въ мѣру, Вами назначенную. Да спознаетъ Она христіанъ и испослетъ силу и благочестіе отъ Царя царствующихъ“.

Въ настоящее время Св. Икона помѣщается въ казармѣ 1-й батареи 13 артиллер. бригады въ новомъ дубовомъ кіотѣ вмѣстѣ со стариннымъ батарейнымъ образомъ св. Давіила Столпника, также сопровождавшимъ батарею во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ, начиная съ 1806 года. Передъ сими иконами горитъ неугасимо серебряная лампада, сооруженная г. г. офицерами и нижними чинами батареи въ память чудеснаго спасенія Государя Императора Александра III и Его Августѣйшей Семьи при крушеніи поѣзда у ст. Борки 17 Октября 1888 года. Подъ Св. Иконою укрѣплена металлическая доска, на которой въ краткихъ чертахъ изображена исторія происхожденія какъ подлинной Надворотной Иконы Богоматери, съ указаніемъ исторической важности Ея для нашего отечества, такъ и настоящей копіи.

Служа постояннымъ напоминаніемъ великой милости Богоматери, данной русскому оружію въ 1812 году, Св. Икона Смоленской Божіей Матери-Одигитрии въ 1 батарее 13 артиллер. бригады пользуется особымъ благоговѣннымъ вниманіемъ со стороны г. г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Къ этой Св. Иконѣ сдѣлано немало цѣнныхъ пожертвованій,—главнымъ образомъ медали и орденскіе знаки (золотые). Когда въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III со Своей Августѣйшей Семьей, возвращаясь въ свою столицу, остановился 16 октября 1888 года въ г. Севастополь, то батарея 13 артиллер. бригады, конечно не безъ вѣры въ особую благодать своей батарейной Иконы, молилась передъ симъ Образомъ о благополучномъ пути Вѣнценосной Семьи. Велика была

радость этой 1 батареи, когда получилось извѣстіе, что у ст. Борки совершилось великое чудо милости Божіей. Радость за спасеніе Царя и Его Семьи усугублялась въ 1 батареѣ великимъ утѣшеніемъ и призваніемъ, что услышана стала ихъ молитва предъ Царицей Небесной, что Пренепорочная вновь спасла наше Отечество отъ гибели, подобно тому, какъ чудесно спасла его въ 1812 году. Въ полнотѣ благодарнаго чувства всѣ военные и гражданскіе чины батареи немедленно постановили, чтобы предъ батарейнымъ Образомъ Богоматери съ сего времени неугасимо горѣла лампада. Это постановленіе свято всегда исполнялось. Но вотъ командиръ батареи подполковникъ Никитенко 5 іюня 1902 года обнаружилъ временное нарушеніе установленнаго обычая. Немедленно отдалъ, въ присутствіи офицеровъ, распоряженіе вынести изъ временнаго, по случаю выхода батареи въ лагерь, хранилища Св. Икону, возжечь передъ ней лампаду и бдительно поддерживать ея непрерывный огонь. Между тѣмъ въ это самое время часть батареи упражнялась въ своихъ занятіяхъ, и вдругъ на конномъ ученіи этой части произошелъ взрывъ передка заряднаго ящика. И что же? Несмотря на всю силу взрыва, скученность орудій, людей и лошадей, никто никакихъ поврежденій не получилъ. На это событіе тогда же было обращено вниманіе всей батареи, и копія Надворотной Иконы Богоматери, находящаяся въ 1 батареѣ 13 артиллер. бригады, стала чтимою въ батареѣ еще болѣе прежняго.

Заключеніе.

„Не намъ, не намъ, а имени Твоему“. Эти слова благодарности Богу за спасеніе Россіи въ 1812 году съ полною убѣдительностью показываютъ, что искреннее сознаніе Русскаго Царя и его вѣрнаго народа дѣло изгнанія французовъ и съ ними 20 народовъ приписывало единственно благому промысленію Божію. Въ частности исторія Св.

Иконы Смоленской Божіей Матери ясно говоритъ намъ, что наша русская армія въ наиболѣе трудныхъ военныхъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1812 году съ конца іюля до ноября, находила для себя источникъ воодушевленія и невидимой благодатной помощи въ молитвѣхъ предъ сопутствовавшей въ это время русской арміи Чудотворной Смоленской Иконой Богоматери-Одигитрии. Мы, православные христіане, глубоко вѣруемъ, что изъ всѣхъ созданныхъ Богомъ разумныхъ существъ самая близкая и чуткая къ нуждамъ нашего спасенія есть Пренепорочная Дѣва Марія. И мы видимъ, какое неисчислимое количество знаменій милости Богоматери явлено у насъ на почвѣ этой вѣры. Ни одна христіанская страна не имѣла и не имѣетъ столько чтимыхъ чудотворныхъ Иконъ Богоматери, какъ наша Россія за 900 лѣтъ своей христіанской исторіи. А это явленіе есть не что иное, какъ чрезвычайное свидѣтельство Божьяго снисхожденія къ нашимъ человѣческимъ нуждамъ и немощамъ. И опытъ нашей религіозной жизни показываетъ, что милосердіе Царицы Небесной тѣмъ скорѣе склоняется къ Русской землѣ, чѣмъ сильнѣе и живѣе чувствуетъ русская душа свое слабосиліе, свою, такъ сказать, безвыходность. Вотъ почему мы видимъ, что особое проявленіе милующей силы Богоматери падаетъ на тѣ эпохи исторіи русскаго государства, въ которыя нашей родинѣ приходилось съ особыми усиліями защищать свою политическую и религіозно-бытовую самостоятельность. Такъ прославилась Св. Икона Знаменія Богоматери въ 1170 г., при защитѣ Новгорода. Великими чудесами на полѣ брани въ защиту Державы Русской противъ иноплеменниковъ просіяли далѣе еще двѣ весьма извѣстныя у насъ Св. Иконы Богоматери, именно Владимірская и Казанская.

Надворотная Икона Смоленской Одигитрии сравнительно съ только что названными Чудотворными Иконами является новою. Созданная и дарованная Смоленску, ради его вѣры и любви къ Богоматери, въ самомъ началѣ

17 вѣка, Св. Надворотная Икона Богоматери начинаетъ прославляться съ 1609—1611 года, когда въ теченіе 20 мѣсяцевъ столь успѣшно защищался г. Смоленскъ противъ врага, сильнѣйшаго въ 15 разъ. Такимъ образомъ, сообразно времени начала своего благодатнаго вліянія, эта св. Икона явилась какъ бы нѣкое небесное благословеніе для новой исторической эпохи Россіи, начавшейся съ воцаренія Дома Романовыхъ. И если въ болѣе раннее время русской исторіи Пресвятая Дѣва являла Свое покровительство русскому оружію черезъ св. иконы—Владимірскую и Знаменскую, то въ новое время, какъ показалъ 1812 годъ, Взбранная Воевода наша являетъ силу Свою чрезъ Смоленскую Одигитрію, чрезъ Икону, именуемую Надворотною. Вотъ почему надо горячо привѣтствовать намѣреніе высшаго военнаго начальства снабдить къ юбилею нашей отечественной войны войсковыя части снимками Св. Чудотворной Надворотной Иконы Смоленской Одигитріи. Ты же, о Пресвятая Богоматерь Одигитрія, какъ Премудрая и Всемощная Путеводительница, не переставай наставлять насъ на путь спасительной вѣры и самоотверженной любви къ нашему Царю и отечеству.

Протоіерей Павелъ Левашевъ.

С.Петербургъ.

МОЛИТВА

ко Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ Одигитріи.

(Ежедневно читаемая съ колѣнопреклоненіемъ предъ Чудотворнымъ Образомъ послѣ литургіи).

Къ кому возоюю, Владычице, къ кому прибѣгну въ горести моей, аще не къ Тебѣ, Госпоже Богородице, Царица Небесная? Кто плачь нашъ и воздыханіе наше примлетъ, аще не Ты, Пренепорочная, Надеждо христіанамъ и прибѣжище намъ грѣшнымъ? Кто паче Тебе въ несчастіяхъ защититъ? Приклони, о Пречистая Владычице, ушеса Твоя къ моленію нашему, Мати Бога нашего, не презри требующихъ Твоея помощи, услыши стенанія наша и вопль сердца нашего. Внуши, о Госпоже, Царице Богородице, молитву нашу, и подаждь намъ радость душевную, и подкрѣпи ны нетерпѣливыя, увылыя и нерадивыя къ Твоему хваленію. Вразуми и научи ны, како къ Тебѣ молитися и не отступи отъ насъ, Мати Бога нашего, за роутаніе и нетерпѣвіе наше, но буди намъ Покровительница и Заступница въ жизни нашей и приведи ны къ тихому пристанищу блаженнаго покоя и сопричти лику избраннаго Твоего стада и тамо удостой ны воспѣвати и славити Тя во вѣки. Аминь.

СТАРЕЦЪ ѲЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ. *)

На другой годъ, послѣ отправленія Александры Никифоровны во второе странствованіе по Россіи, въ жизни и самого Ѳедора Кузьмича произошла крупная перемѣна: ранѣе отказывающійся отъ всѣхъ предложеній переселиться въ городъ и думавшій, какъ самъ говорилъ, окончательно уединиться въ лѣсъ, если бы на это была воля Божія, старецъ теперь согласился на приглашеніе Томскаго купца Семена Ѳеофановича Хромова и 31-го октября 1858 года переѣхалъ въ Томскъ. Здѣсь помѣстился онъ сперва въ мезонинѣ Хромовскаго дома, а затѣмъ въ саду устроена была для него особая келья, сохраняющаяся неприкосновенною до сихъ поръ. Иногда старецъ жилъ на заимкѣ Хромова (заимками называются въ Сибири загородныя дачи), верстахъ въ четырехъ отъ города, тоже въ отдѣльной кельѣ. Уѣзжая изъ Красноярѣчинска, Ѳедоръ Кузьмичъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню деревни Зерцаль, мѣсто своей приписки и перваго жительства въ Сибири, икону Божіей Матери и, пригласивши крестьянъ на молебенъ, торжественно поставилъ въ часовнѣ разукрашенный разноцвѣтными красками вензель, изображающій букву „А“, съ короною надъ нею и летящимъ голубкомъ вмѣсто перечерка. „Храните этотъ вензель пуще своего глаза“, сказалъ онъ крестьянамъ, и буква вмѣстѣ съ образомъ Божіей Матери свято берегутся тамъ, говорятъ, и понынѣ.

*) Окончаніе. См. № 7—8 „Душ. Чт.“

Въ Томскѣ жизнь Федора Кузьмича была столь же строго подвижническая, какъ и въ Красноярчѣинскѣ, съ тѣмъ различіемъ, что она была еще больше сокровенна въ Богѣ: старецъ почти совсѣмъ затворился въ своей кельѣ, выходя изъ нея только въ церковь. Любимою церковію здѣсь Федора Кузьмича была семинарская, гдѣ онъ вставалъ позади, у печки. Но когда замѣтилъ, что на него обращается большое вниманіе, сталъ ходить въ Крестовую церковь. Часто онъ бывалъ въ часовнѣ Иверской Божіей Матери, устроенной тамъ на подобіе московской. Помимо церкви, старецъ за свою пятилѣтнюю жизнь въ Томскѣ бывалъ только разъ у преосвященнаго Парѣенія послѣ литургіи въ Крестовой церкви, разъ у настоятеля Алексѣевского монастыря архимандрита Виктора, разъ у іеросхимонаха Германа. Послѣдній былъ близокъ къ старцу. Но самымъ частымъ собесѣдникомъ старца въ Томскѣ былъ С. Ѡ. Хромовъ, у котораго старецъ жилъ. Первый разъ Хромовъ познакомился съ Федоромъ Кузьмичемъ въ 1852 году: заѣхалъ къ нему по совѣту небезызвѣстнаго Гуслицкаго игумена Парѣенія, проѣздомъ чрезъ село Красноярчѣинское на свои золотые пріиски. „Откуда честь ваша?“ спросилъ его тогда строго старецъ и, выслушавъ отвѣтъ, заговорилъ: „напрасно занимаешься золотымъ промысломъ: и безъ того тебѣ Богъ подаетъ“. Далѣе, училъ не обижать рабочихъ, не нарушать святости праздниковъ, давалъ наставленія, какъ жить христіанину, не заботясь излишне о хлѣбѣ, а больше думать о будущей жизни. Съ того времени Хромовъ старался какъ можно чаще видѣть старца, чтобы поучиться у него, найти себѣ совѣтъ и утѣшеніе въ семейныхъ распряхъ, а когда старецъ переѣхалъ къ нему на житье въ Томскъ, Семень Ѡеофановичъ бывалъ у него всѣхъ чаще и слышалъ отъ него очень много. Федоръ Кузьмичъ любилъ Хромова, звалъ его ласково полуименемъ или просто „панокъ“. Разказы Хромова, записанные, но не напечатанные, полны живого интереса. Много онъ слышалъ отъ Федора

Кузьмича. Говорилъ ему старецъ о своемъ бродяжничествѣ по Россіи, хотя всегда уклонялся отъ вопроса, *сколько времени* продолжалось это бродяжничество; рассказывалъ, какъ во время бродяжничества онъ разъ тяжело заболѣлъ, и какъ навѣщали его, больного, царскіе слуги добрые и ласковые; описывалъ, какъ вели его въ Сибирь, какъ конвойные солдаты и этапные офицеры были къ нему очень внимательны, давая ему на ночлегахъ особую каморку и ограждая отъ всѣхъ непріятностей. Иногда разговаривалъ о Петербургѣ, о войнѣ, блѣднѣя при описаніяхъ ея ужасовъ: „вотъ вы теперь меня принимаете и не боитесь,—а рапьше какимъ я былъ разбойникомъ!“ Памятны Хромову и слѣдующія слова: „да, любезный, царская служба не безъ нужды... Романовыхъ Домъ крѣпко укоренился, и глубокъ корень его милостью Божіей—глубоко корень его сидитъ“. Много бы могла поразсказать о старцѣ и жена Хромова. Разъ пріѣхала она на заимку къ старцу,—онъ, одѣтый въ грубую одежду, измученный, сидѣлъ одинъ на лежанкѣ, какъ бы забытый міромъ, неся добровольно крестъ уничиженія и смиренія. Вспомнивъ народную молву о его яко бы царскомъ происхожденіи, добрая женщина отъ скорби и слова не могла вымолвить. Вдругъ старецъ самъ обращается къ ней и кротко говоритъ: „полно, любезная, это воля Божія!“ и, немного помолчавъ, со вздохомъ прибавилъ: „да, любезная, кто былъ, гдѣ былъ, а очутился здѣсь у васъ на полянкѣ“.

Живя въ Томскѣ, Ѳедоръ Кузьмичъ принималъ къ себѣ очень немногихъ. Замѣтно было, что онъ охотнѣе тогда принималъ къ себѣ священниковъ, какъ бы радуясь случаю возгрѣть духъ ревности о богоугодной жизни въ служителяхъ религіи. II бесѣды его иногда тутъ же приносили богатый плодъ. Епископъ Петръ рассказывалъ о Томскомъ священникѣ—вдовцѣ о. Ѳедорѣ Краснопѣвцевѣ, который, подъ вліяніемъ старца, оставилъ приходъ и все имущество и сталъ юродствовать, проводя все время въ молитвѣ и такомъ постѣ, что никто не зналъ, чѣмъ онъ

питается. Къ характеристикѣ взглядовъ старца Федора Кузьмича на пастырство,—это небесное служеніе на землѣ, можетъ служить разсказъ священника Тыжнова о посѣщеніи имъ старца. По окончаніи курса въ Томской Духовной Семинаріи, получивъ мѣсто священника и готовясь къ рукоположенію, Тыжновъ зашелъ за благословеніемъ къ старцу и, какъ рассказываетъ, объять былъ какимъ-то невольнымъ страхомъ. Старецъ всталъ, началъ ходить и говорить ему о священствѣ, объ отправленіи богослуженія, о томъ, какъ надо просвѣщаться благодатнымъ свѣтомъ, укрѣпляться силою Божіей, чтобы преодолѣть человѣческую немощь и творить богоугодныя дѣла, о неуклонномъ шествіи путемъ Православной Церкви, приводящимъ въ жизнь вѣчную. При прощаніи старецъ, этотъ великій Божій человѣкъ, посѣдѣвшій въ подвигахъ, словно шелъ вопросъ о его личномъ спасеніи, поклонился до земли юношѣ, кандидату священства, заплакалъ и сказалъ: „не вдавайтесь въ любви міра сего; иначе, охъ, какой можетъ произойти отъ того горькій источникъ!“... Свой разсказъ священникъ Тыжновъ заключаетъ словами: „благодарю Господа, сподобившаго меня посѣтить старца Федора, созерцать его лицомъ къ лицу, прекращеннаго сѣдинами и ведшаго подвижническую жизнь. Памятованіе о немъ да будетъ для меня всегдашнимъ поощреніемъ къ дѣланію заповѣдей Божіихъ“. Старецъ Федоръ Кузьмичъ славился не только какъ мудрый совѣтникъ людей, наставникъ христіанской жизни, а и какъ человѣкъ, удостоенный отъ Бога духовнаго прозрѣнія и дара чудесъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько случаевъ прозорливости старца. Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ за 1891 годъ одинъ чиновникъ рассказываетъ о себѣ, что онъ, недовѣрчиво относившійся къ личности Федора Кузьмича, не раздѣлявшій народныхъ чувствъ къ нему и ни разу даже по принципу не выдавшій его, встрѣтился разъ на улицѣ съ однимъ своимъ сослуживцемъ, направлявшимся къ старцу за благословеніемъ, и на приглашеніе его пои-

ти туда, отвѣтили грубо: „вотъ еще, пойду я къ поселюгѣ—бродягѣ вздоръ его слушать!“... Выругавшись, чиновникъ, однако, по какому то непонятному чувству пошелъ, и лишь только они входили въ келью, прежде всякихъ привѣтствій, старецъ подходитъ къ своему ругателю и строго спрашиваетъ: „какъ же ты пришелъ ко мнѣ, когда только что ругалъ поселюгой и бродягой?“ Разъ зимою у старца вышли на заимкѣ дрова; онъ послалъ сказать объ этомъ Хромову, который тотчасъ же распорядился отвезти дрова. Но работнику очень не хотѣлось вѣхать на заимку и, накладывая дрова, онъ мысленно не разъ обругалъ Ѳедора Кузьмича нехорошими словами. Когда же дрова были привезены, старецъ сказалъ: „спасибо, но дровъ теперь не нужно“. „Какъ не нужно, батюшка, да вы же просили прислать ихъ!“ „Отъ тебя дровъ не возьму“, отвѣчалъ старецъ: „ты съ неохотой везъ ихъ ко мнѣ и употреблялъ ругательства, когда накладывалъ дрова, и меня при этомъ обругалъ ни за что—ни про что худыми словами“. Изумленный слугитель упалъ на колѣни и сталъ просить прощенія себѣ.

Многихъ старецъ при встрѣчѣ называлъ по имени, хотя раньше никогда не видалъ ихъ. Ходившій за сборомъ подаяній аеонскій іеромонахъ Израиль зашелъ къ старцу — еще на Красной рѣчкѣ—помолился и сталъ здороваться. „Здравствуй, здравствуй о. Израиль“, ласково встрѣтилъ его старецъ, первый разъ въ жизни видѣвшій человѣка. Отецъ Израиль вышелъ отъ старца весь въ слезахъ, рассказывая, что, несмотря на его многолѣтнія и далекія странствованія, онъ никогда не видалъ такого великаго человѣка. Подобное же впечатлѣніе отъ старца, какъ человѣка Божьяго, знаніе котораго шире обычныхъ предѣловъ, вынесъ священникъ Іоаннъ Рачковъ. Онъ зашелъ къ Ѳедору Кузьмичу ночью, тоже названъ былъ по имени и услышалъ отъ него свои же тайны.

Часто отвѣчалъ старецъ на вопросы, которые даже не

говорились ему, а только мысленно ставились. Протодіаконъ Московскаго Успенскаго собора Иванъ Васильевичъ Ефимовъ говорилъ о себѣ, что, когда былъ еще въ Томскѣ архіерейскимъ пѣвчимъ, имѣлъ недоразумѣніе о древѣ Животворящаго Креста Господня, но спросить старца не рѣшался. Разъ, въ Рождество, архіерейскій хоръ былъ въ домѣ купца Хромова и пожелалъ прославить Христа въ помѣщеніи старца. Федоръ Кузьмичъ охотно согласился, сказавъ: „если только господамъ пѣвчимъ угодно будетъ“. Когда пропѣли концертъ, старецъ со слезами благодарилъ пѣвчихъ, поклонился имъ до земли и, вставши, наставлялъ ихъ, что значить быть пѣвчимъ, говорилъ, что они, прославляя Господа, приняли на себя видъ ангеловъ, а послѣ, отпустивши хоръ, разъяснялъ Ефимову, безъ всякой просьбы съ его стороны, что такое древо Животворящаго Креста Господня.

Кроткій и ласковый, терпѣливый въ обличеніяхъ нравственныхъ немощей старецъ Федоръ иногда становился прямо грознымъ, укоряя за грѣхи неблагоговѣйнаго стоянія въ церкви, за разсѣянность въ молитвѣ. Московскій купецъ Михаилъ Ивановичъ Нацваловъ рассказываетъ о себѣ, что когда, провѣздомъ въ Красноярскъ, заѣхалъ къ Федору Кузьмичу, послѣдній тихо спросилъ: „зачѣмъ ты взялъ мѣдныя деньги: онѣ не для тебя положены?“ и затѣмъ строго началъ ему выговаривать: „зачѣмъ ты такъ читаешь безъ вниманія „пріидите поклонимся“? Ты знаешь, какая это молитва, съ какимъ нужно ее читать вниманіемъ?“

Подобныхъ рассказовъ много приводится въ запискахъ Хромова. Хромовъ рассказываетъ объ одномъ замѣчательномъ случаѣ въ жизни старца въ томскій періодъ. Однажды онъ вышелъ отъ старца часовъ въ 11 дня, оставивши его совершенно здоровымъ. Вскорѣ послѣ этого пошла къ Федору Кузьмичу енисейская игуменія, но никакъ не могла отворить дверей. Хромовъ пошелъ тогда вмѣстѣ съ ней—дверь оказалась незапертою, а старца на-

шли лежащимъ на скамьѣ совершенно мертвымъ—ни говорилъ, ни дышалъ, ни имѣлъ даже признаковъ жизни. Это состояніе продолжалось часовъ 7—8. Потомъ онъ открылъ глаза, перекрестился и исполнился какого-то духовнаго веселія. Хромовъ думаетъ, что это было восхищеніе въ горній міръ.

Въ 1859 году старецъ серьезно заболѣлъ, ничего не принимая внутрь, кромѣ холодной воды. Хромовъ, думая, что старецъ кончится, рѣшилъ спросить, не откроетъ ли онъ о себѣ, кто онъ. „Нѣтъ, панокъ“, отвѣтилъ старецъ: „это не можетъ быть открыто никогда“ и затѣмъ, вѣроятно, чтобы не огорчать Хромова своимъ отказомъ, добавилъ: „спрашивали меня объ этомъ преосвященные Иннокентій и Аѳанасій, но и имъ я тоже отвѣтилъ, что и тебѣ, панокъ“. Когда о болѣзни старца доложили епископу Паренію, послѣдній велѣлъ предложить старцу исповѣдаться и приобщиться Святыхъ Таинъ. „Не угодно ли преосвященному лично поговорить здѣсь со мною“, отвѣтилъ Федоръ Кузьмичъ на предложеніе. Преосвященный согласился и былъ у старца на заимкѣ. Бесѣда ихъ продолжалась около трехъ часовъ, но о чемъ они говорили, осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно только, что на другой день епископъ Пареній высказалъ сожалѣніе: „едва ли-де не въ прелести старецъ: нужно за него молиться“. Оказывается, старецъ, между прочимъ, говорилъ епископу, что онъ удостоился видѣть Божественную Троицу, что ему открытъ день его смерти и что, по милости Божіей, онъ не лишенъ трапезы Господней. На основаніи такихъ рѣчей преосвященный Пареній и выразился, что старецъ, вѣроятно, находится въ прелести и по заблужденію отказывается исповѣдаться и причаститься. Хромовъ передалъ слова епископа старцу и упрощивалъ его напутствоваться по христіански, т. е. исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ. Старецъ твердо сказалъ: „нѣтъ, преосвященный еще мало знаетъ, хотя и ученъ, но не понимаетъ... на исповѣди лгать нельзя, и если я солгу, не открою, кто

я въ дѣйствительности, то небо ужаснется, а если скажу, кто я есть, то весь міръ взволнуется. Я благодарю Царя Небеснаго! По великой Его милости вкушаю эту пищу... а ты какъ думаешь? Если сомнѣваешься во мнѣ, то выбрось меня больного на улицу!"

Болѣзнь старца не была смертельною. Онъ поправился для новыхъ усиленныхъ подвиговъ, хотя былъ ужъ вообще очень слабъ, и видимо скоро на немъ должно было совершиться слово Божіе о падшемъ человѣкѣ: „земля еси и въ землю отыдеши“. Одни давали ему 80 лѣтъ отъ роду, другіе лѣтъ 100 и даже больше. Самъ старецъ, на вопросъ любопытствующихъ, когда онъ родился, отвѣчалъ отрицательно: „не помню, давно это было!“ и разъ только одной собесѣдницѣ пояснилъ „если бы я находился при прежнихъ условіяхъ жизни, то долготѣней жизни не достигъ бы“.

Прошелъ знаменитый 61-й годъ. Совершилось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго права—рушилась цѣпь рабства, о чемъ горячо мечтали и часто говорили императоръ Александръ I и что составляетъ вѣчную славу императора Александра II, царя—Освободителя. Прошли еще два года реформъ и улучшенія жизни русскаго народа. Старецъ Федоръ Кузьмичъ словно этого только и ждалъ, чтобы съ миромъ окончить свое земное странствованіе, увидѣвши счастье народа, о которомъ болѣла святая душа его.

Наступившій 64-й годъ принесъ съ собою старцу тяжкую болѣзнь, какъ бы для окончательнаго очищенія души его отъ всякаго земнаго праха. Болѣзнь развивалась быстро: съ 3-го на 4-е января Хромовъ уже боялся оставить старца одного и легъ въ его келью. Ночью вдругъ услышалъ разговоръ старца съ кѣмъ то, но разобралъ изъ всей бесѣды только слова старца: „благодарю Тебя!..“ Подъ утро старецъ сказалъ Хромову, что его посѣтилъ Господь Іисусъ Христосъ и теперь ему, слава Богу, стало лучше. Подобныхъ случаевъ и разказовъ старца о видѣніи имъ

Божіей Матери, святыхъ угодниковъ въ предсмертной болѣзни старца было нѣсколько. Однажды онъ открылъ Хромову съ радостію, что святитель Иркутскій Иннокентій помирилъ ихъ съ преосвященнымъ Пароеніемъ.

Всякій новый день ослаблялъ силы старческаго организма,—жизнь Федора Кузьмича явно гасла. 19-го числа утромъ онъ сказалъ Семену Теофановичу: „близко конецъ“, и это предчувствіе старца не замедлило исполняться. 20-го января Хромовъ пришелъ къ старцу попросить его благословенія. „Господь благословитъ тебя, и меня благослови!“ проговорилъ Федоръ Кузьмичъ. Жена Хромова, видя старца умирающимъ, по женскому своему любопытству не удержалась, чтобы не спросить Федора Кузьмича о его прошломъ—думалось ей, что въ эту минуту, отходя отъ этого міра, онъ не станетъ таиться. „Батюшка, объяви намъ хоть имя свое“, сказала она старцу. „Это Богъ знаетъ“, твердо отвѣтилъ старецъ. Тогда она обратилась съ новымъ вопросомъ: „батюшка, въ случаѣ вашей кончины не одѣтъ ли на васъ этотъ черненскій халатикъ?“ „Не надѣвать, я не монахъ“, отвѣтилъ старецъ и, обратившись къ Хромову, сказалъ: „панокъ, меня не величь“, что Хромовъ понялъ въ смыслѣ запрещенія дѣлать старцу пышные похороны. Все это было утромъ. Въ теченіе дня Семень Теофановичъ нѣсколько разъ заходилъ къ больному и всегда заставлялъ его лежалцимъ лицомъ къ стѣнѣ и молившимся. Къ вечеру начались сильныя мученія: старецъ, какъ младенецъ, то ложился на спину, то на правый бокъ, то на лѣвый, конечно, съ помощью другихъ; то присядеть, то опять склонится и, при этомъ, непрестанно крестился. Услышавши о болѣзни старца, многіе пришли въ его келью. „Что много народа?“ спросилъ Федоръ Кузьмичъ Хромова. „Батюшка, пришли навѣстить васъ“. Старецъ ни слова не отвѣтилъ. Страданія не уменьшались, а какъ будто еще увеличивались. Старшая дочь Хромова стала вслухъ читать акаѳистъ Живоначальной Троицы. Самъ Хромовъ—какъ послѣ рассказывалъ—былъ

очень смущенъ: ему казалось непонятнымъ—какъ это такой подвижникъ и такъ страдаетъ?.. и не за то ли его Господь наказываетъ, что онъ не принялъ Святыхъ Таинъ?.. Но этого предположенія своего Хромовъ никому не высказалъ. Вдругъ старецъ подзываетъ его къ себѣ и кротко спрашиваетъ: „панокъ, ты думаешь удалиться?“ Хромовъ понялъ о чемъ идетъ рѣчь и, заплакавши, сказалъ: „ба-тюшка, прости, нѣтъ не думаю“.

Агонія продолжалась часовъ до 8 вечера. Къ этому времени старецъ успокоился и лежалъ тихій, благообразный, необыкновенно радостный, словно видѣлъ кого-то передъ собою. Потомъ взоръ его остановился на маленькомъ мѣшочкѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ. Обращаясь къ Хромову и указывая на мѣшочекъ, старецъ тихо, но внятно сказалъ: „*въ немъ моя тайна*“. Затѣмъ онъ попросилъ себя поднять: Посидѣлъ немного; его положили на лѣвый бокъ—полежалъ; вдругъ самъ выпрямился на спину, вздохнулъ три раза рѣдко, а четвертый чуть слышно—и предалъ душу свою Богу... Это было 20-го января 1864 года въ 8 часовъ 45 минутъ вечера.

На лицѣ усопшаго отразилась великая дума всей его жизни и ангельская чистота его души.

Навзрыдъ заплакали всѣ, бывшіе въ кельѣ; сразу почувствовали, кого они потеряли въ старцѣ; какого наставника и молитвенника они, грѣшные, лишились. Въ воспоминаніяхъ епископа Петра о Феодорѣ Кузьмичѣ рассказывается, что въ это самое время, какъ праведная душа старца разлучалась съ тѣломъ, двое изъ прислуги доктора Левашева, жившаго въ сосѣдяхъ Хромова, вѣзжая въ городъ съ горы видѣли пожаръ около дома Хромова: три раза вылетало огромное пламя... Поспѣшивши домой, они тревожно спросили: „не горитъ ли гдѣ у насъ или у нашихъ сосѣдей?“ Имъ отвѣтили: „нѣтъ, нигдѣ не было пожара“; при этомъ одна женщина замѣтила: „не чудо ли это? Каковъ то у Хромова старецъ? Не померъ ли?“

На усопшаго надѣли бѣлую новую рубашку, безъ хала-

тика, положили его въ кедровый гробъ и 23-го числа при несмѣтномъ стеченіи народа, въ присутствіи властей и всего городского духовенства перенесли въ церковь Богородице-Алексѣевскаго монастыря, въ которомъ завѣщаль похоронить себя старецъ. На другой день послѣ литургіи и отпѣванія со славою и честью, какая выпадаетъ на долю только великихъ людей, тѣло старца было предано землѣ.

Могила Феодора Кузьмича находится въ 3¹/₂ саженьяхъ на сѣверо-востокъ отъ главнаго алтаря монастырскаго храма. Она обнесена деревянною рѣшеткою, окрашенною въ бѣлый цвѣтъ; по угламъ четыре кедра сомкнули свои зеленѣющія вершины и тихо стоятъ, какъ бы обязавшись хранить какую-то тайну. Въ тѣни ихъ, на насыпи, покрытой зеленою травкою, но безъ цвѣтовъ, высокій деревянный бѣлый крестъ и на немъ надпись: „Здѣсь погребено тѣло раба Божія старца Феодора Кузьмича, скончавшагося 20-го января 1864-го года“. Если попристальнѣе всмотрѣться, можно еще прочесть слова: „великаго благословеннаго раба Божія“. Это, оказывается, первоначальная надпись на крестѣ, не такъ давно закрашенная по приказанію одного изъ томскихъ губернаторовъ ¹⁾.

Коротка эта надпись, но много сокрыто въ ней. У этого креста пролито много слезъ, и эта земля, этотъ чистый, мелкій песочекъ на могилкѣ, приняла много поклоненій и лобызаній людскихъ—знакъ глубокаго почитанія къ почивающему въ ней.

Кто же тутъ почиваетъ? Откроется ли когда-нибудь тайна Феодора Кузьмича?

Послѣ смерти его открылось *многое*. Открылось, что Феодоръ Кузьмичъ всю жизнь велъ *широкую переписку*, и въ мѣшочкѣ, о которомъ онъ сказалъ Хромову передъ кончиной: „въ немъ моя тайна“, найденъ ключъ къ его перепискѣ. Письма писались шифрами и разносились по

¹⁾ Въ послѣдніе годы надъ могилою Феодора Кузьмича устроена каменная часовня.

всей Россіи его гостями, странниками, дознанными въ вѣрности, а чернила и бумага тщательно прятались отъ постороннихъ глазъ въ кельѣ.

Открылось, что старецъ, дѣйствительно, часто сподоблялся, по его выраженію, трапезы Господней, т. е. приобщался Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Когда онъ еще жилъ на заводѣ въ Зерцалахъ и въ Краснорѣчинскѣ, его духовниками преемственно были: протоіерей о. Петръ Поповъ, въ послѣдствіи епископъ Красноярскій, человекъ высокой, святой жизни и іеросхимонахъ Германъ, мужъ благочестивый и богобоязненный. Они пріѣзжали къ старцу, исповѣдывали его, причащали и жили у него иногда по нѣсколько дней. А въ Томскѣ, какъ положительно зналъ покойный настоятель Алексѣевскаго монастыря архимандритъ Викторъ, духовниками Федора Кузьмича были—священникъ Воскресенской церкви Созуновъ и іеромонахъ Рафаиль—напутствовавшій старца и въ его предсмертной болѣзни. Въ этотъ разъ о. Рафаиль, отправляясь къ старцу для совершенія надъ нимъ таинства, словно по усмотрѣнію Божію, взялъ съ собою послушника Вознесенскаго (послѣ псаломщика), черезъ что явился новый свидѣтель истины. Почему то старецъ очень остороженъ былъ въ выборѣ себѣ духовника, и не только содержаніе исповѣди, но и самый фактъ ея долженъ былъ оставаться тайною. Іеросхимонахъ Германъ только на смертномъ одрѣ сказалъ, что онъ принималъ на исповѣдь старца Федора Кузьмича, причащалъ его, знаетъ о немъ, кто онъ такой, и чтитъ его, какъ великаго Божьяго человека.

Открылось многое послѣ смерти Федора Кузьмича, но далеко—не все. И если установленіе того факта, что старецъ, какъ истинный сынъ Православной Церкви, исповѣдывался и приобщался Божественныхъ Таинъ, освобождаетъ его отъ нареканій и подозрѣній въ сектанствѣ, то переписка его прибавляетъ *новую* загадку къ его таинственной личности: къ чему подвижнику Сибири переписка о положеніи дѣлъ въ Россіи?! Зачѣмъ эти шифры?

и т. п. Въ Томскѣ о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ слышать можно многое и не только среди старыхъ иноковъ монастыря, гдѣ онъ погребенъ, а и въ свѣтскомъ кругу; но вездѣ, во всѣхъ разговорахъ, чувствуется что то недосказанное, недомолвленное. Чѣмъ больше всматриваешься въ нравственный обликъ старца, тѣмъ осязательнѣе становится *тайна его личности*, тайна *мотивовъ* и *цѣли* его подвига. Психологія всякаго великаго дѣла, всякаго героизма, конечно, интересна, а тутъ еще прибавляется высокая религіозность, строгій аскетизмъ—и несомнѣнно послѣ тяжелой, для многихъ совершенно непосильной нравственной ломки. Вотъ почему личность старца Федора Кузьмича заслуживаетъ вниманія *сама по себѣ*, безъ отношенія къ легендѣ, называющей его императоромъ Александромъ Благословеннымъ, добровольно отрекшимся отъ престола и скрывшимся для подвиговъ; интересна съ точки зрѣнія религіозно-нравственной и даже чисто психологической.

На Руси были всякаго рода христіанскіе подвижники—были князья, мѣнявшіе доспѣхи на схиму, царицы и княжны, одѣвавшіяся во власяницы; были святители, носившіе язвы Христовы на тѣлѣ своемъ; знаменитые вельможи, уходившіе въ монастырь на тяжелое послушаніе; были преподобные, своею святою, праведною жизнью вносившіе свѣтъ въ народную душу; были юродивые, Христа ради отрeksiеся отъ проявленія своего ума, буи о Христѣ, своимъ подвигомъ изобличавшіе ложное направленіе человѣческой мысли и мудрости... Старецъ Федоръ Кузьмичъ представляетъ собой новый типъ христіанскаго подвижника; онъ первый, насколько извѣстно, добровольно взялъ на себя *подвигъ бродяжничества*, какъ особый видъ отшельничества. Тяжело проходить истинно-христіанскую жизнь и при удобствахъ: опредѣленномъ положеніи, таковой или иной матеріальной обеспеченности; тяжело быть истинно-добрымъ пастыремъ; не малая жертва требуется отъ учителя, тернистъ нынѣ путь всякаго общественнаго

дѣятеля съ христіанской совѣстію,—но все это блѣднѣетъ передъ изумительнымъ подвигомъ старца Федора Кузьмича... Человѣкъ, несомнѣнно, исключительно высокаго положенія, благороднаго воспитанія, европейски образованный,—и странствовать изъ монастыря въ монастырь, изъ селенія въ селеніе и затѣмъ пойти въ Сибирь, какъ ссыльному, спуститься, такъ сказать, на самое дно жизни, стать въ ряду людей, заклеименныхъ порокомъ и преступленіемъ, отверженныхъ и презираемыхъ,—на это нужна великая сила, непреклонная воля, на это нужно героичество духа! Рѣшиться на подобный подвигъ могла только одна русская душа, у которой во многомъ, въ томъ числѣ и въ подвигъ душевнаго спасенія, не бываетъ середины, у которой, какъ ярко отмѣтилъ великій психологъ-писатель Достоевскій, есть какая то потребность, какая то неутолимая жажда страданій за грѣхъ. Живетъ человѣкъ, какъ и всѣ, а иногда и хуже всѣхъ, доидетъ подчасъ до самаго края бездны и даже заглянетъ въ нее, и вдругъ круто повертывается назадъ и начинаетъ жить, какъ новый... Тутъ ему мало всякаго подвига, мало поста и молитвъ,—ему нужно уничиженіе, нуженъ затворъ, нужны вериги, утомленіе плоти, необходимы страданія. Невольно напрашивается здѣсь на языкъ поэтическое изображеніе такого подвижника, у котораго

„Сила вся души великая

Въ дѣло Божіе ушла“,

въ чудномъ „Власѣ“ Некрасова.

Въ подвигъ бродяжничества Федора Кузьмича, помимо его желанія узнать Россію, узнать жизнь народную въ ея наличности и внести хоть нѣкоторый свѣтъ, нѣкоторое утѣшеніе въ среду темнаго и несчастнаго люда, было явное желаніе какого то *уничиженія* и страданія. Онъ не совершилъ и не былъ судимъ за преступленія, но чувствовалъ себя преступникомъ, страшно предъ кѣмъ-то виновнымъ. На его совѣсти лежалъ тяжелымъ камнемъ какой-то грѣхъ, и сознаніе этого не покидало его, когда

былъ онъ въ обществѣ, въ гостяхъ. Онъ рѣдко садился—любопытная черта, встрѣчающаяся въ русскихъ кающихся—не давать покоя своимъ ногамъ и „не утруждать никогда тварей Божіихъ своимъ грѣшнымъ тѣломъ“, какъ выразился одинъ странникъ изъ такихъ кающихся на приглашеніе проѣзжаго присѣсть въ его экипажъ. Посѣтителей въ своей кельѣ старецъ почти всегда принималъ стоя или ходя по комнатѣ (причемъ у него одна рука всегда была на груди, по привычкѣ); въ гостяхъ, гдѣ предлагали ему чай, выпивалъ два стакана, не садясь, и, если угощали пирогомъ или обѣдомъ, вѣшалъ немного, но тоже стоя. „Не присѣлъ все время, пока былъ у насъ, ни на минуту“, рассказывала извѣстная Александра Никифоровна, въ домѣ которой старецъ бывалъ сравнительно часто; „братъ просилъ его сѣсть, но онъ сказалъ; „не мнѣ на такой мебели сидѣть, человекъ я грѣшный“, а мебель была простая, деревенская; уходя же сказалъ: „кабы вы знали, какой гость былъ у васъ! грѣшника, да такъ уважаете; кабы вы знали, что такой грѣшникъ, такой разбойникъ былъ у васъ, такъ вы бы и въ домъ то не приняли меня“. Разбойникомъ Федоръ Кузьмичъ часто называлъ себя. Изъ бесѣдъ же его ясно было, что подъ разбоемъ и кровопролитіемъ онъ разумѣлъ *войну*, въ которой гибнуть, по его словамъ, тысячи невинныхъ людей, послѣ коихъ остается множество вдовъ, сиротъ и всякое разореніе.

И вотъ, сокрушаясь о какомъ-то грѣхѣ своемъ, не зная покоя себѣ при воспоминаніяхъ о немъ, Федоръ Кузьмичъ началъ странствовать, сталъ молиться, спать на голыхъ доскахъ и ѣсть хлѣбъ съ водою... Сколько времени, кромѣ 27-милѣтняго подвига въ Сибири, продолжалась такая строгая жизнь, неизвѣстно, но *результатъ* этой жизни у всѣхъ на глазахъ—это благодатная сила его молитвы и необыкновенный даръ прозорливости. Самый же совершеннѣйшій плодъ его работы надъ собой и вмѣстѣ съ тѣмъ самое высшее значеніе его подвига—это то, что старецъ Федоръ Кузьмичъ былъ *праведникомъ*.

т. е. однимъ изъ тѣхъ людей, ради которыхъ Господь терпитъ нашъ грѣшный міръ и около которыхъ ихъ духомъ засѣменяется *новая жизнь*—святая и богоугодная.

Статистика человѣческая не знаетъ, сколько покаянныхъ вздоховъ, слезъ умиленія и религіозныхъ восторговъ вызвалъ Федоръ Кузьмичъ въ людяхъ, соприкасавшихся съ нимъ; она не можетъ подсчитать количество лицъ, усвоившихъ духъ старца, какъ можно подсчитать, напримѣръ, число учениковъ школы или слушателей профессора; но отличие религіозно - нравственныхъ дѣятелей, учителей вѣры и христіанскихъ подвижниковъ отъ дѣятелей мірскихъ въ томъ и состоитъ, что вліяніе ихъ—чисто *духовнаго свойства, незримо и таинственно*.

Царство Небесное, по слову Спасителя, *подобно закваскѣ*, положенной въ муку, и духъ Христовъ созрѣваетъ въ людяхъ молчаливо, непримѣтно, какъ *упавшее на землю зерно*.

А. С.

Въ послѣдніе два—три года литература о блаженномъ старцѣ значительно увеличилась, и толки о немъ усилились. Подтверждая собою нравственную красоту, святость и чрезвычайность подвига истиннаго раба Божія, такъ психологически тонко и живо выясненнаго авторомъ въ предлагаемой статьѣ, литература эта занята главнымъ образомъ вопросомъ о происхожденіи старца. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ трудъ Великаго Князя Николая Михайловича: „Легенда о кончинѣ Императора Александра I-го въ Сибири въ образѣ старца Федора Кузьмича“. СПб. 1907; авторъ дѣлаетъ критическій разборъ этой легенды и доказываетъ ея историческую недостоверность. Въ началѣ текущаго года напечатаны были „Посмертныя записки старца Федора Кузьмича“, написанныя гр. Л. Н. Толстымъ еще въ 1905 г.; въ формѣ такихъ записокъ, будто бы веденныхъ въ Сибири самимъ Ф. К.—чемъ, авторъ старается выяснитъ смыслъ и значеніе жизни и дѣятельности Александра Благословеннаго

съ нравственной точки зрѣнія. Сочиненіе не оконченное. Въ текущемъ же году въ журналъ „Мирный Трудъ“ (№ 1, 2 и 3—4) напечатана подробнѣйшая и обстоятельнѣйшая монографія о старцѣ томичемъ Д. Г. Романовымъ подъ заглавіемъ: „Таинственный старецъ Феодоръ Козьмичъ въ Сибири и Императоръ Александръ Благословенный. (Легенды и преданія, собранныя кружкомъ почитателей старца Феодора Козьмича)“. Послѣ подробнаго и по мѣстамъ документально обставленнаго изложенія приводимыхъ легендъ и преданій о старцѣ, авторъ подвергаетъ критикѣ разсужденія и заключенія Великаго Князя и съ своей стороны, не выдавая своего рѣшенія за окончательное, приводитъ цѣлый рядъ доводовъ въ пользу исторической достовѣрности легенды.

Къ сказанному въ настоящей статьѣ о высоко-нравственномъ характерѣ духовнаго облика старца и глубокомъ почитаніи его до послѣдняго времени томичами слѣдуетъ прибавить, что въ Томскѣ разсказываютъ о многочисленныхъ случаяхъ исцѣленія отъ болѣзней по молитвамъ къ старцу, могилку котораго съ особенною любовію посѣщаютъ томичи. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, напечатанный въ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и оттуда въ „Душеполезномъ Собесѣдникѣ“ по сообщенію епископа Мелетія на основаніи письма получившаго исцѣленіе Ивана Кирилловича Карлова. „Въ 1910 г. 25 іюля, пишетъ Карловъ, пріѣхалъ я изъ Москвы въ Томскъ на службу въ торговый домъ Голованова; 1 сентября того же года я заболѣлъ воспаленіемъ слѣпой кишки: меня лѣчилъ докторъ Либеровъ; лѣченіе мое шло медленно, то улущшаясь, то ухудшаясь; наконецъ докторъ предложилъ мнѣ сдѣлать операцію и удалить отростокъ слѣпой кишки; я согласился, и онъ мнѣ далъ записку къ доктору Зимину, который, осмотрѣвъ меня и найдя слабымъ, велѣлъ притти къ нему черезъ недѣлю, обѣщаясь помѣстить меня въ клинику. Пріѣхавъ домой отъ доктора, я сталъ приготовляться къ операціи: началъ ходить

въ мужской монастырь говѣть; 1 октября я исповѣдался, а 2 приобщился Св. Тайнъ. Въ ночь на 3 число увидѣлъ слѣдующій сонъ: будто бы я прихожу въ монастырь и вижу—много народа стоитъ предъ иконою Нерукотвореннаго образа Спасителя,—впереди всѣхъ стоялъ старецъ Федоръ Кузьмичъ; я подошелъ ближе, старца уже не было; тогда я спросилъ, гдѣ же этотъ старецъ, а мнѣ говорятъ: онъ пошелъ по домамъ подавать то, кто чего у него просить. Я и говорю: а я пришелъ къ нему попросить его, чтобы онъ за меня помолился, такъ какъ мнѣ хотятъ дѣлать операцію. Какъ это я сказалъ, входитъ въ храмъ самъ старецъ и говоритъ мнѣ: „иди съ Богомъ, здоровье тебѣ я уже далъ; иди и молись“, и указалъ рукою своею на икону Нерукотвореннаго образа Спасителя. Проснувшись утромъ, я почувствовалъ себя очень хорошо и легко; мнѣ съ каждымъ часомъ становилось лучше и лучше. Въ назначенный день для операціи я отправился къ доктору Зимину, который, когда сталъ меня выслушивать и осматривать, спросилъ у меня: „когда я нажимаю бока, вамъ больно?“—я отвѣчаю: у меня никакой боли не чувствуется; докторъ спрашиваетъ: „когда вы поднимаетесь вверхъ по лѣстницѣ, то вамъ больно?“ я ему говорю, что по какой угодно поднимаюсь лѣстницѣ, ибо никакой боли не чувствую. Докторъ Зиминъ пожалъ плечами и сказалъ: „въ такомъ случаѣ я не нахожу нужнымъ дѣлать вамъ операцію; вы совершенно здоровы“, и отпустилъ меня домой. Я пришелъ домой, и мы радостные съ женою возблагодарили Господа Бога за Его милость. Въ слѣдующую же ночь я вижу сонъ: подводятъ меня къ иконамъ и говорятъ: это келлія старца, а это, указывая на икону св. Александра Невскаго—икона его ангела, а это икона его брата,—указали икону Св. Великомученика Пантелеимона, такъ какъ и ему, старцу, дано отъ Бога исцѣлять больныхъ. Теперь я, благодаря Бога, совершенно здоровъ.

Подлинное письмо подписано Иваномъ Кирилловичемъ Карловымъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ

„О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“ ТЪМОУ КЕМПІЙСКАГО *).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О внутреннемъ утѣшеніи.

Глава сорокъ третья.

Противу суетныхъ знаній нынѣшняго вѣка.

Многіе люди утруждаютъ и мучать себя, чтобы пріобрѣсти познанія, но я „увидѣлъ, говоритъ Премудрый, что и это—томленіе духа“ ¹⁾. Къ чему послужить вамъ познаніе вещей міра сего (само по себѣ), когда и міръ сей преидеть? Васъ не спросятъ „въ послѣдній день“, какія вы пріобрѣли познанія, но каковы были на землѣ дѣла ваши, „потому что въ могилѣ, куда вы пойдете, нѣтъ ни размышленія, ни знанія, ни премудрости“ ²⁾. Прекратите всякую бесполезную работу. Кѣмъ бы вы ни были, вы слишкомъ занимались возвращеніемъ древа, коего плоды причиняютъ смерть. Бросьте науку, если она питаетъ гордость, „знаніе“, которое „надмеваетъ“ ³⁾, чтобы заняться пріобрѣтеніемъ того, которое дѣлаетъ смирен-

*). Продолженіе. См. № 7—8 „Душ. Чт.“

¹⁾ Екклес. 1, 17.

²⁾ Тамъ же IX, 10.

³⁾ 1 Кор. VIII, 1.

нымъ и святымъ, то-есть приобрѣтеніемъ „назидующей любви“ ⁴⁾. Научитесь познавать свое ничтожество и свою грѣховность; тогда Богъ явится къ вамъ, просвѣтитъ васъ Своимъ свѣтомъ и наставитъ васъ втайнѣ тому чудесному вѣдѣнію, о коемъ Іисусъ сказалъ: „славлю Тебя, Отче. Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ“ ⁵⁾.

Глава сорокъ четвертая.

О томъ, что не должно привлекать къ себѣ вещи вѣшняго міра.

Если бы вамъ предстояло умереть завтра, какую важность могли бы вамъ представить вещи міра сего и все, что вокругъ васъ говорится и творится теперь? Но, быть можетъ, вы и дѣйствительно умрете не сегодня—завтра, потому что жизнь кратковременна. Будьте же въ данную минуту такимъ, какимъ хотѣли бы вы быть у преддверія вѣчности. Ни познанія ваши, ни богатства, ни какія бы то ни было земныя преимущества ни къ чему не послужатъ вамъ на судѣ Божиемъ; все будетъ тогда зависѣть отъ вашихъ добрыхъ или злыхъ дѣлъ. „И сказалъ имъ притчу: у одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ; и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать, некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое, и скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“ ⁶⁾.

⁴⁾ 1 Кор. VIII, 1.

⁵⁾ Лук. X, 21.

⁶⁾ Лук. XII, 16—21.

Глава сорокъ пятая.

О томъ, что не должно всёму вѣрить, и какъ легко человѣку паденіе въ словѣ.

Не ищите опоры въ людяхъ, потому что рано или поздно они васъ покинутъ. Человѣкъ слабъ, непостояненъ, легкомысленъ, себялюбивъ. Малѣйшій капризъ удаляетъ его отъ васъ, малѣйшаго интереса достаточно, чтобы обратить его въ вашего недруга. И вотъ обнаруживается тогда, что онъ такое въ дѣйствительности: онъ васъ любилъ, но изъ-за себя самого, чтобы, въ случаѣ нужды, воспользоваться вами. Бѣжите, бѣжите отъ этихъ ложныхъ друзей міра сего. Одинъ изъ нихъ васъ предастъ, другой покидаетъ. Случится ли, что въ какихъ-нибудь обстоятельствахъ вы вынуждены бываете прибѣгнуть къ друзьямъ за помощью, „они начинаютъ всё, какъ бы сговорившись, извиняться. Первый говоритъ: я купилъ землю и мнѣ нужно пойти и посмотреть ея; прошу тебя, извини меня. Другой говоритъ: я купилъ пять паръ воловъ и иду испытать ихъ; прошу тебя, извини меня. Третій говоритъ: я женился и потому не могу придти“ ⁷⁾. Вотъ что такое—человѣческая дружба. Ты, Боже, одинъ только не оставляешь тѣхъ, кто любитъ Тебя, кто надѣется на Тебя; всегда Ты близокъ къ нимъ, чтобы ихъ поддержать и утѣшить. Никогда не тяготишься Ты выслушивать ихъ вопли, внимать ихъ жалобамъ, осушать ихъ слезы. Нѣтъ никого, не вызывающаго Твоего нѣжнаго попеченія: и отверженный въ глазахъ міра человѣкъ, и всеми отталкиваемый несчастный находятъ у Тебя помощь: „Ты укрепляешь его на одрѣ болѣзни его и измѣняешь все ложе его“ ⁸⁾ и, когда жизнь его уже на исходѣ, Ты даруешь ему, Боже, вѣчный покой. Аминь.

⁷⁾ Лук. XIV, 18—20.

⁸⁾ Псал. XL, 4.

Глава сорокъ шестая.

О томъ, что надобно имѣть упованіе на Бога, когда поднимаются стрѣлы словесъ человѣческихъ.

„Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ“⁹⁾. Какъ легко, однако, смущаемся мы, не взирая на эти слова Божіи, вслѣдствіе человѣческихъ толковъ и пересудъ? Мы не можемъ переносить униженія; мы хотимъ, во что бы то ни стало, пользоваться уваженіемъ и похвалами. Испушаемые пустымъ призракомъ доброй о насъ славы мы забываемъ Бога и Его заповѣди, забываемъ о благахъ, какія обѣщаетъ Онъ смиреннымъ. Какое это странное дѣйствіе гордости, всегда гнѣздящейся въ глубинѣ нашего сердца! Что такое обиды, неправда, клевета? Отчего возбуждаютъ онѣ въ васъ такое живое и тягостное чувство горечи? Вѣдь васъ же обвиняютъ безъ основанія. Предпочли ли вы бы развѣ, чтобы это было по благословенной причинѣ? Если вы не виновны въ томъ, что ставятъ вамъ въ упрекъ, то развѣ вы не виновны во множествѣ другихъ погрѣшностей, въ которыхъ васъ не укоряютъ? Войдите въ совѣсть свою: вы услышите тамъ голосъ болѣе строгій, нежели тотъ, который раздается со стороны людей. Послѣдній смолкнетъ, а первый будетъ звучать вдали отъ земного шума, въ тишинѣ вѣчности, въ присутствіи нелицепріятнаго Судии, къ Коему немедленно быть можетъ, вы явитесь. Подумайте объ этой важнѣйшей минутѣ, и вы будете мало тревожиться о томъ, что говорятъ о васъ люди.

Глава сорокъ седьмая.

О томъ, что всякія бѣды переносить надобно ради вѣчной жизни.

Когда жизнь становится намъ въ тягость, когда мы готовы бываемъ подчиниться чувству „печали изгнанія“.

⁹⁾ Мате. V, 11, 12.

Будемъ смотрѣть выше и созерцать зарю нашего освобожденія, потому что хотя смертная наша оболочка разлагается, „но внутренній человѣкъ нашъ со дня на день обновляется“ ¹⁰⁾. Будемъ ждать и страдать терпѣливо; часъ покоя приближается: „кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу“ ¹¹⁾. Что значить нѣкоторый трудъ и томленіе на землѣ? Мы, вѣдь, не долговѣчны и „не имѣемъ здѣсь постояннаго града“ ¹²⁾. Иисусъ Христосъ вознесся на небо, чтобы приготовить намъ обитель въ домѣ Отца Своего, а потомъ Онъ придетъ и возьметъ насъ съ Собою, чтобы гдѣ Онъ, тамъ и мы были ¹³⁾. О, Иисусе! о, Спаситель мой! душа моя томится въ разлукѣ съ Тобою: „какъ лань стремится къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!“ ¹⁴⁾. Прійди, не замедли: вдали отъ Тебя, мы находимся „во тьмѣ и тѣни смертной“ ¹⁵⁾. Просвѣти насъ свѣтомъ Лица Твоего, Господи! и пусть онъ приведетъ насъ въ небесный Іерусалимъ, къ подножію престола Агнца. Тамъ, въ восторгѣ любви, въ безконечной радости сонмъ Блаженныхъ вмѣстѣ съ Ангелами славословить Трисвятого Бога; а я, Господи, „на рѣкахъ Вавилонскихъ“ плачу, „вспоминая о Сіонѣ“ ¹⁶⁾. Но утѣшься, душа моя, прислушайся внимательно: развѣ не раздаются издали какъ бы первые тихіе звуки, возвѣщающіе о прибытіи Жениха? Еще немного, и ты увидишь Его; еще немного, и ничто никогда не сможетъ уже разлучить тебя съ Нимъ.

¹⁰⁾ 2 Кор. IV, 16.

¹¹⁾ Тамъ же, 17.

¹²⁾ Евр. XIII, 14.

¹³⁾ Іоан. XIV, 2, 3.

¹⁴⁾ Псал. XLI, 1.

¹⁵⁾ Лук. 1, 79.

¹⁶⁾ Псал. CXXXVI, 1.

Глава сорокъ восьмая.

О днѣ вѣчности и о бѣдствіяхъ здѣшной жизни.

Болѣзни, труды, страданія, искушенія, жажда счастья, ничѣмъ на землѣ неутолимая,—все намъ постоянно напоминаетъ о вѣчности, гдѣ вѣра общается въ обладаніи самимъ Богомъ дать намъ покой, миръ, высшее и нескончаемое блаженство, къ коему стремимся мы всѣми силами нашей души. И вотъ почему Святые такъ горько вопіютъ подъ тяжестью удерживающихъ ихъ еще на землѣ оковъ. „Я имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ“, говоритъ Апостоль (17). Тамъ не будетъ больше ни страха, ни слезъ, ни борьбы, но вѣчное торжество и вѣчная радость. Если слабое только отображеніе высочайшей Истины приводитъ уже въ восхищеніе нашъ умъ, что будетъ, когда станемъ созерцать мы эту Истину въ полномъ Ея блескѣ? И если уже теперь отрадно намъ любить, что будетъ, когда насладимся мы любовью у самаго Источника любви? Ей, Господи, я желаю разрѣшиться отъ тѣла моего, чтобы быть съ Тобою! Одна уже надежда только на это служить мнѣ утѣшеніемъ; въ ней—вся жизнь моя. Что можетъ дать мнѣ миръ? „Горе мнѣ, что я живу у шатровъ Кидарскихъ“, чуждыхъ мнѣ (18). Твоего царства, Боже мой, Твоего царства жду я: у меня нѣтъ другого отечества! Когда Ты соблаговолишь призвать меня туда, я вѣчно буду воспѣвать Твое милосердіе.

Глава сорокъ девятая.

О желаніи жизни вѣчной, и какія награды за подвигъ общаны.

Хотя намъ заповѣдано стремиться къ небесному блаженству и не возбраняется тяготиться „своимъ изгнаніемъ“ (19), мы должны, однако, переносить его терпѣливо и

17) Филп. 1, 23.

18) Псал. СХІХ, 5.

19) Псал. СХІХ. 5.

радоваться испытаніямъ, посылаемымъ намъ Провидѣніемъ, потому что они и полезны для нашего спасенія, и служатъ однимъ изъ средствъ, избранныхъ Богомъ для удовлетворенія Его правды и для откровенія въ насъ Его милосердія и Его славы. Будучи грѣшниками, мы должны стать причастными страданіямъ Того, Кто насъ искупилъ: будучи учениками Христовыми, мы должны слѣдовать за своимъ Учителемъ и, по Его примѣру, нести свой крестъ и пить до дна чашу горечи. Никто не увѣчивается, если не подвизался ²⁰⁾. „Блаженъ человекъ, который переноситъ искушеніе, потому что, бывъ испытанъ, онъ получитъ вѣнецъ жизни, который обѣщаль Господь любящимъ его“ ²¹⁾. Будемъ ждать назначенной Богомъ минуты и продолжать въ мирѣ свое странствованіе. Все, что оканчивается, кратковременно, и нѣтъ ничего труднаго для того, въ комъ не умираетъ надежда. Пусть эта мысль оживляетъ насъ, когда мы чувствуемъ себя безсильно унылыми. „Среди великаго крушенія міра, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, милостивая Рука бросаетъ намъ свыше вервь надежды, которая постепенно извлекаетъ изъ волнъ человѣческихъ бѣдствій и поднимаетъ до неба тѣхъ, кто держится за нее крѣпко“ ²²⁾.

Глава пятидесятая.

Какъ надобно человекъ въ печали предавать себя въ волю Божию.

Богъ попускаетъ, чтобы душа чувствовала себя иногда какъ бы оставленною. Нѣтъ ей утѣшенія, нѣтъ надъ ней свѣта; отовсюду—испытанія, искушенія, тревоги; она думаетъ, что близка къ паденію, потому что не замѣчаетъ уже поддерживающей ее Руки. Что дѣлать въ такія минуты? Говорить, какъ Спаситель: „Боже Мой, Боже Мой! для

²⁰⁾ 1 Кор. IX, 25.

²¹⁾ Іак. 1, 12.

²²⁾ Къ Θεод. Лапсак.

чего Ты меня оставилъ“ ²³⁾? но вмѣстѣ съ тѣмъ быть спокойнымъ въ страданіи и въ духовномъ мракѣ, „доколѣ не убѣгутъ тѣни и не дохнетъ день“ ²⁴⁾. Такое состояніе души служить самымъ сильнымъ искусомъ вѣры: это для души—образъ смерти. Холодная, неподвижная, безчувственная—она какъ бы заключена въ гробницу и держится, какъ кажется, за Бога только слабымъ усиліемъ воли, едва ей самой замѣтнымъ. О! сколько милостей бываетъ плодомъ этой агоніи, если ее переносятъ со смиреннымъ терпѣніемъ! О! сколько грѣховъ искупается такими страданіями! Въ эти-то минуты и совершается въ насъ тайна искупленія, и мы становимся дѣйствительно сообразными Христу, если только не перестаемъ повторять съ искреннею и непоколебимою вѣрой слова самоотверженія: „Ей, Отче!“ я принимаю эту чашу и хочу ее исчерпать до дна, „ибо таково было Твое благоволеніе“ ²⁵⁾.

Протоіерей Александръ Смирнопуло.

Брюссель.

²³⁾ Матѣ. XXVII, 46.

²⁴⁾ Пѣснь пѣсн. II, 17.

²⁵⁾ Матѣ. XI, 26.

Современное богоборство и цѣлительная сила христіанства ¹⁾).

„И рече имъ: аминь глаголю вамъ
еще не обратитесь и будете, яко дѣти,
не увидите въ царство небесное“.

МѠ. 18. 3.

I.

Современное богоборство.

Борьба добра и зла въ душѣ человѣка. Борьба добра и зла въ жизни общества. Роковой моментъ въ прошломъ русскаго народа. Богоборческое міросозерцаніе въ современномъ русскомъ обществѣ. Существенныя черты этого міросозерцанія. Богоборческое міросозерцаніе въ изображеніи Л. Андреева: Савва, Жизнь человѣка. Апологія богоборства въ книгѣ Иванова-Разумника: Творчество и критика. Плоды богоборческаго міросозерцанія: грубое служеніе плоти, отвращеніе къ жизни.

Корни русскаго богоборства. Необходимость борьбы съ нимъ.

Есть небольшая книга подъ заглавіемъ: „Внутреннее состояніе сердца человѣческаго“. Любителямъ духовнаго чтенія она, конечно, хорошо извѣстна. Въ этой книгѣ простымъ и яснымъ языкомъ, со ссылками на свящ. Писаніе, на творенія св. отцевъ Церкви, на сочиненія духовныхъ и свѣтскихъ писателей, раскрывается та простая, но поразительная и глубоко вѣрная мысль, что человѣческое сердце является ареною непрерывной борьбы между свѣтомъ и тьмою, между добрыми и злыми стремленіями, между Богомъ и діаволомъ. Эта мысль наглядно поясняется

¹⁾ Публичное чтеніе, предложенное образованнымъ слушателямъ въ г. Полтавѣ 18-го марта 1912 года въ залѣ Маріинской женской Гимназіи отъ Свято-Макаріевскаго Епархіальнаго Братства.

рядомъ соответствующихъ рисунковъ. Такъ, на одномъ рисункѣ изображенъ юноша, во всю грудь котораго нарисовано большое сердце, наполненное всякими отвратительными животными, олицетворяющими различныя страсти—гордость, чревоугодіе, сладострастіе и т. д. Это—сердце человѣка, находящагося во власти тьмы, страстей, діавола. Ангель-хранитель стоитъ въ сторонѣ, закрывъ глаза руками. Очевидно, скорбитъ о несчастномъ, духовно погибающемъ человѣкѣ. На другомъ рисункѣ изображенъ тотъ же юноша—съ такимъ же большимъ сердцемъ, но внутри этого сердца появилась уже свѣтлая точка, отъ которой лучи свѣта разливаются во всѣ стороны, а отвратительныя животныя, гонимыя этимъ свѣтомъ, убѣгають изъ сердца. Это—человѣкъ, почувствовавшій красоту и привлекательность добра, становящійся на сторону свѣта и Бога, и уже одна эта его добрая рѣшимость заставляетъ все темное и злое удаляться изъ его сердца. На третьемъ рисункѣ все сердце юноши наполнено яркимъ свѣтомъ, распространяющимся отъ находящагося въ его сердцѣ голубя—символа Духа Божія, и креста—символа спасительныхъ страданій Господа Иисуса Христа. Лицо юноши—свѣтлое и радостное. Нечистыхъ животныхъ нѣтъ не только въ сердцѣ его, но и по близости отъ него. Это человѣкъ, тѣсно внутренно соединившійся со Христомъ и глубоко Имъ благодатствованный.

Кажется, здѣсь достигнута уже полная побѣда надъ зломъ. Зло изгнано изъ сердца. Оно не смѣетъ даже и приступить къ нему. Но это только кажется. Стоитъ человѣку стать невнимательнымъ къ себѣ, стоитъ ему хотя немного допустить своему сердцу охладѣть въ любви къ Богу, стоитъ ему уже не съ такимъ гнѣвомъ и отвращеніемъ смотрѣть на темную область грѣха,—и вотъ—со всѣхъ сторонъ начинаютъ подползать къ его сердцу прежніе жильцы его, отвратительныя животныя, и мало по малу, при дальнѣйшей безпечности человѣка, проникають и въ самое сердце его. „И будутъ послѣдняя человѣку тому

горша первых". Мѡ. гл. 12. 45. И этотъ моментъ внутренней жизни челоѡка также отмѡченъ въ книгѡ соответствующимъ рисункомъ.

Картина внутренней жизни челоѡческаго сердца заимствована данною книгою, конечно, прежде всего изъ Евангелія, которое учитъ насъ: „Се бо царствіе Божіе внутрь васъ есть“. Лк. 17. 21. Заимствована она изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ, которые вели непрерывную внутреннюю борьбу со своими страстями, усердною молитвою и неослабнымъ вниманіемъ къ себѡ достигая очищенія, умиротворенія и просвѡтленія своего сердца; заимствована она изъ личнаго внутренняго опыта каждаго челоѡка и, наконецъ, изъ художественно-литературныхъ изображеній переживаній челоѡческой души.

Все въ этой картинѡ правдиво, все согласно съ ежедневнымъ опытомъ каждаго изъ насъ, все подтверждается многоѡковымъ жизненнымъ опытомъ всего челоѡчества.

Но то, что въ книгѡ говорится о душѡ каждаго отдѡльнаго челоѡка-христіанина, можетъ быть со всею справедливостію сказано и о цѡломъ христіанскомъ обществѡ. И цѡлое общество, какъ и отдѡльный челоѡкъ, можетъ переживать періоды духовнаго омраченія и духовнаго просвѡтленія. Бываютъ времена, когда общество, подъ вліаніемъ какихъ-то таинственныхъ темныхъ силъ, какъ бы падаетъ въ особаго рода духовную болѡзнь, утрачиваетъ ясность христіанскаго міросозерцанія и чуткость здороваго христіанскаго чувства, начинаетъ зло считать добромъ, а добро зломъ. Проболевъ такимъ образомъ нѡкоторое время, оно или начинаетъ духовно выздоравливать, или окончательно духовно разлагается и погибаетъ.

Такое именно болѡзненное состояніе переживалось русскимъ народомъ триста лѡтъ тому назадъ, въ эпоху лихолѡтя и смуты, когда всѡ классы русскаго общества, казалось, „измалодушествовались“, утратили понятіе о всемъ святомъ и нравственно-здоровомъ, потеряли взаимную нравственную связь, отреклись и отъ Бога, и отъ Церкви,

и отъ Родины. Россія, наводненная непріятелями и своими русскими измѣнниками, казалось, погибала,—но вдругъ началось выздоровленіе. Загорѣлся въ одномъ мѣстѣ, въ кельѣ патріарха Гермогена, благодатный огонекъ, появилась свѣтлая точка, стала этотъ огонекъ разгораться, стали зажигаться отъ него другія сердца русскія, стали крѣпнуть здоровья чувства страха Божія, любви къ Родинѣ, ревности о поруганной православной святынѣ; стало расти всеобщее одушевленіе, стали объединяться въ одномъ общемъ высококомъ чувствѣ самоотверженія прежде разрозненные и недоувѣрявшіе другъ другу люди, стала расти могучая нравственная, а вслѣдъ за нею и физическая сила и спасла русскую землю отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и снова упрочились въ русской землѣ святые и добрые христіанскія мысли, чувства и дѣйствія.

И въ наши дни русское общество переживаетъ подобный же болѣзненный духовный процессъ. Современные люди сдвинулись съ вѣковѣчной правды Христовой, бродятъ въ религіозныхъ и нравственныхъ потемкахъ, томятся будто бы жаждою истины и не находятъ ея, ибо не выполняютъ необходимыхъ для познанія истины условій.

И современная литература, и дѣйствительная жизнь полны яркихъ выраженій разстройства духовной жизни современнаго общества. И эта духовная болѣзнь, повидимому, все болѣе и болѣе развивается, пускаетъ свои корни все глубже и глубже, охватываетъ все болѣе широкіе круги общества, создаетъ общую нравственно - душную атмосферу. А начала пробужденія и отрезвленія ниоткуда пока не видится!

Въ чемъ же состоитъ духовная болѣзнь нашего времени? Какъ опредѣлить ее болѣе точно? Какъ бороться съ нею?! Наша духовная болѣзнь состоитъ, съ одной стороны, въ утратѣ живого, здороваго, религіознаго чувства, въ отрицаніи Бога и правды Его, въ богоборчествѣ; съ другой стороны—въ извращеніи христіанской истины и христіанской жизни, въ отпаденіи отъ единства Церкви.

въ попыткахъ замѣнить подлинное церковное христіанство вымыслами собственнаго болѣзненнаго и извращеннаго воображенія.

Не имѣя возможности охватить обѣ эти стороны происходящаго въ нашемъ обществѣ болѣзненнаго процесса, мы пока остановимъ вниманіе читателей на одной его сторонѣ—на явленіи *богоборчества*.

Въ наши дни мы почти уже не встрѣтимъ того наивнаго атеизма 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда люди отрицали Бога только потому, что не видѣли Его своими тѣлесными глазами. Этотъ атеизмъ сдѣлался теперь достояніемъ немногихъ школьниковъ. Нынѣшніе отрицатели и признаютъ Бога, да *не принимаютъ* Его. Атеизмъ вступилъ въ новую и самую страшную фазу своего развитія, фазу богоборчества, отъ которой вѣетъ духомъ антихриста, духомъ діавола.—Нынѣ все извращено. Современные люди перестали понимать свое мѣсто во вселенной. Человѣкъ, несмотря на все его очевидное ничтожество (особенно при современномъ отрицаніи безсмертія)—провозгласили самобытнымъ царемъ вселенной, его умъ признали непогрѣшимымъ судіею истины, мѣрою всѣхъ вещей, сдѣлали его предметомъ безграничнаго почитанія, а самыя низкія и жестокія поползновенія его извращенной грѣхомъ природы признали заслуживающими всяческаго уваженія и удовлетворенія.

Утративъ вѣру въ разумное и нравственное основаніе жизни, провозгласили жизнь совокупностію сплошныхъ ужасовъ и безмыслицы. Съ какою-то болѣзненною жадностью и даже злорадствомъ извлекаютъ изъ своей и изъ чужой души самыя противоестественныя движенія, низкія и жестокія, и, нагромождая ихъ другъ на друга во всевозможныхъ фантастическихъ сочетаніяхъ, думаютъ, что постигли самое содержаніе жизни, тогда какъ, въ дѣйствительности, узнали лишь ея грязныя задворки, а истинное содержаніе жизни, святое и спасительное, ея истинная сущность, раскрываемая христіанствомъ, отъ нихъ со-

вершенно ускользаетъ. Подчинивъ міръ слѣпому и беспещадному року, сковавъ міръ какими-то неизмѣнными и глухими ко всякому человѣческому чувству, ко всякой человѣческой мольбѣ законами, они обратили вселенную въ мрачную тюрьму, о стѣны которой бьются бессильно и безнадежно, не видя другого исхода, кромѣ преступленія, отчаянія и самоубійства. Такимъ образомъ, Богъ, какъ святое, благое и разумное основаніе мірового бытія—сталъ предметомъ отрицанія, глумленія и ненависти; человѣкъ, со всею его мерзостью, обоготворенъ. Міръ закованъ въ цѣпи и превращенъ въ угрюмую темницу. Жизнь стала адомъ. А самоубійство сдѣлалось желаннымъ исходомъ изъ этого ада.

Такова сущность того богоборческаго міросозерцанія, если только можно назвать это міросозерцаніемъ, которое, вытѣсняя свѣтлый христіанскій взглядъ на жизнь, широкою и грязною волною разливается нынѣ по лицу земли русской и пытается укорениться въ понятіяхъ современнаго русскаго общества.

Для того, чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе ясною и выразительной, воспользуемся данными современной литературы и фактами дѣйствительной жизни.

Вотъ передъ нами одинъ изъ представителей современнаго богоборческаго міросозерцанія — Андреевскій Савва, отвергающій и Бога и всю человѣческую многовѣковую культуру. Съ цѣлью показать людямъ безсиліе ихъ Бога, онъ задумалъ взорвать въ монастырѣ чтимую чудотворную икону Спасителя и, такимъ образомъ, положить начало отрезвленію человѣчества отъ вѣковыхъ предрасудковъ. Когда собесѣдникъ Саввы замѣчаетъ, что послѣ взрыва иконы люди сдѣлаютъ новую, такую же, Савва говоритъ: „Ну, да ужъ не та будетъ. Да и не забудутъ они уже, что динамитъ сильнѣе ихъ Бога, а человѣкъ сильнѣе динамита. Вотъ они кланяются, вотъ они молятся, вотъ они прямо взглянуть не смѣютъ, холопы поганые, а пришелъ настоящій человѣкъ и разрушилъ. Готово! И когда

такъ разрушенъ будетъ десятокъ ихъ идоловъ, они почувствуютъ, холопы, что кончилось царство ихняго Бога и наступило царство человѣка. И сколько ихъ подохнеть отъ ужаса одного, съ ума будутъ сходить, въ огонь бросаться. Антихристъ, скажутъ, пришелъ!... Тогда дрянь пропадетъ. Глупые пропадутъ, для которыхъ эта жизнь, какъ скорлупа для рака. Пропадутъ тѣ, кто вѣрять,— у нихъ все отнимется вѣра. Пропадутъ тѣ, кто любить старое,— у нихъ все отнимется. Пропадутъ слабые, больные, любящіе покой. Останутся только свободные и смѣлые, съ молодою и жадною душою, съ живыми глазами, которые обнимаютъ міръ“ ¹⁾... „Любопытно, замѣтилъ собесѣдникъ Саввы. Только позвольте сказать вамъ, Савва Егоровичъ, народъ—онъ хитрый, припрячетъ что-нибудь, или какъ, а потомъ, глядь, на старое и повернули, по старому, значить, какъ было. Тогда какъ?—Савва: по старому? (Мрачно) Тогда совсѣмъ надо его уничтожить. Пусть на землѣ совсѣмъ не будетъ человѣка. Разъ ему жизнь не удалась, пусть уйдетъ и дастъ мѣсто другимъ“ ²⁾. Ненавидя Бога и даже человѣка, требуя отъ человѣка слѣпое подчиненія своей собственной волѣ, что обѣщаетъ Савва людямъ въ будущемъ?—Ровно ничего. „Конецъ всему, по его словамъ, голая земля. Голая земля и на ней голый человѣкъ, голый, какъ мать родила“.

Иными глазами смотреть на жизнь сестра Саввы, Лина, олицетворяющая христіанскую мысль и христіанское чувство. Рѣчи Саввы приводятъ ее въ ужасъ и скорбь. „Когда подумаешь, говорить она о томъ же образѣ Спасителя, который такъ ненавистенъ Саввѣ, когда подумаешь, сколько пало на него слезъ, сколько слышалъ онъ стоновъ и вздоховъ! Уже одно это дѣлаетъ его такою святынею для всякаго, кто любить и жалѣетъ народъ, понимаетъ его душу. Вѣдь никого у нихъ нѣтъ, кромѣ

¹⁾ Сборникъ „Знаніе“. XI. стр. 278.

²⁾ Тамъ же.

Христа,—у всѣхъ этихъ несчастныхъ, убогихъ. Когда я была маленькая, я все ждала чуда.

Но теперь я поняла, что Самъ Онъ ждетъ отъ людей чуда,—ждетъ, что перестанутъ люди враждовать и губить другъ друга. Завтра самъ увидишь, когда понесутъ Его. Увидишь, что дѣлаетъ съ людьми одно только сознаніе, что Онъ здѣсь, съ ними. Живутъ они весь годъ грязно, нехорошо, въ ссорахъ, страданьяхъ, а въ этотъ день точно исчезаетъ все. Страшный и радостный день, когда вдругъ точно сбрасываешь съ себя все лишнее и такъ ясно чувствуешь свою близость со всѣми несчастными, какіе есть, какіе были,—и съ Богомъ!¹⁾ Еще ярче обнаруживается любящая и вѣрующая душа Лины въ послѣдующихъ ея словахъ: „Ты подумай. Ты хотѣлъ отнять у людей послѣднее: послѣднюю надежду, послѣднее утѣшеніе. И зачѣмъ? Во имя чего? Во имя какой-то дикой, страшной мечты о „Голой Землѣ“. Голая земля—подумать страшно!... Какъ могъ человѣкъ додуматься до этого: голая земля! Нѣтъ ничего, все надо уничтожить! Все. Надъ чѣмъ люди работали столько лѣтъ, что они создали съ такимъ трудомъ, съ такой болью. Несчастные люди! и среди васъ находится человѣкъ, который говоритъ: все это надо сжечь огнемъ! Когда ты сказалъ мнѣ, я вдругъ точно прозрѣла, я полюбила все. Понимаешь, полюбила! Вотъ эти стѣны... прежде я не замѣчала ихъ, а теперь мнѣ жаль ихъ, такъ жаль, до слезъ. И книги, и все, каждый кирпичъ, каждую деревяшку, отдѣланную человѣкомъ. Пусть оно плохо; кто говорить, что оно хорошо! Но за то я и люблю его—за неудачу, за кривыя линіи, за несбывшіяся надежды, за трудъ, за слезы! И всѣ, Савва, кто услышитъ тебя, также почувствуютъ, какъ и я, также полюбятъ все старое, милое, человѣческое. Нѣтъ, Савва, ты никого не любишь, ты только себя любишь, свои мечты. Кто любитъ людей, тотъ не станетъ отнимать у нихъ все, тотъ не поставитъ

¹⁾ Тамъ же стр. 298.

свое желаніе выше ихъ жизни. Уничтожить все! Уничтожить Голгоу!.. Самое свѣтлое, что было на землѣ!...

Савву не трогаютъ и не убѣждаютъ слова сестры,—слишкомъ ужъ черства, озлоблена и мрачна душа его,—и онъ до самаго ужаснаго конца своей жизни остается фанатическимъ богоненавистникомъ и человѣконенавистникомъ.

Еще, пожалуй, мрачнѣе, тоскливѣе и безпросвѣтнѣе міросозерцаніе, раскрываемое Андреевымъ въ „Жизни человѣка“. Здѣсь нѣтъ ни одного лица, ни одной мысли, на которыхъ могла бы отдохнуть душа читателя. Міръ, по этому произведенію, есть нѣчто унылое, однообразное, мертвое, жестокое, безпощадное, сѣрое, вѣчно-сѣрое. Богъ—Нѣкто въ сѣромъ,—именуемый Онъ, холодный, лишенный всякаго добраго чувства, съ суровымъ безразличіемъ читающій книгу Судебъ. Человѣкъ—его несчастная жертва или игрушка. „Доселѣ не бывшій, таинственно схороненный въ безграничности времени, немислимый, нечувствуемый, незнаемый никѣмъ—онъ таинственно нарушаетъ затворы небытія и крикомъ возвѣщаетъ о началѣ своей короткой жизни. Въ ночи небытія вспыхиваетъ свѣтильникъ, зажженный невѣдомой рукой—это жизнь человѣка. Придя изъ ночи, онъ возвращается къ ночи и исчезаетъ безслѣдно въ безграничности времени, немислимый, нечувствуемый, незнаемый никѣмъ“. Такова участь человѣка. Вся „жизнь человѣка“—есть нечто иное, какъ соединеніе ужаса и пошлости. Главный же ужасъ жизни андреевскаго человѣка заключается въ томъ, что у этого несчастнаго существа нѣтъ рѣшительно никакого просвѣта, никакой надежды ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Въ душѣ у него нѣтъ никакой вѣры, которая возвышала бы его надъ пошлостью и бѣдственностью жизни, давала бы ей смыслъ и цѣнность. Для андреевскаго человѣка Богъ—это нѣчто жестокое, бездушное, гнетущее, чужое и ненужное ему. Онъ живетъ безъ Бога и прожилъ бы безъ Него, если бы только рабскій, животный страхъ утраты своего земнаго благополучія не по-

буждалъ его со злобою въ душѣ заискивать предъ Высшимъ Существомъ міра. На протяженіи всей пьесы, т. е. всей жизни человѣка, человѣкъ только три раза вспоминаетъ о Богѣ. Въ первый разъ это было, когда у человѣка родился сынъ и когда въ душѣ его шевельнулось теплое чувство любви къ своему мальчику и тревога за его будущее благополучіе. Въ этотъ моментъ изъ устъ человѣка выливается холодная, неискренняя молитва къ Богу: „Боже, благодарю Тебя за то, что Ты исполнилъ мое желаніе и далъ мнѣ сына, похожаго на меня. Благодарю Тебя за то, что не умерла моя жена, и живъ ребенокъ. И прошу Тебя: сдѣлай такъ, чтобы онъ былъ умнымъ и честнымъ и чтобы никогда не огорчалъ насъ: меня и мать. *Если Ты сдѣлаешь такъ, я всегда буду вѣрить въ Тебя и буду ходить въ Церковь*“ ¹⁾. Нѣсколько времени спустя, человѣкъ, забывъ уже эту свою мольбу, въ порывѣ безумнаго задора, поддерживаемый и возбуждаемый женою, бросаетъ Богу кощунственный и легкомысленный вызовъ на борьбу: „Эй, ты! Какъ тебя тамъ зовутъ: рокъ, дьяволь или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой! Малодушные люди преклоняются предъ твоею загадочною властью: твое каменное лицо внушаетъ имъ ужасъ, въ твоёмъ молчаніи они слышатъ зарожденіе бѣды и грозное паденіе ихъ. А я смѣлъ и силенъ, и зову тебя на бой! Поблестимъ мечами, позвенимъ щитами, обрушимъ на головы удары, отъ которыхъ задрожитъ земля! Эй, выходи на бой!“

Но вотъ на человѣка и его жену обрушивается неожиданное и страшное несчастье. Единственный сынъ, опасно раненный въ голову изъ-за угла невѣдомымъ злодѣемъ, умираетъ. И несчастные отецъ и мать въ третій разъ вспоминаютъ о Богѣ, но, увы, незнавшие и кощунственно глумившіеся надъ Нимъ всю жизнь, они не умѣютъ теперь обратиться къ Нему.

¹⁾ Шиповникъ кн. 1. Стр. 217.

„Мой милый другъ, я прошу тебя, приклони со мною вмѣстѣ колѣни, и вдвоемъ мы умолимъ Бога.

— Трудно сгибаются старья колѣни.

— Приклони ихъ—ты долженъ.

— Не услышитъ меня Тотъ, чей слухъ еще ни разу не утруждалъ я ни славословіемъ, ни просьбами.

Проси ты—ты мать!

— Проси ты—ты отецъ! Если не отецъ умолитъ за сына, то кто же? Кому ты оставляешь его? Развѣ одна я могу такъ сказать, какъ скажемъ мы вдвоемъ?

— Пусть будетъ, какъ ты говоришь. Быть можетъ, отзовется вѣчная справедливость, если преклонять колѣни старики“. Оба становятся на колѣни, обратившись лицомъ въ тотъ уголь, гдѣ неподвижно стоитъ Неизвѣстный и молитвенно складываютъ у груди руки.

Мать молится, и ея молитва, дѣйствительно, проникнута простотою и теплотою искренняго чувства. Глубокое горе растопило ея душу и ясно слышится въ ея простыхъ словахъ: Боже, я прошу Тебя, оставь жизнь моему сыну. Только одно я понимаю, только одно могу сказать, только одно! Боже, оставь жизнь моему сыну. Нѣтъ у меня другихъ словъ, все темно вокругъ меня, все падаетъ, я ничего не понимаю, и такой ужасъ у меня въ душѣ, Господи, что я только одно могу сказать: Боже, оставь жизнь моему сыну! Оставь жизнь моему сыну! Оставь! Прости, что такъ плохо молюсь я! Но я не могу, Ты понимаешь, я не могу!..

Не такъ молится человѣкъ. Онъ и въ ту страшную минуту своей жизни не можетъ отрѣшиться отъ своихъ безумныхъ счетовъ съ Богомъ, отъ своей нелѣпой гордости.

— Вотъ я молюсь, видишь Ты? Согнулъ старья колѣни, въ прахъ разостлался предъ Тобой, землю цѣлую—видишь? Быть можетъ, когда нибудь я оскорбилъ Тебя, такъ Ты прости меня, прости. Правда, я былъ дерзокъ, заносчивъ, требоваль, а не просилъ, часто осуждалъ,—Ты прости меня. А если хочешь, если такова Твоя воля, накажи, но только сына моего оставь. Оставь, я прошу Тебя. Не о

милосердіи я Тебя прошу, не о жалости, нѣтъ,—только о справедливости. Ты—старикъ и я вѣдь тоже старикъ. Ты скорѣе меня поймешь... Не дай совершиться до конца злему дѣлу: останови кровь, верни жизнь—верни жизнь моему благородному сыну. Ты отнял у меня все, но развѣ когда-нибудь я просилъ Тебя, какъ попрошайка: верни богатство! верни друзей! верни талантъ! Нѣтъ, никогда!.. Я все терпѣлъ, гордо терпѣлъ! А теперь прошу, на колѣняхъ, во прахѣ, цѣлуя землю—верни жизнь моему сыну!“¹⁾...

Сынъ умираетъ. Жена челоуѣка молчаливо, покорно плачетъ. Челоуѣкъ, молитва котораго была не смиренное: да будетъ воля Твоя, а гордое: да будетъ воля моя,—тихонько, дрожащею рукою гладить волосы жены и, наконецъ, говорить:

— Не плачь, милая, не плачь! Онъ и надъ слезами нашими посмѣется, какъ посмѣялся надъ нашими молитвами. А ты, я не знаю, кто ты, Богъ, дьяволъ, рокъ или жизнь, я проклиная тебя! Я проклиная все, данное тобою! Проклинаю день, въ который я родился, проклиная день, въ который я умру, проклиная всю жизнь мою, радости и горе. И все бросаю назадъ, въ твое жестокое лицо. безумная судьба. Будь проклята, будь проклята во вѣки. И проклятіемъ я побѣждаю тебя... Черезъ голову женщины, которую ты обидѣлъ, черезъ тѣло мальчика, котораго ты убилъ, шлю тебѣ проклятіе челоуѣка!“²⁾... Вы слышите рѣчь безумную, ужасную для cadaго здравомыслящаго, для cadaго вѣрующаго челоуѣка. Ужасна она не столько по своей внѣшней грубости, сколько по глубокой, внутренней неправдѣ. Во всей жизни андреевскаго челоуѣка, во всемъ ея внутреннемъ содержаніи, и въ особенности въ томъ положеніи, въ какое поставилъ себя этотъ челоуѣкъ въ отношеніи къ Богу, заключается глубокая не-

¹⁾ Тамъ же. Стр. 272.

²⁾ Тамъ же 278.

правда. Этотъ человѣкъ перенесъ центръ тяжести своей жизни отъ Бога на самого себя. Не въ Богѣ цѣль его жизни, а въ себѣ самомъ. Богъ нуженъ ему лишь какъ средство для устройства собственнаго благополучія. Когда онъ не получаетъ отъ Бога того, чего ему хочется, когда Богъ не оправдываетъ, такъ сказать, его ожиданій, и даже причиняетъ ему горе, въ его душѣ поднимается лишь одно чувство, чувство непримиримой вражды къ Богу.

Не такъ, конечно, настроенъ и не такъ поступаетъ христіанинъ, для котораго центръ тяжести жизни не въ себѣ, а въ Богѣ. Онъ всегда и во всемъ говоритъ одно: да будетъ воля Твоя; не моя, но Твоя воля да будетъ! Андреевскій человѣкъ на эту точку зрѣнія стать не можетъ: ему мѣшаетъ его безмѣрная, поистинѣ сатанинская гордость, оупутавшая его душу многочисленными и неразрывными путами.

Если Андреевъ знакомитъ насъ съ атеистическимъ и богоборческимъ міросозерцаніемъ въ художественныхъ образахъ, то другіе современные писатели знакомятъ насъ съ нимъ въ послѣдовательномъ, систематическомъ изложеніи. Вотъ, передъ нами недавно вышедшая книга Г. Иванова-Разумника: *Творчество и критика*. Въ этой книгѣ, въ статьѣ „еще о смыслѣ жизни“, мы находимъ настоящую апологію богоборческаго міросозерцанія. Авторъ ставитъ вопросъ: имѣетъ ли міровой процессъ непрерывнаго созиданія и разрушенія жизни какую-нибудь конечную объективную цѣль? И отвѣчаетъ. „Три главныхъ отвѣта даются на этотъ вопросъ вотъ уже сотни и тысячи лѣтъ. Богъ, Человѣчество, Человѣкъ—вотъ эти три отвѣта. Цѣль историческаго процесса есть Богъ, говорятъ мистики-объективисты; исторія имѣетъ великій трансцендентный смыслъ, великое божественное значеніе; Богъ незримо ведетъ человѣчество къ совершенію Своего предначальнаго и божественнаго замысла, постепенное осуществленіе котораго и является смысломъ исторіи. Цѣлью историческаго процесса является Человѣчество, говорятъ позити-

висты-объективисты,—земное устройство его; исторія имѣеть трансцедентный смыслъ лишь по отношенію къ человѣку, но имманентный по отношенію къ человѣчеству, которое идетъ къ ясной объективной конечной цѣли, къ блаженной жизни въ будущемъ золотомъ вѣкѣ.

Цѣль историческаго процесса лежитъ въ Человѣкѣ,—говорять „имманентные субъективисты“... Исторія не имѣеть никакого объективнаго смысла, но мы сами вкладываемъ въ нее великій субъективный смыслъ, имманентный по отношенію ко всякому человѣку, который и является самоцѣлью“ 1).

Этотъ послѣдній взглядъ на исторію міра принимаетъ и авторъ и изложенію его посвящаетъ свою статью.

„Объективнаго смысла, объективной цѣли жизни человека и человечества нѣтъ; этотъ смыслъ вкладываемъ въ жизнь мы сами. Шопенгауэръ говоритъ, что цѣлесообразность и осмысленность, которыя мы склонны видѣть въ событіяхъ нашей жизни, похожи на тѣ человѣческія фигуры и группы, которыя мы видимъ, смотря на облака или на запачканную сыростью стѣну. Мы сами вносимъ осмысленную связь въ пятна и формы, созданныя случайностью, а затѣмъ удивляемся премудрости Бога, предустановленной гармоніи и міровому порядку, не подозрѣвая, что эта гармонія и этотъ порядокъ лежатъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ“ 2).

Отвергая объективный смыслъ существованія міра, авторъ однако не хочетъ этимъ сказать, что онъ не признаетъ бытія Божія. Бога онъ и готовъ признать, но порядка, Богомъ установленнаго, онъ не принимаетъ и отвергаетъ его, какъ несогласный съ разумно-нравственными требованіями человѣческой природы. „Я не Бога не принимаю, говорилъ когда-то Иванъ Карамазовъ, я міра, Имъ созданнаго, не принимаю и не могу согласиться принять.

1) Ивановъ-Разумникъ. Томъ 2-й. Творчество и критика. Стр. 17.

2) Тамъ же стр. 18.

Но есть точка зрѣнія и совершенно противоположная: міръ мы принимаемъ (ибо принуждены его принять, если хотимъ жить), но Бога не принимаемъ, если даже Онъ и существуетъ. Мы не хотимъ трансцедентнаго оправданія міра, мы хотимъ стоять на человѣческой точкѣ зрѣнія: для насъ невозможенъ Богъ міроправитель, допускающій дѣтскія неоправданныя слезы и безвинную человѣческую муку. Эти страданія, эти муки будутъ оправданы, возмѣщены и отомщены въ будущей жизни,—утѣшаетъ вѣрующихъ религія, но нѣтъ той небесной награды, которая могла бы уравнивать муку невинно погибшаго, растерзаннаго собаками ребенка. Такова наша человѣческая точка зрѣнія; на сверхчеловѣческой, а потому и безчеловѣчной, мы отказываемся стоять. Допускающій безвинную муку Богъ—не нашъ Богъ, если даже Онъ и существуетъ. Быть можетъ, замѣчаетъ Джемсъ, существуетъ Богъ, требующій человѣческихъ жертвоприношеній, но принять такого Бога мы не можемъ. Итакъ, вопросъ вовсе не въ томъ, вѣримъ ли мы или нѣтъ въ существованіе Бога, а въ томъ, принимаемъ ли мы Его, хотя и существующаго“¹⁾.

„Есть не мало людей, продолжаетъ авторъ, готовыхъ принять отъ руки Бога все, даже самое бессмысленное, даже невинныя муки ребенка; но ихъ душевный строй намъ чуждъ почти настолько же, какъ и вѣра въ какое нибудь Божество, требующее человѣческихъ жертвоприношеній. Оправдывать всѣ человѣческія жертвоприношенія, ежеминутно совершающіяся въ жизни человѣчества и въ жизни человѣка, безропотно принимать ихъ не какъ неизбежное, а какъ должествующее и нравственно-пріемлемое, ибо исходящее отъ божественной воли,—вотъ вѣчная участь рабовъ трансцедентнаго. Помните, какъ у Достоевскаго: „тараканъ не ропщетъ“... Этотъ „тараканъ отъ дѣтства“ никогда не ропщетъ, хотя онъ и попалъ въ стаканъ, полный мухоѣдства“... Онъ ждетъ съ тупымъ покор-

¹⁾ Тамъ же стр. 22.

ствомъ или благоговѣйнымъ смиреніемъ—не все ли равно?—рѣшенія своей участи, когда къ стакану подойдетъ „Никифоръ—благороднѣйшій старикъ“ и выплеснетъ всю эту дрянь мухоѣдства въ бездонную яму Смерти. А пока—тараканъ принимаетъ всю эту мерзость, весь этотъ ужасъ жизни не какъ причинно-необходимое, а какъ этически-должное: „тараканъ не ропщетъ“ ¹⁾...

Осуждая точку зрѣнія людей, принимающихъ міръ и оправдывающихъ Бога, авторъ противопоставляетъ ей собственную точку зрѣнія: „Мы принимаемъ міръ не какъ этически-должное, а какъ причинно-необходимое; но мы не принимаемъ того Бога, котораго признаютъ мистики-объективисты. Мы не признаемъ объективной осмысленности жизни, но мы видимъ въ ней явный субъективный смыслъ; цѣль мы видимъ въ каждомъ человѣкѣ, смыслъ мы видимъ въ полнотѣ бытія ²⁾).

„Полнота бытія, разъясняетъ свою мысль авторъ, вовсе не однозначна съ жизнью въ свое удовольствіе; „жить во всю“ вовсе не значитъ жить для себя. Жить во-всю и жить внѣ могучаго чувства социальности—невозможно; и тотъ, кто живетъ лишь для себя, не знаетъ и не знаетъ, что такое полнота бытія.

Чувствовать свое „я“ неразрывно слитнымъ съ общественнымъ „ты“—это значитъ безгранично расширять діапазонъ своей личной жизни; изолировать свое „я“ отъ соприкосновенія съ общественнымъ „ты“—это значитъ безмѣрно суживать границы своего бытія. И тотъ, кто прожилъ всю жизнь на холодныхъ вершинахъ крайняго индивидуализма—тотъ духовно бѣденъ и нищъ, какъ бы ни была напряжена и богата личными переживаніями его жизнь; онъ бѣденъ и нищъ, ибо лишенъ громаднаго и могучаго чувства социальности, придающаго такую полноту человѣческой жизни“ ³⁾.

¹⁾ Тамъ же стр. 25.

²⁾ Тамъ же стр. 25.

³⁾ Тамъ же стр. 35.

Но чувствомъ социальности не ограничиваются, по автору, предѣлы духовной жизни человѣка. Отъ человѣчества онъ естественно переходитъ ко вселенной, къ космосу... Это вселенское чувство..., въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, выводитъ человѣка на міровой просторъ изъ узкаго тупика его личной жизни. Это вселенское чувство—психологическій фактъ; соотвѣтствуетъ ли этому факту что либо внѣ насъ—мы не знаемъ; категорическое „да“ мистиковъ такъ же голословно, какъ и категорическое „нѣтъ“ позитивистовъ ¹⁾).

Мы изложили точку зрѣнія г. Иванова-Разумника. Хотя авторъ и настроенъ, какъ видно, оптимистически, вѣрить въ „полноту бытія“, одушевленъ социальнымъ и космическимъ чувствомъ, но по существу дѣла его міросозерцаніе такъ же безнадежно, какъ и міросозерцаніе героевъ Л. Андреева. Если жизнь міра не имѣетъ объективнаго смысла, другими словами, если въ мірѣ нѣтъ ничего объективно-Разумнаго, Прекраснаго и Добраго, то на чемъ же, на какомъ основаніи можетъ прочно утвердиться провозглашаемая авторомъ субъективная „полнота бытія“? Какъ ни красивы тѣ радужныя краски, которыми переливается оболочка мыльнаго пузыря, но когда пузырь лопнетъ, съ нимъ погибнуть и всѣ его прекрасныя цвѣтовые переливы. И какой бы высокой субъективный смыслъ ни вкладывалъ человѣкъ въ свою жизнь, какими бы свѣтлыми идеалами социальной и міровой гармоніи онъ ни одушевлялся,—все это будетъ ничѣмъ инымъ, какъ фантастическою мимолетною мечтою, лишенною всякаго прочнаго, реальнаго значенія, если только субъективному смыслу жизни не соотвѣтствуетъ объективный реальный смыслъ бытія міра, покоющагося на основѣ реальнаго, вѣчнаго, объективнаго Добра, Разума и Красоты.

Изложивъ богоборческое міросозерцаніе нашего времени, мы попытаемся теперь противопоставить ему міросозер-

¹⁾ Тамъ же стр. 37.

цаніе христіанское. Но предварительно мы должны обратить вниманіе еще на одно знаменательное обстоятельство. Распространеніе въ нашемъ обществѣ атеистическаго міросозерцанія, оказывается, совпадаетъ съ другимъ явленіемъ, такъ же свидѣтельствующимъ объ упадкѣ въ современномъ обществѣ христіанской мысли и христіанскаго чувства, или, если угодно, христіанской благовоспитанности. Никогда еще наша литература и другіе виды искусства не останавливались съ такою охотою и такъ часто на изображеніи самыхъ низменныхъ, грязныхъ и жестокихъ сторонъ, свойствъ и наклонностей извращенной грѣхомъ человѣческой природы... Достаточно поименовать заглавія нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ литературныхъ произведеній, какъ-то: Санинъ, Бездна, Яма, Въ туманѣ, Ключи счастья и т. д., чтобы дать понятіе о характерѣ одного изъ направленій, и притомъ особенно кричащаго, современной литературы. Появленіе въ наши дни подобныхъ произведеній не свидѣлствуетъ, думается намъ, о томъ, что люди нашего времени стали развращеннѣе или жесточе прежнихъ людей. Оно свидѣлствуетъ скорѣе о томъ, что въ наши дни *измѣнилось отношеніе* общества къ вопросамъ нравственности и долга. Прежніе люди вѣрили въ Верховный Нравственный Законъ, правящій міромъ, и эта вѣра налагала на всю ихъ жизнь, на ихъ мысли, слова и дѣла печать хотя бы внѣшняго благообразія. Прежній человѣкъ и боялся, и стыдился не только обнаружить передъ всѣми, но и самому себѣ сознаться въ порочныхъ влеченіяхъ своей низшей, грѣховной, чувственной природы. Передъ его совѣстью всегда невидимо предстоялъ законъ высшей правды, и ему страшнымъ казалось явиться безотвѣтнымъ предъ судомъ этой высшей правды.

И если онъ открывалъ унижительныя для его человѣческаго достоинства грѣховныя движенія души своей, то лишь передъ духовникомъ, на исповѣди, для очищенія своей совѣсти отъ накопившейся въ душѣ нравственной

грязи. Теперь, съ распространіемъ атеистическаго міросозерцанія, съ утратою вѣры въ Верховный Нравственный Законъ жизни, развивается безразличное отношеніе къ добру и злу. И добро, и зло утрачиваютъ свой нравственный характеръ и принимаютъ характеръ естественно-физиологическій. „Все, что я нахожу въ себѣ, что я въ себѣ ощущаю, естественно, а потому и законно“, говоритъ современный атеистъ: „а если естественно и законно, то заслуживаетъ удовлетворенія. И нечего тутъ стыдиться, нечего скрывать“. Вотъ почему сторонники современнаго міросозерцанія и не стѣсняются выставлять на показъ всѣмъ— все отвратительное содержаніе своей души, забывая, что хотя въ душѣ нашей и есть вся та грязь, которую они изображаютъ, но не ею жива душа человѣческая, а жива она противоположными, высокими, святыми и добрыми своими стремленіями, замалчиваемыми современной литературой вслѣдствіе ея неумѣнія или нежеланія возвыситься надъ отрицательными явленіями человѣческой личной и общественной жизни.

Въ связи съ ростомъ богоборческаго направленія находится и еще одно печальное явленіе нашего времени— непрерывно возрастающее число самоубійствъ. Оно и естественно: если міръ утрачиваетъ свое разумное и нравственное основаніе, то, въ частности, и жизнь человѣческая утрачиваетъ свой вѣчный смыслъ, а смысломъ временнымъ и случайнымъ ни одинъ требовательный человѣкъ не удовлетворится.

Сказанное нами подтверждается содержаніемъ оставшихся самоубійцами предсмертныхъ записокъ.

„Бога нѣтъ, жить нѣтъ цѣли, и на свѣтѣ все глупо“, пишетъ одинъ изъ нихъ передъ смертью. „Кто не нашелъ ключа смысла жизни, тотъ не долженъ жить. Счастливы тѣ, которые, сознавая свое безсиліе, по своей волѣ уходятъ отъ жизни“, пишетъ другой передъ покушеніемъ на самоубійство. Приватъ-доцентъ Кіевскаго Университета трагически заканчиваетъ свои записки, „убѣдившись въ безцѣль-

пости жизни“. Въ Одессѣ стрѣляется шестнадцатилѣтній реалистъ, которому „стало скучно на этомъ маленькомъ земномъ шарѣ, гдѣ такъ мало прекраснаго“. Въ Костромѣ восемнадцатилѣтній юноша кончаетъ самоубійствомъ для того, чтобы „выразить самоубійствомъ протестъ противъ законовъ природы, которые дѣлаютъ жизнь челоуѣка сплошнымъ рядомъ страданій“. Шестидесятилѣтній старикъ бросается подъ поѣздъ, оставляя записку: „Долгимъ опытомъ убѣдился, что нѣтъ смысла въ жизни. Для чего жить?“ ¹⁾

Таковы плоды современнаго атеистическаго міросозерцанія... Поистинѣ, исполняется здѣсь слово Спасителя: „Тѣмъ же убо отъ ядъ ихъ познаете ихъ“. Мѡ. 7. 20.

Богоборческое міросозерцаніе нашего времени не возникло, конечно, само собою, внезапно. Оно есть результатъ многихъ и разнообразныхъ предыдущихъ умственныхъ и нравственныхъ теченій, пережитыхъ русскимъ образованнымъ обществомъ. Его корни проникаютъ далеко въ прошлое. Еще *Ф. М. Достоевскій* сорокъ лѣтъ тому назадъ наблюдалъ и изображалъ людей современнаго атеистическаго и богоборческаго образа мыслей и настроенія. Его — *Свидригайловъ*, *Петръ Верховенскій*, *Кирилловъ*, *Ставрогинъ*, *Смердяковъ*; старикъ *Карамазовъ*, — все это представители въ зародышѣ того богоборческаго, звѣрнаго типа людей, который съ особенною полнотою и яркостью развернулся въ литературѣ и въ жизни нашего времени. Отъ *Свидригайлова*, *Верховенскаго*, *Смердякова* и старика *Карамазова* прямой переходъ къ *Андреевскому Саввѣ*, къ инженеру *Гилевичу*, къ *Вадиму-Кровянику* и другимъ героямъ современности, для которыхъ „все позволено“. Опредѣляя начальный историческій моментъ зарожденія современнаго богоборчества, его надо отнести къ тому времени, когда въ русскомъ обществѣ началось отпаденіе отъ чистоты христіанскаго міросозерцанія, когда,

¹⁾ Ивановъ—Разумникъ. Творчество и критика стр. 24.

охладѣвъ къ истинѣ Православія, оно стало искать отвѣта на вопросы о смыслѣ жизни въ западно-европейскихъ философскихъ ученіяхъ. Тогда именно началось вѣковое блужданіе нашей интеллигенціи по дебрямъ энциклопедизма, гегеліанства, позитивизма, социализма, материализма, эволюціонизма, пессимизма, ницшеанства, толстовства и проч., и проч., закончившееся въ наши дни богоборчествомъ и самымъ грубымъ поклоненіемъ плоти.

Впрочемъ, не вся русская интеллигенція пошла по этому пути и обратила взоры свои къ чужимъ богамъ. Нашлись люди, которые распознали пустоту новыхъ кумировъ, и, отвергнувъ ихъ, приняли на себя святую задачу—направить мысль и жизнь русскаго общества въ иную сторону, въ свѣтлую сторону христіанскаго міросозерцанія, отъ котораго большинство удалялось лишь по недостаточно глубокому и ясному его пониманію. Такъ уже въ началѣ XIX вѣка мы видимъ Грибоѣдовскаго Чацкаго, горячо обличающаго русское общество за его слѣпое преклоненіе предъ всѣмъ иноземнымъ и настаивающаго на необходимости народной самобытности и уваженія къ своимъ народнымъ святынямъ и идеаламъ.

Въ первой половинѣ того же XIX вѣка появляются люди, именуемые славянофилами, которые стремятся понять душу народную, разгадать, чѣмъ жива и чѣмъ крѣпка эта душа, и приходятъ къ убѣжденію, что истинно-животворное и спасительное міросозерцаніе, то міросозерцаніе, которымъ полна и жива душа народная, есть міросозерцаніе христіанское, православное. И къ этому убѣжденію пришли не какіе-нибудь узкіе, темные, невѣжественные люди, а люди, усвоившіе себѣ всю полноту тогдашняго западно-европейскаго просвѣщенія, иногда сами пережившіе увлеченіе тѣмъ или другимъ западнымъ міровоззрѣніемъ. Таковъ былъ, на примѣръ, Ив. Вас. Кирѣевскій, одинъ изъ интереснѣйшихъ и глубочайшихъ самобытныхъ русскихъ мыслителей, слушавшій въ своей молодости лекціи философіи въ Германскихъ университетахъ, почитатель Гегеля,

пришедшій потомъ къ убѣжденію въ необходимости и возможности новыхъ началъ въ философіи.

Таковы послѣдующіе славянофилы — А. С. Хомяковъ, братья Аксаковы, Ю. Ө. Самаринъ, сочиненія которыхъ, къ сожалѣнію, такъ мало еще извѣстны въ русскомъ обществѣ.

Таковъ, наконецъ, Ө. М. Достоевскій, съ особенною силою умѣвшій изображать въ художественной формѣ мрачную бездну невѣрія и противопоставлять ей свѣтлую область христіанскаго міросозерцанія.

Такимъ образомъ, опасность атеистическаго міросозерцанія давно уже сознавалась въ русскомъ обществѣ, давно уже началась борьба съ этимъ міросозерцаніемъ, но сила надвигающагося зла такъ велика, зло это такъ упорно и губительно, такъ заразительно и увлекательно, что русскому обществу необходимо и теперь, какъ и всегда, постоянно напоминать себѣ самому: „Русскіе люди, оберегайте ваше священное достояніе, спасайте святыню внутренняго міра дѣтей вашихъ, которую стремится осквернить и вырвать изъ ихъ сердецъ страшное чудовище, именуемое современнымъ невѣріемъ! Спасайте, пока еще не поздно, пока невѣріе еще не разлилось широкимъ потокомъ по лицу всей русской земли“.

Но какъ спасти? Что противопоставить растущему невѣрію? На эти вопросы дадимъ посильный отвѣтъ въ слѣдующей главѣ.

(Окончаніе будетъ).

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

1912 г.
Полтава.

Религіозное движеніе въ современной интеллигенціи. Д-ра В. К. Недзвецкаго.

Статьей „Возвращеніе къ Философіи“ Трубецкой вѣрно отмѣтилъ, что наша молодежь, утомленная политикою (я бы прибавилъ: неудачной, несвоевременной, непродуманной), возвращается къ умозрѣнію. Понятно: если воля пала, выступаютъ чувство и интеллектъ,—разбитые вопять, побѣжденные разсуждаютъ. Сейчасъ замѣтно, кромѣ возвращенія къ философіи, еще и возвращеніе къ вѣрѣ, тоже не требующее комментарій: если часть сердца погребена въ землѣ, взоры невольно поднимаются къ небу. Стихійное несчастіе, неутѣшное горе освѣжаютъ мистицизмъ; ищутъ помощи свѣше. Итакъ, теперь мы становимся свидѣтелями усиленнаго стремленія къ религіи и философіи, потому и большинство нашихъ кружковъ и собраній носитъ смѣшанный—религіозно-философскій характеръ.

Въ современномъ обществѣ ясно замѣтенъ интересъ къ изученію религіозныхъ вопросовъ, только, къ сожалѣнію, интересъ этотъ часто оказывается антихристіанскимъ и еще чаще противоцерковнымъ: изучаютъ буддизмъ, читаютъ Упанишаты, переводятъ Талмудъ, но не вѣрятъ въ божество Христа, не знаютъ св. отцевъ, уходятъ изъ храма. То же можно констатировать и въ образованномъ обществѣ конца XVIII вѣка, когда люди также были готовы къ вѣрѣ, но не готовы къ литургіи ¹⁾. Бороться съ этимъ

¹⁾ См. Недзвецкій. Изъ Исторіи религ. мысли во времена революціи. Журналъ „Вѣра и Церковь“.

направленіемъ можно двумя путями: а) споромъ, конечно упорнымъ, но таковою, по мнѣнію Амвросія Медиоланскаго, бесполезенъ; и б) раскрытіемъ христіанской истины, сопоставленіемъ ея съ ученіемъ антихристіанскимъ,—способъ гораздо болѣе обѣщающій и подходящій. Пояснимъ это примѣромъ. Теософы говорятъ, что по смерти всѣхъ тѣлъ человѣка (матеріальнаго, астральнаго и пр.) духъ его соединяется съ Монасъ-Будди-Атма. Легкомысленный можетъ счесть это за нѣкоторое подобіе Св. Троицы (Монасъ—отець, Будди—сынъ, Атма—Духъ Св.) и подозрѣвать здѣсь какъ бы заимствованіе идеи изъ Индостана. Но стоитъ сравнить этотъ индѣйскій зародышъ, можетъ быть подъ сурдиной взятой у христіанъ, съ подробнымъ ученіемъ о Троицѣ, детально развитымъ въ Евангеліи, чтобы сразу увидѣть глубокое преимущество христіанской доктрины ¹⁾. Любятъ также нарочно сопоставлять евангельскія изреченія съ талмудическими: напр. „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“ со словами раввина: „суббота передана человѣку, а не человѣкъ субботѣ;“ и думаютъ, что евангеліе заимствовало у талмудиста, забывая, что мысль раввина не ясна (что значить „передана?“); сама отдаетъ заимствованіемъ, и этотъ раввинъ жилъ во *второмъ* вѣкѣ! Въ статьѣ „Христіанская мысль“ ²⁾ я показалъ, что мысли отцевъ и учителей церкви часто повторяются и развиваются въ современной литературѣ,—рядъ наглядныхъ примѣровъ представляютъ теософы, нерѣдко перефразируя мысли христіанскихъ аскетовъ. Ладженскій (см. его книгу „Сверхсознаніе“) говоритъ, что въ Добротолубіи можно встрѣтить „у нѣкоторыхъ подвижниковъ возрѣнія, близкія къ основнымъ положеніямъ Теософіи“, и приводитъ разительный примѣръ сближенія во взглядахъ на строеніе души, съ одной стороны, у современныхъ теософовъ, съ другой—у Максима Исповѣдника,

1) См. Недзвецкій. Богъ и душа. Христіанинъ. Май 1909 г.

2) Журналъ „Свѣточъ“ Круглова. 1910 г.

подвижника 7-го вѣка (стр. 13). Теософъ А. Безантъ высказала, что наслажденіе духа выше всякихъ мірскихъ, но, согласитесь, то же самое много раньше нея говорили и оправдывали дѣлами и жизнью христіанскіе подвижники (с. 47). Та же Безантъ высказываетъ, что духовной жизни свойственно проявленіе себя въ жертвѣ (стр. 51), но развѣ не то же сказалъ и доказалъ Христосъ и апостолы, только доказать это труднѣе, чѣмъ писать въ Индіи. Безантъ проводитъ мысль, что тѣла астральное и ментальное все-таки матеріальны. Не такова природа высшаго Духа (стр. 52). Въ сущности то же говоритъ Іоаннъ Дамаскинъ: „Только Богъ безтѣлесенъ: ангель, душа, сравнительно съ нимъ, тѣла,—сравнительно съ нами безтѣлесны“ (противъ порицающихъ иконы. Пер. Бронзова стр. 106). На стр. 53 Ладыженскій говоритъ, что—„психологію божественной радости близко къ Безантъ понимаютъ и подвижники Добролюбія“. Я бы сказалъ наоборотъ (она близко къ нимъ), ибо они писали за тысячу слишкомъ лѣтъ раньше нея. На стр. 54 опять читаемъ: „почти то же, что высказываетъ Безантъ, говорятъ и христіанскіе подвижники“,—хорошо бы отмѣтить,—жившіе тысячи за полторы лѣтъ раньше нея, тѣмъ болѣе, что Ладыженскій считаетъ „интереснымъ отмѣтить, что почти тѣ же мысли, которыя высказалъ Климентъ Алекс. во 2 вѣкѣ по Р. Х., мы находимъ у китайскаго мудреца Конфуція, жившаго за 5 вѣковъ до Р. Х.“ (ор. с. с. 29). Съ такой же похвальной опредѣленностью, по моему, хорошо бы указать и на приоритетъ христ. аскетовъ. Такихъ примѣровъ—масса, изъ коихъ вы видите, что христіанская мысль жива и дѣйствуетъ до сего дня въ твореніяхъ поэтовъ, публицистовъ, философовъ. Для лучшаго съ нею ознакомленія полезно бы издать сборникъ, вродѣ Всеобщей патристической хрестоматіи, гдѣ были бы собраны образцовые отрывки изъ св. отеческихъ твореній, свидѣтельствующіе о красотѣ ихъ стиля, краснорѣчіи и глубокомысліи, или представляющіе художественно-историческій и археологическій интересъ. Та-

кова проповѣдь Василія Великаго „Внемли себѣ“, или вся 39 страница 4-й части творенія Григорія Бог.—образецъ великолѣпнаго краснорѣчія; также у Василія В. картинное описаніе тогдашней игры на лирѣ во время тогдашнихъ пировъ и пр. Подобныхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ св. отеческихъ твореніяхъ много. Но эта хрестоматія должна быть всеобщей,—интересной и доступной для каждаго интеллигентнаго человѣка и, по моему, должна состоять изъ наиболѣе оригинальныхъ типическихъ изреченій каждаго св. отца. Отсюда намѣренно исключается чисто догматическій матеріалъ во 1-хъ, потому, что онъ можетъ быть лучше и полнѣй изученъ въ спеціальныхъ руководствахъ, а во 2-хъ, для многихъ современныхъ интеллигентовъ, увѣ!—непривлекателенъ, а на нѣкоторыхъ можетъ оказать даже отталкивающее вліяніе и т. обр. испортить карьеру книги, долженствующей заинтересовывать и привлекать именно людей маловѣрныхъ. Другими словами, предпочтительно брать тѣ святоотеческія изреченія, которыя должны интересовать каждаго, напр. остроумныя и оригинальныя мысли вообще и въ частности имѣющія отношенія къ психологіи (такихъ много), педагогикѣ (не мало и этихъ), философіи—есть чудные примѣры подобнаго рода, уже эксплуатированные современными учеными; такъ, многія мнѣнія Шопенгауэра поражаютъ сходствомъ съ мыслями Василія В., Макарія Египетскаго и Григорія Богослова. Съ этою цѣлью мною уже были выбраны наиболѣе замѣчательныя изреченія изъ твореній св. отцевъ, но теперь для меня лично изданіе такого сборника физически невозможно; поэтому я ограничусь заявленіемъ, по адресу всѣхъ интересующихся такимъ дѣломъ, что охотно готовъ подѣлиться съ ними собраннымъ мною довольно значительнымъ матеріаломъ.

Возвращаюсь къ теософіи. Она у насъ явилась еще недавно, но часто уже замѣтенъ ея антихристіанскій и противоцерковный оттѣнокъ. Возьмите хотя-бы слѣд. 1) Ладженскій говорить: „Толстой и Достоевскій были убѣж-

денными христіанами, хотя христіанство ихъ было разное. Толстой былъ новаторомъ, Достоевскій сравнительно съ нимъ былъ, такъ сказать, „старой вѣры“, крѣпко державшійся *апостольскаго* ученія (курсивъ мой). Толстой, какъ умъ революціонный и независимый, вліялъ сильнѣй“. Далѣе слѣдуетъ хвалебный гимнъ вліянію Толстого на массы. Въ только что приведенной выдержкѣ и дальнѣйшихъ строкахъ чувствуется явное предпочтеніе, отдаваемое новатору Толстому передъ Достоевскимъ, крѣпко державшимся *апостольскаго* ученія. Невольно является мысль, что въ послѣднемъ какъ-будто есть что-то несовершенное... что-ли,—какъ бы мѣшающее или не соответствующее духовнымъ нуждамъ времени... „И надо отдать справедливость Толстому, пишетъ Ладыженскій, что онъ съ своей стороны все дѣлалъ, чтобы излѣчить людей отъ атеизма“, а я скажу: надо ему отдать справедливость, что онъ все сдѣлалъ съ своей стороны, чтобы ослабить христіанство, умалить и удалить Христа, ибо Толстовское христіанство безъ Христа. Не попусту св. Амвросіи Медиоланскій утверждалъ, что Аріане (на которыхъ такъ походилъ Толстой)—не христіане, и не попусту церковь отлучила Толстого. Слѣд., едва ли будетъ несправедливымъ утверждать, что теософы, симпатизирующие Толстому и одобряющие его вліяніе, настроены до извѣстной степени антихристіански и еще болѣе противоцерковно. 2) Мы извѣстно, что нѣкоторые писатели, симпатизирующие теософіи и часто цитируемые ея адептами, подъ шумокъ отрицаютъ чудеса христіанскихъ святыхъ и сомнѣваются въ реальности ихъ видѣній. 3) Разсуждая о молитвѣ и рекомендуя нѣкоторые образцы молитвы, въ то же самое время упорно умалчиваютъ о самой главной и наиболѣе удобной—молитвѣ Господней... странно и неизвѣстно: почему? 4) На страницѣ 28 Сверхсознанія читаемъ, что „съ наступившимъ періодомъ нашей умственной возмужалости, слѣпая вѣра для большинства изъ насъ уже не можетъ имѣть мѣста... мы влѣдствіе высокой степени нашего

умственного развитія не можемъ уже слѣпо вѣрить тѣмъ отвѣтамъ, которые давала намъ на вопросы религія, требовавшая подчиненія нашего разума ея догмамъ и которая своими отвѣтами успокаивала людей менѣе сложныхъ, чѣмъ мы... намъ нужно другое, намъ нужно знаніе“ (стр. 30). На 29 страницѣ авторъ ссылается на Конфуція, говорящаго, что религія должна быть согласована съ разумомъ человѣка и *подлежатъ проверкѣ здраваго смысла* (курсивъ мой). Она при сравненіи съ ученіями признанныхъ и мудрыхъ людей древности *должна быть согласна* съ этими ученіями, должна быть согласна и съ законами физической природы, не представляя никакихъ противорѣчій съ этими законами (Конфуцій. Составилъ Буланже подъ ред. Л. Толстого). Отсюда ясна 1) противозерковность такого взгляда на религію какъ на что-то зависящее отъ науки и взглядовъ людей и подчиненное знанію. 2) Ясна вся неправильность взгляда Конфуція и всѣхъ подобно ему мыслящихъ, неправильность (откровенно говоря) недѣлающая чести ихъ мышленію. Конфуцій дѣйствительно замѣчательнъ какъ практическій философъ, но въ роли умозрителя, спекулятивнаго мыслителя слабъ и ничтоженъ, что всего лучше доказываетъ приведенная выдержка изъ его сочиненій. Онъ ставитъ религію въ зависимость отъ разума, который все-таки весьма ограниченъ, отъ ученій мудрецовъ, которые ошибочны и противоположны; отъ законовъ природы, разработка которыхъ въ вѣка Конфуція можно сказать еще не начиналась. Подумайте, какова должна быть вѣра, составленная по такому рецепту и съ такой предварительной цензурой! Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ величайшій философъ 19 вѣка Артуръ Шопенгауэръ, котораго самъ Л. Толстой, столь любимый теософами, называетъ *геніальнѣйшимъ* изъ людей (см. у Павленкова. Біографія Шопенгауэра стр. 8). Шопенгауэръ считалъ философію наукой и говорилъ слѣдующее: „Въ качествѣ науки ей совершенно нѣтъ дѣла до того, во что можно или слѣдуетъ,

или должно вѣрять: она занимается лишь тѣмъ, что доступно знанію. Но если бы даже послѣднее оказалось чѣмъ-либо совершенно инымъ, нежели то, во что надлежитъ вѣровать, то и это не нанесло бы урона вѣрѣ: ибо на то она и вѣра, чтобы обнимать то, чего *нельзя* знать. Если бы и послѣднее можно было знать, то существованіе вѣры было бы совсѣмъ бесполезно и даже смѣшно“ (Т. III стр. 126 и 127). Ну да, конечно, т. к. между вѣрой и знаніемъ нѣтъ общаго: гдѣ есть знаніе, тамъ въ сущности уже не во что вѣрять. „Блаженни не видящіе, но вѣрующіе“. На стр. 35 Сверхсознанія Ладыженскій приводитъ слова индусскаго подвижника и философа Вивекананда: „какое право имѣетъ человѣкъ говорить, что есть Богъ, если онъ Его не видитъ? Если Богъ есть, мы должны видѣть Его“. Я бы сказалъ: если Богъ есть, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ Его видѣть, ибо Онъ какъ Богъ непостижимъ и недосыгаемъ. Что дастъ теософія, сказать трудно, ибо она еще въ зародышѣ, но 1) утверждаемое ею существованіе болѣе одухотворенныхъ міровъ чѣмъ нашъ предполагалось давнымъ давно, было извѣстно спиритамъ и другимъ, даже церковновѣрующимъ наблюдателямъ жизни и особенно христіанскимъ подвижникамъ. И само по себѣ такое существованіе болѣе одухотворенныхъ міровъ не представляется неожиданнымъ и невѣроятнымъ, ибо если въ камнѣ усматриваютъ своего рода жизнь, то нѣтъ въ сущности никакихъ основаній думать, что нашъ міръ человѣка представляетъ высшее проявленіе и послѣдній этапъ этой жизни. 2) Земля съ ея міромъ назначена для моральнаго совершенствованія человѣка, для улучшенія его нравственности—это первая и главная цѣль земнаго существованія—выработка настоящаго хорошаго человѣка, котораго тотъ же великій Шопенгауэръ ставилъ гораздо выше ученаго и мыслителя, восклицая: „что передъ нимъ (т. е. передъ добрымъ человекомъ) Беконъ Веруланскій?!“

„Будьте совершенни, какъ Отецъ небесный“—въ чемъ?

Не въ знаніи конечно, не въ постиженіи астральныхъ и ментальныхъ міровъ, а въ нравственности, ибо „если я знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе, а не имѣю любви, то я—ничто“ (1 Кор. 13—2). Если теософіи въ будущемъ и удастся открыть методы проникновенія даже въ очень одухотворенные міры (что можетъ быть и возможно), то это во всякомъ случаѣ не необходимо и едва ли нужно и желательно для праведника, представляя предрѣшеніе событій и предвосхищеніе того, что онъ несомнѣнно узнаеть и получить послѣ смерти, и въ чемъ вѣрующій и праведный человѣкъ при жизни въ сущности и не нуждается. „Нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю“, говоритъ такой величайшій человѣкъ, какъ апостоль Павелъ. И если онъ былъ восхищенъ до 3-го неба, то не самъ это сдѣлалъ и пожелалъ, а съ помощью Бога и повинуваясь волѣ Его. Вотъ идеаль сверхсознанія и духовной авіаціи: они должны совершаться не по личному желанію и не личными силами праведника, не его собственнымъ починомъ, а помощью и волей Бога—когда и насколько захочетъ Онъ. Не упускайте изъ виду, что признаніе астрального и ментального міровъ, какъ увидимъ ниже, не дастъ вѣры въ Бога,—доказательство атеистическій буддизмъ, признающій существованіе духовъ напр. злыхъ (роксакасъ),—т. е. міра болѣе тонкаго и одухотвореннаго чѣмъ нашъ (см. Буддійск. Катехизисъ Олькотта, нѣмец. с. 107).

Если мы будемъ разбирать два пути къ достиженію сверхсознанія,—іоговъ и христіанскихъ подвижниковъ, то мы должны отдать полное предпочтеніе второму: а) противъ массы чудесъ (какъ бы ихъ кто ни объяснял), сотворенныхъ христіанскими святыми, что могутъ выставить іюги? гдѣ ихъ исцѣленія, сколько ихъ и когда они были? Разъ они владѣютъ „праной“, почему не исцѣляютъ всегда и вездѣ? Почему вообще столь рѣдки ихъ „чудеса“ и относительно столь маловажны: вродѣ того, что сообщаетъ Олькоттъ о Блавацкой—что мѣшокъ съ табакомъ самъ двигался къ ея протянутой рукѣ... Или присутствующіе

въ комнатѣ видѣли только двигающуюся лампу, но не человѣка, несшаго ее.. или въ воздухѣ видѣлись розы, которыхъ на самомъ дѣлѣ, конечно, не было, и прочіе тому подобныя, никому ненужныя и вообще безполезныя фокусы. б) Вспомните, что когда варвары завоевали Римъ, то скоро сами подпали неотразимому вліянію его проповѣдниковъ—священниковъ и монаховъ—и быстро сдѣлались ревностными христіанами. Кто спасъ Русь во время татарскаго ига какъ не монастыри вообще и въ частности отдѣльныя подвижники вродѣ Петра, Алексія, Іоны, Филиппа и Сергія? что подобное дали хвастающіеся могуществомъ іоги въ своей Индіи, порабоощаемой то однимъ, то другимъ завоевателемъ и наконецъ попавшей въ зависимость буквально отъ нѣсколькихъ англичанъ? Что дѣлаютъ загадочныя племена на голубыхъ горахъ, племена, людямъ коихъ стоитъ посмотрѣть на врага,—и онъ заболѣетъ, или тѣ колдуны, до которыхъ, по словамъ Блавацкой, очень далеко гипнотизерамъ Европы? Почему эти индѣйцы не смотрятъ на англичанъ—поработителей ихъ родины—и не могутъ имъ повредить? Что можетъ быть болѣе жалкаго, чѣмъ іогъ, якобы всемогущій и ничего немогущій? „Что касается Индостана, то жалкая доля, на которую обрекли его сначала татарское, потомъ англійское завоеванія, ясно обнаруживаетъ, какъ мнѣ кажется, то безсиліе и ту мертвенность, какія присущи всякому обществу, неоснованному на истинѣ, непосредственно исходящей отъ высшаго разума. Я лично думаю, что такое необыкновенное уничиженіе народа, являющагося носителемъ древнѣйшаго естественнаго просвѣщенія и зачатковъ всѣхъ человѣческихъ знаній, заключаетъ въ себѣ сверхъ того еще какой-то особый урокъ.. была ли когда-либо какая другая нація доведена до такого жалкаго состоянія, чтобы стать добычей не другого народа, но нѣсколькихъ торговцевъ, которые въ своей родной странѣ сами являются подданными, здѣсь же неограниченными властителями?“ справедливо отмѣчаетъ Чаадаевъ (см. Гершензонъ-Чаадаевъ,

с. 240). с) Христіанскіе подвижники человѣколюбивы и независтливы, а у Ладыженскаго (с. 260) читаемъ, что умершій іогъ изъ соперничества и зависти препятствуетъ живымъ достигать совершенства,—вотъ результатъ ментальнаго сверхсознанія, неудивительный, такъ какъ оно затрагиваетъ только умъ, а не сердце въ противоположность христіанству, имѣющему и здѣсь явное преимущество, ибо суть человѣка не въ умѣ, а въ сердцѣ. d) Примите во вниманіе, что ментальный способъ іоговъ требуетъ также массы силъ, истребленія всѣхъ желаній и пр.; вообще едва ли легче христіанскаго способа. Этимъ какъ бы иллюстрируется евангельское изреченіе: „иго Мое благо, и бремя легко“... Кромѣ того, какъ мы видѣли сейчасъ выше, христіанское подвижничество даетъ душевный покой, котораго лишены даже умершіе іоги, завидующіе живымъ соперникамъ.

Адепты теософіи даютъ понятъ, что она направлена противъ атеизма и якобы излѣчиваетъ отъ него; послѣднее—большой вопросъ, ибо если теософія и познакомитъ насъ съ состояніемъ астральнаго и ментальнаго міровъ, то отсюда до Бога—пропасть велика: по словамъ Св. Григорія Паламы, „Онъ не можетъ быть постигаемъ чувствами: природа чужда природѣ Бога“. Индійскій подвижникъ Вивекананда, наоборотъ, утверждаетъ (Ладыженскій о. с. стр. 35), что человѣкъ можетъ познавать Божество прямымъ Его созерцаніемъ. „Если Богъ есть, мы должны Его видѣть“; я бы сказалъ наоборотъ (см. выше). И вообще способы нашего земнаго „познаванія“ въ томъ высшемъ мірѣ не совсѣмъ приложимы, ибо наше „познаніе“ основано на времени и пространствѣ, а тамъ нѣтъ ни того, ни другого. Во всякомъ случаѣ не надо забывать слова Христа: „блажени невидѣвшіе, но вѣровавшіе“—вотъ смыслъ вѣры: если видимъ и знаемъ, то уже нѣтъ ея, замѣненной знаніемъ. „O ténébreuse foi! tu es préférable à ce, qu'on appelle la clarté.“ „l'œil de raison souvent nous égare“, говоритъ Гюйонъ. Да, наконецъ, если теософія и подобныя ей ученія

только противъ атеизма, то это еще весьма неопредѣленно. Атеизмъ явленіе часто временное: одинъ хорошій ударъ судьбы, и вчерашній атеистъ поползетъ къ храму и ухватится за рога жертвенника. Къ кому же итти въ минуту горя? вѣдь не къ товарищу же предсѣдателя теософическаго кружка?! Съ другой стороны одно только понятіе „теизмъ“ говоритъ еще немного: вѣдь и Аріи и язычники—теисты. „И бѣсы вѣрують и даже „трепещуть“, чего, надо думать, не случается съ теософами. Согласованіе вѣроучительной догмы съ наукой еще не дѣлаетъ религіи, доказательство—буддизмъ, признающій причинность (карма), борьбу за существованіе, эволюцію (однимъ словомъ все, признаваемое теософіей), но не признающій никакого божества въ сущности (см. Будд. Катех. Олькотта. с. 109-я. 11). Повторяю, міръ вѣры и знанія не совпадаетъ и не совпадутъ. Научная апологетика можетъ заставить замолчать невѣріе и хулу, но неспособна надѣлать вѣрой: „никто не можетъ принти ко Мнѣ, если не Отецъ небесный привлечетъ его“. Вѣра—особая благодать, получаемая свыше, спасительная прививка, иногда—счастливая зараза, коей заражается одна воля отъ всѣхъ другихъ напр. въ храмѣ во время богослуженія, когда словно въ одной св. чашѣ объединяются души всѣхъ, и освящаемыя призываніемъ божества заражаются другъ отъ друга вѣрой.

Появленіе теософій и разныхъ религіозныхъ кружковъ въ наше время не удивительно, а знаменательно, какъ и процвѣтаніе всякихъ таинственныхъ мистическихъ знаній (отъ ворожбы до спиритизма включительно), якобы способныхъ что-то открыть и отъ чего-то спасти. Это одно изъ знаменій времени, когда людьми чувствуется надвигающаяся гроза, грядущая перемѣна и столкновенія, невольно заставляющія бояться думать о будущемъ и стараться спастись. Такова и наша эпоха, богатая симптомами грядущаго столкновенія идей и народовъ, о которой предупреддаль императоръ германскій своею картиною

„народы, берегите ваши сокровища“, т. е. христіанство отъ нападенія буддизма. О томъ же пророчествовалъ и Владиміръ Соловьевъ, предсказывая появленіе панмонголизма и нашествіе монголовъ. Одинъ разъ его уже испытала Русь, надо ли не беречься и не бояться второго? За такую историческую небрежность можно поплатиться загрязненіемъ крови и гибелью расы. Отсюда весьма естественный вопросъ: полезно ли въ такое, физически опасное, время культивировать мистицизмъ, оказывать особое покровительство теософін, развивать сверхсознаніе, оккультизмъ и проч. т. под.? Конечно нѣтъ. Сейчасъ, въ виду угрожающей опасности, надо заботиться не о подсознаніи, а объ ясномъ сознаніи политическаго положенія и необходимыхъ общественныхъ усилій. Теперь непозволительно уходить въ свою скорлупу или, какъ страусъ, прятать голову въ кусты, къ чему такъ склонны Обломовы и Плашовскіе, которые часто „обламываются“ на половинѣ и обыкновенно плошають отъ недостатка упорной энергій. Если не изъ любви къ родинѣ, то изъ чувства самосохраненія взгляните на теперешній политическій горизонтъ: Китай и Японія—этотъ „котель, поджигаемый съ Востока“, какъ сказалъ бы пророкъ Іеремія... Финляндія—старая болячка на головѣ государства... явно враждебныя къ намъ Персія и Турція съ юга... о Западѣ нечего говорить: все ясно и понятно, хотя бы изъ тѣхъ шаровъ, которые то и дѣло къ намъ залетають, и изъ тѣхъ многочисленныхъ шпіоновъ, которыхъ приходится задерживать и выпускать... Въ такія эпохи непозволительно изъ глубины улитокъ и со дна своихъ раковинъ проповѣдывать непротивленіе злу, прославлять космополитизмъ, кричать „Die Waffen nieder“, какъ Берта Сутнеръ, съ участіемъ смотрящая на страшныя вооруженія своей Германіи и на угнетенія ею чужихъ національныхъ интересовъ. „Die Falschen nieder“—вотъ что надо кричать достаточно громко и вразумительно для всѣхъ, въ томъ числѣ и для тѣхъ, которые, якобы воюя съ атеизмомъ, подкапываются подъ христіанство и во имя

космополитизма вредять родинѣ. Слыша нѣмецкія пѣсни „Drang nach Osten“ и возгласъ „Deutschland über alles“, бесполезно теоретизировать, предаваться спекулятивному умозрѣнію и безвольному созерцанію: пора заботиться не о духовной, а объ этой—физической авіаціи, чтобы умѣло противопоставить огромнымъ Цеппелинамъ свой воздушный флотъ, защищая наши города и деревни отъ пожара и разрушенія... Нѣмцы не испугаются нашихъ экстазовъ и сверхсознаній, какъ англичане не убоились индѣйскихъ. Тутъ надо вспоминать не о космополитическихъ и непротивленскихъ взглядахъ Толстого, но о Сергіѣ Радонежскомъ, благословившемъ князя на бой съ татарами и о сражавшихся съ ними русскихъ монахахъ. Не надо забывать и объ ученіи церковныхъ отцевъ, напр. Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, и Аванасія В. Первый говоритъ: „похвальная брань лучше міра, разлучающаго съ Богомъ“ (Творенія часть I стр. 53). А по мнѣнію Златоуста, „если кто совершитъ убійство по волѣ Бога, то это убійство лучше всякаго человѣколюбія“ (Т. I кн. 23 стр. 670). Не забудемъ и слова Владиміра Соловьева, который въ началѣ „Трехъ разговоровъ“ проводитъ мысль, что бываютъ случаи, когда война благородна и необходима. Въ наше время надо заботиться 1) о государственной оборонѣ, а 2) о средствахъ націи: улучшать земледѣліе, разрабатывать естественныя богатства, расширять промышленность и торговлю, и вообще распространять практическое знаніе и *умѣніе* ¹⁾. Я подчеркиваю послѣднее слово,

¹⁾ Съ этой цѣлью,—говорю убѣжденно, какъ врачъ и натуралистъ,—было бы очень полезно разрѣшить реалистамъ поступать на медицинскій и естественный факультеты; тогда оба эти факультета выпускали бы гораздо болѣе образованныхъ и практически-умѣлыхъ студентовъ. Понятно, т. к. въ реальныхъ училищахъ уже проходятся естественныя науки, а въ университетѣ мало времени для ихъ основательнаго и практическаго изученія: на медицинскомъ всего два года съ небольшимъ. Такимъ путемъ можно было бы сократить преподаваніе на медицинскомъ факультетѣ на одинъ годъ, а на естественномъ на два. И для отдѣльнаго человѣка важнѣе лишній годъ жизни вмѣсто года

такъ какъ этимъ умѣніемъ и практичностью очень богаты наши сосѣди, особенно нѣмцы и японцы, а мы еще оставляемъ желать многого, то и дѣло проявляя непохвальную склонность удаляться отъ жизни, какъ Обломовъ, лежать и мечтать, подобно тѣмъ индѣйцамъ, которые, по словамъ Блавацкой, въ каждую свободную минуту садятся на корточки и начинаютъ размышлять. И не даромъ нашъ Илья Муромецъ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года.. А взгляните, съ какой энергіей защищаютъ свои національныя права наши сосѣди и даже наши инородцы, хотя бы евреи. Въ номерѣ 159 Голоса Москвы 11 Юля 1912 года читаемъ, какъ еврейскій депутатъ Нисселовичъ въ „Разсвѣтъ“ горько сѣтуетъ на „оппозицію за пятилѣтній періодъ существованія третьей Думы, воочію доказавшую, что еврейскій вопросъ не является для нея самодовлѣющей задачей, а входитъ лишь какъ составная часть въ общую задачу о равноправіи всѣхъ національностейъ передъ закономъ“. Видите: евреямъ, называющимъ себя угнетенной націей, какъ будто мало равноправія, а нужно преимущество въ правахъ, чего они уже добились въ Америкѣ, вступившей въ недавній конфликтъ съ Россіей изъ-за своихъ евреевъ, которыхъ не пропускали къ намъ изъ политической осторожности. Если Америка—для евреевъ, то не позволительно ли Россіи существовать для русскихъ? Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Германіи. Ключевскій говоритъ: „въ концѣ 18 и въ началѣ 19 вѣка въ Европѣ не было народа болѣе мирнаго, идиллическаго, философскаго (я прибавилъ бы и наклоннаго къ мистицизму) и болѣе пренебрегаемаго сосѣдями, чѣмъ нѣмцы. А только черезъ поколѣніе отъ Іены этотъ народъ едва не завоевалъ всей Франціи и поставилъ подъ ружье всѣ народы Европы“ (Курсъ русской исторіи часть I стр. 8). Послѣ Наполеона народъ встрепенулся и понялъ

ученія, и для государства работникъ полезнѣй ученика. Выиграла бы и жизнь, и наука.

необходимость силы въ цѣляхъ самосохраненія. Еще нагляднѣе уроки современной исторіи—судьба Персіи, Китая и Турціи. Вотъ что значить игнорировать физическую мощь государства въ заботахъ о черезчуръ широкихъ духовныхъ правахъ, на которые нація еще не получила полнаго права,—стремиться къ слишкомъ обширному политическому идеалу, не будучи къ нему достаточно подготовленной! Въ результатъ—анархія, и за „обновленіе“ приходится расплатиться частью старинной территоріи.

Мы уже говорили, что кромѣ собственно теософіи въ настоящее время процвѣтаютъ и другія ученія съ болѣе или менѣе религіозной окраской: масонство, оккультизмъ и многіе мелкіе чисто религіозные кружки, вродѣ бывшаго Новаго Пути, и всевозможныя сектантскія „согласія“, точнѣе „несогласія“. Обо всѣхъ ихъ надо сказать одно, что они или антихристіанскія, или противоцерковныя. Масонство полно евреями и носитъ явно антихристіанскій характеръ, объявляя напр., что признаваемый масонами Великій Архитекторъ Вселенной совсѣмъ не то, что подъ именемъ Божества разумѣтъ христіанскій міръ. Сами названія ложъ почти исключительно еврейскія: Израиль, Бенъ, Гуръ, Маккавей и проч. (см. объ этомъ недавнюю статью Толстого въ Голосѣ Москвы,—если не ошибаюсь, въ маѣ). Масонство, переполненное евреями, созидаетъ какой-то Соломоновъ храмъ. Какой? можно думать, что подъ этимъ разумѣтся будущее величіе, долженствующее наступить господство еврейскаго народа, напоминающее времена Соломона. Въ религіозно-философскихъ кружкахъ рядомъ съ христіанствомъ вы рискуете услышать проповѣдь о религіи Адониса, или возвеличеніе и словно какое-то освященіе плоти и плотскихъ отношеній и т. п. Изъ практики чисто религіозныхъ кружковъ приведу два характерныхъ примѣра: 1) одинъ членъ какого-то деистическаго общества предложилъ собравшимся помолиться и предусмотрительно говорилъ: если кого смущаетъ крестное знаменіе, можно не креститься. Помолимся „просто

такъ“. Однако, подумайте, кого можетъ смущать крестъ? Да прежде всего конечно еврея, и въ угоду ему нашъ деиствъ легко отказывается отъ существеннаго и дорогаго для христіанъ символа. Видите, что одинъ только теизмъ, точнѣе—отсутствіе атеизма, доказываетъ еще очень мало. Не всякій духъ—тотъ же духъ, и потому „не всякому духу вѣрьте, а испытывайте духовъ“, исповѣдуеть-ли онъ Христа, пришедшаго во плоти?

2-й примѣръ: ревностная посѣтительница теософическихъ собраній, вообще очень интересующаяся религиозными вопросами, говорила мнѣ, что въ принципѣ ничего не имѣетъ противъ Евангелія (не правда-ли, какъ современно и деликатно?), но тѣмъ не менѣе категорически отказывалась посѣщать богослуженія и не допускала намека на возможность и желательность причащаться; она ссылалась при этомъ на Толстого и Джемса, отдавая явное преимущество ихъ мнѣнію передъ евангельскими словами „сіе есть тѣло Мое“ и „творите сіе въ Мое воспоминаніе“. И вообще она выбирала изъ Евангелія то, что ей нравилось и отвергала остальное, забывая, что сколько головъ, столько умовъ, и что такимъ путемъ можетъ получиться столько ученій, сколько людей. Подобное и теперь уже наблюдается въ протестантизмѣ, гдѣ ученія различныхъ пасторовъ часто весьма не одинаковы. Эти люди, устраивающіе религію по своему вкусу, часто говорятъ, будто ничего не имѣютъ противъ христіанства, что оно—чистый источникъ, но трубы, проводящія его, не чисты и несовершенны,—доброе вино въ плохихъ сосудахъ. Господа! говорите, что хотите, но я искренно и серьезно боюсь одного, что вы, не проявляя никакого желанія и таланта улучшить эти трубы, разрушая ихъ, разольете всю хорошую воду, все доброе вино.

Кончу тѣмъ, съ чего началъ, что проявляющееся въ современномъ обществѣ стремленіе къ разрѣшенію религиозныхъ вопросовъ носитъ нерѣдко антихристіанскій и часто противоцерковный характеръ. Теперь одно изъ двухъ: для

кого христіанство — одна изъ многихъ религій, не болѣе,—тотъ собственно и не христіанинъ. Для кого оно— высшая религія, тотъ долженъ во имя его бороться, всего лучше раскрытіемъ и пропагандой христіанской мысли, съ цѣлью показать ея преимущество надъ не-христіанской.

В. К. Недзвецкій.

14 Іюля 1912 г.

О смыслѣ и цѣнности жизни по книгѣ Екклесіастъ.

Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не обзятъ (Іоан. 1, 4).

I.

Книга Екклесіастъ (по-еврейски *kohelet*—проповѣдникъ ¹⁾) принадлежитъ къ числу священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, носившихъ у евреевъ специальное названіе „chamesch megillot“ (пять свитковъ). Именемъ „chamesch megillot“ назывались у евреевъ слѣдующія пять книгъ, бывшихъ въ особенномъ употребленіи въ іудейскихъ синагогахъ въ дни великихъ праздниковъ Пасхи, Пятидесятницы, Кушцей и Пуримъ: Пѣснь Пѣсней, Руеъ, Плачь, Екклесіастъ и Есѣиръ. Такое особенное богослужебное употребленіе книги Екклесіастъ даетъ возможность заключать, что книга эта пользовалась особеннымъ уваженіемъ у древнихъ іудеевъ, о чемъ, дѣйствительно, свидѣлствуетъ іудейское преданіе. Уваженіе къ книгѣ Екклесіастъ объясняется, конечно, важностью содержанія книги, заключающей въ себѣ рѣшеніе вопросовъ о смыслѣ и цѣнности жизни съ точки зрѣнія ветхозавѣтнаго пониманія іудея. А этотъ вопросъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу вѣчныхъ вопросовъ, которые постоянно волнуютъ человѣка и неотвязчиво предносятся въ его умъ; вопросъ этотъ соста-

¹⁾ Подробное объясненіе названія „*kohelet*“ см. у Олесницкаго. Книга Екклесіастъ. Кіевъ, 1873 г. стр. 8—22.

вляеть сущность всякаго жизне-и-міропониманія челоуѣка. Поэтому, на книгу *Екклесіастъ* можно смотрѣть, какъ на такое произведеніе, которое заключаетъ въ себѣ основы ветхозавѣтнаго міровоззрѣнія. Въ этомъ и заключается важность книги *Екклесіастъ* не только для древняго іудея, но и для христіанина, ставящаго свое жизнепониманіе въ преемственную связь съ ветхимъ завѣтомъ. Вотъ почему и въ христіанской Церкви, унаслѣдовавшей отъ Церкви ветхозавѣтной книги священнаго Писанія, *Екклесіастъ* тоже пользовался и пользуется большимъ значеніемъ между ветхозавѣтными книгами.

Но наряду съ общецерковнымъ вѣрованіемъ въ книгу *Екклесіастъ*, какъ священную и боговдохновенную, одновременно существовали и существуютъ и среди іудеевъ и среди нѣкоторыхъ христіанъ-еретиковъ такія воззрѣнія на книгу *Екклесіастъ*, которыя не согласуются съ этимъ общецерковнымъ вѣрованіемъ. Нѣкоторые древніе раввины, какъ свидѣтельствуеетъ талмудъ, на основаніи мнимыхъ противорѣчій, находимыхъ ими въ книгѣ *Екклесіастъ*, и мнимыхъ еретическихъ взглядовъ, предлагали было исключить эту книгу изъ числа каноническихъ и отнести ее къ апокрифамъ ¹⁾. Но въ защиту книги *Екклесіастъ* выступила школа Гиллела, которая отстаивала боговдохновенность книги. Въ христіанствѣ отрицательное отношеніе къ книгѣ было со стороны христіанскихъ еретиковъ, съ которыми боролся Филастрій, епископъ Бресчанскій, потомъ со стороны многихъ ученыхъ рационалистическаго направленія, начиная съ XVII вѣка до настоящаго времени; всѣ они видятъ въ *Екклесіастѣ* явные слѣды ученій эпикурейскихъ, скептическихъ, фаталистическихъ, строго-пессимистическихъ и т. п. Поводомъ къ нападкамъ на книгу *Екклесіастъ* были, какъ мы говорили, мнимыя противорѣчія книги относительно ученій о безсмертіи, воздаяніи, благѣ

¹⁾ Юнгеровъ П. Общее введеніе въ ветхозав. книги. Второе изд. 1910 г. стр. 101; Elster. Commentar. üb. d. Prediger Solomo s. 35 1855 г. и М. Олеснякій. Книга *Екклесіастъ* стр. 209.

и смыслѣ жизни и пр., не позволявшія имъ правильно понять и опредѣлить основную идею книги Екклезіастъ.— Насколько основательны эти обвиненія, мы разберемъ впоследствии, а пока—только отмѣтимъ то, что много способствовало появленію такого обвиненія самый стиль книги, или внѣшняя форма ея. Въ книгѣ Екклесіастъ очень остро сказался специфическій образъ мышленія ея автора въ формѣ краткихъ афоризмовъ и притчъ. Здѣсь рѣчь не представляетъ стройнаго систематически-последовательнаго построенія мыслей, а большею частью отрывочна, эпизодична; противоположныя мысли Екклесіаста часто стоятъ рядомъ, слѣдуя одна за другой. Видно, умъ автора Екклесіаста больше склоненъ и привыкъ къ интуиціи, чѣмъ къ дискурсіи и особенно въ размышленіи о религіозно-нравственныхъ вопросахъ. Религію онъ любитъ больше переживать, чѣмъ мыслить. — Какъ бы то ни было, но эта чисто формальная особенность книги, думается, и послужила одной изъ причинъ отрицательнаго отношенія какъ нѣкоторыхъ іудейскихъ ученыхъ, такъ и нѣкоторыхъ ученыхъ—европейцевъ, къ книгѣ Екклесіастъ, которые не могли вполне войти въ духъ мышленія боговдохновеннаго древне-іудейскаго мудреца и, вслѣдствіе этого, не могли хорошо понять содержанія самой его мудрости.

Всѣхъ взглядовъ, высказанныхъ въ богословской и богословско-экзегетической литературѣ по поводу основной идеи Екклесіаста и представляющихъ рѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ видѣ, довольно много. Подробное перечисленіе этихъ взглядовъ передается въ лучшихъ и болѣе полныхъ изслѣдованіяхъ какъ иностранныхъ, такъ и нашихъ русскихъ; напр.,—у Эльстера, Оленицкаго М., епископа Филарета, епископа Михаила и др.—Не останавливаясь, поэтому, на подробномъ ихъ разсмотрѣніи, укажемъ лишь наиболѣе типичные изъ нихъ.

Всѣ взгляды эти можно свести къ тремъ главнымъ группамъ, или типамъ.—Одни изслѣдователи совершенно *отри-*

чаютъ въ книгѣ какую бы то ни было идею. Защитниками этого взгляда являются большею частью тѣ изслѣдователи, которые отрицаютъ въ книгѣ какой-нибудь опредѣленный планъ и считаютъ ее—или сборникомъ отдѣльныхъ отрывочныхъ изреченій разныхъ мудрецовъ и даже разныхъ народовъ и въ этомъ смыслѣ понимаютъ автора книги, какъ коллектора (Гроцій, Павлюсъ, Нахтигаль), или считаютъ, что книга написана однимъ авторомъ, но въ разное время и въ различныхъ душевныхъ настроеніяхъ (Шмидъ, Вистонъ, Циркель и др.); или, наконецъ, считаютъ, что книга Екклезіастъ имѣетъ форму разговора между отдѣльными лицами о различныхъ предметахъ (Гердеръ, Бйхгорнъ, Пуль).—Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести тѣхъ ученыхъ, которые *хотя и находятъ въ книгѣ определенную идею, но считаютъ ее отрицательной*. Книга Екклесіастъ, по ихъ мнѣнію, заключаетъ въ себѣ явные слѣды или скептицизма, или фатализма, или строгаго пессимизма, или эпикуреизма и т. п. (Кнобель, Де-Витте и др.). Третью группу составляютъ тѣ изслѣдователи, которые *раздѣляютъ общецерковную точку зрѣнія на книгу Екклесіастъ* (Кейль, Эвальдъ, Корнелій, Св. Отцы, многіе русскіе изслѣдователи, напр.,—Олесницкій, еп. Филаретъ, еп. Михайль и др.) ¹⁾.

Въ критическое разсмотрѣніе приведенныхъ взглядовъ различныхъ ученыхъ сейчасъ непосредственно входить не будемъ, но будемъ держаться такого плана, который дастъ намъ возможность сначала изложить правильный взглядъ на основную идею Екклесіаста, указать—какъ этотъ взглядъ проводится во всей книгѣ, и, наконецъ, уже при свѣтѣ этого взгляда мы можемъ правильно взглянуть и судить о недостаткахъ взглядовъ неправильныхъ.

¹⁾ Представители третьей группы тоже неодинаково говорятъ объ основной идеѣ Екклесіаста. Сравн., напр., книгу М. Олесницкаго и статью проф. Мышцына объ Екклесіастѣ, помѣщ. въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1894 г.

II.

Основная идея *Екклезіаста* выражена въ началѣ книги въ словахъ, служащихъ какъ бы девизомъ міровоззрѣнія *Екклесіаста*: „суета суеть, сказалъ *Екклесіастъ*, суета суеть, все суета“ (I, 2). Эти слова о суетѣ всего подъ солнцемъ неоднократно потомъ раздаются изъ устъ *Екклесіаста* во время долгихъ и упорныхъ исканій имъ отвѣта на вопросъ: „какая польза человѣку отъ всѣхъ дѣлъ его, какими онъ трудится подъ солнцемъ“ (I, 3). Этимъ же восклицаніемъ о суетѣ и заканчиваются исканія *Екклесіаста* (XII, 8).

Для уясненія смысла какъ предложеннаго *Екклесіастомъ* вопроса, такъ и самаго отвѣта, сущность коего выражена въ словахъ „суета суеть“ и конкретнѣе раскрывается во всемъ содержаніи *Екклесіаста*, необходимо сдѣлать нѣкоторыя филологическія замѣчанія. Стоящее въ вопросѣ *Екклесіаста* (I, 3) не совсѣмъ ясное слово „польза“ по-еврейски передано чрезъ „ithron“, что значитъ буквально-преимущество, прибыль, остатокъ, приобрѣтеніе, вообще то, что остается, нѣчто непреходящее, самоцѣнное. Поэтому, вопросъ лучше формулировать такъ: „есть ли въ трудахъ человѣка, которыми онъ трудится подъ солнцемъ (т. е., въ земной жизнедѣятельности человѣка), что-нибудь такое, что остается всегда вѣчнымъ, непрестающимъ, самоцѣннымъ“ (благомъ)? На этотъ вопросъ *Екклесіастъ* отвѣчаетъ всѣмъ содержаніемъ книги. Изслѣдуя всю доступную ему область видимаго бытія и въ томъ числѣ жизнедѣятельность человѣка на землѣ, онъ приходитъ къ тому выводу, что все—суета суеть ¹⁾ и томленіе духа ²⁾.

¹⁾ Слово „суета“ по-еврейски передано habel, что значитъ буквально—паръ, дыханіе, дуновение, въ переносномъ же смыслѣ означаетъ нѣчто непостоянное, ничтожное (или какъ въ данномъ мѣстѣ—суетное).

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слово habel и приведено здѣсь; форма же—habel habalim—суета суеть—форма превосходной степени и выражаетъ крайнюю суету и ничтожество того, о чемъ говорятъ (Штейнбергъ. Еврейск. и Халд. слов. къ кн. Ветх. Зав. Вильна, 1878).

²⁾ Выраженіе „томленіе духа“, передаваемое въ еврейской библии

Это тяжелое сознание ничтожества всего существующаго подь солнцемъ угнетающе дѣйствуетъ на Екклезіаста. По временамъ, кажется,—онъ совсѣмъ уже теряетъ всякую надежду; почва подь ногами у него уже какъ бы скользнуть; вотъ, вотъ еще немного—и онъ падаетъ въ темную бездонную пропасть, чтобы окончательно погибнуть; но въ его душѣ воскресаетъ вѣра въ Бога, въ Его Промысль, которая, какъ бы на время, оставляетъ мудреца, и онъ снова оживаетъ душой. Онъ вѣруетъ, что вначалѣ было все очень хорошо (VII, 29) и что настоящій ненормальный порядокъ жизни есть слѣдствіе человѣческаго грѣха (VII, 29). Но Богъ дастъ человѣку новый порядокъ жизни, гдѣ всѣ ненормальности настоящей земной жизни будутъ отсутствовать (III, 17; XII, 14).

Методъ, которому Екклесіастъ слѣдуетъ въ своемъ разсужденіи по изслѣдуемому имъ вопросу—индуктивный; онъ ведетъ свои разсужденія на основаніи личнаго опыта и наблюденія надъ міровой жизнью вообще и человѣческой въ частности. „Философствуя не для философіи, а для жизни, говоритъ проф. Мышцынъ, Екклесіастъ не могъ основываться на какихъ нибудь апріорныхъ сужденіяхъ, мало пригодныхъ для жизни, но долженъ былъ опереться на дѣйствительный внутренній опытъ каждаго, и не столько сообщать нѣчто новое, сколько приводить къ ясному сознанию то, что уже таилось въ глубинѣ человѣческаго духа. Его (Екклесіаста) слово, поэтому, не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, ибо непреложное свидѣтельство истинности его читатель находитъ въ своемъ сердцѣ

черезъ *reuth* *ruach* переводится различно. Одни (пер. халдейскій, вульгата, сирскій), производя *reuth* отъ *raah*—бушевать, разламывать, переводятъ: волненіе, томленіе духа (какъ и русскій пер.). Другіе (Симмахъ, Акила, Θεοδοціонъ), производя отъ *raah*—пасти, переводятъ: пасеніе вѣтра. Третьи, производя отъ того же глагола съ значеніемъ помогать, переводятъ: стремленіе вѣтра, затѣя вѣтряная (70-ти пер. *προαίρεσις* *πνεύματος*) или погоня за вѣтромъ. Послѣднія два пониманія болѣе точны, соотвѣтствуютъ контексту и имѣютъ параллельныя мѣсто въ кн. пр. Осіи XII, 1.

и совѣсти“ 1). Прослѣдимъ теперь, какъ Екклезіастъ ведетъ свои разсужденія о суетѣ всего подѣ солнцемъ.

III.

Екклезіастъ бросаетъ мысленно свой взоръ на *общеміровую жизнь*, и что же здѣсь онъ видитъ?—Предъ его мысленными взорами живо открываются, съ одной стороны,—картина быстрой смѣны одного поколѣнія людей другимъ („родъ проходитъ и родъ приходитъ“. I, 4), съ другой—монотонная картина постояннаго круговращенія въ видимой окружающей человѣка природѣ, съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же явленій. „Восходитъ солнце и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ. Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ и возвращается вѣтеръ на круги свои. Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется: къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь“ (I, 5—7). И такому круговращенію, чуждому всякаго прогресса, подвержены всѣ вещи въ мірѣ; человѣкъ не въ состояніи, даже при помощи своихъ внѣшнихъ чувствъ, воспринять и познать всю область безпрогрессивнаго движенія (I, 8). Въ этой быстротекущей смѣнѣ явленій человѣкъ, не удовлетворяясь настоящимъ, (во всякомъ случаѣ) всегда ожидаетъ чего-то новаго, но новаго ничего никогда не бываетъ, потому что то, „что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться“ (I, 9). И хотя иногда говорятъ: смотри, вотъ, это—новое, но, на самомъ дѣлѣ, это—все старое и было въ вѣкахъ прошедшихъ (I, 10): человѣкъ только обманываетъ себя, принимая старое за новое. Какъ нѣтъ ничего новаго, такъ нѣтъ ничего постояннаго и прочнаго: приходитъ въ забвеніе то, что было, какъ, и въ свою очередь, не вспомнить о томъ, что будетъ послѣ (I, 11). Какъ

1) Проф. Мышцынъ. Журн. „Вѣра и Разумъ“ 1894 г., церковн. отд. стр. 769.

бы тамъ ни было, но изъ всѣхъ наблюденій Екклесіаста надъ видимой природой и всѣмъ тѣмъ, что совершается въ ней, слѣдуетъ тотъ выводъ, что самая видимая природа есть вѣчто безсмысленное сама по себѣ, и человѣкъ при всемъ томъ не въ состояніи отъ себя привнести какой-нибудь прогрессъ въ эту природу и вообще перестроить ея жизнь (I, 15).

Отъ этихъ наблюденій Екклесіастъ обращается къ своему *личному опыту*.—Богатый опытъ Екклесіаста, однако, привелъ его къ тому же печальному выводу,— что и жизнь человѣческая, и все, что въ ней—одинаково ничтожно и суетно.

Екклесіастъ думалъ найти искомое благо *въ мудрости и знаніи* ¹⁾, но скоро онъ разочаровался въ этой затѣѣ; онъ увидѣлъ, что и это—ничтожество и пустота. Стремленіе къ мудрости не только не доставило ему блага или счастья, которое придало бы ему хоть незначительную цѣнность для его жизни, но, напротивъ, принесло ему лишь отрицательные результаты; оно увеличило лишь его страданія (I, 16—18), съ одной стороны обнаживъ всю призрачность человѣческихъ стремленій и вообще всего земного, съ другой,—приведя человѣка къ сознанію, что человѣкъ все равно никогда не можетъ постигнуть внутренней сущности вещей, сколько бы онъ ни трудился... И если бы какой-нибудь мудрецъ сказалъ, что онъ знаетъ все, то онъ глубоко ошибся бы (VIII, 16—17). Правда, мудрость предъ глупостію имѣетъ неоспоримое превосходство: мудрость—свѣтъ, глупость—тьма. Мудрость помогаетъ человѣку знать достоинство предметовъ, и въ этомъ отношеніи она есть сила человѣческой жизни, чего нельзя сказать о глупости; но и это преимущество мудрости блѣднѣетъ предъ сознаніемъ факта одинаковой участи мудреца съ глупымъ: мудрый наравнѣ съ глупымъ уми-

¹⁾ Повятія—мудрость и знаніе, употребленныя въ данномъ мѣстѣ, выяснены въ „Библейской Наукѣ“ Еп. Михаила.

расть при полномъ забвеніи со стороны его потомковъ (II, 13—16).

Послѣ неудачныхъ исканій блага или счастья въ духовномъ наслажденіи—мудрости—Екклезіастъ пытался найти его *во вѣншихъ чувственныхъ удовольствіяхъ жизни.*

Сначала Екклезіастъ предался *безпечному веселію и услажденію своей плоти виномъ,* но духъ его этимъ не только не былъ удовлетворенъ, но, наоборотъ, вызвалъ въ себѣ противоположную реакцію. „О смѣхѣ сказалъ я, говорить Екклезіастъ, глупость! а о веселіи: что оно дѣлаетъ“?—Тогда попытался Екклезіастъ найти счастье *въ славъ.* Съ этой цѣлю онъ предпринялъ большія затѣи: „построилъ себѣ дома, насадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовые деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія... приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у него; крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; собралъ себѣ я серебра и золота, и драгоценностей отъ царей и областей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я, говорить Екклезіастъ, великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ: и чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ; не возбранялъ сердцу моему никакого веселія“ (II, 3—10). Но горько разочаровался Екклезіастъ, когда оглянулся на всѣ эти безпокойныя свои затѣи и посмотрѣлъ на нихъ здраво. Онъ увидѣлъ, что все это—суета, и что нѣтъ человѣку никакой пользы отъ подобныхъ затѣй (II, 11), ибо „кто любитъ серебро, тотъ не насытится серебромъ, и кто любитъ богатство, тому нѣтъ пользы отъ того, развѣ только смотрѣть на него“ (V, 9). Притомъ, по словамъ Екклезіаста, богатство не только не дѣлаетъ человѣка счастливымъ, но, наоборотъ, причиняетъ излишнія безпокойства, не давая человѣку спокойно уснуть (II, 23), и часто даже во вредъ ему служить. Напримѣръ, какое величайшее

несчастіе бываетъ тогда, когда случится вдругъ неожиданная потеря богатства въ то время, когда оно ему болѣе всего нужно, — положимъ, при приращеніи семьи. Бѣднякъ въ такомъ случаѣ гораздо лучше чувствуетъ себя, потому что онъ привыкъ къ недостатку (V, 9, 15). А бываетъ еще и такъ, что Богъ даетъ человѣку богатство, имущество и славу, и нѣтъ для его души недостатка ни въ чемъ, чего ни пожелалъ бы онъ, но не даетъ ему Богъ (способности) пользоваться богатствомъ и славой, (т. е., извлекать радости), а пользуется тѣмъ чужой человѣкъ. Судьба такого человѣка такъ зло посмѣялась надъ нимъ, что и выкидышь, который совсѣмъ не видѣлъ свѣта, можетъ считать себя счастливѣе такого богача, даже если бы послѣдній имѣлъ сто дѣтей и двѣ тысячи лѣтъ прожилъ (VI, 1—6). Кромѣ того, случается часто, что трудами и съ умѣніемъ добытое богатство попадаетъ глупому и нерачительному наслѣднику, и онъ безъ разбора расточаетъ богатство, надъ которымъ совершенно не трудился (II, 17—22). „И возненавидѣлъ я, говоритъ Екклесіастъ, жизнь, потому что противны мнѣ стали дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ; ибо все—суета и томленіе духа“ (II, 17). Чѣмъ больше шелъ Екклесіастъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ большая глубина суеты предъ нимъ открывалась. Онъ позналъ, что человѣкъ—такое ничтожество, что не можетъ онъ своими собственными силами добыть и имѣть самое необходимое въ жизни для него: пищу и питіе (II, 24). Мало того, въ настоящей земной жизни человѣкъ самъ по себѣ во многихъ отношеніяхъ стоитъ нисколько не выше животнаго, если не принимать во вниманіе человѣческаго дара слова. Во-первыхъ, вмѣстѣ съ животнымъ человѣкъ имѣетъ одну тѣлесную природу, созданную изъ праха, и одно дыханіе, т. е., одушевляющее начало (*touchá*); во-вторыхъ, человѣкъ и животное уравниены въ своей участи: конецъ для нихъ одинъ, —это—возвращеніе въ прахъ, т. е., тѣлесная смерть (III, 18—20). Никто не въ состояніи опро-

вергнуть этотъ фактъ ничтожества человѣческаго существа даже ссылкой на безсмертіе человѣческаго духа, потому что никто изъ людей не можетъ знать и рационально доказать *вѣчное* бытіе человѣческихъ душъ и *временное*—душъ животныхъ. Екклесіастъ также позналъ, что всюду въ мірѣ царитъ такой порядокъ, въ силу котораго всякой вещи установлено опредѣленное время для появленія ея, дѣйствія и уничтоженія (III, 1—8). А отъ этого большое зло человѣку, потому что онъ не можетъ постигнуть сущности этого міропорядка и подчиняется ему, какъ бы съ необходимостью, а, между тѣмъ, неизвѣстность будущаго страшно гнететъ человѣка (VIII, 6—7; VI, 12; VII, 23—24).

Вотъ тотъ пессимистическій результатъ, къ которому приходитъ Екклесіастъ послѣ долгихъ своихъ опытовъ и наблюденій.

Окружающая его жизнь людей представляетъ изъ себя такую же неприглядную картину.

Въ общественной жизни всюду видитъ Екклесіастъ эгоизмъ и разныя несправедливости (VIII, 9—10). Въ обществѣ каждый ищетъ своей выгоды, стремится къ своей личной цѣли, а отъ этого большое зло въ жизни. Здѣсь вмѣсто взаимно-полезнаго содружества царитъ вездѣ внутреннее обособленіе, нравственное разъединеніе людей (IV, 4). Грубыя насилія и угнетенія сильныхъ и богатыхъ надъ слабыми и бѣдными сдѣлались обычными явленіями въ обществѣ (IV, 1). И даже въ такихъ общественныхъ мѣстахъ, какъ судъ, который долженъ быть примѣромъ общественной нравственности, и тамъ царятъ вопіющія беззаконія. „Видѣлъ я, говоритъ Екклесіастъ, мѣсто суда, а тамъ—беззаконіе; мѣсто правды, а тамъ—неправда“ (III, 16). Огромное зло причиняютъ общественной жизни и распутныя женщины. Развращающее вліяніе женщины такъ велико, что она представляется Екклесіасту горче смерти. Образно рисуя это вліяніе женщины, онъ говоритъ, что она—сѣть и сердце ея—силки, руки ея—оковы (VII, 26). По словамъ Екклесіаста, многое въ общественной жизни подвержено

не закону справедливости, но — чистой случайности. (здѣсь) Не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда, не мудрымъ хлѣбъ, и не у разумныхъ богатство, и не искуснымъ благорасположеніе“ (IX, 11). Глупые и недостойные здѣсь поставляются на большой высотѣ, а достойные сидятъ низко, и намъ кажется, будто все это зло происходитъ по винѣ властелина (X, 6). Въ обществѣ не цѣнятъ даже величайшихъ заслугъ человѣка, такихъ, напримѣръ, какъ спасеніе отечества отъ нашествія враговъ (IX, 13—16). Екклезіастъ приводитъ еще примѣръ одной суеты. Умный, хотя и бѣдный, юноша, вышедшій изъ темницы, занялъ мѣсто прежняго царя, и безчисленное множество гражданъ перешли на его сторону, но послѣдующее поколѣніе отнеслось холодно и недоброжелательно къ нему. Всѣ эти нестроенія въ общественной жизни такъ глубоко подѣйствовали на впечатлительную душу Екклесіаста, что онъ ублажилъ мертвыхъ, которые не имѣютъ возможности видѣть этихъ ужасныхъ нестроеній (IV, 2).

Безпроглядную тьму замѣчаетъ Екклесіастъ и въ *религіозной жизни общества*. Всюду, по причинѣ извращенія нравственныхъ понятій, царитъ педантизмъ и узкій ригоризмъ. Люди обращаютъ вниманіе лишь на внѣшнее, формальное согласіе дѣйствій съ предписаніями закона, а не на внутреннее расположеніе сердца (VII, 16).

Но всего болѣе поражаетъ Екклесіаста тотъ фактъ, что религіозно-нравственное превосходство не доставляетъ человѣку тѣхъ преимуществъ, которыхъ онъ, повидимому, въ правѣ для себя ожидать. И въ религіозно-нравственной области все совершается какъ то, повидимому, превратно и (во всякомъ случаѣ) непонятно для человѣка. Праведникъ гибнетъ въ своей праведности, а нечестивый живетъ долго въ нечестіи своемъ (VII, 15). Безнаказанность беззаконія даетъ нечестивому возможность не страшаться правосудія и укореняться прогрессивно во злѣ (VIII, 11); при всемъ томъ участь одна и для праведныхъ,

и для нечестивыхъ: тѣ и другіе отходятъ въ шеолъ (IX 2—3); въ шеолѣ же всѣ одинаково ничтожны, будучи лишены малѣйшаго проявленія своей жизнедѣятельности (IX, 4—6). И все это, по словамъ Екклезіаста, великое зло.

IV.

Мы видимъ изъ всего сказаннаго выше, какъ много и долго волновалъ Екклесіаста вопросъ о счастьѣ—„ithron“. Но куда бы Екклесіастъ ни направлялъ своихъ исканій, онъ всегда приходитъ къ одному и тому же печальному выводу, что счастья на землѣ въ настоящее время нѣтъ для человѣка, потому что все здѣсь на землѣ непрочно, кратковременно, полно зла и несовершенства, или, какъ выражается самъ Екклесіастъ, „все—суета суеть и томленіе духа“. Такимъ образомъ, *Екклесіастъ приходитъ къ пессимистическому воззрѣнію на настоящую человѣческую жизнь.*

Пессимизмъ Екклесіаста, однако, не есть пессимизмъ абсолютный, пессимизмъ въ философскомъ смыслѣ. *Пессимизмъ Екклесіаста—это пессимизмъ относительный, пессимизмъ практической.* Свои пессимистическія воззрѣнія на настоящую жизнь Екклесіастъ ставитъ въ связь съ исторіей грѣха въ мірѣ.

Екклесіастъ твердо вѣритъ, что Богъ вначалѣ устроилъ все хорошо; Онъ сотворилъ человѣка правымъ, но люди не удержались на должной высотѣ, вышли изъ повиновенія Богу и пустились въ разные помыслы (VII, 29). Какъ видно, Екклесіастъ здѣсь дѣлаетъ намекъ на фактъ грѣхопаденія нашихъ прародителей въ рай, потерявшихъ съ момента грѣхопаденія счастье и возможность къ его достиженію. Доколѣ человѣкъ не палъ грѣхомъ, до тѣхъ поръ онъ зналъ, что этотъ міръ, въ которомъ онъ обитаетъ, созданъ Богомъ, Имъ управляется и отъ Него зависитъ дальнѣйшая судьба міра, и что человѣкъ, какъ часть этого міра, тоже всецѣло зависитъ отъ воли Бо-

жіей. Находясь въ такомъ настроеніи мыслей, человѣкъ немногаго требовалъ для своего счастья; онъ, согласно повелѣнію Божію, хранилъ и воздѣлывалъ рай, и наслаждался отъ своего труда и жизнью съ своей женой (Быт. II, 15—17). Отъ Бога непосредственно онъ получалъ необходимое руководство въ жизни, и это богообщеніе наполняло душу человѣка истинной радостью и блаженствомъ. Въ этомъ состояла райская жизнь (счастье) людей, которая должна была все больше и больше совершенствоваться. Когда же наши прародители согрѣшили, то послѣдствіемъ этого было разстройство ихъ собственной природы и природы, окружающей человѣка. Та и другая, какъ говоритъ въ Новомъ Завѣтѣ Апостоль, подчинилась суетѣ (Римл. VIII, 20). Этотъ-то разстроенный грѣхомъ міръ и царящій въ немъ порядокъ жизни и приводитъ духъ Екклесіаста въ скорбное, пессимистическое состояніе, и онъ патетически восклицаетъ: (все—) суета суетъ и томленіе духа!... Скорбное настроеніе и пессимистическіе выводы, дѣлаемые Екклесіастомъ изъ разсужденія о смыслѣ земной жизни человѣка, вполне естественны и законны для ветхозавѣтнаго мудреца. Не только Екклесіастъ, но всѣ лучшіе люди Вѣтхаго Завѣта стонали подъ тяжестью господствовавшего грѣха. Это сознаніе грѣха, какъ всеобщей причины разрушенія первоначальной гармоніи, и могло подготовить ветхозавѣтнаго Израиля къ принятію въ послѣдствіи христіанства. Екклесіастъ былъ однимъ изъ лучшихъ выразителей этого сознанія. Поэтому пессимизмъ Екклесіаста, какъ выросшій на нравственно-религіозной почвѣ, есть пессимизмъ здоровый и жизненный, ведущій человѣка къ нравственному обновленію. И мы видимъ, что Екклесіастъ не ограничиваетъ своего міровоззрѣнія однимъ лишь признаніемъ суетности настоящаго міра и жизни въ немъ; но, вѣря въ неизмѣнность плановъ Божіихъ, въ правду и цѣлесообразность промысла Божія, указываетъ, что промыслъ Божій въ отношеніи къ людямъ не ограничивается настоящей только

жизнiю, но простирается дальше за предѣлами земного существованiя. Другими словами говоря: Екклезiастъ вѣрить въ безсмертiе души и въ загробное воздаянiе, что и выразилъ онъ словами: „и возвратится прахъ въ землю чѣмъ онъ и былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его“ (XII, 7). Всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ и все тайное, хорошо ли оно, или худо (XII, 14), и воздастъ каждому человѣку Господь по дѣламъ его.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что *Екклезiастъ, не найдя искомаго имъ блага „ithron“ въ земной жизни, въруеть, что таковое люди несомнѣнно получаютъ въ жизни загробной, тѣмъ болѣе, если Самъ Богъ заложилъ въ людяхъ стремленiе къ счастью (III, 11). Въ чемъ это счастье будетъ заключаться, онъ объ этомъ не говоритъ опредѣленно; онъ только говоритъ о томъ, что тамъ за гробомъ не будетъ тѣхъ нестроений и золь, какiя замѣчаются въ настоящей жизни.*

Но если настоящая жизнь человѣка—суета, а благо будущей жизни еще неясно представляется Екклезiасту, то въ такомъ случаѣ, естественно, можетъ возникнуть вопросъ—*зачѣмъ же все-таки существуетъ эта настоящая жизнь; какое она имѣетъ значенiе для человѣка?*

По мнѣнiю Екклезiаста, она имѣетъ подготовительное значенiе для человѣка, именно,—*служитъ средствомъ для жизни будущей.* Чтобы быть вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ для будущей жизни, настоящая жизнь человѣка должна быть строго добродѣтельной. Руководительнымъ началомъ добродѣтельной жизни человѣка долженъ быть *страхъ Божiй*, т. е., постоянное памятованiе человѣка о величii и славѣ Божiей и ничтожествѣ человѣческаго существа. Сознанiе величiя Божiя въ страхѣ Божiемъ укажетъ человѣку дѣйствительное его назначенiе и проложитъ путь къ слѣдованiю, сообразно назначенiю, среди этого мiра суеты. Въ этомъ смыслѣ *страхъ Божiй* и называется въ книгѣ Притчей *началомъ мудрости* (I, 7), а самая добродѣтельная жизнь у Екклезiаста *мудростию*

Екклезіастъ въ разныхъ мѣстахъ книги и указываетъ— въ чемъ добродѣтели или мудрость человѣка должны заключаться; при этомъ онъ часто говоритъ о мудрости чрезъ противопоставленіе ея глупости.

По Екклезіасту мудрый человѣкъ, зная, что все зависитъ отъ воли Божіей, все находится подъ Его премудрымъ и всемогущимъ руководствомъ, истинную цѣль своей жизни и дѣятельности полагаетъ въ Богѣ; онъ всегда помнитъ Создателя, поэтому никогда не предается необузданному веселію или чувственному влеченію. Мудрый заботится о строгомъ порядкѣ жизни. Презирая похотливыя удовольствія, онъ заботится о снисканіи честнаго и добраго имени (VII, 1). Мудрый предпочитаетъ день смерти дню рожденія, и это изъ тѣхъ соображеній, что смерть освобождаетъ насъ отъ тяготы несчастій земной жизни, открываетъ намъ лучшую жизнь и ведетъ къ Богу (VII, 1). Мудрый ходитъ въ домъ плача объ умершемъ, гдѣ живо и невольно напоминаетъ ему конецъ всего земнаго, конецъ и его самого, и онъ побуждается этимъ къ осмотрительному и строгому поведенію (VII, 2). Мудрый предпочитаетъ слушать обличенія отъ мудраго же, которыя могутъ принести ему существенную нравственную пользу, чѣмъ слушать пустыя и безнравственныя пѣсни глупыхъ людей, которыя кромѣ вреда ничего не принесутъ ему (VII, 5). Мудрый никогда не злоупотребляетъ своими обязанностями во вредъ другому, когда получаетъ власть и начальство (VII, 7). Въ дни печали мудрый размышляетъ, зная, что конецъ дѣла лучше начала; мудрый не тяготеетъ неудачами жизни; онъ терпѣливо и безъ гнѣва въ сердцѣ ожидаетъ лучшаго себѣ, но никогда не идеализируетъ прошедшаго (VII, 10). Мудрый не берется неосторожно за рискованныя и опасныя предпріятія, но всегда соразмѣряетъ свои желанія съ собственными силами, не расточая непроизводительно своей энергіи (X, 8—11).

Въ жизни общественной мудраго не смущаютъ разныя видимыя нестроенія и скорбные случаи. Вѣруя въ Бога

и въ Его правду, мудрый примиряется и съ фактомъ видимаго несоотвѣтствія между жизнію человѣка и наградами и наказаніями въ настоящей жизни; онъ убѣжденъ въ цѣлесообразности и справедливости Божественнаго Промысла и въ воспитывающей силѣ страданій. Мудрый въ отношеніи къ своимъ ближнимъ проникается чувствами незлобія, снисходительности и доброжелательства. Зная, что двоимъ лучше, чѣмъ одному, онъ ищетъ нравственнаго единенія, содѣйствуетъ внѣшнему благополучію людей, щедрою рукою раздавая милостыню (XI, 1—6).

Особенное вниманіе мудраго должно быть обращено на дѣла *религіозныя*.—Во время богослуженія мудрый долженъ стараться избѣгать всего того, что можетъ нарушить его благочестивое настроеніе и расположеніе духа. Мудрый всегда долженъ сообразовать свое внѣшнее поведеніе съ внутреннимъ расположеніемъ сердца. Его благочестіе не должно быть механическимъ, чуждымъ благоговѣнія, но полнымъ вѣры и смиренія. Благоговѣя предъ Богомъ, мудрый долженъ быть осмотрительнымъ во время молитвы и при даваніи Богу обѣтовъ: во время молитвы онъ долженъ избѣгать свойственнаго глупымъ многословія, а данные предъ Богомъ обѣты выполнять непремѣнно, чтобы не навлечь на себя справедливый гнѣвъ Божій (IV, 17, V, 1—6). Наградой въ настоящей жизни мудрому бываетъ то, что лицо его ублажается; онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, внутренно чувствуетъ себя успокоеннымъ и т. п.

Добродѣтельная жизнь мудреца не должна, однако, быть сухой, ригористичной. Мудрый долженъ пользоваться всѣми благами, ниспосылаемыми Богомъ человѣку, съ сознаніемъ, что это—даръ Божій. Эту мысль Екклезіастъ повторяетъ нѣсколько разъ; она высказана въ гл. III, 12—13 и 22, VIII, 15; IX, 7—10; XI, 9—10. Замѣчательно при этомъ, что, чѣмъ ближе къ концу своихъ разсужденій приближается Екклесіастъ, тѣмъ больше и восторженнѣе проводитъ эту мысль.—Въ первый разъ онъ говоритъ,

напр., такъ: „позналъ я, что нѣтъ ничего лучшаго для нихъ (т. е., людей), какъ веселиться и дѣлать доброе въ жизни своей“ (III, 12) съ сознаніемъ, что это—доля ихъ въ настоящей жизни (V, 17—19). Въ IX гл., 7—10 ст. Екклезіастъ говоритъ уже восторженнѣе: „поди ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой и въ радости сердца твоего пей вино твое, когда Богъ благоволитъ къ дѣламъ твоимъ. Одежды твои во всякое время да будутъ свѣтлы, и да не оскудѣваетъ елей на главѣ твоей. Наслаждайся жизнью съ женою, которую любишь во всѣ дни... ибо это доля твоя. Все, что можетъ дѣлать рука твоя, дѣлай по силамъ“. Въ девятой главѣ, мы видимъ, Екклезіастъ говоритъ уже о томъ, чтобы и вѣншній видъ человѣка соотвѣтствовалъ его внутреннему настроенію. Въ XI главѣ Екклезіастъ радостное наслажденіе жизнью рекомендуетъ особенно юношескому возрасту, какъ наиболѣе воспримчивому къ земнымъ радостямъ. „Веселись, юноша, въ юности твоей и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ. И удаляй печаль отъ сердца твоего, и уклоняй злое отъ тѣла твоего... И помни Создателя твоего во дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни, и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: „нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ“..., доколѣ не порвалась серебряная цѣпочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшинъ у источника, и не обрушилось колесо надъ колодеземъ“ (XI, 9—10; XII, 1, 6). Естественныя радости жизни, какъ видимъ, должны быть чистыми, невинными и всегда должны соединяться съ чувствомъ страха Божія и умѣряться имъ.

Итакъ, *благочестивая, добродѣтельная жизнь въ соединеніи съ чистыми радостями ея при постоянномъ памятованіи о Богѣ и Его величіи должны наполнять всю нашу настоящую жизнь въ цѣляхъ приготовленія насъ къ жизни вѣчной. Это и выражено, какъ пожеланіе человѣку въ эпилогѣ книги:*

„бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка“ (XII, 13). *Добродѣтели и радости жизни, конечно, не могутъ быть абсолютнымъ благомъ „ithron“, какъ нѣчто конечное, но за то онѣ могутъ быть названы лучшимъ („тоб“) средствомъ для полученія „ithron“ впоследствии, въ жизни загробной.*

V.

Изъ сдѣланнаго анализа книги Екклезіастъ видно, какъ далеки отъ дѣйствительности тѣ изслѣдователи книги, которые утверждаютъ, что Екклесіастъ полонъ разными отрицательными ученіями вродѣ современнаго моднаго нѣмецкаго пессимизма, фатализма, матеріализма и т. п. Если Екклесіастъ и можетъ имѣть какія-нибудь черты сходства съ нѣкоторыми изъ этихъ ученій, то сходство это касается не больше какъ *частностей и—чисто случайнаго характера.*

Начнемъ съ *пессимизма.* Что, напримѣръ, общаго между Екклесіастомъ и современнымъ моднымъ нѣмецкимъ пессимизмомъ по существу. Въ то время, какъ *Екклесіастъ* *вѣритъ, что все существующее имѣетъ своимъ началомъ личнаго Бога, Творца и Промыслителя,* современный нѣмецкій пессимизмъ совершенно *атеистиченъ;* онъ въ основѣ всего бытія полагаетъ какую-то безличную и неразумную сущность (по Шопенгауеру—волю, по Гартману—„безсознательное“), которая проявляется вездѣ и во всемъ—и въ силахъ неодушевленной природы, въ формѣ безсознательныхъ механическихъ движеній, и въ одушевленныхъ сознательныхъ существахъ. *По Екклесіасту жизнь человѣческая есть даръ Божій, которымъ человѣкъ долженъ съ благодарностью наслаждаться; по пессимизму жизнь есть вѣчная и въ высшей степени безмысленная борьба за существованіе находящихся въ мірѣ существъ; безмысленна она потому, что есть произведеніе неразумной сущности. Екклесіастъ учитъ о необходимости добродѣтели въ человеческой жизни, о безсмертіи человѣка и его загробномъ суще-*

ствозаніи. Для современнаго пессимизма этихъ вопросовъ совершенно не существуетъ.

Ошибочно въ Екклесіастѣ предполагають и склонность къ *фаталистическому взгляду* на жизнь. Главное основаніе для обвиненія Екклесіаста въ фатализмъ представители отрицательной критики видятъ въ словахъ Екклесіаста изъ третьей главы книги: „Всему свое время, и время всякой вещи подъ небомъ“... (III, 1—8). Конечно, данное мѣсто книги Екклесіаста, будучи взято отрывочно, на первый разъ можетъ показаться соблазнительнымъ до нѣкоторой степени; но какъ только читатель добросовѣстно познакомится съ содержаніемъ книги Екклесіаста и вникнетъ въ міровоззрѣніе ея автора, то всѣ сомнѣнія относительно достоинства книги оставляютъ его,—конечно, при томъ условіи, если читатель—честный человѣкъ и, дѣйствительно, желаетъ найти истину. Въ самомъ дѣлѣ, Екклесіастъ, какъ мы видѣли,—глубоковѣрующій въ премудрое и всеблагое провидѣніе. „Не во власти человѣка, говоритъ онъ, то благо, чтобы ѣсть и пить, и наслаждаться отъ труда своего. Я дозналъ, что это получается отъ руки Божіей“ (II, 24, III, 13). „Выжидай дѣйствія Божія... Въ счастливые дни наслаждайся счастіемъ, а въ несчастные выжидай: то одно, то другое Богъ дѣлаетъ для того, чтобы человѣкъ ничего не постигалъ за Нимъ“ (VII, 13—14). Взглядъ Екклесіаста на зависимость человѣка отъ міроуправляющей дѣятельности Божіей напоминаетъ намъ притчу Спасителя объ одномъ богачѣ, который самодовольно строилъ обширные планы о своемъ счастливомъ будущемъ, но которому было сказано: „безумный! въ эту ночь душу твою возьмутъ у тебя, кому же останется то, что ты заготовилъ?“ (Лук. XII, 20), а также изреченіе Спасителя въ нагорной бесѣдѣ: „кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? (Мѡ. VI, 27) ¹⁾.

¹⁾ Воскресное Чтеніе. 1872 г. Т. II, стр. 149, изъ ст. Д. Боголѣпова „Земное счастье и мудрость по Екклесіасту“.

Нельзя Екклезіаста заподозрить и въ склонности къ *эпикурейскому образу воззрѣній*. Противъ эпикурейства въ Екклесіастѣ говорить тотъ *религіозно-нравственный духъ*, который глубоко проникаетъ всю книгу. Екклесіастъ не тотъ грубый невѣрующій матеріалистъ, который, напримеръ, изображается въ книгѣ „Премудрости Соломоновой“. Въ этой послѣдней эпикурейская тенденція, разумѣется, не отъ имени самого писателя книги, выражена прямо. „Коротка и прискорбна наша жизнь..., говорится въ кн. Прем. Сол., случайно мы рождены, и послѣ будемъ какъ небывшіе... Жизнь наша—прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти, ибо положена печать, и никто не возвращается. Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностію. Преисполнимся дорогимъ виномъ и благовоніями, и да пройдетъ мимо насъ весенній цвѣтъ жизни; увѣнчаемъ себя розами прежде, нежели онѣ увяли. Никто изъ насъ не лишаѣ себя участія въ нашемъ наслажденіи; вездѣ оставимъ слѣды веселія, ибо это наша доля и нашъ жребіѣй“... (Прем. Сол. II, 1—9). Изъ приведеннаго отрывка кн. Прем. Сол. видно, что въ немъ, дѣйствительно, содержатся такія мысли, которыми характеризуется эпикурейская мораль. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, какъ мы видимъ, изъ мысли о ничтожествѣ настоящаго и неизмѣнности будущаго непосредственно вытекаетъ мысль, что остается только одно—это наслаждаться настоящими благами. Въ Екклесіастѣ ничего подобнаго мы не находимъ. Здѣсь изъ ничтожества и суетности настоящаго вытекаетъ то, что нѣтъ поэтому никакой пользы работающему здѣсь, въ настоящей жизни, въ томъ, что онъ трудится (III, 9). У человѣка есть гораздо высшія и достойнѣйшія блага, чѣмъ блага земныя; поэтому ему лучше оставить излишнія и малозначущія попеченія о благахъ земныхъ и стремиться къ высшимъ неземнымъ благамъ. Конечно, человѣкъ не долженъ пренебрегать и земными благами, потому что и эти послѣднія—даръ Божій, но пользоваться ими должно

такъ, чтобы даръ не отвлекалъ мысли человѣка отъ Самого его Подателя. Поэтому-то Екклезіастъ не просто совѣтуетъ: „веселись, юноша, въ молодости своей“, а еще присовокупляетъ: „но знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ“ (XI, 9). Здѣсь нельзя не видѣть, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей Екклесіаста, въ ученіи ветхозавѣтнаго священнаго мудреца отраженія свѣта новозавѣтной истины... Стоитъ только прочесть нагорную проповѣдь Спасителя, чтобы видѣть тотъ же взглядъ на отношеніе человѣка къ благамъ духовнымъ и тѣлеснымъ. Для примѣра приведемъ слѣдующія слова Спасителя: „не собирайте себѣ сокровища на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкопываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкопываютъ. Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? и—во что одѣться?.. Ищите же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“ (Матѣ. VI, 19—20, 31, 33) 1).

Несправедливо также приписываютъ Екклесіасту *материалистическую тенденцію* во взглядѣ на загробное существованіе. Нѣсколько мрачный и неопредѣленный взглядъ Екклесіаста, высказанный имъ въ I, 11; II, 15—16; III, 18—21 и IX, 1—6, 10, есть общее свойство ветхозавѣтной вѣры; полного и яснаго развитія ученія о загробномъ существованіи человѣка мы вообще напрасно стали бы искать въ священнѣхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Это произошло, отъ того, по мнѣнію Вигуру, что то счастливое будущее, къ которому обращены были желанія, надежды и ожиданія ветхозавѣтнаго человѣка, была не загробная жизнь, а царство обѣтованнаго Мессіи. Еще долженъ былъ притти Искупитель міра и Своею побѣдою надъ адомъ и смертію содѣлать загробную жизнь мѣстомъ блаженства праведныхъ; тогда только вѣра могла свѣтло и съ упованіемъ смотрѣть на загробную жизнь. До тѣхъ же поръ она и

1) Боголѣповъ. Тамъ же стр. 149.

для праведныхъ, и для грѣшниковъ была дѣйствительно безотраднѣмъ шеоломъ. Однако, какъ выше замѣчено было, Екклезіастъ твердо вѣритъ въ безсмертіе, въ будущій судъ и правильное мздовоздаяніе.

Послѣ этого, мы видимъ, какую жалкую попытку дѣлаютъ тѣ, которые стараются ученію Екклезіаста навязать не принадлежащій ему смыслъ.

Необходимо тоже самое сказать о тѣхъ изслѣдователяхъ, которые *отрицаютъ въ Екклесіастѣ наличность всякой идеи*. Анализъ книги со всей очевидностью можетъ убѣдить добросовѣстнаго и серьезнаго изслѣдователя, что *въ Екклесіастѣ чрезъ все содержаніе проведена одна основная идея—это идея суетности всего земного, выраженная въ словахъ ветхозавѣтнаго мудреца: „суета суетъ, все—суета!“* Всѣ другія ученія, содержащіяся въ книгѣ Екклесіастъ, связаны съ этой основной идеей и группируются возлѣ нея.

Наконецъ, что касается обвиненій Екклесіаста въ частомъ *самопротиворѣчии*, то необходимо сказать, что и это обвиненіе не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній; всѣ эти, такъ называемыя, самопротиворѣчія суть только видимыя—не больше, и объясняются они отчасти тѣмъ своеобразнымъ *методомъ* изложенія мыслей Екклесіаста, о которомъ у насъ рѣчь была ранѣе.—Наиболѣе всего оспариваются въ рационалистической литературѣ, какъ совершенно противорѣчивыя, тѣ мѣста изъ Екклесіаста, въ которыхъ ведется рѣчь объ эсхатологическихъ чаяніяхъ ветхозавѣтнаго мудреца. Напримѣръ, III, 17 противопоставляютъ IX, 4—6; III, 20—21 противопоставляютъ XII, 7 и т. д. Какъ примирить эти кажущіяся противорѣчія въ книгѣ Екклесіастъ—видно это изъ объясненія данныхъ мѣстъ, сдѣланнаго нами при анализѣ всего содержанія Екклесіаста.

„Итакъ“, заключимъ словами одного изслѣдователя Екклесіаста, „предъ нами не скучное и непріятное произведеніе, составленное въ мрачномъ настроеніи какимъ нибудь угрюмымъ еврейскимъ философомъ, не кодексъ эпи-

курейской морали, возросшей на почвѣ отрицанія безсмертія души, не безотрадныя вѣщанія ветхозавѣтнаго пессимиста, не черновая тетрадь безсвязныхъ набросковъ досуговой мысли и измѣнчиваго настроенія какого-нибудь еврея, но глубокое религиозно-нравственное произведеніе ума и сердца ветхозавѣтнаго мудреца, въ которомъ изъ-за субъективныхъ воспоминаній и опытовъ автора постепенно выходятъ на поле сознанія читателя глубокопрочувствованныя и пережитыя авторомъ религиозно-философскія истины¹⁾.

Георгій Боршкевичъ.

¹⁾ Свящ. Ѳ. Преображенскій. Къ вопросу о счастьѣ. Стр. 51.

Прим. Авторство книги Екклесіастъ церковное преданіе приписываетъ Соломону, еврейскому царю. Однако, большинство ученыхъ изслѣдователей на Западѣ считаютъ писателемъ этой книги не Соломона, а какого-нибудь еврейскаго мудреца, жившаго послѣ плѣна Вавилонскаго. Изъ русскихъ изслѣдователей этого мнѣнія держится М. Олесницкій въ своемъ трудѣ „Книга Екклесіастъ“. И русскій ученый, и западные въ защиту позднѣйшаго происхожденія Екклесіаста приводятъ основанія, заимствуемыя ими, во первыхъ, изъ особенностей языка кн. Екклесіастъ, который изобилуетъ арамеизмами и тѣмъ самымъ будто даетъ видѣть въ авторѣ послѣ-плѣннаго еврея; во-вторыхъ, изъ нѣкоторыхъ особенностей содержанія книги (историческій элементъ).

Насколько шатко мнѣніе о позднѣйшемъ происхожденіи Екклесіаста, можно видѣть изъ того, что другіе западные и нашъ русскій изслѣдователь еп. Филаретъ въ кн. „О происхожденіи кн. Екклесіаста“ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ доказываютъ принадлежность книги Соломону не менѣе научно.

Объ Екклесіастѣ существуетъ довольно многочисленная литература на Западѣ, особенно у протестантовъ. Изъ трудовъ на русскомъ языкѣ кромѣ указанныхъ заслуживаютъ вниманія: Чтенія объ Екклесіастѣ изъ „Библейской Науки“ еп. Михаила, Руководство къ чтенію и изученію Библии,—Ветхій Завѣтъ. Ф. Вигуру съ весьма цѣнными комментаріями В. Воронцова, т. П. Толковая Библия Лопухина, Частное историко-критич. введеніе въ законоп., историч. и учительн. книги В. З. П. Юнгера и др. Изъ статей заслуживаетъ вниманія ст. проф. Мышцына въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1894 г. Изъ святоотеческихъ толкованій наиболѣе полны—Вл. Иеронима, т. VI (Кіевск. изд. 1880) и Григорія Нисскаго (толк. только I—III, 1—9).

НА АЛТАРЬ ЛЮБВИ.

Разказъ.

I.

— Батюшка, за крещенье-то сколько съ меня возьмешь?

— Сколько полагается: пятьдесятъ копеекъ. Больше не возьму.

— Это вѣрно: пятьдесятъ.

— Ну, и довольно.

Мужичекъ помялся, почесалъ смущенно затылокъ и проговорилъ:

— Сдѣлай милость — возьми пока половину. Четвертака не хватаетъ. Дѣла тепереча у меня трудныя, денегъ достать неоткуда. Сдѣлай такую великую милость. Не откажи.

— А ты не обманываешь меня? Правду говоришь?

И о. Гавріилъ, молодой тридцатилѣтній священникъ, пылливо и зорко посмотрѣлъ на своего прихожанина.

— Вотъ тебѣ Богъ — не вру. Стану-ли въ церкви обманывать? Грѣхъ большой.

— Ну, хорошо: на нѣтъ и суда нѣтъ. Довольно я двадцати пяти копеекъ.

Мужикъ обрадовался. Въ глазахъ сверкнуло довольство.

— Вотъ спасибо тебѣ. Дай тебѣ Господи здоровья. Добрый ты. Понимаешь нашу нужду.

Онъ торопливо развязалъ свой кошелекъ, извлекъ изъ него два серебряника и отдалъ ихъ священнику.

Крещеніе началось.

Псаломщикъ Кузьма Петровичъ молча наблюдалъ эту сцену и остался ей очень недоволенъ.

— Опять поддался!—мрачно подумалъ онъ и пѣлъ вяло и неохотно. На лбу залегли морщины. Въ глазахъ стоялъ тревожный огонекъ. По временамъ онъ какъ-то недружелюбно взглядывалъ на священника. Послѣдній, не замѣчая косыхъ взглядовъ своего сослуживца, старательно вычитывалъ положенныя молитвы, весь отдавшись совершенно таинства.

— Дѣло плохо: разбалуетъ онъ мужиковъ,—продолжалъ думать Кузьма Петровичъ, погруженный въ свои тревожныя думы.

Послѣ окончанія крещенія о. Гавріиль пригласилъ псаломщика на стаканъ чаю.

— Если у васъ, Кузьма Петровичъ, есть свободное время, то милости прошу ко мнѣ. Теперь у насъ долженъ быть и самоваръ на столѣ,—сказалъ о. Гавріиль.

Въ другое время псаломщикъ охотно изъявилъ бы согласіе, но сейчасъ онъ рѣшительно былъ не въ духѣ и отказался.

— Благодарю васъ, батюшка. Что-то мнѣ сегодня нездоровится. Лучше я пойду домой,—уклонился онъ.

— А что съ вами? Не могу ли я быть вамъ полезенъ? У меня есть кое-какія лѣкарства.

— Пустяки. Это все пройдетъ. Не стоитъ и хлопотать. Вотъ пойду и завалюсь на постель. Это хорошее средство.

— Сами знаете. А если что случится—пожалуйста извѣстите. Я радъ помочь вамъ. Псаломщикъ простился и ушелъ изъ церкви. Вернулся онъ домой все въ томъ же подавленномъ настроеніи и мрачно кинулъ шляпу на стулъ. Манеры мужа хорошо были извѣстны его женѣ, худощавой, но стройной Марьѣ Николаевнѣ. Она видѣла, что мужъ чѣмъ-то сильно недоволенъ.

— Что съ тобой?—спросила она, взглядываясь въ лицо мужа.

— Дѣло дряннѣ,—отвѣтилъ только тотъ.

— А что такое?—встревожилась псаломщица.

— Да помилуй: какъ же не волноваться? Совершенно я не могу понять нашего новаго батюшку. Точно онъ себѣ врагъ. Можетъ быть, онъ и хорошій человѣкъ, а только такъ дѣлать не годится.

— Ахъ, да расскажи же мнѣ, наконецъ!

— Я все, Маша, о платѣ за требы. Попросилъ сейчасъ Трофимъ сбавить за крещеніе двадцать пять копеекъ—о. Гавріилъ сразу сбавилъ. Хоронили на дняхъ Спиридона. Потомъ узнаю, что въ кружку ничего не поступило, а только въ церковь заплатили за свѣчи. Да развѣ, Маша, это порядокъ? Чѣмъ же мы жить-то станемъ? Вѣдь ему и горя мало: дѣтей нѣтъ, живутъ вдвоемъ. А мы? Насъ нельзя мѣрять его аршиномъ. У насъ трое дѣтей. Расходъ, значить, не малый. Охъ, распустить онъ мужиковъ! Онъ думаетъ, что они будутъ ему благодарны за это. Какъ-же: дожидайся отъ мужиковъ благодарности. Этого они въ резонъ не примутъ, а нашему карману ущербъ.

— Экое несчастье,—глубоко вздохнула псаломщица:—и я, право, тоже не могу понять нашего батюшку. Какъ же можно доходы упускать?

— Э, еще какъ упускаетъ-то! На половину ухнутъ. Онъ живетъ здѣсь еще только два мѣсяца, а уже доходы уменьшились. Вотъ, чего я боюсь страшно. Теперь великій постъ, время еще мало-доходное. А придетъ Пасха, пойдемъ съ иконами по домамъ, и вдругъ онъ тамъ станетъ поддаваться на просьбу мужиковъ сбавить цѣну? И получимъ мы вмѣсто двухсотъ рублей какіе-нибудь сто. Да и то еще надо говорить слава Богу. Бѣда!—закончилъ онъ, хлопнувъ руками о колѣна.

— Это вѣрно, Кузя. Распуститъ мужиковъ легко, а подтянуть будетъ трудненько.

— Охъ, я и ума не приложу, что тутъ дѣлать

Псаломщикъ сорвался со стула и быстро заходилъ по комнатѣ.

— Ему легко дѣлать такія штуки: для двоихъ немного надо, а каково намъ? Вѣдь я, какъ псаломщикъ, и получаю-то пустяки, а тутъ еще и изъ этихъ-то пустяковъ придется чего-нибудь лишиться. А жить чѣмъ-нибудь надо. Не воздухомъ же питаться.

— Ты поговорилъ бы съ нимъ. Можетъ быть, онъ и послушался бы тебя.

— Куда говорить! — махнулъ псаломщикъ рукой:—это совершенно бесполезно. Я ему осторожно замѣтилъ о Спиридонѣ, что, дескать, вдова могла бы заплатить хотя бы половину. А онъ отвѣтилъ: „надо жалѣть сиротъ и входить въ ихъ тяжелое положеніе. Богъ велитъ жалѣть и любить ихъ“. Ну, что на это скажешь? Вѣрю, надо жалѣть сиротъ, да и себя забывать тоже нельзя. И мы не ангелы. Намъ нужна и пища, и одежда. Ну, вотъ и толкуй.

Жена вздохнула.

— Что же дѣлать-то? Какъ помочь горю?

— Проведемъ, Маша, Пасху, а тамъ виднѣе будетъ, что дѣлать. Но во всякомъ случаѣ, если наши доходы сильно упадутъ, то придется волей-неволей проситься въ какое-нибудь другое мѣсто. Для него ущерба все-таки меньше: онъ получаетъ свою священническую долю, а я вѣдь получаю только четвертую часть. Разница значительная выйдетъ.

— Ахъ, Боже мой, неужели придется уѣхать отсюда?— ужаснулась жена.

— Голодать не захочешь—уѣдешь. А ссориться съ нимъ тоже не дѣло,—мрачно отозвался псаломщикъ.

Супруги замолчали, опечаленные надвигающейся бѣдой.

II.

Пасха совершенно обезкуражила псаломщика. Что онъ предполагалъ, то самое и случилось.

— Экая притча!... Вотъ наказанье!... — твердилъ онъ.

проглядывая свою прошлогоднюю запись.—Прошлый годъ мы выходили двѣсти тридцать семь рублей, а нынѣ сто шестьдесятъ два. Разница, значить, въ семидесяти пяти рубляхъ. Это что-нибудь да значить. А на тотъ годъ прямо сто рублей потеряемъ. Маша,—позваль онъ жену,—иди сюда.

— Чего тебѣ?

— Вотъ полюбуйся-ка: нынѣшняя Пасха дала на семьдесятъ пять рублей меньше, чѣмъ въ прошлый годъ.

— Да ну?—всплеснула та руками.

— Вѣрно слово. Сама смотри. Вотъ и не тужи тутъ. Охъ, распустить онъ приходъ: вотъ помяни мое слово, распустить. Сидоровъ, напримѣръ, платилъ намъ всегда два рубля. А нынѣ онъ рублемъ отдѣлался. Служили же все то-же, что и прошлаго года: и водосвятіе, и запѣвы святымъ. Все честь честью. Я и говорю ему: еще рубликъ бы надо. А онъ въ одно слово: нѣту больше. Ну, что тутъ станешь говорить? Пришлось смолчать.

Жена только ахала и сокрушенно вздыхала. Пробоваль было псаломщикъ осторожно пожаловаться о. Гаврилу на уменьшеніе доходовъ.

— Плохи дѣла, батюшка. Скупаются мужики на расплату за требы. Не вѣрю я имъ.

— Иногда и вѣрить надо, Кузьма Петровичъ,—отвѣчалъ тотъ.—Если они обманываютъ меня, то это ихъ дѣло, съ нихъ Богъ и взыщетъ. Лишь бы наша совѣсть была чиста. Вѣдь не всегда же обмануть. Мы какъ нибудъ проживемъ, а гдѣ бѣдному крестьянину взять лишнюю копейку. Сами посудите. Надо и ихъ пожалѣть. И неужели я со вдовы Дарьи, у которой мы на дняхъ хоронили ребенка, могъ бы взять какіе-то гроши! Да я весь измучился бы, если бы это случилось. Эти деньги жгли бы мою совѣсть, мою душу, мои руки. Ахъ, Кузьма Петровичъ, не судите меня такъ строго. Будемъ вѣрить, что за это состраданіе къ ближнему Господь насъ не оставитъ въ вѣкъ будущемъ. Вы вѣдь вѣрите въ будущую жизнь?

— Вѣрю, но все-таки мы пока люди,—нуждаемся въ деньгахъ.

— Не безпокойтесь, Кузьма Петровичъ, мы не особенно большой потерпимъ ущербъ, если отпоемъ бесплатно бѣднаго или сдѣлаемъ ту или иную скидку.

— Эхъ, какъ онъ легко разсуждаетъ,—съ горечью подумалъ псаломщикъ:—а то и забылъ, что одна нынѣшняя Пасха дала на семьдесятъ пять рублей менѣе, чѣмъ прошлогодняя. Это уже не пустяки.

О. Гавріиль горячо говорилъ о любви къ ближнему, о томъ, что на алтарь этой любви мы должны нести все свои силы, стремленія, знанія, весь свой достатокъ. Псаломщикъ молчалъ, но думалъ:

— Все это вѣрно, съ этимъ я согласенъ, но... у меня трое дѣтей, изъ которыхъ одинъ учится уже въ духовномъ училищѣ. Вотъ, гдѣ моя-то правда. И я тутъ совершенно не виновать...

И онъ горько жаловался женѣ.

— Не понимаетъ меня, Маша, нашъ батюшка, совершенно не понимаетъ. А такъ вести дѣло нельзя. Совсѣмъ упадетъ приходъ, а тогда клади зубы на полку или переѣзжай въ другое мѣсто. Экая оказія стряслась. Словъ нѣтъ: хорошій человекъ о. Гавріиль: и добрый, и отзывчивый, и ласковый, но только, охъ, распустить онъ приходъ... Трудно будетъ поднять его слѣдующему священнику. Да и намъ жизнь будетъ труднѣе. Посмотримъ — что будетъ дальше.

— Неужели же, Кузя, онъ не понимаетъ своей пользы? Мужъ только развелъ руками.

III.

— Была у меня безъ тебя Марья Николаевна и горько на тебя жаловалась,—проговорила матушка, усаживаясь однажды съ мужемъ за чайный столъ.

— На меня?—удивился о. Гавріиль, приподнявъ брови.

— Да, именно на тебя. Но только она просила ничего тебѣ не говорить.

— И ты отлично держишь слово?—улыбнулся священникъ.

— Ну, отчего же не сказать. Дѣло не представляетъ изъ себя какого-нибудь серьезнаго секрета.

— Но, однако, чѣмъ же она мной недовольна?

— Ахъ, все дѣло заключается въ уменьшеніи доходовъ. Она говоритъ, что ты избалуешь окончательно мужиковъ, и они перестанутъ платить за требы.

По губамъ о. Гаврііла промелькнула грустная улыбка.

— Все о томъ же... Да неужели мы, священнослужители, должны драть съ живого и съ мертваго? Неужели мы не обязаны входить въ трудныя матеріальныя условія крестьянина, для котораго дорога буквально каждая копейка? И безъ того о насъ составила нелестная репутація, что мы только и живемъ для того, чтобы выжать изъ мужицкихъ кармановъ лишнюю копейку.

О, меня ужасно гнететъ эта репутація!

Ну, скажи мнѣ, Шура, ради Бога, правъ я или нѣтъ? Долженъ ли я быть снисходительнымъ, или же мнѣ превратиться въ самаго суроваго выколачивателя трудовыхъ денегъ?

— Ахъ, зачѣмъ ты мнѣ и предлагаешь подобный вопросъ? Развѣ я тебя не понимаю?! Пожалуйста дѣлай такъ, какъ подсказываетъ тебѣ твоя совѣсть.

— Вотъ именно совѣсть! У меня сейчасъ на письменномъ столѣ лежитъ метрическая выпись для дочери одного нашего крестьянина Ивана Даниловскаго. Приходитъ онъ и Христомъ Богомъ проситъ деньги подождать до осени, когда соберутъ хлѣбъ и продадутъ его. Ну, и что же я долженъ дѣлать? Не дать выпись—значитъ не быть свадьбѣ. И это изъ-за какихъ нибудь двухъ—трехъ рублей!.. Да что: живодерь я развѣ какой? Татарскій мулла или православный пастырь, служитель Христа? А вѣдь по воззрѣніямъ иныхъ людей я балую мужиковъ, распускаю

возжи, даю имъ потачку. Ахъ, люди!.. Все мы цѣнимъ деньги; безъ нихъ и шагу ступить не можемъ, а забываемъ высшее. Я понимаю вполнѣ негодованіе Марьи Николаевны, но нельзя же на человѣческія отношенія смотрѣть исключительно со стороны рубля. И во всякомъ случаѣ отъ своей программы я не отступалъ и не отступлю.

— Но ты пожалуйста, голубчикъ, не говори Кузьмѣ Петровичу, что я тебѣ передала разговоръ съ его женой.

— Само собой разумѣется. Можешь объ этомъ не беспокоиться. Но все-таки мнѣ обидно, что мой сослуживецъ меня не понимаетъ. Вѣдь онъ, строго говоря, не очень-то много теряетъ. Жалованье остается въ прежней силѣ, сборы тоже; вотъ только въ требохъ я и дѣлаю снисхожденія, когда нужно.

— Марья Николаевна жаловалась, что мужики совершенно откажутся платить за требы.

— Этого я не думаю. Вѣдь не дѣлаю я особой льготы лицамъ состоятельнымъ. Я откликаюсь главнымъ образомъ на просьбы бѣдняка. Но если Кузьма Петровичъ такъ на меня претендуетъ, то я постараюсь какънибудь его удовлетворить.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Еще не знаю, но подумаю. Во всякомъ случаѣ не хочу, чтобы онъ на меня обижался.

Дверь отворилась, и въ столовую вошла кухарка.

— Батюшка, тамъ пришелъ Иванъ Ивановичъ за бумагой.

— Хорошо, я сейчасъ вынесу.

О. Гавріилъ направился въ кабинетъ, взялъ метрическую выписъ и вышелъ въ кухню.

При его появленіи со скамьи поднялся худошавый, невзрачный мужикъ и подошелъ поды благословеніе.

— Вотъ, братецъ, и бумага. Поѣзжайте съ Богомъ и дѣлайте свадьбу.

— Очень благодаренъ тебѣ, батюшка, за труды. Только ужъ сдѣлай милость—за бумагу-то подожди до осени.

Осенью деньги будутъ, тогда и отдамъ. Можетъ, Господь хлѣбушко уродить, стало-быть, и деньги будутъ.

— Не безпокойся, Иванъ Ивановичъ, относительно денегъ: когда будутъ, тогда и отдашь. Вѣрю, что если были бы сейчасъ, то ты не сталъ бы и самъ тянуть этотъ небольшой долгъ.

— Знамо такъ. Ежели были бы, сичасъ бы отдалъ. А тепереча время лѣтнее, каждая копейка дорога. А женихъ не ждетъ, торопитъ со свадьбой. Работница нужна къ страдѣ. И женихъ для насъ хорошій.

— Когда же ѣдете?

— Да дня черезъ два ѣдемъ. Жаль только дочь выдавать на чужую сторону, ну, да что же дѣлать? Не все такъ дѣлается, какъ мы хотимъ. Во всемъ Божья воля.

— Этимъ, братецъ, не смущайся. Была бы любовь, а жить все равно хотя бы и за сто верстъ.

— И это, батюшка, правильно. Ну, благословите меня. Надо итти. Дай тебѣ Господь добраго здоровья. Славный ты до насъ. Не обижаешь, не притѣсняешь. А другому выложь, да дай, хоть воруй. Побольше бы такихъ, какъ ты.

— И дѣлаю лишь то, что долженъ дѣлать всякій. И заслуги съ моей стороны здѣсь ровно нѣтъ никакой. Ну, благослови тебя Господь.

Мужичекъ простился и вышелъ.

— Кузьма Петровичъ говоритъ, что прихожане не поймутъ меня. О, нѣтъ: онъ глубоко ошибается. Сердце человѣческое одно. Оно всегда должно чувствовать услугу и гуманное отношеніе,—проговорилъ о. Гавріиль, вернувшись въ столовую.

— Дай Богъ, чтобы ты былъ правъ. Но, однако, твой стаканъ, кажется, остылъ. Я сейчасъ налью тебѣ другой. Хочешь?

— Налей.

Прерванное чаепитіе продолжалось.

IV.

Въ началѣ іюня псаломщикъ окончательно пришелъ въ ужасъ. Дѣло въ томъ, что крестьяне пригласили причтъ отслужить молебенъ на поляхъ. Прежній священникъ бралъ за это не менѣе десяти рублей. Деньги эти собирались между крестьянами и вручались псаломщику. На этотъ разъ они собрали всего рублей около шести.

— Еще четыре рубля надо,—рѣшительно заявилъ псаломщикъ, пересчитавъ деньги.

— Не могли болѣе собрать, Кузьма Петровичъ.

— А вы соберите. Въ кабакъ стащите послѣдній гривенникъ, а намъ ладно и такъ? Не хорошо.

— Трудно собрать-то. Малуется народъ на недостатки.

— Ну, четыре рублишка какъ-нибудь наскребете.

Выборные депутаты потолковали между собой и отправились къ о. Гавриилу. Выслушавъ ихъ, онъ согласился отслужить молебны и за шесть рублей.

— Ну, это, наконецъ, безобразіе, Маша,—кипятился псаломщикъ, узнавъ о новой уступчивости священника:— здѣсь мы теряемъ рубль, въ другомъ мѣствъ рубль, глядь— вотъ въ концѣ концовъ и насобирается порядочная цифра. Нѣтъ, такъ дѣлать негодится. Я уже тебѣ говорилъ и еще разъ повторяю, что онъ окончательно испортитъ народъ. Надо и намъ чтонибудь дѣлать. Эхъ, хорошо, если бы удалось перевестись въ какой-нибудь другой приходъ. А здѣсь наше дѣло совсѣмъ дрянъ. Жена только охала, вздыхала и негодовала на о. Гавриила.

— Знаешь, Маша, какая мнѣ пришла въ голову мысль?

— Какая?

— Съѣзжу я къ благочинному и поговорю съ нимъ по душѣ. Онъ человекъ славный, добрый; можетъ быть, и дастъ какой-нибудь дѣловый совѣтъ.

— Страшно, Кузя.

— Чего?

— Да вѣдь это выйдетъ какъ-бы жалоба. А вдругъ благочинный все скажетъ о. Гавріилу? Что изъ этого выйдетъ?

— Благочинный не настолько глупъ, чтобы выдать меня и сорить со своимъ священникомъ. Я знаю хорошо нашего благочиннаго, потому и думаю съѣздить къ нему. Къ другому не поѣхалъ бы, а къ нему можно.

— Ну, соображай самъ хорошенько. Только я боюсь, какъ бы не вышло, избави Боже, какойнибудь неприятели. Все въ жизни бываетъ. А вдругъ ссора?

— Ну, до ссоры-то, милая, далеко. Я, сама знаешь, большой врагъ всякой ссоры. Другой на моемъ мѣстѣ давно бы цапался изъ-за доходовъ съ о. Гавріиломъ, а я, какъ видишь, ни разу съ нимъ серьезно и не поспорилъ. Самъ я всѣми мѣрами избѣгаю ссоры и хочу дѣло уладить миромъ. А если не уладится — махнемъ въ другое село. У насъ здѣсь не свой домъ. Собрались и уѣхали.

— Избави отъ этого, Боже. Это только легко сказать, а не сдѣлать.хлопотъ будетъ по горло.

— А все-таки приготовься къ этому.

Кажется, уѣхать рано или поздно, но придется. А съ благочиннымъ надо посоветоваться. Не за сто верстъ ѣхать: всего пятнадцать. И никто не узнаетъ. Махну. Псаломщикъ не любилъ откладывать дѣла и дня черезъ два отправился къ благочинному.

— Развѣ это жалоба?—утѣшалъ онъ себя:—нѣтъ, нѣтъ, не хочу я жаловаться на о. Гавріила, а только и о своей жизни надо подумать. У меня трое дѣтей... Имъ надо пить, ѣсть, одѣться. Да и мы не воздухомъ живемъ.

Часа черезъ два ѣзды онъ подѣхалъ къ обширному благочинническому дому. Здѣсь псаломщикъ вдругъ смутился.

— Ну, а если благочинный сдѣлаетъ мнѣ выговоръ за это донесеніе? Если пожалуется о. Гавріилу? Вотъ была бы бѣда!...

Но дѣлать было нечего: не возвращаться же назадъ.—и онъ съ робостью переступилъ порогъ кухни.

— Дома о. благочинный?—спросилъ онъ у кухарки.

— Дома.

— Нельзя-ли мнѣ его увидѣть? Доложи пожалуйста.

— А какъ о васъ сказать-то?

— Скажи, что его хочетъ видѣть псаломщикъ Бородинъ изъ села Хрулевки.

Псаломщикъ остался въ выжидательной позѣ, а кухарка ушла въ комнату и черезъ минуту же вернулась и заявила:

— Пройдите въ кабинетъ.

Псаломщикъ миновалъ столовую и вошелъ въ обширный кабинетъ, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ низенькій добродушный старичекъ съ бѣлой бородой и небольшими, рѣдкими волосами.

— Мое вамъ глубочайшее почтеніе, о. благочинный.

— Здравствуйте, Кузьма Петровичъ.

Онъ благословилъ псаломщика.

— Садитесь на стуль.

— Ничего, я постою.

— Садитесь. Я не люблю когда передо мной стоятъ.

Пришлось подчиниться.

— Чѣмъ могу служить?

— За совѣтомъ я пріѣхалъ къ вамъ, о. благочинный. Простите ради Бога, что побезпокоилъ васъ. Но обстоятельства вынудили меня на этотъ шагъ.

— Расскажите, въ чемъ дѣло? Я слушаю.

Псаломщикъ запинаясь и смущаясь передалъ всю исторію объ уменьшеніи доходовъ.

— Я не жалуясь вамъ на своего батюшку. Избави меня отъ этого Господи. Но войдите въ мое положеніе: я человѣкъ нуждающійся, на рукахъ трое дѣтей, дорога каждая копейка, именно, каждая. А тутъ уменьшеніе доходовъ. Ну, и мужики избалуются. Другому священнику трудно будетъ съ ними ладить.

— Что же вы хотите отъ меня?

— Я попросилъ бы васъ покорнѣйше, о. благочинный, какъ нибудь поговорить объ этомъ предметѣ съ о. Гаври-

ломъ, не упоминая меня. Вы, конечно, человѣкъ образованный и можете осторожно заговорить.

Благочинный на минуту задумался.

— Къ сожалѣнію, добрыйшій Кузьма Петровичъ, сдѣлать я этого не могу. Какъ я могу приказать о. Гавриилу брать съ нуждающихся крестьянъ деньги? О. Гавриилъ человѣкъ съ чуткой, отзывчивой душой, человѣкъ прекраснаго сердца. И то, что онъ дѣлаетъ— это для всего духовенства составляетъ великую честь. Онъ поступаетъ вполне по-евангельски. И какъ я могу принудить его поступать противъ этихъ евангельскихъ повелѣній? Я вполне понимаю и васъ, но, увы, помочь вамъ ничѣмъ не могу. Мы всѣ должны подражать о. Гавриилу, а не указывать на него пальцами.

— Но что же мнѣ-то дѣлать? У меня дѣти! Мнѣ дорога каждая копейка.

— Одно вамъ могу посоветовать: проситесь въ другой приходъ. Въ этомъ я вамъ охотно помогу. Дамъ прекрасную аттестацію и рекомендательное письмо къ одному члену консисторіи. Съ этими данными вы безъ труда попадете на просимое мѣсто. Это я сдѣлаю. Но говорить съ о. Гаврииломъ о доходахъ—увольте.

Псаломщикъ понялъ, что дальнѣйшая аудіенція окончена. Онъ всталъ.

— Если рѣшите проситься, то заѣзжайте ко мнѣ: я вамъ дамъ немедленно обѣщанныя бумаги,—добавилъ благочинный, благословляя псаломщика.

— Вотъ такъ фунтъ!—пробормоталъ послѣдній, выходя во дворъ:—что же мнѣ теперь дѣлать?

Сбитый съ толку, обезкураженный словами благочиннаго онъ вышелъ во дворъ и вытеръ платкомъ свое потное лицо.

— Кабы зналъ—и не поѣхалъ бы... Вродѣ теперь шпиона вышелъ. Ну, хотя то хорошо, что обѣщаетъ помочь въ переводѣ. Эхъ, жизнь ты ваша!.. И не знаешь, откуда вѣтеръ подуетъ.

Онъ сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ къ своему пріятелю псаломщику, чтобы дать отдыхъ и себѣ, и лошади.

V.

Стояла середина іюня. Лѣто выдалось хорошее и сухое. Перепадали дожди, и сѣнокосъ обѣщалъ быть удачнымъ. Крестьяне радовались, какъ вымахала трава и застыла неподвижная въ ожиданіи косы.

— Далъ бы Богъ погодку, къ Петрову дню уберемся съ сѣнокосомъ,—говорили крестьяне, оттачивая свои косы.

У о. Гавріила былъ хорошій кусокъ земли у самой рѣчки, верстахъ въ двухъ отъ села. Трава росла здѣсь всегда прекрасная, а въ нынѣшній годъ и недавно. Эти три десятины считались лучшими во всемъ районѣ.

О. Гавріиль любилъ ходить сюда и въ свободное время цѣлыми часами сидѣлъ у рѣчки въ тѣни ивъ, съ книгой въ рукахъ. Часто онъ съ женой и псаломщикомъ пріѣзжали сюда и съ самоваромъ.

Незадолго до сѣнокоса о. Гавріиль пригласилъ съ собою псаломщика, и они отправились на поля посмотреть травы. На „козлахъ“ плетенки сидѣлъ преклонный дѣдъ и оживленно толковалъ о сѣнокосѣ и хорошихъ травахъ.

— И погодка нынѣ стоитъ хорошая. Вотъ будутъ рады мужики, ежели да по такой погодкѣ управиться бы сѣнокосомъ! Благодаренье Богу надо бы только сказать.

— Будемъ надѣяться на милость Господню,—отозвался о. Гавріиль, окидывая взоромъ веселня, зеленѣющія поля.

Псаломщикъ въ этотъ годъ, какъ никогда, желалъ удачнаго сѣнокоса. Онъ съ женой рѣшилъ приглядѣть хорошее мѣсто и перепроситься, а доходъ отъ продажи сѣна употребить на переѣздъ.

Утро было превосходное. Дышалось замѣчательно легко и свободно. Нельзя было не радоваться при видѣ радости природы. Лошадь довольно фыркала и хватала по бокамъ растущую траву.

— Ну, ну, успеешь,—любовно обращался къ ней дѣдъ. Вотъ и поле, покрытое изумрудной зеленью. Среди нея выглядывали скромненькіе цвѣточки. Бѣлѣла ромашка. У опушки лѣса синѣли колокольчики.

— Экая благодать!—проговорилъ о. Гавріиль, вдыхая полной грудью свѣжей полевой воздухъ.

— Именно благодать,—подтвердилъ псаломщикъ, направляясь всѣмъ корпусомъ.

— Ты, дѣдушка, побудь пока здѣсь, дай лошади травы, а мы немного пойдемъ впередъ съ Кузьмой Петровичемъ.

— Ладно, батюшка, идите. Полюбуйтесь на траву-то. Золото у тебя, а не трава.

О. Гавріиль двинулся по травѣ. Псаломщикъ зашагалъ слѣдомъ за нимъ.

— И славный же у васъ кусокъ земли, батюшка: просто роскошь! Ни у кого изъ мужиковъ нѣтъ такого чуднаго сѣнокоса.

— Вы думаете?

— О, увѣренъ. Вы взгляните на траву. Гдѣ, у кого есть такая? Тутъ нѣсколько стоговъ сѣна съ десятины поставите.

— Правда?

— Сущяя правда.

— А что можетъ дать этотъ кусокъ земли?

— Сѣномъ?

— Ну, хотя бы и сѣномъ.

Псаломщикъ на секунду задумался.

— Думаю, что рублей сто дастъ. А нынѣ и болѣе.

— Значить, это, по вашему мнѣнію, лакомый кусокъ?

— Еще бы...

Въ глазахъ священника промелькнулъ загадочный огонекъ. На лицѣ была видна какая-то рѣшимость. Онъ осмотрѣлъ внимательно поле и круто обернулся къ своему сослуживцу.

— А вы, Кузьма Петровичъ, довольны были бы, если бы этотъ кусокъ земли оказался въ вашемъ распоряженіи?

— Я?..

Псаломщикъ даже опѣшилъ отъ такого вопроса.

— Еще бы не быть довольнымъ!..

— Слушайте же меня, Кузьма Петровичъ. Вы, я знаю, очень на меня претендуете за то, что я иногда не достаточно настойчиво прошу у крестьянъ денегъ за требы. Вы мнѣ жаловались на уменьшеніе доходовъ. И васъ вполнѣ понимаю. И мой долгъ удовлетворить васъ. Это я сейчасъ и сдѣлаю. Берите и пользуйтесь этимъ кускомъ земли, пока я здѣсь. Поняли?

Псаломщикъ даже отшатнулся. Онъ не вѣрилъ ушамъ.

— Что такое? Вы мнѣ отдаете эту землю?!—вскричалъ онъ, сильно пораженный словами священника.

— Ну, да: отдаю. Это будетъ пополненіемъ вашего ущерба въ доходахъ. Надѣюсь—вашъ минусъ покроется. Не правда-ли?—кончилъ онъ съ улыбкой.

Псаломщикъ растерянно провелъ рукой по волосамъ.

— Но... но... Боже мой... Да это лучший вашъ кусокъ... Что вы дѣлаете?..

— Пусть и лучший, однако, я отдаю его вамъ. Это мое безповоротное рѣшеніе.

— Батюшка!—захлебываясь отъ наплыва чувствъ вскричалъ снова псаломщикъ:—батюшка, да откуда у васъ такое великодушіе! О, Господи. Да какъ же я могу осмѣлиться принять этотъ даръ отъ васъ?

На его глазахъ блеснули слезы. Онъ дрожащей рукой вытащилъ платокъ изъ кармана.

— Во имя вашихъ дѣтей примите и не смущайтесь. И пожалуйста меня не благодарите и не восхваляйте. Поняли?

— Ахъ, батюшка, да кто бы сдѣлалъ такъ, какъ вы? Кто? Изъ милліона одинъ!.. Великое вамъ спасибо. Пусть самъ Христосъ васъ за меня отблагодаритъ, а мнѣ нечѣмъ. О, Господи...

Онъ глоталъ слезы и готовъ былъ разрыдаться отъ волненія. Великодушный поступокъ священника потрясъ его до глубины души.

Черезъ минуту они повернули обратно.

— Скоро вы...—проговорилъ съ удивленіемъ дѣдъ, возясь съ лошадыю:—поѣдете сичасъ?

— Ёдемъ, дѣдъ, ёдемъ!—весело отозвался о. Гавріиль, первымъ сядясь на тарантасъ.

И. Поповъ-Пермскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О СТАРЦАХЪ.

Живя въ міру и занимаясь торговлей, я досуги своего времени отдавалъ иногда чтенію духовно-нравственныхъ книгъ. Между послѣдними мнѣ приходилось встрѣчать жизнеописанія отечественныхъ нашихъ подвижниковъ: епископа Теофана, затворника Вышенскаго, старцевъ Оптинской пустыни—Леонида, Амвросія и другихъ. Ихъ труды и подвиги для меня казались новыми и необыкновенными, а наставленія—неудобоисполнимыми, если не сказать болѣе. Но что особенно меня смущало—это ихъ прозорливость, предвѣдѣніе мыслей, сокровенныхъ въ тайникахъ сердца; мнѣ казались тѣ предсказанія, о которыхъ такъ много говорится въ ихъ біографіяхъ, совершенно невѣроятными. „Ну, какъ можно, думалъ я, не видѣвши человѣка и не узнавши его прошлаго, предвѣщать ему то или другое?“ Недугуя подобнымъ сомнѣніемъ, я все же имѣлъ желаніе повидать и, если будетъ можно, познакомиться съ кѣмъ либо изъ благочестиво живущихъ, такъ называемыхъ „старцевъ“, позаимствовать у нихъ уроки христіанской жизни, для укрѣпленія своей вѣры, твердостью которой я не могъ похвалиться. Какъ сынъ своего вѣка, я хотя по временамъ и услаждался мыслию, что имѣю твердую вѣру въ Бога и исполняю Его святой законъ, но лишь стоило подуть на меня вѣтру лжеученія и соблазновъ и пролиться дождемъ многообразныхъ житейскихъ скорбей и заботъ, и моя духовная хранина, какъ основанная на пескѣ самомнѣнія, принимала самый жалкій и печальный видъ...

Въ такую пору я особенно горѣлъ желаніемъ найти благочестиваго наставника, выложить, такъ сказать, предъ нимъ всю свою душу, испросить его молитвъ, совѣта и благословенія на дальнѣйшую жизнь. Въ моей памяти вставали тогда величавые образы, полные неземного обаянія и красоты—епископъ Теофанъ, старецъ іеросхимонахъ Амвросій, изъ коихъ первый—письменно, другой—письменно и устно разливали благодатный свѣтъ утѣшенія, ободренія, укрѣпленія по всему лицу земли Русской, а верѣдко и за предѣлами ея. Счастливое, думалъ я, благословенное время! Было къ кому обратиться, было предъ кѣмъ пожаловаться на свою немощь, выплакать свое горе! А нынѣ?.. И тутъ начиналась у меня мысленная брань; какой то невѣдомый голосъ начиналъ нашептывать мнѣ: „нынѣ уже нѣтъ такихъ святыхъ людей, какіе были прежде. Нынѣ нельзя спастись и, главное, опасно выдѣляться изъ своего круга. Живи, какъ живется,—какъ люди живутъ... Что же касается о. Іоанна Кронштадтскаго (тогда сей досточтимый пастыръ еще былъ живъ, и слава о немъ разносилась повсюду), то онъ, нашептывалъ мнѣ тайный голосъ, таковымъ кажется лишь издалека. Такъ въ жгучей пустынной степи утомленному путнику видится ручей, но по мѣрѣ приближенія—исчезаетъ... „Марево!“ въ отчаяніи кричитъ усталый путешественникъ и, понуря голову, идетъ дальше“...

Мысли, какъ видитъ читатель, мало отрадныя, и носиться съ такой двойственностью въ душѣ мнѣ было очень трудно. И Богъ вѣсть, скоро ли бы я отъ нихъ освободился, если-бы здѣсь не помогли мнѣ „старцы“.

Лѣтомъ прошлаго года я случайно узналъ, что въ Москву прибылъ съ Аѳонской горы іеросхимонахъ Аристоклій и остановился на Пантелеймонскомъ подворьѣ, что на Полянкѣ. О добродѣтельной жизни этого старца-подвижника я слышалъ и прежде немало. И вотъ, во что бы то ни стало, я рѣшилъ побывать у него и посоветоваться съ нимъ относительно дальнѣйшей моей жизни. Задумано—

сдѣлано. Ёду на Полянку, нахожу каменный двухъэтажный домъ Аѳонскаго подворья. Спрашиваю дворника: какъ пройти къ батюшкѣ. Получаю указаніе и иду. Въ коридорахъ подворья виденъ народъ; съ 2-го этажа доносится умиленное пѣніе мужскихъ и женскихъ голосовъ: это поютъ акаѳистъ. Мѣсто богослуженія—большая комната, уставленная иконами, съ возженными предъ ними свѣчами и лампадами. Богомольцевъ было около ста человекъ, преимущественно—женщины. Судя по выраженію ихъ лицъ, видно, что всѣ—души скорбныя, униженныя и обиженныя. Слышатся частыя всхлипыванія, сопровождаемыя горькими слезами. Самъ о. Аристоклій, полный благоговѣнія, стоитъ предъ образомъ великомученика Пантелеимона и читаетъ акаѳистъ, а весь народъ, въ тѣсномъ единеніи духа, повторяетъ: „радуйся, великомучениче и цѣлителю Пантелеимоне!“ Эта общая молитва произвела на меня самое благотворное впечатлѣніе. Вотъ гдѣ, думалось мнѣ, можно научиться вѣрить и терпѣть! Не такъ ли въ первые вѣка христіанства вѣрующіе люди, во главѣ своихъ духовныхъ пастырей—епископовъ и пресвитеровъ, собирались въ катакомбы и уединенныя мѣста, чтобы вдали отъ суеты и шума городского возносить свои молитвы къ своему Создателю? Не жажда ли святой молитвы привлекла сюда и этотъ народъ и побуждаетъ такъ тѣсно сближаться съ своимъ старцемъ? Вѣдь и наше культурное время не совсѣмъ чуждо язычества. Здѣсь, вотъ, молятся и плачутъ, а тамъ, за этими стѣнами, видна жизнь древняго Рима,—тамъ тѣ же раздаются крики: хлѣба и зрѣлищъ!.. Разница не въ большомъ: при началѣ христіанства язычество находилось въ полномъ своемъ нравственномъ разложеніи, но оно было общепризнаннымъ, народнымъ, государственнымъ, теперь же сами христіане живутъ недостойно своего званія, позабывая, какимъ благомъ они одарены при св. Крещеніи. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не назвать современное намъ общество язычествующимъ, когда въ большинствѣ своемъ вмѣсто храмовъ

Божіихъ устремляется оно бурнымъ потокомъ въ мѣста грѣшныхъ увеселеній и суетныхъ забавъ? „Сыны родихъ и возвысихъ, глаголетъ Господь, — тиі же отвергошася Мене!“ Да, грустно за современное общество и больно за его будущее...

Но вотъ окончился молебенъ, стали всѣ прикладываться къ кресту. Я зорко всматриваюсь въ лицо старца. О. Аристокліи средняго роста и довольно крѣпкаго тѣлосложенія, хотя ему около 70-и лѣтъ, лицо исхудалое, одухотворенное, волосы на головѣ русые и длинная съ просѣдью борода. Сѣрые пронизательные глаза его смотрѣли пылливо, но и ласково. Однимъ словомъ—смотря на него, припоминалось мудрое изреченіе: въ здоровомъ тѣлѣ и здоровая душа.

Къ о. Аристоклію, какъ я узналъ послѣ, приходятъ многіе больные за исцѣленіемъ и страждущіе отъ духовъ нечистыхъ, проявленіе силы которыхъ замѣтно было и во время молебна. Такъ одна женщина съ вращающимися безумными глазами кричала: „Ты все здѣсь, противный черноризецъ? Ты все еще не ушелъ?“ И при этомъ ее какъ то страшно ломало, и она, упавши на полъ, извивалась, какъ змѣя. И только съ большимъ трудомъ могли удерживать ее. При словахъ чтеннаго евангелія: „Именемъ Моимъ бѣсы ижденуть“... женщина кричала: не пойдёмъ, не пойдёмъ!.. Послѣ я видѣлъ эту женщину уже здоровою и спокойною. На мой вопросъ: что ее понуждаетъ кричать и биться, отвѣчала: „ничего не знаю и не помню“. Да это и понятно: вѣдь она была только слабымъ орудіемъ обуювшей ее темной силы, то есть—бѣсовъ, которые, по Божьему попущенію, обладаютъ человѣкомъ для его же блага,—да духъ его спасется.

Когда по окончаніи молебна всѣ стали прикладываться къ кресту, старецъ помазывалъ чело каждаго елеемъ изъ лампы и давалъ пить изъ своихъ рукъ освященную воду.

По уходѣ о. Аристоклія въ другую комнату, келейникъ

его принесъ корзину „аѳонской травы“ и предлагалъ ее всѣмъ присутствующимъ, говоря, что эта трава помогаетъ отъ многихъ болѣзней, особенно — отъ простуды, когда она заваривается и пьется, какъ чай. При этомъ келейникъ сказалъ, что старецъ больше сюда, по усталости, не выйдетъ;—что ему нужно читать правило и, по приглашенію, ѣхать въ другіе дома.

Народъ началъ расходиться. Но я рѣшилъ, во что бы то ни стало, вновь увидать старца и попросить его благословенія и совѣта.

Часа черезъ два начался пріемъ. Меня старецъ принялъ ласково и, къ моему удивленію, указывалъ изъ моего прошлаго такія событія, какія только были вѣдомы одному Сердцевѣдцу, да мнѣ. Относительно душевнаго спасенія онъ совѣтовалъ мнѣ хранить душевную и тѣлесную чистоту. Только при этомъ условіи, говоритъ онъ, вселяется въ сердце человѣка Духъ Святыи и научаетъ его на всякую истину. Когда же я сталъ высказывать старцу свои сомнѣнія въ Промыслъ Божій, онъ отвѣтилъ: „молитесь надо. Молись, хотя бы врагъ и не переставалъ нашептывать тебѣ, что нѣтъ Бога. Одинъ подвижникъ, обуреваемый подобнымъ искушеніемъ, въ отчаяніи воскликнулъ: да гдѣ Ты, Господи? Тогда Господь явился ему и сказалъ: „Я—всегда съ тобою“. Царство небесное внутри насъ, и кто его хранитъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, у того всегда на сердцѣ радостная пасха“.

Съ этими словами о. Аристокліи благословилъ меня иконою Божіей Матери Скоропослушницы и далъ „аѳонской травы“ и флакончикъ масла. Испросивъ благословенія и молитвъ старца, я вышелъ отъ него полный благихъ чувствъ и порывовъ; мнѣ было такъ легко и радостно—спокойно, какъ бы онъ вдохнулъ въ меня новую жизнь, какою я дотолѣ никогда не жилъ.

Чтобы полнѣе сохранить такимъ свое душевное состояніе, я пошелъ въ Богоявленскій монастырь слушать все-нощную. И дѣйствительно, большой свѣтлый храмъ мо-

настырскій, прекрасное пѣніе монаховъ и множество молящихся людей произвели на меня самое чарующее впечатлѣніе. Особенно я тронуть былъ изображеніемъ Спасителя на горнемъ мѣстѣ. Иисусъ Христосъ, распятый на крестѣ, какъ живой, любовно звалъ къ себѣ въ Свои объятія всѣхъ униженныхъ и обиженныхъ, скорбящихъ и обремененныхъ.

На другой день послѣ ранней обѣдни тамъ же я случайно встрѣтился съ знакомымъ мнѣ мастеромъ отъ Липгарта, который пригласилъ меня къ себѣ на квартиру. Между прочимъ онъ повѣдалъ мнѣ, какъ онъ, когда-то горькій пьяница, сдѣлался, по молитвамъ о Варнавы ¹⁾, трезвенникомъ.

„Я, говорилъ мой собесѣдникъ, давно и отъ многихъ людей слыхалъ о прозорливости и святой жизни скитскаго старца о. Варнавы, и что онъ своими наставленіями и молитвами помогаетъ, подобнымъ мнѣ, несчастливцамъ. Дай, думаю, схожу и я. Ужъ очень мнѣ моя жизнь-то надоѣла и наскучила. Нынѣ пьянъ, завтра съ похмѣлья и всегда съ больной головой, притомъ же—хозяинъ дѣлаетъ строгіе выговоры. Просто хотъ въ воду бросайся... И вотъ, избравъ удобное время, пошелъ къ Сергію-Троицѣ. Помолвившись угоднику Божью и поклонившись прочей святынѣ, прихожу, наконецъ, и къ о. Варнавѣ.

— Батюшка! говорю,—исповѣдуйте меня. А онъ, добрый и кроткій старецъ, посмотрѣлъ на меня своими прозорливыми очами и говоритъ: „приготовься, сынокъ, прежде къ исповѣди и потомъ, такъ мѣсяца чрезъ три, приходи“. Горько было мнѣ выслушивать его слова. Вотъ, думаю, другихъ принимаетъ, а меня, едва пришедшаго въ чувство, отговяетъ. Или я ужъ такой грѣшникъ, что... Но въ эту самую минуту, какъ на картинѣ, я увидѣлъ всю свою жизнь развратную, такъ что мнѣ стыдно стало самого себя. Эхъ, думаю, до какого паденія дошелъ!

¹⁾ Иеромонахъ Варнава, духовникъ Геесіаманскаго скита и пещеръ, извѣстный своею подвижническою жизнію и духовною опытностію.

Воротясь домой, я сталъ уже подальше сторониться отъ моихъ прежнихъ друзей пріятелей, во избѣжаніе соблазна; сталъ, по возможности, посѣщать церковныя богослуженія; особенно я любилъ, да и нынѣ люблю, ходить къ службамъ въ Богоявленскій монастырь, когда владыка Трифонъ служитъ.

И Богъ помогъ мнѣ; къ виду меня уже не тянуло, а безъ него и жизнь пошла краше. Черезъ три мѣсяца я снова ходилъ къ о. Варнавѣ. Онъ меня узналъ, принялъ и исповѣдовалъ и далъ совѣтъ, какъ поступать мнѣ въ дальнѣйшей жизни.

Съ той поры Милосердный Господь совершенно избавилъ меня отъ пьянственного недуга и измѣнилъ мою прежнюю разгульную жизнь на трезвую.

Кромѣ благодатнаго случая, испытаннаго на себѣ по молитвамъ о. Варнавы, я знаю и еще два случая его прозорливости, сказалъ мнѣ товарищъ.

— Продолжай, говорю, друже, продолжай: что ты пережилъ, переиспыталъ, все это нынѣ я самъ переживаю. Слѣдовательно, слушать рассказы буду со вниманіемъ.

— Однажды пришлось мнѣ быть въ пещерахъ въ день празднованія Черниговской Божьей Матери. Со мною были двѣ знакомыхъ дѣвушки, которыя, нужно тебѣ сказать, относились къ о. Варнавѣ и его благотворной дѣятельности на пользу страждущаго люда весьма неодобрительно. Онѣ никакъ не могли понять, зачѣмъ и для чего въ такомъ множествѣ собирается народъ къ старцу; вѣдь онѣ только попусту болтаютъ, заключили мои юныя спутницы.

Когда я пришелъ къ старцу за благословеніемъ, то, къ своему удивленію, увидѣлъ въ сѣняхъ его кельи и этихъ двухъ дѣвушекъ. Ну, думаю, любопытствовать пришли что ли.

Но вотъ дверь кельи отворяется, и выходитъ самъ о. Варнава. Всѣ находящіеся здѣсь поспѣшили подойти подѣ благословеніе къ нему. Подходятъ и мои знакомыя: но увы! имъ батюшку обмануть не пришлось. Благословивъ

присутствующихъ и сказавъ каждому слово назиданія, онъ затѣмъ обратился и къ дѣвушкамъ: „а вы какъ болтали, такъ и впредь болтайте“... И пошелъ дальше; не въ мѣру развязныя барышни принуждены были вынести всю горечь заслуженнаго ими отвѣта.

Послѣ этого я былъ за молебномъ въ нижнемъ храмѣ, гдѣ находится чудотворная икона Божьей Матери; тамъ былъ и о. Варнава. Подходить къ нему одна хроменькая дѣвушка и просить благословенія. Старецъ благословивъ ее, говоритъ находящемуся тутъ послушнику: напои чаемъ землячку. Тотъ въ недоумѣніи отвѣчаетъ, что не знаетъ ея и только въ первый разъ здѣсь и видитъ. Но изъ дальнѣйшихъ разспросовъ дѣвушки узнали, что дѣйствительно она изъ одного села съ послушникомъ.

Вотъ каковъ есть батюшка о. Варнава. Даи ему Боже много лѣтъ священствовать! закончилъ свою бесѣду мой добрый знакомецъ.

Восторженные рассказы товарища еще болѣе укрѣпили во мнѣ вѣру и дали смыслъ моей жизни. Значить, говорилъ я, еще не совсѣмъ погрязло человѣчество во злѣ: есть еще добрые люди, носители благочестія и даровъ Святаго Духа. Быть можетъ, ради 10-и таковыхъ праведниковъ Господь обѣщаль сохранить и тѣхъ людей, памятникомъ грѣшной жизни которыхъ служить нынѣ мертвое море...

Позднюю обѣдню я стоялъ опять въ Богоявленскомъ монастырѣ. Служилъ епископъ Трифонъ,—въ числѣ служащихъ былъ и о. Аристоклій. Владыка священнодѣйствуетъ чинно и благоговѣнно; не даромъ онъ считается ученикомъ старцевъ Амвросія Оптинскаго ¹⁾ и Варнавы

¹⁾ Преосвященный Трифонъ, по окончаніи свѣтскаго образованія, нѣсколько лѣтъ состоялъ инокомъ Оптинной пустыни еще при жизни приснопамятнаго старца Амвросія, откуда и поступилъ въ московскую духовную академію, по окончаніи курса въ которой былъ ректоромъ Вианской духовной семинаріи и затѣмъ сталъ епископомъ.

скитскаго. Его искренняя сердечная молитва невольно передается и всѣмъ присутствующимъ во храмѣ. А пѣніе? Что за чудное пѣніе въ этомъ Божоявленскомъ монастырѣ! Кажется, цѣлый бы день здѣсь молился и не подумалъ объ усталости.

Послѣ обѣдни преосвященный говорилъ проповѣдь о благоразумномъ разбойникѣ, представляя его примѣромъ покаянія всѣмъ вѣрующимъ.

Нынѣ нѣкоторые интеллигенты, такъ приблизительно говорилъ Владыка, утверждаютъ, что успѣемъ покаяться: Господь милосердъ, Онъ и разбойника простилъ, слѣдовательно и мы успѣемъ передъ смертію покаяться. Но кто заключилъ условіе съ смертію? Мы, духовные, знаемъ, что люди, отдавшіеся порокамъ и страстямъ, нерѣдко иссыхаютъ сердцемъ, смерть приходитъ къ нимъ неожиданно—негаданно и застаеъ ихъ часто неготовыми къ смерти, а послѣ смерти—судъ, судъ рѣшающій участь человѣка на цѣлую вѣчность. Поэтому, братья, всегда будемъ готовиться къ смерти и встрѣчать ее какъ желанную гостью, дабы, когда придетъ она, мы вмѣстѣ съ разбойникомъ могли сказать: „Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ“.

Но есть и такіе люди, которые въ порывахъ своей гордости или, лучше сказать, безумія, говорятъ: нѣтъ Бога! и существованіе міра приписываютъ слѣпымъ законамъ бездушнѣй природы. Таковыя люди найдутъ себѣ справедливый укоръ въ покаявшемся разбойникѣ. Въ самомъ дѣлѣ: вотъ Господь, оставленный даже своими апостолами, виситъ на крестѣ, голова Его увѣнчана терновымъ вѣнцомъ, кровь ручьями льется изъ прободенныхъ язвъ, видъ Его умаленъ паче всѣхъ человѣкъ, слышатся кругомъ насмѣшки, ругательства и хуленія, но вѣра покаявшагося разбойника къ Христу такъ велика, что онъ исповѣдуеъ Его Богомъ, Царемъ неба и земли; онъ не усомнился обратиться къ Нему съ молитвеннымъ воплемъ: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ. И посмотрите, какъ богато.

вознаграждена эта вѣра: нынѣ же со Мною будеши въ раю, отвѣтилъ ему Богъ.

Вспомнимъ тоже сотника, стоявшаго у креста: онъ также не соблазнился уничиженнымъ видомъ Распятаго, но при видѣ колеблющейся земли и помрачившагося солнца, какъ бы сострадавшихъ своему Создателю,—проникнутый глубокой вѣрою, сказалъ: воистину Онъ—Сынъ Божій.

По воскресеніи Своемъ Господь являлся ученикамъ Своимъ, вкушалъ съ ними пищу, а одному изъ нихъ позволилъ даже осязать Свои ручныя язвы отъ гвоздей, хотя, повидимому, и не безъ упрека въ сомнѣніи, когда говорилъ: не буди, Фома, невѣренъ, но вѣренъ; блаженъ невидѣвшій и вѣровавшій... Что же Фома? Онъ, какъ и прочіе ученики, исповѣдуетъ Христа своимъ Господомъ и Богомъ.

Всѣ эти евангельскіе факты выше всякаго подозрѣнія, и сомнѣваться въ нихъ явное противленіе истинѣ, хула на Духа Святаго, которая не прощается ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

И такъ, братья и сестры, не будемъ допускать въ свое сердце даже малѣйшаго сомнѣнія относительно бытія Божія и ученія Православной Церкви: эти сомнѣнія—мысли врага нашего спасенія. И всякій разъ, какъ почувствуемъ его гибельные къ намъ приступы, приникнемъ къ подножію креста и съ сознаніемъ своей немощи скажемъ, подобно благоразумному разбойнику: „помяни насъ, Господи, во царствіи Твоемъ“.

Произнося эту проповѣдь, владыка, казалось мнѣ, всецѣло былъ проникнутъ той истиной, которую проповѣдывалъ. Да и вообще истовое богослуженіе епископа Трифона и подвѣдомственнаго ему братства привлекаетъ массу богомольцевъ изъ всѣхъ классовъ московскаго общества.

Нынѣ многіе говорятъ о мертвенности нашего церковнаго богослуженія, Мертвенно оно у мертвыхъ священнослужителей, но кто отдается ему своею душою, отправляетъ

какъ дѣло Божіе, у того оно является наилучшею школою въ дѣлѣ воспитанія чувства идеально-прекраснаго. Напоминать ли мѣткое слово почившаго архіепископа Херсонскаго Никанора, что наше богослуженіе въ его обрядовой сторонѣ замѣняетъ для насъ благороднѣйшій театръ, при томъ возвышающій не только умъ и сердце къ Богу, но и дающій полное удовлетвореніе чувству красоты? А другой учитель церкви сказалъ: прекраснѣе нашей литургіи мы что-нибудь увидимъ только на небѣ.

И всѣ эти сокровища—въ нашей православной Церкви можно почерпать и использовать бесплатно, туне. Но увы! Наши интеллигенты предпочитаютъ вмѣсто храма—театръ, вмѣсто богослуженія—заморскія гудѣнія и разные плясавицъ ножные выкрутасы...

Уѣзжая изъ Москвы, я, послѣ всего видѣннаго и слышаннаго, покидалъ ее не безъ сожалѣнія; мнѣ было жаль разставаться и съ старцемъ Аристокліемъ, и съ епископомъ Трифономъ, которые своими словами и дѣяніями произвели въ душѣ моей благотворную и спасительную перемену.

Да будетъ слава Богу, наставляющему грѣшника на путь добра и покаянія!

Теперь скажу еще нѣчто о старцѣ Варнавѣ, котораго я имѣлъ счастье знать и пользоваться мудрыми его совѣтами.

Этотъ худощавый, небольшого роста, священноинокъ, умершій для „міра“ и посвятившій жизнь свою на службу Богу и ближнимъ, долго не изгладится изъ моей памяти. Это былъ одинъ изъ тѣхъ праведниковъ, ради которыхъ обѣщаль Господь хранить грѣшный міръ.

Всегда окруженный многолюдной толпою, предъявлявшей къ нему свои духовныя многообразныя требованія и запросы, о. Варнава былъ для всѣхъ таковыхъ и руководителемъ, и наставникомъ, и совѣтникомъ, и учителемъ. Можно съ увѣренностію сказать, что его убогая келья была свидѣтельницею такихъ потрясающихъ драмъ и событій, какія мы видимъ лишь въ житіяхъ великихъ подвижниковъ: его келья была, какъ бы, купелью возрожде-

нія къ новой благодатной жизни многихъ, о, какъ многихъ!

Со старцемъ я познакомился незадолго до его смерти,— во время Русско-Китайской войны, когда я былъ на дѣйствительной службѣ и, слѣдовательно, ждалъ, что не нынѣ—завтра позовутъ меня въ дѣйствующую армію. Въ виду этого важнаго событія я счелъ священнымъ долгомъ побывать у старца Варнавы,—попросить его благословенія, совѣта и молитвъ. Старца я засталъ на крыльцѣ своей кельи, гдѣ онъ обычно въ лѣтнюю пору принималъ своихъ посѣтителей и одѣлялъ ихъ крестиками и душеполезными листочками. Чтобы побесѣдовать со старцемъ подолѣе, я сталъ дожидаться, когда онъ отпуститъ весь народъ. Но каково же было мое удивленіе, когда о. Варнава, обратившись въ мою сторону, громко сказалъ: „военный! Иди сюда“. Всѣ, конечно, оглядываются, желая узнать, кого батюшка зоветъ. Но такъ какъ военныхъ никого, кромѣ меня, тамъ не было, то я спѣшно выступилъ изъ толпы и подошелъ къ нему. И прежде, чѣмъ я началъ говорить, о. Варнава сказалъ мнѣ: „не безпокойся: эта война скоро кончится, и ты туда не поѣдешь“. Предсказаніе о. Варнавы насколько было для меня неожиданно,— настолько и справедливо, и истинно.

Въ другое время я встрѣтилъ старца въ храмѣ за вечернимъ богослуженіемъ. Я подошелъ къ нему подь благословеніе, но онъ какъ бы намѣренно отвернулся отъ меня и быстро пошелъ въ Скитъ. Прискорбно мнѣ было уѣзжать домой безъ его благословенія. Недолго думая, я побѣжалъ вслѣдъ за нимъ и снова сталъ просить его благословенія. О. Варнава въ это время былъ уже около кельи своего духовника—старца Исидора, который въ свое время тоже пользовался любовью и уваженіемъ многихъ;— благословивъ меня, онъ, по данной ему благодати, началъ говорить мнѣ о томъ, что было сдѣлано мною въ Москвѣ и чему свидѣтелемъ была только моя совѣсть. Эта прозорливость старца съ новой силой убѣдила меня, что о. Варнава есть воистину служитель Божій, сосудъ Свя-

таго Духа. Затѣмъ старецъ снова благословилъ меня и, наконецъ, приказалъ мнѣ вытащить двѣ рѣдъки изъ грядь о. Исидора, что я охотно и исполнилъ, видя въ этомъ для себя залогъ прощенія и благословенія.

О. Варнава скончался 17-го Февраля 1906 года, оставивъ по себѣ, какъ и всѣ великіе люди, самыя лучшія воспоминанія. Есть много благодатныхъ случаевъ, которые показываютъ, что о. Варнава не забываетъ своихъ духовныхъ чадъ и по смерти.

Такъ одна женщина долго не каялась въ извѣстныхъ ей грѣхахъ. Старецъ является ей во снѣ и говоритъ: „если не покаешься въ такихъ-то грѣхахъ, то не войдешь въ царство небесное“. И это, конечно, не единственный случай: ими заполнена большая часть его жизнеописанія.

Не богаты мои „воспоминанія о старцахъ“, но, вспоминая о нихъ, я хотѣлъ возобновить въ своей памяти лишь то, какъ они своими молитвами и наставленіями укрѣпили во мнѣ пошатнувшуюся вѣру въ Промыслъ Божій и облегчили переходъ изъ міра суетнаго въ тихую блаженную обитель иночествующихъ. А главное—при воспоминаніи о такихъ старцахъ-подвижникахъ, невольно проникаешься мыслию, что мы, при всей своей грѣховности и современной политической неурядицѣ, еще не забыты Господомъ Богомъ, что и нынѣ въ нашемъ отечествѣ, говоря словами извѣстнаго поэта (А. В. Круглова),

То тамъ, то здѣсь свѣтильники Христовы
Являются среди царящей тьмы;
Ихъ рѣчи пламенны, ихъ подвиги суровы,
Сердца восторженны, возвышенны умы.
Ихъ тихія обители—твердыни,
Вѣнчанныя крестомъ...

Пусть дерзко человекъ
Разрушить силится великія святыни...
Ихъ не сломить во вѣкъ.

Монастырскій служба.

ВЕЛИКОЕ ОСКУДѢНІЕ.

Вотъ, Господь отниметь у Иерусалима храбраго вождя и воина, судію и пророка, и прозорливца и старца. Ис. 3, 1.
„Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истинны отъ сыновъ чловѣческихъ“. Пс. 11, 2.

Рядъ нашихъ старцевъ все рѣдѣеть;

Ихъ рѣжетъ смертная коса...

Душа болитъ, уста нѣмѣютъ,

Слезой туманятся глаза,

Когда не видишь средь живыхъ

Отцовъ подвижниковъ святыхъ.

Вотъ нѣтъ уже отца Варнавы;

Почилъ святитель Ѳеофанъ,

Всѣхъ подвизающихся слава;

Покинулъ Русскую державу

И добрый пастырь Іоаннъ,

Къ кому въ Кронштадтъ, во дни печали,

Толпы народа притекали.

Скончались: батюшка Амвросій,

Хвала обителей святыхъ,

Отцы—Іона и Іосифъ,

Вожди насъ слабыхъ и слѣпыхъ...

Теперь,—увы!—ихъ нѣтъ межъ нами.

Свершивъ суровый подвигъ свой,

Политый потомъ и слезами,—

Они теперь въ странѣ иной—

И пѣснь, со ангелы ликуя,

Поютъ предъ Богомъ: аллилуія...

А мы?.. какъ мы безсильны, сыры
 Въ водоворотѣ этомъ міра!
 Гдѣ нынѣ намъ искать совѣта?
 Просить опоры и молитвъ?
 Жизнь такъ темна... не видно свѣта...
 И всюду поле вражьихъ битвъ...

Продли жъ намъ милости, о, Боже!
 Мы слабы, немощны... И нѣтъ,
 Кто насъ воздвигнулъ бы отъ ложа
 Безпечной жизни многихъ лѣтъ.
 Пошли къ намъ вновь Своихъ пророковъ,
 И ревности святой Ты дай имъ мечъ,
 (Любви не видитъ наше око)
 Чтобы изъ бездны зла, пороковъ
 Они могли хоть страхомъ насъ извлечь 1).

Геродиаконъ Еввоимій.

Геесиманскій Скитъ.

1912 г.

1) Блаженно-почившіе старцы-подвижники, о которыхъ говорится въ настоящемъ стихотвореніи, надѣемся, такъ или иначе извѣстны русскимъ людямъ. Вѣдь это—яркіе свѣточы и богатыри духа, въ своей совокупности около полсотни лѣтъ освѣщали наше плаваніе по бурному житейскому морю, направляя насъ къ тихому приставищу блаженнаго покоя... Слѣдовательно—забывать ихъ нельзя. Такъ они дороги и близки вашему сердцу!

Но, чувствуя всю горечь духовнаго сиротства и тяжесть „великаго оскудѣнія“ старчества, будемъ вѣрять, возлюбленные, будемъ надѣяться, что наши о.о. наставники, отходя отъ насъ тѣломъ, не покинутъ насъ духомъ; только бы мы сами любовно относились къ ихъ памяти и руководствовались въ своей жизни ихъ благими совѣтами и мудрыми наставленіями.

Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь годъ и день кончины cadaго изъ нихъ:

О. Варнава, духовникъ Пещеръ Геесимава. Скита † 17 фѣвраля 1906 г., еп. Теофанъ, затворникъ Вышенскій † 6 января 1894 г., прот. Іоаннъ Крошгадтскій † 20 декабря 1909 г., о. Іона, архимандритъ Троицкаго въ Кіевѣ м-ря † 9 января 1902 г., іеросхимонахи Оптиной пустыни о.о. Амвросій и Іосифъ; первый скончался 10 октября 1891 г., второй— 9 мая 1911 года.

І. Е.

Вѣнокъ на дорогую могилу.

Душисть и свѣжъ мой маленькій вѣнокъ;
Не изъ мудреныхъ онъ сплетенъ цвѣтовъ:
Онъ дорогъ тѣмъ, что каждый въ немъ цвѣтокъ
Значеніемъ понятенъ мнѣ безъ словъ.

Одинъ цвѣтокъ покорность выражаетъ,
Другой—внутри слезинку затаилъ;
А тамъ одинъ собой напоминаетъ
О томъ, что позабыть пока еще нѣтъ силъ!

Всѣ прочіе рядъ пестрый представляютъ
Дней радости, промчавшихся стрѣлой,
И лепестки ихъ такъ же опадаютъ,
Какъ дни летятъ счастливою порою...

Но есть въ моемъ вѣнкѣ и назиданье:
Онъ ясно говоритъ: нѣтъ въ мірѣ ничего,
Въ чемъ радость не смѣшалась бы съ страданьемъ,
И что на вѣки было бъ намъ дано.

А есть цвѣты, которые не вянутъ,
И радости, которыхъ не отнять
У тѣхъ, кого они удѣломъ станутъ:
Но ихъ дано не каждому понять,

Но только тѣмъ, кто съ болію сердечной
Боролся съ зломъ и страсти побѣдилъ,
И ради жизни съ Богомъ безконечной
Себя на трудъ для Бога посвятилъ.

Кто позабылъ для неба все земное,
Кто пересталъ плотскою жизнью жить,
Кто потерялъ все въ мірѣ дороге
Иль отдалъ самъ, чтобъ Бога лишь любить.

Авторъ: „Молитва Сурофиникиянки“,
„Дать трапезы“, „Божие похъ ценіе“ и
проч.

Сонъ и смерть.

Когда нашъ юный братъ неожиданно угасаетъ,
Естественно скорбѣть... несправедно роптать:
Онъ можетъ поскорѣй иную жизнь начать—
Тотъ во-время встаетъ, кто рано засыпаетъ...
Покинувъ ветхій день, чтобъ въ новомъ встрепенуться,
Братъ во-время заснулъ, чтобъ во-время проснуться...

В. Недзвецкій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ предыдущей книжкѣ журнала, въ стихотвореніи г. Недзвецкаго: „*Первая суббота*“, неправильно напечатаны послѣднія двѣ строки. Ихъ должно читать такъ:

Кого не веселитъ роскошная *весна*: ¹⁾

Для нихъ воскресный день—для нищихъ и *убогихъ*. ²⁾

1) Напечатано: *природа*.

2) Напечатано: *калькъ*.

Въ составъ журнала входятъ:

- 1) Труды относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи вѣроучительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.
- 3) „Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и вѣтбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе значимыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Феофана-Затворника** Иеросхимонаха о **Амвросіи** Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій по святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣсти и рассказы.
- 17) Церковная жизнь за границей.
- 18) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1912 году въ *Душеполезномъ Читаніи* нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответственными рисунками.

Въ 1912 году всѣ подписчики получаютъ два бесплатныхъ приложенія:

МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОДА.

(ІЮЛЬ—ДЕКАБРЬ).

Житія, размышленія, темы для проповѣдей, современность и проч.

Сочиненіе Священника Н. Орлова.

ИСТОРИЯ ІЕЗУИТОВЪ. СОЧИНЕНІЕ ГЕТТЕ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святейшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Читаніе*—одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. За границу—**ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Протоіерей **Іоаннъ Соловьевъ**.
Издательница **Ольга Касицына**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран

I. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧІИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І.	1—6
II. ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ И ПРЕВЛАГОСЛОВЕННЫЯ БОГО- РОДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРИИ. Душеспасительныя бесѣды. Василія Епископа Можайскаго	7—28
III. ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О СМОЛЕНСКОЙ ИКОНѢ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИ, ШЕСТВОВАВШЕЙ ВЪ РЯДАХЪ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАШУ ВОЙНУ 1812 г. Протоіерея П. Левашева	29—39
IV. СТАРЕЦЪ ѲЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ. А. С.	40—57
V. РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ „О ПОДРАЖАНІИ ХРИ- СТУ“ ѲОМЫ КЕМПИЙСКАГО. Книга третья. О внутрен- немъ утѣшеніи. Прот. Александра Смирноуло, Настоя- теля церкви при Императорской Миссіи въ Брюсселѣ	58—65
VI. СОВРЕМЕННОЕ БОГОВОРСТВО И ЦѢЛИТЕЛЬНАЯ СИЛА ХРИСТИАНСТВА. Протоіерея Сергія Четверикова	66—87
VII. РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛ- ЛИГЕНЦІИ. Д-ра В. К. Недзвецкаго	88—104
VIII. О СМЫСЛѢ И ЦѢННОСТИ ЖИЗНИ ПО КНИГѢ ЕККЛЕ- ЗИАСТЪ. Григорія Борышкевича	105—128
IX. НА АЛТАРЬ ЛЮБВИ. Разсказъ. Н. Попова-Чермскаго	129—145
X. ВОСПОМИНАНІЯ О СТАРЦАХЪ. Монастырскаго служки	146—158
XI. ВЕЛИКОЕ ОСКУДѢНІЕ. (Стихотвореніе). Іерод. Евфимія	159—160
XII. ВЪНОКЪ НА ДОРОГУЮ МОГИЛУ. (Стихотвореніе). Ав- тора: „Молитва Сурофиникіянки“, „Двѣ трапезы“, „Бо- жіе посѣщеніе“ и проч.	161—161
XIII. СОНЪ И СМЕРТЬ. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго	162—162

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозво-
ляется. Москва. Сентября 20 дня 1912 г.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ*.